

СТИВЕН КИНГ

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a person in a dark coat and hat, seen from behind, standing on a set of stone steps. The person is looking into a large, arched doorway of a building that appears to be in a state of decay or destruction. Bright, intense flames are visible on either side of the doorway, reaching up towards the arch. The architecture is Gothic or similar, with intricate carvings and pointed arches. The overall mood is mysterious and ominous.

Жребий Салема

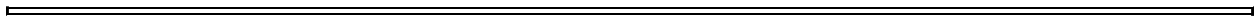
Annotation

Все началось с того, что в провинциальном американском городке стали пропадать люди – поодиночке и целыми семьями. Их не могли найти ни родственники, ни даже полиция. А когда надежда, казалось, исчезла навсегда, пропавшие вернулись, и городок содрогнулся от ужаса...

Впервые без сокращений!

- [Стивен Кинг](#)
 -
 -
 - [От автора](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

Стивен Кинг

Жребий Салема

Stephen King
SALEM'S LOT

© Stephen King, 1975

© Перевод. В. В. Антонов, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

*Посвящается Наоми Рэйчел Кинг
«...выполняя обещание»*

От автора

Никто не пишет объемный роман в одиночку, и я хотел бы начать с благодарности тем людям, которые помогли мне создать это произведение. Особую признательность мне хотелось бы выразить Г. Эверетту Маккатчону из Хэмпденской академии за его практические советы и поддержку; доктору Джону Пирсону из Олд-Тауна, штат Мэн, – судебно-медицинскому эксперту округа Пенобскот и замечательному врачу общей практики – самой лучшей медицинской специальности; отцу Ренальду Холли из католической церкви Святого Иоанна в Бангоре, штат Мэн. И, конечно, моей жене – за твердость и решительность при высказывании критических замечаний.

Несмотря на то что города, окружающие Салемс-Лот, действительно существуют, он сам является исключительно плодом воображения автора, и любое сходство населяющих его персонажей с реальными людьми будет случайным и непреднамеренным.

Стивен Кинг

Пролог

*Мой старый друг, чего ты ищешь?
Ты возвратился из чужих краев,
Где образы далеких дней минувших
Хранил ты в сердце бережно и верно
В скитаньях многолетних по чужбине.*

Георгос Сеферис

1

Многие принимали мужчину и мальчика за отца с сыном.

Они проехали через всю страну на стареньком «ситроене», стараясь держаться окольных путей, ведущих на юго-запад, и делая вынужденные остановки. В трех местах, где высокий мужчина с темными волосами устраивался на работу, они задержались надолго. В Род-Айленде он трудился на ткацкой фабрике. В Янгстауне, штат Огайо, три месяца проработал на конвейере по сборке тракторов, а в маленьком калифорнийском городке на границе с Мексикой – на бензоколонке и в автомастерской по ремонту иностранных автомобилей, где удалось заработать даже больше, чем он рассчитывал.

Везде, где они останавливались, мужчина покупал портлендскую газету «Пресс геральд» и искал там заметки о маленьком городке Джерусалемс-Лот или его окрестностях на юге штата Мэн. Иногда такие заметки попадались.

Еще до приезда в Сентрал-Фоллс, штат Род-Айленд, мужчина составил план-проспект романа и отправил почтой своему литературному агенту. Давным-давно, еще до того как его жизнь окутала черная мгла, он был довольно успешным писателем. Агент переслал план-проспект его последнему издателю, который проявил вежливый интерес, однако желания выплатить аванс не выказал. Мужчина разорвал письмо агента с этими неутешительными новостями, пояснив мальчику, что «спасибо-пожалуйста» на хлеб не намажешь.

Он произнес это без всякой горечи, и за книгу все равно сел.

Мальчик говорил мало. Его лицо сохраняло какое-то загнанное выражение, а сумрачный взгляд, казалось, был неизменно обращен внутрь. В закусных и на заправках, где они останавливались, мальчик держался подчеркнуто вежливо. Он старался не выпускать мужчину из виду и, казалось, начинал нервничать, даже если тот отлучался в туалет. Он отказывался говорить о городке Джерусалемс-Лот, хотя мужчина время от времени и поднимал эту тему, и не читал портлендских газет, которые тот специально оставлял на виду.

Книга была закончена, когда они жили в пляжном домике в стороне от шоссе. Они много купались, и воды Тихого океана были теплее и ласковее Атлантики. К тому же они не навевали никаких воспоминаний. Мальчик сильно загорел.

И хотя они жили вполне прилично, хорошо питались и имели крышу над головой, мужчина явно начинал испытывать дискомфорт от такого образа жизни. Он сам занимался обучением мальчика, который ни в чем не отставал от своих сверстников, посещавших школу (мальчик все схватывал на лету и любил читать, как и сам мужчина в его возрасте), но мужчине казалось, что намеренное вычеркивание Салемс-Лота из жизни приносило мальчику больше вреда, чем пользы. Тот по-прежнему кричал во сне и сбрасывал на пол одеяло.

Из Нью-Йорка пришло письмо от агента, в котором сообщалось, что издательство «Рэндом хаус» готово выплатить двенадцать тысяч долларов аванса и гарантировало продажи романа через «клубы книголюбов».

Было ли это хорошо?

Да, было.

Мужчина бросил работу на бензоколонке, и они с мальчиком пересекли границу.

Маленький поселок рядом с океаном назывался Лос-Сапатос, что на испанском означает «башмаки» (мужчину это название чрезвычайно забавляло). Туристы редко посещали это селение из-за отсутствия хорошей дороги, каких-либо достопримечательностей, да и вид на океан не особо впечатлял (не то что через пять миль дальше на запад). К тому же единственный бар кишел тараканами, а своим телом торговала только одна пятидесятилетняя женщина, уже имевшая внуков.

За пределами Штатов оба ощутили почти неземной покой. Над

головами редко слышался шум самолетов, никаких тебе скоростных шоссе, и на сотни миль кругом ни единой газонокосилки (или никто не отваживался ее приобрести). У них имелся радиоприемник, правда, толку от него было мало: все новостные выпуски велись на испанском, который мальчик уже начинал понимать, но для мужчины этот язык оставался – очевидно, так будет до конца жизни – сплошной тарабарщиной. Все музыкальные передачи были похожи на оперу, но вечерами иногда удавалось поймать станцию с поп-музыкой из Монтерея, где голос неистового Вольфмана Джека то и дело пропадал из-за плохого сигнала. Единственным источником шума двигателя мог быть только допотопный культиватор одного местного фермера. При подходящем ветре его доносившийся порывами неровный захлебывающийся рокот напоминал завывания потревоженного привидения. Воду они набирали из колодца вручную.

Два или три раза в месяц (не всегда вместе) они посещали мессу в маленькой городской церквушке. Хотя смысл происходящих во время обряда действий оставался для них загадкой, они все равно продолжали ходить. Однажды в воскресенье мальчик пришел на хлипкую заднюю веранду, где мужчина начал работу над романом, и нерешительно сообщил, что обратился к священнику с просьбой принять его в церковную общину. Мужчина кивнул и поинтересовался, достаточно ли он владеет испанским, чтобы понимать наставления. Мальчик заверил, что такой проблемы не будет.

Раз в неделю мужчина ездил в город за сорок миль, чтобы достать портлендскую газету, которая всегда оказывалась недельной давности, иногда с желтыми разводами – это говорило о том, что упаковку опять описала собака. Через две недели после того, как мальчик сообщил о своем намерении, мужчина нашел в газете большую статью о Салемс-Лоте и вермонтском городке Момсен. В статье упоминалось имя мужчины.

Он оставил статью на видном месте, не особенно надеясь, что мальчик ее прочитает. Статья встревожила его по целому ряду причин. Судя по всему, события в Салемс-Лоте имели продолжение.

На следующий день к мужчине подошел мальчик с газетой в руке, сложенной так, что был виден заголовок: «Город-призрак в Мэне?».

– Мне страшно, – сказал мальчик.

– Мне тоже, – отозвался высокий мужчина.

ГОРОД-ПРИЗРАК В МЭНЕ?

Джон Льюис,

обозреватель «Пресс геральд»

Небольшой городок Джерусалемс-Лот расположен восточнее Камберленда, в двадцати милях к северу от Портленда. Он не первый и, надо полагать, не последний в истории страны город, брошенный жителями и обреченный на забвение, однако, без сомнения, относится к разряду самых необычных. Города-призраки довольно часто встречаются на юго-западе Америки: там вокруг золотых и серебряных приисков практически мгновенно возникали поселки, а когда жилы истощались, поселения также быстро уходили в небытие, оставляя обезлюдевшие магазины, гостиницы и салуны гнить в пустынной тишине.

В Новой Англии единственным аналогом загадочно опустевшего Джерусалемс-Лота – или Салемс-Лота, как его часто называют местные жители, – является маленький городок Момсен в штате Вермонт. Летом 1923 года он неожиданно опустел, лишившись всех своих 312 жителей. Дома и магазинчики в центре города по-прежнему стоят на своих местах, но за пятьдесят два года с того памятного лета их так никто и не облюбовал. Кое-откуда вывезли мебель, но в большинстве домов все осталось на своих местах, как будто среди бела дня их жители были унесены каким-то чудовищным ураганом. В одном доме по-прежнему накрыт к ужину стол, на котором стоит ваза с давно засохшими цветами. В другом – все еще аккуратно разобраны постели для сна. В магазинчике на прилавке лежит полусгнивший отрез ткани, а в кассовом аппарате торчит чек на один доллар двадцать два цента. В ящике кассы полицейские обнаружили нетронутыми почти пятьдесят долларов.

Люди в округе любят развлекать туристов рассказами о привидениях, которыми населен город. Но на самом деле Момсен мог опустеть потому, что находится в глухом уголке штата и удален от основных дорог. В нем нет ничего, что выделяло бы его из сотен других похожих городков, если не принимать во внимание загадочное исчезновение жителей, похожее на тайну «Марии Целесты»^[1].

То же самое можно сказать и про Джерусалемс-Лот.

Согласно данным 1970 года в городе проживало 1319 человек, что означало увеличение населения на 67 человек по сравнению с результатами предыдущей переписи, проведенной десятью годами раньше. В этом уютном провинциальном городке никогда не происходило ничего знаменательного. Старики, собиравшиеся посудачить в парке или в

закусочной на рынке, чаще всего вспоминали, как в 51-м из-за неосторожно брошенной спички случился чуть ли не самый опустошительный в истории штата лесной пожар.

Если, выйдя на пенсию, вы хотите провести остаток жизни в маленьком провинциальном городке, где никто не будет лезть в душу, а самым большим событием является конкурс домохозяек на лучшую выпечку, то Салемс-Лот отлично для этого подходит. Перепись 1970 года показала типичную демографическую ситуацию, столь хорошо известную как социологам, так и старожилам маленьких городков штата Мэн: много стариков, много бедных и много молодежи, которая уезжает, прихватив дипломы, чтобы никогда больше не вернуться обратно.

Однако чуть больше года назад в Джерусалемс-Лоте начало происходить нечто странное. Население стало таять на глазах, хотя, конечно, большинство жителей вовсе не исчезли в буквальном смысле слова.

Бывший констебль города Паркинс Гиллеспи живет у сестры в Киттери. Владелец автозаправки напротив аптеки Чарлз Джеймс сейчас держит ремонтную мастерскую в соседнем Камберленде. Паулин Диккенс переехала в Лос-Анджелес, а Рода Кэрлесс трудится в миссии Святого Матфея в Портленде. Этот список можно продолжать и дальше.

Вместе с тем единодушное нежелание – или неспособность – бывших жителей Салемс-Лота говорить о том, что там произошло, представляется крайне загадочным и интригующим. Так, отвечая на прямой вопрос, Паркинс Гиллеспи взглянул на журналиста, закурил сигарету и сказал: «Я просто решил уехать». Чарлз Джеймс объяснил, что покинул Салемс-Лот из-за пришедшего в упадок бизнеса. Паулин Диккенс, долгие годы проработавшая официанткой в кафе «Экселлент», так и не ответила на запрос редакции, а мисс Кэрлесс вообще отказывается говорить о Салемс-Лоте.

Некоторые исчезновения вполне поддаются разумному объяснению. Так, местный агент по торговле недвижимостью Лоренс Крокетт исчез вместе с женой и дочерью, оставив после себя немало сомнительных сделок, включая, в частности, продажу участка, на котором сейчас возводится портлендский торговый центр. Ройс Макдугалл с женой, тоже исчезнувшие в неизвестном направлении, потеряли в начале года своего новорожденного сына, так что их в городе ничто не держало и сейчас они могут быть где угодно. Подобных примеров можно перечислить немало. Начальник полиции штата Питер Макфи так описал ситуацию: «Мы объявили в розыск множество жителей Джерусалемс-Лота, но этот город

отнюдь не единственный в штате Мэн, где исчезают люди. Ройс Макдугалл, к примеру, остался должен банку и двум финансовым компаниям... Думаю, что он обычный мошенник, набравший кредитов и сбежавший от долгов. Не в этом году, так в следующем, но он непременно попытается расплатиться одной из таких кредиток, и тогда мы его обязательно накроем. В Америке пропавшие без вести – такая же обычная вещь, как и вишневый пирог. Мы живем на колесах. Люди ищут, где лучше, и снимаются с мест каждые два-три года. И нередко забывают оставить свой новый адрес. Особенно бездельники».

И все же, хотя в словах капитана Макфи определенно есть здравый смысл, вопросов, связанных с исчезновением людей в Джерусалемс-Лоте, остается немало. Исчез Генри Питри вместе с женой и сыном, а мистера Питри, занимавшего руководящий пост в страховой компании «Пруденшиал», вряд ли можно отнести к бездельникам. В пугающе длинном списке пропавших без вести числятся и владелец похоронного бюро, и библиотекарь, и косметолог.

В соседних городках уже ходят нехорошие слухи, что в Салемс-Лоте нечисто. Иногда поступают сообщения о разноцветных огнях над высоковольтными линиями в черте города, и если высказать предположение, что жителей уносят НЛО, никто смеяться не станет. Поговаривают, что в Салемс-Лоте орудовала секта сатанистов, которая устраивала там черные мессы, чем, возможно, и навлекла на город, носящий имя самого святого места Палестины, гнев Господа. Те, кто не склонен искать причины случившегося в сверхъестественном, вспоминают, как три года назад в Хьюстоне, штат Техас, исчезли несколько молодых людей, а потом их тела были обнаружены в жутких общих могилах.

После посещения Салемс-Лота подобные догадки уже не кажутся столь дикими. Универсальный магазин Спенсера, продержавшийся дольше других, закрылся в январе. Заколочены досками окна и двери магазинов аграрных принадлежностей Кроссена, скобяных товаров, мебельного – Барлоу и Стрейкера, кафе «Экселлент» и даже здания городского совета. Пустуют новое здание начальной школы и построенная в 1967 году средняя школа, рассчитанная на учащихся трех городов. Школьную мебель и книги вывезли в Камберленд, где временно организовали занятия, пока на референдуме местных жителей не решится вопрос о местонахождении новой школы. Однако вряд ли в новом учебном году там появятся дети из Салемс-Лота. Детей в городе нет, а есть только брошенные дома, пустые магазины, заросшие лужайки газонов и безлюдные улицы.

Полиция пытается разыскать или хоть что-то узнать о судьбе

следующих жителей Салемс-Лота: пастора методистской церкви Джона Гроггинса; приходского священника церкви Святого Андрея отца Дональда Каллахэна; вдовы Мейбл Уэртс, принимавшей активное участие в церковной и общественной жизни города; супругов Лестера и Гэрриетт Дэрхэм, работавших на ткацкой фабрике; хозяйки пансиона Евы Миллер...

4

Через два месяца после выхода статьи мальчика приняли в церковную общину. Он исповедался и рассказал все без утайки.

5

Священник был седым стариком с иссушенным солнцем морщинистым лицом, на котором светились удивительно живые голубые глаза, выдававшие ирландскую кровь. Когда в его доме появился мужчина, священник сидел на веранде и пил чай. Рядом с ним стоял человек, одетый по-городскому. Его волосы были намазаны бриллиантином и аккуратно расчесаны на прямой пробор, делая его похожим на ожившую фотографию конца девятнадцатого века.

– Меня зовут Хесус де ла рэй Муньос, – сухо представился он. – Отец Грасон попросил меня быть переводчиком, поскольку он не говорит по-английски. Отец Грасон оказал моей семье очень важную услугу, суть которой я не имею права разглашать. И все, что он захочет обсудить, я сохраню в такой же тайне. Вас это устраивает?

– Вполне, – подтвердил высокий мужчина и пожал руку сначала Муньосу, а затем Грасону.

Грасон ответил по-испански и улыбнулся. У него осталось всего пять зубов, но улыбка была доброй и открытой.

– Он спрашивает, не хотите ли чаю. Это зеленый чай. Он очень освежает.

– С удовольствием.

Когда обмен любезностями закончился, священник сказал:

– Мальчик не ваш сын.

– Нет.

– На исповеди он рассказывал очень странные вещи. По правде сказать, мне никогда не приходилось слышать ничего подобного.

– Меня это не удивляет.

– Он плакал, – продолжил отец Грасон, сделав глоток. – Его плач был ужасным и шел от самого сердца. Должен ли я задать вопрос, который у меня невольно возникает в связи с тем, что я услышал на исповеди?

– В этом нет необходимости, – ровным голосом произнес высокий мужчина. – Он говорил правду.

Грасон кивнул, даже не успев услышать перевод, и выражение его лица стало серьезным. Подавшись вперед и зажав коленями сцепленные пальцы, он говорил долго. Муньос напряженно слушал, сохраняя на лице бесстрастное выражение. Когда священник закончил, он перевел:

– Отец говорит, что в мире много странного. Сорок лет назад крестьянин из Эль-Гранионес принес ему ящерицу, которая кричала женским голосом. Он видел человека со стигматами точь-в-точь как у распятого Господа нашего Иисуса Христа, и эти раны кровоточили в Страстную пятницу. Он говорит, что это проявление чего-то темного и ужасного. И оно опасно и для вас, и для мальчика. Особенно для мальчика. Это гложет его изнутри. Он говорит...

Грасон снова что-то произнес, но на этот раз коротко.

– Он спрашивает, понимаете ли вы, что сделали в этом Новом Иерусалиме.

– Джерусалемс-Лоте, – поправил высокий мужчина. – Да, я понимаю.

Грасон снова заговорил.

– Он спрашивает, что вы собираетесь делать дальше.

Высокий мужчина покачал головой.

– Я не знаю.

– Он говорит, что будет за вас молиться.

6

Через неделю мужчина проснулся весь в поту от ночного кошмара и, позвав мальчика, сказал:

– Я возвращаюсь.

Даже загар не мог скрыть, как побледнел мальчик.

– Ты поедешь со мной? – спросил высокий мужчина.

– Ты меня любишь?

– Господи! Конечно!

Мальчик заплакал, и высокий мужчина обнял его.

Но уснуть мужчина так и не смог. Перед глазами продолжали мелькать лица разных людей, будто затуманенные снежной пеленой, и когда по крыше от порыва ветра заскребла ветка, мужчина вздрогнул.

Джерусалемс-Лот.

Мужчина прикрыл рукой глаза, и все начало возвращаться. Он почти что видел наяву стеклянное пресс-папье, в котором поднимается маленькая буря, стоит только его встряхнуть.

Джерусалемс-Лот...

Часть первая

Марстен-Хаус

Ни один живой организм не может постоянно поддерживать связь с реальностью: даже жаворонки и кузнечики – и те, по мнению некоторых, иногда грезят. Хилл-Хаус стоял на холме, храня в своих стенах мрак: он простоял там восемьдесят лет и мог простоять еще столько же. Стены по-прежнему были ровными, кирпичи не крошились и не вываливались, полы сохранили прочность, а двери были благоразумно затворены. Среди камня и дерева царила тишина, и что бы там ни блуждало, оно блуждало в одиночестве.

Ширли Джексон. Призраки дома на холме

Глава первая

Бен (I)

1

Двигаясь по шоссе на север, Бен Миерс миновал Портленд, чувствуя приятное волнение. Было 5 сентября 1975 года, и уходящее лето еще заявляло о себе пышной зеленью и мягкой лазурью высокого неба. Проехав городок Фалмут, он увидел двух мальчишек, идущих по тропинке вдоль шоссе с удочками на плечах, пристроенными на манер карабинов.

Снизив скорость до минимально разрешенной на скоростном шоссе, Бен принялся поглядывать по сторонам в надежде увидеть нечто способное оживить воспоминания детства. Однако ничего такого на глаза не попадалось и он постарался заранее подготовить себя к почти неизбежному разочарованию. *Тебе тогда было всего семь лет. С тех пор минуло четверть века. Места меняются. Как и люди.*

В те дни автомагистрали 295 не существовало. Из Салемс-Лота до Портленда добирались сначала по шоссе 12 до Фалмута, а уже оттуда – по магистрали 1. Время не стоит на месте.

Хватит молоть вздор!

Легко сказать! Особенно учитывая...

По соседней полосе мимо него неожиданно проскочил мощный мотоцикл фирмы «Би-эс-эй». За высоким рулем сидел парень в футболке, а за ним – девушка в красной куртке и больших зеркальных очках. Мотоцикл, вильнув, слегка подрезал Бена, и тот рефлексивно ударил по тормозам и нажал на клаксон обеими руками. Мотоцикл, взревев, выпустил облако дыма и умчался вперед, а девушка на прощание показала Бену средний палец, сообщая таким образом все, что о нем думает.

Бен снова набрал скорость. Руки слегка дрожали, и хотелось курить. Мотоцикл уже почти исчез из вида. Проклятые подростки! Чувствуя, что на него вот-вот нахлынут воспоминания из не такого далекого прошлого, он усилием воли прогнал их. Бен не садился на мотоцикл уже два года и не думал, что когда-нибудь снова сядет.

Слева мелькнуло что-то красное, и, повернув голову, он с радостью увидел знакомое строение. На холме посреди клеверного поля возвышался огромный красный амбар: даже отсюда было видно, как блестел на солнце

флюгер, венчавший его белый купол. Амбар был здесь раньше, стоял и теперь. И ничуть не изменился! Может, он все-таки приехал сюда не зря. Затем строение скрылось за деревьями.

В Камберленде знакомых мест стало попадаться больше. Бен пересек реку Ройал, где они в детстве ловили форель и щурят. За деревьями промелькнули дома Камберленд-Виллидж. Вдали показалась водонапорная башня с огромной надписью: «Сохраним штат Мэн зеленым!». Тетя Синди всегда говорила, что под ней так и просится приписка: «Не скупитесь на пожертвования».

Он прибавил скорость, чувствуя, как нарастает волнение – скоро должен показаться дорожный знак. И через пять миль он действительно появился, поблескивая светоотражающими буквами:

ШОССЕ 12. ДЖЕРУСАЛЕМС-ЛОТ

ОКРУГ КАМБЕРЛЕНД

Неожиданно на Бена нахлынула волна депрессии, которая погасила все хорошее настроение подобно тому, как песок гасит огонь. Похожие ощущения нередко возникали после пережитых тяжелых времен (в сознании готово было прозвучать имя: Миранда, но он не позволил воспоминанию взять верх), однако Бен научился гнать подобные мысли прочь. Но на этот раз волна тревоги накатилась с такой силой, что сопротивляться ей было невозможно.

С чего это ему вздумалось возвращаться в город, где он прожил мальчишкой четыре года, и пытаться вернуть нечто навсегда утерянное? Каких чудес он ждет от того, что снова пройдет по дорогам детства? Теперь они наверняка заасфальтированы и на них валяются пустые банки из-под пива, выброшенные неаккуратными туристами. Ощущение магии – как белой, так и черной – исчезло. Оно исчезло в ту ночь, когда мотоцикл потерял управление и мчавшийся навстречу желтый фургон неумолимо начал приближаться: его жена Миранда закричала, а затем ее крик резко оборвался...

Справа показался поворот на Салемс-Лот, и Бен засомневался, стоит ли сворачивать. Может, лучше доехать до Чемберлейна или Льюистона, перекусить там, а потом развернуться и поехать обратно? Но обратно – это куда? Домой? Смешно! Если у него и был дом, то он находился здесь.

Пусть даже всего четыре года в детстве.

Бен включил поворотник, сбросил скорость и направил машину вверх по склону. Там, наверху, где дорога переходила в шоссе 12 (ближе к городу она уже называлась «Джойнтер-авеню»), он бросил взгляд на открывшийся вид и тут же резко затормозил. «Ситроен», взвизгнув, вздрогнул и замер на месте.

С восточной стороны по пологим склонам холмов взбирались сосны и ели, которые наверху уже толпились густыми зарослями, закрывая вид на город. И чуть подальше из темной полосы лесного массива, загораживающего горизонт, выступала остроконечная крыша Марстен-Хауса.

Бен зачарованно смотрел на нее. На его лице отразилась целая гамма чувств.

– Все еще здесь! – пробормотал он вслух. – Боже мой!

Он перевел взгляд на руки: по коже бежали мурашки.

2

Бен намеренно обогнул город, для чего ему пришлось снова оказаться в Камберленде, и, добравшись до Бернс-роуд, въехал в Салемс-Лот с востока. Его поразило, что здесь практически ничего не изменилось. Конечно, появились дома, которых он не помнил, а на краю города – закусочная под названием «У Делла» и пара новых карьеров, где добывали гравий; граница леса, окружавшего городок, отодвинулась, но старый указатель дороги, ведущей к свалке, остался на прежнем месте, а сама дорога так и не была вымощена и изобиловала выбоинами и канавами. Сквозь просветы между деревьями проглядывал Школьный холм, по которому с северо-запада на юго-восток тянулись линии высоковольтных передач. Ферма Гриффена тоже осталась на месте, правда, амбар перестроили и он стал гораздо больше. Интересно, сохранилось ли там производство молока на продажу? Раньше его разливали по бутылкам, украшенным этикеткой с надписью «Солнечное молоко с фермы Гриффена!», а под ней была нарисована улыбающаяся корова. Вспомнив, как много этого молока он выпил с кукурузными хлопьями, когда жил у тети Синди, Бен невольно улыбнулся.

Свернув на Брукс-роуд, он миновал литые чугунные ворота и невысокую каменную ограду кладбища на Хармони-Хилл и направился вверх по Марстен-Хилл.

На вершине холма деревья расступились. Справа открылся вид на город: его можно было целиком окинуть взглядом. Слева возвышался Марстен-Хаус. Бен остановил машину и вылез.

Дом ничуть не изменился. Абсолютно! Как будто и не было всех этих долгих лет.

Разросшаяся перед домом трава скрывала старые растрескавшиеся плитки из песчаника, которыми была выложена дорожка к крыльцу. В траве, описывая параболы, беспорядочно скакали кузнечики и громко стрекотали цикады.

Сам дом, огромный и запущенный, буквально нависал над городом. Небрежно заколоченные окна придавали ему тот характерный зловещий вид, что нередко отличает старые заброшенные строения. Краска на стенах давно облупилась, и теперь дом был мрачно-серым. В черепичной крыше зияли дыры, сделанные бурями, а обильные снегопады продавили ее правый угол, придав дому перекошенный вид. Облупившаяся табличка, прибитая справа к перилам на крыльце, предостерегала от вторжения в частные владения.

Бену страшно захотелось пройти по этой заросшей травой дорожке, разгоняя цикад и кузнечиков; подняться на крыльцо и заглянуть в окна сквозь щели между неровно прибитыми досками; проверить входную дверь и, если не заперта, войти.

Сглотнув слюну, он смотрел на дом как зачарованный. Тот разглядывал его в ответ с тупым безразличием.

В прихожей наверняка стоял запах отсыревшей штукатурки и полусгнивших обоев, а в стенах скреблись мыши. Не было сомнений, что все внутри по-прежнему завалено мусором, в котором можно найти какое-нибудь пресс-папье и сунуть в карман. В конце коридора, ведущего на кухню, можно повернуть налево и подняться по лестнице, чувствуя, как хрустят под ногами куски обвалившейся штукатурки. Ступенек там четырнадцать. Ровно четырнадцать. Причем последняя – заметно меньше других, будто добавлена специально, чтобы их число не оказалось чертовой дюжиной. Наверху можно пройти по висящей над гостиной открытой галерее с перилами, что ведет к двери, взяться за ручку и...

Бен отвернулся, чувствуя, как у него вдруг пересохло в горле и участилось дыхание. Нет, не сегодня! Может, позже, но пока он не был к этому готов. Сейчас достаточно знать, что дом по-прежнему на месте и ничего не изменилось. Дом ждал его. Бен оперся руками о капот машины и бросил взгляд на город. Там он выяснит, кто занимается Марстен-Хаусом сейчас, и, возможно, его удастся снять. Из кухни выйдет отличный кабинет,

а спальное место можно оборудовать в передней гостиной. А наверх он ни за что подниматься не станет.

Разве что без этого нельзя будет обойтись.

Бен забрался обратно в машину, завел двигатель и поехал вниз по холму в Джерусалемс-Лот.

Глава вторая

Сьюзен (I)

1

Бен сидел на скамейке в парке, когда заметил, что за ним наблюдают. Девушка очень привлекательная, с шелковым шарфиком на мягких светлых волосах. В руках у нее была книга, а рядом лежали этюдник и какой-то предмет, похожий на уголь для рисования. Был вторник, 16 сентября – первый день занятий в школе, – и парк, как по волшебству, вдруг притих, лишившись самых шумных своих завсегдатаев. Здесь осталось лишь несколько стариков, коротавших время на скамейках возле военного мемориала, да кое-где гуляли матери с малышами. И еще эта девушка, устроившаяся в тени старого сучковатого вяза.

Она, перехватив его взгляд, смутилась. Девушка посмотрела в книгу, потом на него и смутилась еще больше. Явно не зная, как лучше поступить, она сначала встала, но потом снова села.

Бен поднялся и направился к ней, держа в руках свою книгу – вестерн в мягкой обложке.

– Здравствуйте, – приветливо произнес он. – Мы знакомы?

– Нет, – ответила она. – А вы... вы ведь Бенджамен Миерс, верно?

– Верно, – не скрывая удивления, подтвердил он.

Она нервно засмеялась, лишь на мгновение задержав его взгляд в надежде распознать его намерения. Она явно не принадлежала к тем, кто заговаривает в парке с незнакомыми мужчинами.

– Я уже решила, что мне мерещится. – На коленях у нее лежал его второй роман, «Воздушный танец», со штампом городской библиотеки. Она показала на фотографию четырехлетней давности на задней стороне обложки. На мальчишеском лице с пугающе серьезным выражением светились темные глаза.

– С таких, на первый взгляд необъяснимых, случайностей и берут начало династии, – заметил он, и эта шутливая фраза вдруг повисла в воздухе как пророчество. За ними, громко вереща, плескались в воде малыши, а мать просила Родди не раскачивать сестренку так высоко. Сестренка же раскачивалась все выше и выше, стараясь достать до самого неба. Ее развевающеся платице Бену суждено было запомнить на долгие

годы, будто эта картинка оказалась вырезана из огромного пирога времени. Такие сцены сохраняются в памяти, только если в этот момент между двумя людьми вдруг пробегают искра.

Девушка засмеялась и протянула ему книгу.

– А можно получить ваш автограф?

– На библиотечном экземпляре?

– Я его выкуплю и заменю другим.

Бен достал из кармана автоматический карандаш, открыл книгу на форзаце и спросил:

– А как вас зовут?

– Сьюзен Нортон.

Он быстро написал: «Сьюзен Нортон, самой красивой девушке в парке. С наилучшими пожеланиями, Бен Миерс». Потом подписался и поставил число.

– Теперь вам придется ее украсть, – сказал он, возвращая книгу. – «Воздушный танец», увы, больше не издается.

– Я достану книгу у букинистов в Нью-Йорке. – Девушка помолчала и, поколебавшись, добавила, задержав взгляд чуть дольше: – Это очень хороший роман.

– Спасибо. Когда я достаю эту книгу и пролистываю, то сам удивляюсь, как ее напечатали.

– А вы часто ее берете в руки?

– Да, но стараюсь избавиться от дурной привычки.

Девушка улыбнулась, и они оба рассмеялись, сразу почувствовав себя легко и непринужденно. Вспоминая позже, как естественно все произошло, Бен неизменно ощущал беспокойство. Как будто ими двигал рок, замысливший перемолоть людские судьбы в жерновах мироздания с одному ему ведомой целью.

– Я читала и «Дочь Конвея». Она мне очень понравилась. Вам, наверное, это все говорят.

– К сожалению, крайне редко, – честно признался он. Миранде эта книга тоже нравилась, но его приятели особого восторга не проявили, а критики разнесли в пух и прах. Причем не по существу, а так, из профессиональной вредности. На то они и критики – чего с них взять?!

– А мне понравилось.

– А последнюю вы читали?

– «Билли просит продолжать»? Пока еще нет. Мисс Куган из аптекарского магазина говорит, что она неприличная.

– Черт, да она почти что пуританская! – возмутился Бен. – Да, язык там

грубоват, но если описывать необразованных деревенских парней, то... Послушайте, а как насчет содовой с мороженым? Я бы с удовольствием угостил вас, да и сам полакомился!

Она заглянула ему в глаза в третий раз. И тепло улыбнулась.

– Я согласна. У Спенсера она просто восхитительная!

Так все началось.

2

– Это и есть та самая мисс Куган? – тихо спросил Бен, глядя на высокую дородную женщину в белой униформе с красным нейлоновым передником. Ее подкрашенные синим волосы обрамляли голову ступенчатыми завитками.

– Она самая. Вечером каждого четверга она навещает библиотеку с маленькой тележкой и заказывает столько книг, что мисс Старчер буквально лезет на стенку.

Они сидели на обтянутых красной кожей табуретах возле сатуратора и пили каждый свой напиток: он – содовую с шоколадом, она – с клубникой. Заведение Спенсера служило заодно местным автовокзалом, и через старомодную арку им было видно зал ожидания, в котором одиноко сидел молодой человек в форме ВВС. У его ног стоял чемодан, лицо было угрюмым.

– Судя по виду, он не очень-то рад, что надо ехать, – сказала Сьюзен, проследив за взглядом Бена.

– Наверное, отпуск кончился, – предположил Бен и подумал, что сейчас она наверняка спросит, служил ли он сам. Но ошибся.

– Скоро и я уеду на одном из таких автобусов рейсом в десять тридцать. И – прощай, Салемс-Лот! И на моем лице, наверное, радости будет не больше, чем у этого парня.

– А куда?

– Думаю, что в Нью-Йорк. Посмотрю, удастся ли мне наконец стать самостоятельной.

– А чем здесь плохо?

– В Лоте? Я его обожаю! Но тут живут мои родители, и я все время чувствую себя под их неусыпным контролем. А это не жизнь! К тому же Лот мало что может предложить молодой честолюбивой девушке. – Сьюзен пожала плечами и наклонила голову, чтобы отпить содовую через соломинку. На загорелой шее красиво проступили мышцы. Цветастое

платье подчеркивало изящную фигуру.

– А чем бы вы хотели заняться?

Сьюзен снова пожала плечами.

– Я получила степень бакалавра в Бостонском университете... правда, толку от него мало. Специализация – искусство, да еще английский как непрофилирующая дисциплина. Полный набор для образованных дурочек. Меня не научили даже оформлять офис. Некоторые из моих школьных подруг устроились секретаршами и сейчас отлично зарабатывают, а я же умею только печатать на машинке.

– И что же тогда остается?

– Ну... может, какое-нибудь издательство, – неуверенно предположила она. – Или журнал... а может, рекламный бизнес. Там нужны люди, которые смогут нарисовать по указке. А это я сумею. У меня подготовлен портфолио с образцами моих работ.

– А у вас уже есть предложения от кого-то? – мягко поинтересовался Бен.

– Нет... нет. Но...

– Ехать в Нью-Йорк без предложений не имеет смысла, – заметил он. – Уж поверьте – в поисках работы вы там стопчете каблуки.

– Я вам верю. – Сьюзен натянуто улыбнулась.

– А тут вам удастся продать свои работы?

– О да! – Сьюзен неожиданно рассмеялась. – На сегодня моей самой большой удачей была сделка с корпорацией «Синекс». Та перед открытием в Портленде нового кинотеатра купила оптом двенадцать картин, чтобы украсить фойе. Заплатили семьсот долларов. И я смогла внести первый взнос за свою маленькую машину.

– В Нью-Йорке вам надо снять в гостинице номер на неделю, может, больше, и показать ваш портфолио в каждом издательстве, которое удастся найти. Договоритесь о встрече за полгода, чтобы редакторы и нужные сотрудники не оказались заняты. Но Бога ради, не питайте иллюзий насчет большого города!

– Ну а вы? – спросила она, вынув изо рта соломинку и переключившись на креманку с мороженым. – Что вас привело в процветающий город Джерусалемс-Лот, штат Мэн, с населением в тысячу триста человек?

Бен пожал плечами.

– Пытаюсь написать роман.

Она оживилась.

– В нашем городе? А о чем? И почему здесь? Вы...

Бен с серьезным видом посмотрел на девушку.

– У вас мороженое капает.

– Правда? Ой, извините. – Сьюзен вытерла стакан салфеткой. – Я вовсе не хотела ничего выпытывать. Вообще-то я не такая несдержанная.

– Вам не за что извиняться, – успокоил Бен. – Писатели любят говорить о своих книгах. Иногда, лежа в кровати, я представляю себе, как даю интервью «Плейбою». Пустая трата времени! Они берут интервью только у тех, чьи книги популярны среди студентов.

Молодой человек в форме ВВС поднялся. Возле здания, шипя пневматическими тормозами, остановился междугородний автобус.

– В детстве я прожил четыре года в Салемс-Лоте. На Бернс-роуд.

– На Бернс-роуд? Но там же сейчас ничего нет, кроме маленького кладбища. Его называют Хармони-Хилл.

– Я жил там со своей тетей Синди, Синтией Стоуэнс. Мой отец умер, а мать... с ней случилось нечто вроде нервного срыва. И она отправила меня к тете Синди, пока не сумеет прийти в себя. Тетя Синди посадила меня в автобус и отправила к матери примерно через месяц после большого пожара. – Бен посмотрел на себя в зеркало, висевшее на стене за сатуратором. – Я плакал, когда автобус увозил меня от матери и когда он же увозил меня из Джерусалемс-Лота, от тети Синди.

– А я родилась как раз в тот год, когда случился большой пожар, – сказала Сьюзен. – Самое важное событие, произошедшее в этом городе, я благополучно проспала!

– Выходит, вы на семь лет старше, чем мне показалось в парке, – засмеялся Бен.

– Правда? Спасибо... – Она выглядела польщенной. – А дом вашей тети, наверное, сгорел?

– Да, – подтвердил он. – Ту ночь я отлично помню. К нам постучались люди с ранцевыми огнетушителями и сказали, что надо уходить. Это было нечто! Тетя Синди суетилась, собирая вещи и укладывая их в свою машину. Господи, что за ночь!

– У нее имелась страховка?

– Нет, но дом она снимала и все ценное мы успели перенести в машину. Кроме телевизора. Мы пытались его поднять, но не смогли даже оторвать от пола. У него был семидюймовый экран с увеличительной линзой перед кинескопом. Чертовски искажал изображение. К тому же он показывал всего один канал, по которому в основном гоняли музыку кантри да фермерские новости.

– И вы приехали сюда писать книгу? – удивилась Сьюзен.

Бен ответил не сразу. Мисс Куган распаковывала блоки сигарет, чтобы выставить образцы на витрине возле кассы. Аптекарь мистер Лабри сновал за высоким прилавком с лекарствами как привидение. Парень в форме ВВС ждал у двери автобуса, когда водитель вернется из туалета.

– Да, – подтвердил Бен и, повернувшись, впервые открыто посмотрел на нее. Очень миловидное лицо с открытым взглядом голубых глаз и чистым высоким загорелым лбом. – Ваше детство прошло здесь?

– Да.

– Тогда вы меня поймете, – кивнул он. – Я тут вырос, и Салемс-Лот навсегда поселился у меня в душе. Когда я вернулся, то чуть не проехал мимо, потому что боялся, что здесь все изменилось.

– Тут ничего не меняется, – сказала Сьюзен. – Или почти ничего.

– С мальчишками Гарденеров я играл в войну на болотах, в пиратов – на пруду, в захват флага и прятки – в парке. После моего отъезда из Салемс-Лота нам с матерью довелось пожить в разных неблагополучных местах. Когда мне было четырнадцать, мама покончила с собой, и я остался сиротой. Но жизнь перестала быть волшебством уже задолго до этого. И все, что от этого волшебства осталось, находилось – и продолжает находиться – здесь, в Салемс-Лоте. Город мало изменился. И Джойнтер-авеню выглядит так, будто на нее смотришь сквозь тонкую ледяную пластинку, как если бы в ноябре в баке с водой образовалась корка льда, которую, аккуратно постучав по бокам, можно освободить из плена и вытащить, а потом поглядеть сквозь нее на детство. Изображение расплывчатое и нечеткое, в каких-то местах вообще ничего не видно, но все равно общую картину разобрать можно.

Он замолк, удивляясь, что произнес целую речь.

– Вы говорите в точности так, как пишете! – произнесла восхищенно Сьюзен.

Бен засмеялся.

– Раньше я никогда не произносил ничего подобного. Во всяком случае, вслух.

– А что вы делали после того, как ваша мама... после ее смерти?

– Так, болтался, – ответил он коротко. – Ешьте мороженое.

Она послушалась, и какое-то время оба молчали. Наконец Сьюзен снова заговорила:

– Кое-что все-таки изменилось. Мистер Спенсер умер. Вы помните его?

– Еще бы! Каждый четверг тетя Синди выбиралась в город за покупками в магазине Кроссена и отправляла меня сюда выпить шипучки

из корнеплодов. Тогда тут продавали настоящую, бочковую. Тетя давала мне пятицентовик, завернутый в носовой платок.

– А в мое время шипучка стоила уже десять центов. А вы помните, что Спенсер всегда приговаривал?

Бен сгорбился, вывернул одну руку, будто пальцы скрючены артритом, и, скривив кончик рта, прошамкал полусшепотом:

– Ох, парень! Угровишь ты свой мочевого пузыря!

Звонкий смех Сьюзен взметнулся к лопалям вентилятора, медленно вращавшимся под потолком. Мисс Куган подозрительно покосилась на парочку.

– Точно! Только меня он называл подругой.

Они обменялись довольными взглядами.

– А как насчет того, чтобы сходить вечером в кино? – предложил Бен.

– Я – с удовольствием.

– И где тут ближайший кинотеатр?

Она хихикнула:

– «Синекс» в Портленде. Тот самый, где фойе украшено бессмертными полотнами Сьюзен Нортон.

– Так я и думал! А какие фильмы вам нравятся?

– Приключенческие, с погонями на автомобилях.

– Ладно! А вы помните кинотеатр «Нордика»? Он был прямо в городе.

– Да, но в шестьдесят восьмом году он закрылся. Я ходила туда на свидания вчетвером, когда училась в старшей школе. Если фильм был дрянной, мы бросались в экран коробками из-под поп-корна. – Она снова хихикнула. – А таких фильмов было много!

– Там часто крутили старые фильмы с продолжением. «Человек-ракета». «Возвращение человека-ракеты». «Молот-Каллахэн и бог смерти Вуду».

– Я этого не застала.

– А что сейчас в этом здании?

– Агентство недвижимости Ларри Крокетта, – ответила Сьюзен. – Думаю, что «Нордика» закрылась, не выдержав конкуренции с кинотеатром под открытым небом для автомобилистов в Камберленде. И, конечно, телевидением.

Они немного помолчали, задумавшись каждый о своем. Часы на стене показывали 10:45.

Потом оба одновременно произнесли: «А помните...» – и расхохотались так громко, что мисс Куган принялась так откровенно их разглядывать и даже мистер Лабри удивленно приподнял брови.

Они поболтали еще минут пятнадцать, пока Сьюзен вдруг не вспомнила, что ей надо еще кое-что сделать, но завершила, что к половине восьмого обязательно освободится. Они разошлись в разные стороны, оба удивляясь тому, как легко и естественно чувствовали себя в обществе друг друга.

Бен направился по Джойнтер-авеню и на углу Брок-стрит задержался, чтобы еще раз бросить взгляд на Марстен-Хаус. Он вспомнил, как большой лесной пожар 1951 года дошел до самого дома, но потом вдруг ветер переменялся.

Может, ему следовало сгореть, подумал Бен. Может, так было бы лучше.

3

Нолли Гарденер вышел из здания муниципалитета и присел на ступеньки рядом с Паркинсом Гиллесли как раз в тот момент, когда Бен и Сьюзен входили в кафе Спенсера на автовокзале. Паркинс курил сигарету и чистил пожелтевшие от никотина ногти перочинным ножом.

– Этот парень вроде писатель? – поинтересовался Нолли.

– Да.

– А с ним была Сьюзи Нортон?

– Да.

– Интересно, – заметил Нолли, подтягивая форменный ремень. На груди у него важно поблескивала звезда помощника шерифа. Он специально заказывал ее на складе, поскольку город не располагал средствами на приобретение жетонов для своих блюстителей порядка. У Паркинса такая звезда тоже была, но носил он ее в бумажнике, что не укладывалось у Нолли в голове. Конечно, все в городе знали, что он констебль, но ведь существует же традиция, не говоря уже об ответственности!

И блюститель закона обязан постоянно об этом помнить. Вот Нолли помнил постоянно, хотя и занимал должность помощника шерифа всего на полставки.

От неловкого движения лезвие ножа соскользнуло и Паркинс порезался.

– Вот черт! – тихо ругнулся он.

– Ты думаешь, он настоящий писатель, Парк?

– Уверен. У нас в библиотеке есть три его книжки.

– Он пишет про то, что было на самом деле, или выдумывает?

– Выдумывает! – Паркинс убрал нож и вздохнул.

– Флойду Тиббитсу не понравится, что кто-то заигрывает с его девочкой.

– Они не женаты, а она совершеннолетняя.

– Флойду это точно не понравится.

– Флойд может нагадить себе в шляпу и носить ее задом наперед – мне до лампочки, – отозвался Паркинс. Он раздавил докуренную сигарету на ступеньках, достал из кармана коробочку из-под пастилок от кашля и убрал окурки в нее.

– А где этот писатель обосновался?

– В пансионе Евы, – ответил Паркинс, изучая порез. – Он на днях наведывался к Марстен-Хаусу и разглядывал его. Со странным выражением лица.

– Станным? Это каким?

– Просто странным! – Паркинс достал пачку сигарет. Солнце приятно ласкало лицо. – А потом отправился к Ларри Крокетту. Хотел снять дом.

– Дом Марстена?

– Да.

– Он что – псих?

– Кто его знает?! – Паркинс согнал муху с колена и проводил ее взглядом. – У старины Ларри Крокетта хватало работы в последнее время. Я слышал, что он продал прачечную.

– Старую прачечную самообслуживания?

– Да.

– Да что в ней можно устроить?

– Понятия не имею.

– Ладно. – Нолли поднялся и снова поправил ремень. – Пойду-ка пройду по городу.

– Давай, – отозвался Паркинс, закуривая новую сигарету.

– Не хочешь составить компанию?

– Нет, я еще посижу здесь.

– Ладно, увидимся.

Нолли спустился по ступенькам, размышляя (уже не в первый раз), когда же наконец Паркинс решит уйти на пенсию и освободит для Нолли полную ставку. Как, черт возьми, можно искоренить преступность, если все время сидеть на ступеньках муниципалитета?

Паркинс с усмешкой наблюдал за удаляющейся фигурой. Нолли неплохой парень, но уж больно ретивый. Затем он снова достал нож и

принялся обрабатывать ногти.

Джерусалемс-Лот был образован в 1765 году, за целых пятьдесят пять лет до Миссурийского компромисса, по которому штат Миссури был принят в Союз как рабовладельческий, а штат Мэн – как свободный. Двухсотлетний юбилей города торжественно отпраздновали в парке фейерверком и праздничным шествием. Тогда от отлетевшей искры бенгальского огня на маленькой Дебби Форестер загорелся маскарадный костюм индийской принцессы, а шесть перебравших спиртного горожан оказались в кутузке, куда Паркинс Гиллеспи отправил их протрезветь.

Своим названием Джерусалемс-Лот был обязан весьма прозаическому событию. Один из первых поселенцев – суровый долговязый фермер по имени Чарлз Белкнап Таннер – разводил свиней, и у него был боров по кличке Джерусалем. Однажды во время кормежки этот боров вырвался из загона и сбежал в лес, где одичал и стал опасным. Таннер годами отваживал детишек от своих угодий. Перегнувшись через ограду, он кричал зловещим, каркающим голосом: «Не ходите, дети, в лес – там вас боров страшный съест!» Предупреждение подействовало, и название прижилось. Это свидетельствует в общем-то только об одном: в Америке даже свинья может обрести бессмертие – ведь первоначально под Джерусалемс-Лотом имелся в виду лес, где хозяйничал сбежавший боров^[2].

Главная улица называлась раньше Портленд-Пост-роуд, а в 1896 году была переименована – в честь Элиаса Джойнтера, который на протяжении шести лет являлся членом палаты представителей (пока в пятьдесят восемь не умер от сифилиса). Он был одним из трех знаменитостей, которыми и мог похвастаться город за всю свою историю. Другими являлись боров Джерусалем и Красотка Энн Баттс, сбежавшая в 1907 году в Нью-Йорк и пробившаяся в знаменитое бродвейское шоу «Девушки Зигфилда».

Джойнтер-авеню пересекала Брок-стрит ровно посередине, а сам город имел почти круглые очертания (лишь на востоке его граница казалась слегка приплюснутой руслом реки Ройал). На карте пересекающиеся главные улицы напоминали перекрестие оптического прицела.

Северо-западная часть города, сплошь покрытая деревьями, лежала на возвышенности, которую счел бы существенной разве что уроженец Среднего Запада. Гряда старых и усталых холмов, испещренных дорогами, спускалась к городу, и на последнем из них стоял Марстен-Хаус.

На северо-востоке местность была открытой, здесь через сенокосы несла свои воды река Ройал, за долгие годы смывшая берега почти до основания. Через нее был перекинут небольшой деревянный мост, за которым река, неспешно изгибаясь, текла на север, где у границы города под тонким слоем земли находились залежи гранита. За сотни тысяч лет река образовала здесь ущелье высотой почти в пятьдесят футов, которое мальчишки прозвали Пьяным Прыжком. Много лет назад Томми Ратбан – любивший выпить брат Вирджа Ратбана – искал, где бы справить малую нужду, и свалился тут в воду. Река Ройал снабжала водой насыщенный фабриками округ Андроскоггин, но сама всегда была чистой. Единственным производством, когда-либо имевшимся в Джерусалемс-Лоте, являлась лесопилка, да и ту давно закрыли. В летние месяцы на мосту всегда можно было застать рыболовов, которые практически никогда не уходили с пустыми руками.

Юго-восточная часть города была самой живописной. Пожар сюда не добрался и не оставил после себя уродливых отметин. По обе стороны Гриффен-роуд земля принадлежала Чарлзу Гриффену – владельцу крупнейшей молочной фермы к югу от Меканик-Фоллс. Со Школьного холма был виден гигантский коровник, чья блестящая алюминиевая крыша сверкала на солнце, как чудовищный гелиограф. В этой части города имелись и другие фермы, а также немало домов, купленных клерками, ездившими на работу в Портленд или Льюистон. Осенью до Школьного холма доносился запах гари с выжженных после сбора урожая полей. Внизу стояли наготове машины добровольной пожарной охраны, с высоты казавшиеся игрушечными. Урок 1951 года не прошел впустую и запомнился надолго.

А юго-запад оккупировали дома на колесах, образуя некий своеобразный пояс астероидов со всем, что этому сопутствует: автомобильные свалки; связки покрышек; пустые банки из-под пива; сохнувшее белье на веревках между импровизированными столбами; стойкий запах нечистот из наспех оборудованных септических резервуаров. Стационарные дома там больше смахивали на сараи, но при этом почти из каждого торчала сверкающая антенна от цветного телевизора, купленного в кредит. Во дворах лачуг и домов на колесах было полно детей, игрушек, пикапов, мотосаней и мотоциклов. Некоторые передвижные жилища содержались в порядке, однако большинство владельцев считали уборку пустой тратой времени. Густым зарослям одуванчиков и пырея никто не мешал расти до щиколоток. Возле городской черты, там, где Брок-стрит переходила в Брок-роуд, стояла закусочная «У Делла», в которой по

пятницам играла рок-группа, а по субботам – небольшой оркестр. В 1971 году здание сгорело, но было отстроено заново. Для большинства местных ковбоев и их подружек это было единственным местом, куда можно прийти развлечься, выпить пива и подражаться.

Большинство телефонных линий обслуживало по два, четыре или даже шесть абонентов, поэтому недостатка в пище для сплетен не ощущалось. Во всех маленьких городках скандалы никогда не затухают надолго, они тлеют постоянно, как угли в жаровне, готовые в любой момент ярко вспыхнуть. Большинство скандалов рождалось именно в этой части города, хотя свою лепту изредка вносили и жители более престижных районов.

Городское правление избиралось общим собранием. С 1965 года постоянно поднимался вопрос о переходе к выборному городскому совету, который бы дважды в год отчитывался перед жителями по финансовым вопросам, однако эта идея неизменно проваливалась. Город не рос достаточно быстро для того, чтобы неэффективность старых методов управления бросалась в глаза, хотя столь допотопная форма демократии и приводила в отчаяние новых поселенцев. На собрании избирали трех членов городского управления, констебля, попечителя по призрению бедных, попечителя учебных заведений, а также секретаря муниципалитета (чтобы зарегистрировать машину, нужно было отправиться в самый конец Тэггарт-Стрим-роуд и не испугаться двух бегавших по двору злющих псов). Добровольному пожарному депо город выделял символические ассигнования в размере трехсот долларов год, но оно в основном служило клубом по интересам для городских пенсионеров. Впечатлений, полученных во время сезона сжигания травы, им с избытком хватало для обсуждения в течение целого года. В городском правлении не имелось отдела коммунальных служб, поскольку в ведении города не было ни водоснабжения, ни газопровода, ни канализации, ни электричества. Линии электропередачи спускались к городу по широкой просеке, проложенной через лесные массивы на холмах, и одна из опор стояла совсем близко к Марстен-Хаусу, охраняя его, будто инопланетный часовой.

О событиях в мире, о войнах и правительственных кризисах Салемс-Лот узнавал в основном от Уолтера Кронкайта^[3]. Да, конечно, Поттеры потеряли во Вьетнаме своего мальчика, а сын Клода Боуи наступил на пехотную мину и вернулся домой на протезе, но он устроился работать на почте, где помогал Кенни Дэйнису, так что с ним все было в порядке. Мальчишки носили волосы длиннее, чем их отцы, и не так часто причесывались, но на этом, пожалуй, все видимые перемены и заканчивались. Когда старшеклассники отказались от предписанной

традицией формы одежды на выпускном балу, Эгги Корлисс написала об этом в камберлендский «Леджер», но она писала туда каждую неделю, в основном бичуя пьянство и восхваляя принятие Иисуса как своего Спасителя.

Кое-кто из молодежи принимал наркотики. В августе сын Горация Килби Фрэнк предстал перед судьей и был оштрафован на пятьдесят долларов (судья согласился, что он выплатит штраф из денег, которые зарабатывает доставкой газет), но главной проблемой являлось спиртное. Как только возрастной ценз на употребление алкоголя снизили до восемнадцати лет, молодые люди стали пропадать в заведении Делла. Они возвращались домой, едва держась на ногах, и время от времени даже разбивались насмерть. Так, в частности, произошло с Билли Смитом, который убил себя и свою подружку Лаверн Дьюб, врезавшись в дерево на Дип-Кат-роуд на скорости девяносто миль в час.

Но во всем остальном горожане имели весьма приблизительное представление о ситуации в стране. Время обходило город стороной. В таком чудесном месте не могло произойти ничего плохого. Только не в Салемс-Лоте!

Энн Нортон гладила белье, когда в дом влетела дочь с пакетом овощей и, сунув ей под нос книгу с художавым парнем на задней стороне обложки, начала захлеб что-то рассказывать.

– Давай помедленнее, – сказала мать. – Выключи телевизор и начни сначала.

Сьюзен так и сделала, и с экрана исчез Питер Маршалл, раздававший тысячи долларов в телеигре «Проще простого». Слушая рассказ дочери о знакомстве с Беном Миерсом, миссис Нортон заставляла себя понимающе и доброжелательно кивать, хотя в голове сразу замигал предупреждающий желтый сигнал светофора, включавшийся каждый раз, когда Сьюзен рассказывала о новом ухажере. Мать никак не могла поверить, что Сьюзи уже выросла и может интересоваться мужчинами, но сегодня желтый сигнал мигал ярче обычного.

– Интересно, – произнесла она, расправляя на гладильной доске рубашку мужа.

– Он такой милый, – сказала Сьюзен. – И очень естественный.

– Надо же! – Миссис Нортон поставила утюг на подставку, и тот

недовольно зашипел. Сама же она взяла сигарету с журнального столика и опустилась в кресло-качалку у окна. – А ты уверена, что с ним все в порядке, Сьюзи?

Сьюзен вызывающе улыбнулась.

– Конечно, я уверена! Он похож... даже не знаю... на учителя колледжа или кого-то вроде этого.

– Говорят, Безумный Бомбист^[4] был похож на садовника, – задумчиво заметила миссис Нортон.

– Глупости! – жизнерадостно отреагировала Сьюзен, используя выражение, которое неизменно возмущало мать.

– Покажи мне книгу! – Миссис Нортон протянула руку.

Сьюзен передала ей роман, неожиданно вспомнив описанную там сцену гомосексуального изнасилования в тюремной камере.

– «Воздушный танец», – прочитала миссис Нортон название и начала листать.

Сьюзен обреченно ждала. Она не сомневалась, что мать обязательно раскопает эту сцену. Так всегда бывало.

Легкий полуденный ветерок шевелил желтые занавески на кухне, которую мать называла буфетной, будто они жили в роскошном особняке. Их уютный кирпичный дом было непросто обогреть зимой, зато летом в нем царила приятная прохлада. Дом стоял на небольшом склоне возле Брок-стрит, и из окна, возле которого сидела миссис Нортон, открывался живописный вид на город. Он особенно впечатлял зимой, когда на заснеженные просторы падали длинные тени домов, казавшиеся желтыми от света электрических ламп.

– Мне кажется, я читала рецензию на эту книгу в портлендской газете. Не особо хвалебную.

– А мне роман нравится! И автор тоже! – упрямо произнесла Сьюзен.

– Может, Флойду он тоже понравится, – проговорила миссис Нортон как бы между прочим. – Тебе надо их познакомить.

Сьюзен почувствовала, что начинает злиться. Она-то уже решила, что все выяснения отношений, связанные с ее взрослением, остались в прошлом, и вот на тебе! Мать снова пыталась навязать ей свои представления о жизни, совершенно не воспринимая ее как самостоятельную личность, имевшую право жить и поступать по-своему.

– Мы уже говорили о Флойде, мама! И тебе отлично известно, что еще ничего не решено.

– В газете говорилось, что в романе есть описание жутких тюремных сцен. О сексе между парнями.

– Ради Бога, мама! – Сьюзен нервно вытащила себе сигарету из пачки.

– И злиться тут нечего, – хладнокровно заметила миссис Нортон. Она вернула книгу дочери и стряхнула пепел с сигареты в керамическую пепельницу в форме рыбы. Эта пепельница, подаренная матери какой-то подружкой по женскому клубу, всегда вызывала в Сьюзен необъяснимое раздражение. В сбрасывании пепла рыбе в рот было что-то противоестественное.

– Я уберу овощи, – сказала Сьюзен, поднимаясь.

– Я просто имела в виду, что если вы с Флордом собираетесь пожениться... – невозмутимо продолжила миссис Нортон.

Теперь раздражение переросло в настоящий приступ ярости.

– С чего ты взяла?! Я когда-нибудь такое говорила?!

– Я подумала...

– Ты подумала неправильно! – горячо возразила Сьюзен, хотя и понимала, что это не совсем так. Однако в последние недели она чувствовала, что охладевает к Флорду.

– Я подумала, что если ты встречаешься с парнем полтора года, – продолжила, не сдаваясь, мать, – то ваши отношения уже миновали ту невинную стадию, когда просто гуляют, взявшись за руки.

– Мы с Флордом больше, чем друзья, – согласилась Сьюзен ровным голосом: пусть теперь поломают голову, что это значит!

Дальнейшая беседа происходила уже без слов, хотя ее содержание не вызывало сомнений у обеих.

– Ты спала с Флордом?

– Не твое дело.

– Что тебе до этого Бена Миерса?

– Не твое дело.

– Ты что – собираешься в него влюбиться и наделать глупостей?

– Не твое дело.

– Я люблю тебя, Сьюзи. Мы с отцом очень тебя любим!

И на это ответа нет. На это просто нечего возразить! Вот почему Нью-Йорк или какое-то другое место было единственным выходом. В конце концов ты всегда упираешься в стену родительской любви, так похожую на обитые мягким войлоком стены тюремной камеры. Искренность этой любви лишала всякого смысла как дальнейшее препирательство, так и уже состоявшееся.

– Ладно, – тихо проговорила миссис Нортон, потушила сигарету о губу рыбины и отправила окурки ей в живот.

– Я пойду к себе, – сообщила Сьюзен.

– Конечно. Я могу почитать эту книгу, когда ты закончишь?
– Если хочешь.
– Мне бы хотелось с ним познакомиться, – сказала миссис Нортон, на что Сьюзен развела руками и пожала плечами. – Ты поздно вернешься?
– Не знаю.
– А что сказать Флойду Тиббитсу, если он позвонит?
Сьюзен снова почувствовала, как ее охватывает злость.
– Что хочешь! – резко отозвалась она и добавила, помолчав: – Все равно ты сделаешь по-своему!
– Сьюзен!

Но та уже поднималась по лестнице и не обернулась.

Миссис Нортон еще немного посидела в кресле, устремив невидящий взгляд на город за окном. Наверху слышались шаги Сьюзен и характерный стук, с каким раскрывается мольберт.

Тогда миссис Нортон поднялась и снова принялась гладить. Через некоторое время, решив, что Сьюзен уже наверняка увлеклась работой (ее мозг просто констатировал это без каких бы то ни было умозаключений), она направилась в буфетную и позвонила Мейбл Уэртс. По ходу беседы она упомянула, что, по словам Сьюзи, у них в городе остановился знаменитый писатель. Мейбл поинтересовалась, не идет ли речь об авторе «Дочери Конвея», и, получив утвердительный ответ, презрительно фыркнула, заявив, что это никакая не литература, а чистой воды порнография. Миссис Нортон спросила, где он остановился: в мотеле или...

Узнав, что Бен остановился в единственном пансионе города, принадлежавшем Еве, миссис Нортон испытала облегчение. Ева Миллер была достойной вдовой, которая не позволит в своем заведении никаких глупостей. Ее правила насчет визитов женщин были простыми и однозначными. Если речь шла о матери или сестре – тогда пожалуйста! Если нет, то место встреч ограничивалось кухней. И никаких исключений из правил!

Миссис Нортон повесила трубку, поболтав еще с четверть часа о том о сем, чтобы скрыть истинную причину своего звонка. Вернувшись к гладильной доске, она подумала о Сьюзен. Как же та не понимает, что мать желает ей только добра?

Когда они возвращались из Портленда по шоссе 295, было еще не

поздно – шел всего двенадцатый час. За пределами города можно было разогнаться до пятидесяти пяти миль в час, и свет фар «ситроена» мерно рассекал темноту на пустынной дороге.

Фильм им понравился, но говорили о нем оба осторожно, как обычно поступают люди, пытающиеся прощупать вкусы друг друга. Вспомнив вопрос матери, Сьюзен поинтересовалась:

– А где ты остановился? Снял что-нибудь?

– Комнату на третьем этаже в пансионе Евы.

– Но там же наверняка дышать нечем! Жарища градусов под сорок!

– Мне нравится жара, – пояснил Бен, – и в ней хорошо работает. Раздеваюсь до пояса, включаю для фона радио и сажусь за машинку, потягивая пиво. Получается страниц по десять в день. К тому же там живут очень колоритные персонажи. А потом выходишь на крылечко, где дует свежий ветерок... Настоящее блаженство!

– Ну... не знаю... – с сомнением протянула она.

– Я подумывал снять Марстен-Хаус, – продолжил Бен. – Даже наводил справки, но дом оказался продан.

– Марстен-Хаус? – Сьюзен улыбнулась. – Этого не может быть. Ты наверняка перепутал название.

– Отнюдь! Я говорю о доме, который стоит на первом холме к северо-западу от города. На Брукс-роуд.

– Продан? Да кому придет в голову...

– И я удивился! Мне не раз говорили, что у меня самого не все дома, но даже я подумывал только об аренде. Риелтор отказался сообщить имя нового владельца. Прямо жуткая тайна, покрытая мраком!

– Наверное, кто-то из другого штата решил устроить в нем летнюю резиденцию, – предположила она. – Но это все равно безумие! Одно дело – приводить запущенный дом в порядок, что мне и самой было бы интересно, но это здание не подлежит восстановлению. Он разваливался еще в моем детстве. Бен, а с чего ты решил его снять?

– Ты когда-нибудь была внутри?

– Нет, но однажды набралась храбрости и заглянула в окно. А ты?

– Я был. Один раз.

– Жуткое место, верно?

Они оба замолчали, задумавшись о Марстен-Хаусе, но их мысли не имели ничего общего с обычной для людей ностальгией. Хотя скандал и насилие, связанные с домом, случились задолго до их рождения, но у маленьких городков долгая память и рассказы об ужасах передаются из поколения в поколение.

История Хьюберта Марстена и его жены Бэрди была самой загадочной и шокирующей тайной, которую хранил Джерусалемс-Лот. В 1920-х годах Хьюби возглавлял одну из крупнейших в Новой Англии транспортных компаний, грузовики которой, по слухам, самые выгодные рейсы совершали по ночам, когда доставляли в Массачусетс виски из Канады.

Сколотив состояние, Марстены в 1929 году перебрались в Салемс-Лот, но после обвала Нью-Йоркской фондовой биржи потеряли кучу денег (сколько именно, не знала даже Мейбл Уэртс).

Десять лет – от биржевой паники до прихода к власти Гитлера – Марстены прожили в доме настоящими отшельниками. Их видели в городе только по четвергам, когда они закупали продукты на неделю. Ларри Маклеод, служивший в те годы почтальоном, рассказывал, что Марстен выписывал четыре ежедневные газеты и три журнала: еженедельные «Сатердей ивнинг пост» и «Нью-Йоркер», а также познавательный ежемесячник «Невероятные истории». Раз в месяц Марстен получал чек от компании грузового автотранспорта, зарегистрированной в Фолл-Ривер, штат Массачусетс. Что это чек, Ларри узнал, подглядев в окошко на конверте, вырезанное для адреса.

Летом 1939 года именно Ларри и обнаружил тела обитателей дома. Газеты и журналы никто не вынимал из почтового ящика целых пять дней, и засунуть в него новые не представлялось возможным. Ларри забрал всю корреспонденцию и направился к дому, чтобы оставить ее на пороге за сетчатой дверью.

Стоял август – самые жаркие дни разгара лета, и трава во дворе была зеленой, густой и высокой, почти до колена. На западной стороне дома густо разрослась жимолость, и упитанные пчелы лениво жужжали вокруг белоснежных соцветий, источавших сильный аромат. В те времена дом, несмотря на высокую траву, выглядел очень живописно и, по всеобщему признанию, был самым красивым в Салемс-Лоте, пока не пришел в упадок.

Как потом с придыханием рассказывали всем новым членам женского клуба, уже на середине дорожки Ларри почувствовал какой-то неприятный запах, как от протухшего мяса. Он постучал в дверь, но никто не отозвался. Он заглянул в замочную скважину, но, кроме темноты, ничего не увидел. На свое счастье, Ларри не стал входить, а решил сначала обойти дом вокруг. У задней двери зловонный запах чувствовался еще сильнее. Ларри попробовал открыть ее, дверь оказалась незапертой. Он вошел на кухню и увидел в углу лежащую на полу, раскинув босые ноги, Бэрди Марстон. Половина ее головы была снесена выстрелом в упор из тридцать шестого калибра или чего-то такого же мощного.

(На этом месте Одри Хэрси всегда делала паузу и подчеркивала со знающим видом: «Мухи! Ларри говорил, что кухня кишела мухами! Они жужжали, то и дело взлетая и снова садясь на... сами понимаете что... Мухи!»)

Ларри Маклеод вылетел из кухни и помчался в город за Норрисом Варни, тогдашним констеблем. Тот прихватил с собой еще трех-четырех человек из магазина Кроссена – в то время им еще заправлял отец Милта, – среди которых оказался и Джексон – старший брат Одри. И все вместе они отправились в Марстен-Хаус на двух машинах – на «шевроле» Норриса и почтовом фургоне Ларри.

Никто из горожан никогда раньше не был в доме Марстенов, и его посещение произвело настоящий фурор. Когда страсти немного улеглись, портлендская газета «Телеграм» опубликовала статью с подробным описанием того, с чем столкнулись незваные посетители. Дом Хьюберта Марстена оказался настоящей крысиной норой, заваленной горами мусора и хлама, с узкими проходами между кипами пожелтевших газет и журналов и связками книг. Полные собрания сочинений Диккенса, Скотта и Мариотта были очищены от грязи предшественницей Лоретты Старчер и поступили в фонд городской библиотеки Салемс-Лота, где стоят на полках и по сей день.

Джексон Хэрси поднял экземпляр «Сатердей ивнинг пост» и стал перелистывать, с изумлением обнаружив, что к каждой странице были аккуратно приклеены скотчем долларовые банкноты.

Норрис Варни выяснил, как повезло Ларри, что он не решился войти в парадную дверь и обошел дом. К стулу было привязано ружье со взведенным курком, направленное прямо на входную дверь на уровне груди. От ручки двери шла бечевка, соединенная со спусковым крючком.

(«Ружье было заряжено, – обязательно поясняла Одри на этом месте. – Если бы Ларри открыл дверь, отправился бы напрямик на небеса».)

Были в доме расставлены и другие, правда, менее смертельные, ловушки. Над дверью в столовую висела пачка газет весом сорок фунтов. Одна из ступенек, ведущих на второй этаж, оказалась подпиленной и могла стоять кому-то сломанной лодыжки. Ни у кого не осталось сомнений, что Хьюби Марстен оказался не просто каким-то чудаком, а самым настоящим сумасшедшим.

Его самого нашли в спальне на втором этаже висящим на веревке, перекинутой через потолочную балку.

В детстве Сьюзен с подружками часто нагоняли друг на друга страху подробностями, подслушанными от взрослых. У Эйми Роклифф на заднем

дворе стоял игрушечный деревянный домик; они залезали туда по очереди и пугали в темноте рассказами о Марстен-Хаусе, который стал настоящим олицетворением кошмара еще до вторжения Гитлера в Польшу. Девочки повторяли рассказы взрослых, насыщая их самыми жуткими деталями, на которые только было способно их воображение. Даже сейчас, спустя восемнадцать лет, одно упоминание о Марстен-Хаусе наполняло душу Сьюзен леденящим трепетом. Перед глазами тут же вставала картина из детства, как они с девочками сидят в темноте, взявшись за руки, и Эйми делится страшными подробностями: «Его лицо ужасно распухло, а язык почернел и вывалился наружу, и по нему ползали мухи. Мама рассказывала миссис Уэртс».

— ...место.

— Что? Извини, я задумалась! — Она с трудом очнулась от воспоминаний. Бен уже сворачивал с шоссе на дорогу, ведущую в Салемс-Лот.

— Я сказал, что это жутковатое место.

— Расскажи, как ты туда ходил.

Он невесело усмехнулся и включил дальний свет. С обеих сторон темную полосу пустынного двухрядного шоссе обступали сосны и ели.

— Все началось как детская забава. Не забывай, что тогда был 1951 год и мальчишки придумывали себе разные развлечения, поскольку в то время никто не нюхал авиационный клей, ведь его еще даже не изобрели. Я тогда много играл с мальчишками из «Подковы»... сейчас, наверное, они уже все разъехались... А южную часть города по-прежнему называют «Подковой»?

— Да.

— Я в основном общался с Дэйви Барклэем, Чарлзом Джеймсом, только все его звали Санни, Гарольдом Роберсоном, Флойдом Тиббитсом...

— Флойдом? — поразила Сьюзен.

— Да, ты его знаешь?

— Мы с ним встречались, — ответила она и, испугавшись расспросов, быстро продолжила: — Санни Джеймс тоже здесь. У него бензоколонка на Джойнтер-авеню. А Гарольд Роберсон умер от лейкемии.

— Они все были старше меня на год или два. И у них было свое братство. Разумеется, тайное. Чтобы стать «кровавым пиратом», за тебя должны были поручиться не меньше трех членов! — Бен пытался говорить шутливо, но в словах сквозила горечь. — Однако я был упрямым. И хотел стать «кровавым пиратом» больше всего на свете... во всяком случае, в то лето.

В конце концов они снизили до того, чтобы принять меня при

условии, что я пройду испытание, которое с ходу придумал Дэйви. Мы все отправились к Марстен-Хаусу, где я должен был забраться внутрь и что-нибудь оттуда вынести. Как трофей. – Бен хмыкнул, чувствуя, как во рту все противно пересохло.

– И что там случилось?

– Я залез в окно. Дом по-прежнему был полон всякого мусора, хотя прошло целых двенадцать лет. Газеты, должно быть, забрали во время войны, но все остальное осталось. На столике в передней лежал маленький снежный шар – понимаете, о чем я? Там внутри был домик, и если шар встряхнуть, поднималась снежная буря. Я сунул эту штуку в карман, но не ушел. Мне хотелось действительно испытать себя. И я отправился наверх, где он повесился.

– Господи Боже! – не удержалась Сьюзен.

– Достаньте мне из бардачка сигарету. Вообще-то я пытаюсь бросить курить, но сейчас мне без нее не обойтись.

Она протянула ему сигарету, и он зажег ее от прикуривателя.

– В доме стоял сильный запах. Даже трудно объяснить какой. Пахло какой-то смесью плесени, гниющей обивки и чего-то прогорклого, как испортившееся масло. И еще какой-то живностью – то ли крысами, то ли сурками, то ли еще какой нечистью, поселившейся в стенах или впавшей в спячку в подвале. Какой-то затхлый, удушливый запах.

Еле передвигая ноги, я осторожно поднимался по ступенькам – до смерти перепуганный девятилетний мальчик. Дом кряхтел и потрескивал, и было слышно, как за штукатуркой кто-то от меня удирает. Мне все время казалось, что я слышу за собой шаги. И ужасно боялся обернуться: а вдруг за мной крадется Хьюби Марстен с почерневшим лицом и петлей в руке?!

Бен изо всех сил вцепился в руль, и в его голосе уже не было прежней несерьезности. Увидев, как глубоко он переживает события тех далеких лет, Сьюзен невольно поежилась. В свете приборов на панели морщины на его лице стали резкими и глубокими, делая его похожим на человека, блуждающего в каком-то жутком лабиринте, из которого он никак не может выбраться.

– Наверху я собрал остатки мужества и побежал к нужной комнате. Я хотел туда заскочить, схватить что-нибудь и поскорее рвануть обратно. Дверь была закрыта, и я видел, как она, приближаясь, становится все больше, и уже мог разглядеть, что петли разболтались и нижний край двери упирается в косяк. На дверной ручке были потертости в тех местах, где за нее брались. Я нажал на нее и надавил на дверь плечом – она заскрипела, царапая деревянный пол, и издала звук, похожий на крик боли женщины.

Будь я в обычном состоянии, я бы тут же, не раздумывая, бросился оттуда со всех ног, но в крови зашкаливал адреналин, и я схватился за ручку обеими руками и что было силы надавил на дверь. Она распахнулась, и я увидел Хьюби: его тело на веревке, перекинутой через балку, было хорошо очерчено на фоне светлого окна.

– Ох, Бен, пожалуйста, не надо... – нервно попросила Сьюзен.

– Клянусь, это чистая правда! – заверил он. – Во всяком случае, именно так все выглядело в глазах девятилетнего мальчика и до сих пор хранится в памяти уже взрослого мужчины двадцать четыре года спустя. Там висел Хьюби, только его лицо было совсем не черным, а зеленым. Глаза закрыты. Руки какие-то неестественно белые... и жуткие! А потом он открыл глаза.

Бен сильно затянулся и выбросил окурок в ночную мглу.

– Я испустил крик, который, наверное, было слышно за две мили. А потом побежал. На ступеньках я споткнулся и покатился вниз, но сумел подняться, выскочил на улицу через парадную дверь и помчался по дороге. Ребята ждали меня примерно в полумиле. Только тогда я увидел, что продолжаю сжимать в руке стеклянный шар. Я храню его до сих пор.

– Но ты же не думаешь всерьез, что видел Хьюберта Марстена, – так ведь, Бен? – Заметив впереди мигающий желтый свет светофора, расположенного в центре города, Сьюзен невольно испытала облегчение.

Бен ответил не сразу.

– Я не знаю, – нерешительно произнес он, отдавая себе отчет, что было бы проще с этим согласиться и закрыть вопрос. – Не исключено, что я был на таком взводе, что мне все примерещилось. С другой стороны, возможно, правы те, кто верит, что дома могут накапливать сильные эмоции, пережитые в их стенах, и держать их... как аккумулятор. А потом, при наличии подходящего катализатора – к примеру, излишне впечатлительного мальчика, – они разряжаются путем... создания образов. Я не имею в виду призраков. Я говорю о некоем трехмерном психическом телевидении. Это может быть даже нечто по-своему живое – например, чудовище.

Она взяла сигарету из его пачки и тоже закурила.

– После того дня я очень долго боялся спать без света, и мне до сих пор снится та открывающаяся дверь, стоит только понервничать.

– Это ужасно.

– Да нет, – возразил он, – не особо. Кошмары снятся всем людям. – Он показал на погруженные в сон дома, мимо которых они проезжали. – Иногда мне даже удивительно, как дома не стонут от ужасов, которые происходят во сне. – Он помолчал. – Может, посидим немного на крылечке

пансиона? Я не могу тебя пригласить внутрь: таковы правила, – но у меня есть пара охлажденных банок колы и немного рома. Как насчет того, чтобы пропустить по стаканчику на сон грядущий?

– Я – с удовольствием.

Он повернул на Рейлроуд-стрит, выключил фары и заехал на маленькую автостоянку для постояльцев пансиона. Заднее крыльцо было выкрашено белым, и на нем стояло три плетеных кресла-качалки, развернутых к реке. Сама река выглядела на редкость романтично: почти полная яркая луна пробивалась сквозь листву деревьев на другом берегу и прокладывала по водной глади переливающуюся серебром дорожку. Город спал, слышался только шум воды на плотине.

– Посиди здесь. Сейчас вернусь.

Бен вошел в дом, осторожно закрыв за собой сетчатую дверь, а Сьюзен опустилась в кресло-качалку.

Несмотря на все свои странности, он ей нравился. Она не верила в любовь с первого взгляда, но вполне допускала, что неожиданное физическое влечение (которое обычно принято называть невинным словом «влюбленность») человек может испытывать достаточно часто. Однако Бен не был похож на человека, мысли о котором не дают заснуть ночью и доверить их можно только личному дневнику. Он был бледным и довольно худым; на лице отражались начитанность и погруженность в свой внутренний мир, а глаза редко выдавали ход мыслей. Густые черные волосы, казалось, редко общались с расческой.

И эта история с домом...

Оба его романа никак не заставляли предположить в авторе столь болезненной впечатлительности. В «Дочери Конвея» рассказывалось о дочери священника, которая уходит из дому, оказывается в сомнительной компании и путешествует по стране автостопом, а «Воздушный танец» повествовал о сбежавшем заключенном Фрэнке Баззи, который начинает новую жизнь, устроившись автомехаником в другом штате, но его, в конце концов, снова ловят. Обе книги были яркими и динамичными, и мрачная тень Хьюби Марстена в петле, навсегда отпечатавшаяся в памяти девятилетнего мальчика, никак не дала в них о себе знать.

Сьюзен невольно перевела взгляд левее – туда, где темный холм, располагавшийся к городу ближе других, заслонял звезды.

– А вот и я, – послышался голос Бена. – Надеюсь, это сгодится.

– Посмотри на Марстен-Хаус, – отозвалась Сьюзен.

Он обернулся. В доме светился огонек.

Выпивка кончилась, миновала полночь, и луна почти скрылась. Они поболтали о разных пустяках, и, когда повисла пауза, Сьюзен вдруг сказала:

– Ты мне нравишься, Бен. И даже очень.

– Ты мне тоже нравишься. Просто удивительно... Нет, я не в том смысле. Помнишь мою глупую шутку в парке насчет династий? Как будто и правда все совсем не случайно.

– Я бы хотела продолжить наше знакомство. Если ты этого тоже хочешь.

– Хочу.

– Только не надо ни с чем торопиться. Не забывай, что я обычная провинциальная девчонка.

– Звучит как фраза из фильма, – улыбнулся он. – Причем хорошего. Наверное, по сценарию сейчас должен идти поцелуй?

– Да, – подтвердила она серьезно. – Именно так.

Продолжая медленно раскачиваться в кресле-качалке рядом с ней, Бен наклонился и коснулся губами ее губ, но не стал проталкивать язык и руки держал на подлокотниках. Сьюзен чувствовала давление его ровных зубов и ощущала легкий запах рома и табака.

Сьюзен тоже начала раскачиваться, отчего поцелуй, то слабея, то вновь набирая силу, приобретал какое-то новое и волнующее наполнение. Она подумала: *Он пробует меня на вкус.* От этой мысли в ней начало просыпаться желание, и она прервала поцелуй, пока это тайное волнение не завело слишком далеко.

– С ума сойти! – сказал он.

– А ты не хочешь прийти к нам на ужин завтра вечером? – спросила она. – Мои родители будут рады с тобой познакомиться.

Еще продолжая испытывать эйфорию от пережитого волнения, Сьюзен была готова уважить просьбу матери.

– А еда домашняя?

– Самая что ни на есть!

– С удовольствием. Со дня приезда я сижу на одних замороженных полуфабрикатах.

– В шесть вечера устроит? Мы тут ужинаем рано.

– Конечно! Просто отлично! И раз уж мы заговорили о доме, наверное, мне пора тебя отвезти. Поехали.

На обратном пути они молчали, пока Сьюзен не заметила в окне своего дома на холме свет ночника, который мать всегда включала, когда ждала дочь.

Она бросила взгляд на Марстен-Хаус и спросила:

– Как думаешь, кто это там?

– Наверное, новый хозяин, – ответил Бен, пожав плечами.

– А свет не похож на электрический. Слишком желтый и слишком слабый. Скорее всего от керосиновой лампы.

– Может, просто не успели подключить электричество.

– Возможно. Но любой здравомыслящий человек сначала звонит в компанию, чтобы подключили электричество, а уж потом въезжает.

Бен промолчал, и машина завернула на подъездную дорожку к дому Сьюзен.

– Бен, – неожиданно спросила она, – а твоя новая книга – про Марстен-Хаус?

Он засмеялся и поцеловал ее в кончик носа.

– Уже поздно.

– Я вовсе не собиралась ничего выпытывать, – улыбнулась Сьюзен.

– Все в порядке. Может, в другой раз... когда будет светить солнце.

– Ладно.

– Тебе действительно пора. Так завтра в шесть?

Она посмотрела на часы и поправила:

– Сегодня в шесть.

– Спокойной ночи, Сьюзен.

– Спокойной ночи.

Сьюзен вылезла из машины, добежала до порога и, обернувшись, помахала рукой на прощание. Перед тем как войти в дом, она добавила в заказ молочнику сметану. Если на ужин запечь картофель, то сметана точно придаст трапезе изысканности.

Она еще немного постояла у двери, разглядывая Марстен-Хаус.

Оказавшись в своей маленькой, похожей на коробок комнате, Бен не стал включать свет и, раздевшись, улегся голым на кровать. Хорошая девушка. Первая хорошая девушка, которая ему встретилась после смерти Миранды. Он надеялся, что не пытается сделать из нее вторую Миранду: это было бы несправедливо по отношению к ней и слишком больно для

него самого.

Устроившись поудобнее, Бен закрыл было глаза, но, прежде чем уснуть, приподнялся на локте и бросил взгляд в окно поверх пишущей машинки и тонкой стопки страниц с рукописью. Осмотрев предложенные Евой комнаты, он выбрал именно эту, потому что вид из нее был прямо на Марстен-Хаус.

В окнах по-прежнему горел свет.

В ту ночь Бену впервые за все время пребывания в Джерусалемс-Лоте приснился тот самый страшный сон. Причем с той необыкновенной яркостью, с которой снился в кошмарные дни после гибели Миранды в автокатастрофе. Бег по коридору, пронзительный визг открывающейся двери, омерзительный взгляд опухших глаз висящего в петле человека, который сам собой разворачивается к двери... И волна неопишуемой паники...

Которая переходит в настоящую агонию, когда дверь захлопывается!

Глава третья

Город (I)

1

Город просыпается быстро – работа ждать не будет. Хотя солнце еще не показалось и землю окутывает тьма, город уже начинает свой новый день.

2

Четыре часа утра.

Сыновья Гриффена – восемнадцатилетний Хэл и четырнадцатилетний Джек – с двумя наемными рабочими приступили к дойке. Коровник буквально сверкал чистотой и белизной. Ближе к середине вдоль безупречно чистых дорожек перед стойлами был проложен облицованный цементом желоб поилки. Хэл включил рубильник, открыл клапан, и помещение наполнил ровный гул насосов, качавших воду из двух артезианских колодцев.

Угрюмый по натуре и не блещущий умом Хэл сегодня был особенно мрачен. Вчера вечером они с отцом снова поругались. Хэл хотел бросить школу. Он ее просто ненавидел! Ненавидел за скуку, за необходимость сидеть в классе по пятьдесят минут на каждом уроке. Он ненавидел все предметы, исключая разве что уроки труда. Его сводили с ума и английский, и идиотизм истории, и непостижимость математики. Но больше всего его бесила бессмысленность всех этих знаний. Коровам было все равно, грамотно ты выражаешься или нет, им было наплевать, кто командовал этой чертовой армией в битве на Потомаке во время Гражданской войны! А что касается математики, так и сам папаша не сможет прибавить две пятых к одной второй, даже если от этого будет зависеть его собственная жизнь. Для расчетов он держал бухгалтера. И чего ради такие мучения? Вон бухгалтер: закончил колледж, весь из себя такой умный, а вкалывает на неуча вроде его отца! Отец всегда говорил, что успех бизнеса заключается не в учености (а производство молочных продуктов было таким же бизнесом, как и прочие), а в знании людей. Отец

любил разглагольствовать о чудесах образования, а у самого за плечами было только шесть классов школы! Он ничего не читал, кроме «Ридерз дайджест», а ферма приносила целых шестнадцать тысяч в год! Знать людей! Уметь с ними общаться и справляться о здоровье жен, помня их по именам! Хэл знал людей. Они делились на два вида: тех, кем можно помыкать, и тех – кем нельзя. Причем первых было раз в десять больше.

А его отец, к сожалению, относился к последним.

Хэл обернулся к Джеку, который неторопливо накладывал вилами сено в кормушку первых четырех стойл. Вот уж настоящий книжный червь! Папочкин любимчик! Дерьмо!

– Давай шевелись! – крикнул он. – Не спи на ходу!

Открыв склад, Хэл вывез первый из четырех доильных аппаратов: на блестящей поверхности из нержавеющей стали отразилось его перекошенное злобой лицо. Чертова школа! Да будь она проклята! Перспектива провести там еще целых девять месяцев была равносильна заточению в могиле.

3

Половина пятого утра.

Плоды вчерашней вечерней дойки, пройдя обработку, отправлялись в город, но не в гальванизированных стальных контейнерах, а в картонных упаковках с красочной этикеткой «Молочное хозяйство «Слюфут-Хилл»». Отец Чарлза Гриффена продавал молоко под своей торговой маркой, но теперь это было невыгодно. Крупные хозяйства подмяли под себя мелких производителей.

В западной части города продукцию «Слюфут-Хилл» доставлял потребителям Ирвин Пьюринтон, чей ежедневный маршрут начинался с Брок-стрит (которую в городе чаще называли Брок-роуд или просто Стиральной доской). По ней он добирался до центра и возвращался обратно уже по Брукс-роуд.

В августе ему исполнился шестьдесят один год, и пенсия уже перестала казаться несбыточной реальностью. Его жена – настоящая стерва по имени Элси – умерла в 1973 году, и уход из жизни стал единственным благим деянием, которое она сделала для него за все двадцать семь лет супружеской жизни. Ирвин с нетерпением ждал выхода на пенсию, чтобы прихватить с собой дворняжку по кличке Док и переехать в Пемаквид-Пойнт. Там он собирался каждый день спать до девяти утра и ни разу больше не встречать восход солнца.

Остановившись у дома Нортонов, он перегрузил в корзинку их заказ – апельсиновый сок, две кварты молока и дюжину яиц. Когда он выбирался из машины, колено отозвалось приступом боли, но не сильной. День начинался хорошо.

К обычному заказу миссис Нортон была сделана приписка аккуратным почерком Сьюзен: «Пожалуйста, добавьте еще маленькую упаковку сметаны. Спасибо».

Пьюринтон вернулся за сметаной, размышляя, что сегодня, очевидно, всем понадобится что-то необычное. Сметана! Однажды он ее попробовал, и его чуть не вырвало!

Небо на востоке начало светлеть, и на полях засверкали крупные капли росы, похожие на королевские сокровища.

4

Четверть шестого утра.

Ева Миллер была на ногах уже двадцать минут и, облачившись в старый халат и потрепанные розовые шлепанцы, готовила себе завтрак: яичницу-болтунью из четырех яиц, восемь ломтиков бекона, сковородку жареной картошки. Эту скромную трапезу дополняют два тоста с джемом, большой стакан апельсинового сока и две чашки кофе со сливками. Она была крупной женщиной, но нельзя сказать чтобы жирной. Да и как тут разжиреть, если в пансионе всегда полно работы! Наблюдать за колыханием ее раблезианских форм у плиты с восемью конфорками было все равно что смотреть на бесконечное движение волн во время прилива или перемещение песчаных дюн.

Она любила завтракать в одиночестве, прикидывая объем предстоящей днем работы. А недостатка в ней не ощущалось никогда. Сейчас в пансионе было девять постояльцев, включая новенького – мистера Миерса. Меблированные комнаты – а всего их было семнадцать – располагались в трехэтажном здании. И везде нужно убратся, помыть полы в коридорах и на лестнице, протереть перила, а в общей гостиной вычистить ковер. Она попросит помочь Проныру Крейга, если, конечно, тот не отсыпается после запоя.

Она как раз садилась за стол, когда скрипнула задняя дверь.

– Привет, Ирвин! Как жизнь?

– Сносно. Колено немного ноет.

– Мне жаль. Ты не можешь оставить еще одну кварту молока и галлон

этого лимонада?

– Конечно, – обреченно согласился он. – Я знал, что сегодня такой день.

Она занялась яичницей, не обращая внимания на его ворчание. Ирвин Пьюринтон всегда найдет чем быть недовольным, хотя, видит Бог, после того как его ведьма свалилась с лестницы в подвале и свернула себе шею, он должен чувствовать себя самым счастливым человеком на свете!

Без четверти шесть, когда она допивала вторую чашку кофе и только закурила сигарету, о стенку дома стукнулась свернутая в трубку «Пресс геральд» и угодила в куст роз. Третий раз за неделю! Судя по всему, доставка газет лишила парня Килби последних мозгов! Ладно, газета может подождать. Первые лучи солнца, проникавшие в окна с восточной стороны, окрашивали все золотом. Сейчас было самое хорошее время суток, и она не позволит ничему его испортить.

Пользование плитой и холодильником, как и смена белья, входило в плату за жилье, и скоро мирную тишину непременно нарушат Гровер Веррилл и Микки Сильвестр, которые спустятся вниз варить свою овсянку, а потом отправятся в Гейтс-Фоллс, где работают на текстильной фабрике.

Как будто в подтверждение ее мыслям, со второго этажа донесся шум спускаемой в туалете воды и послышались тяжелые шаги Сильвестра на лестнице.

Ева со вздохом поднялась и направилась доставать из кустов газету.

5

Пять минут седьмого утра.

Сэнди Макдугалл – худощавую девушку, уже начавшую терять зачатки девичьей привлекательности, – разбудил плач ребенка, и она с трудом поднялась, так и не сумев разлепить веки.

– Иду! – крикнула она.

Ребенок, услышав ее голос, разошелся еще больше.

– Заткнись! Сказала же, что иду!

Она добралась по узкому проходу дома на колесах до кухни, вытащила из холодильника бутылочку Рэнди и, посомневавшись, решила ее не разогревать. Если так проголодался, то выпьет и холодным.

Вернувшись в спальню, она недовольно посмотрела на своего болезненного и капризного десятимесячного сына. В прошлом месяце он начал ползать. Может, у него полиомиелит или еще что. Руки у мальчика

были чем-то перепачканы, стены тоже. Она наклонилась, пытаясь сообразить, во что он вляпался.

Сэнди исполнилось семнадцать лет, и в июле они с мужем отметили свою первую годовщину свадьбы. Она вышла замуж за Ройса Макдугалла на седьмом месяце беременности, когда живот был очень даже заметен. Их брак был благословенным спасением, как верно выразился отец Каллахэн. Правда, сейчас он казался больше похожим на кучу дерьма.

Приглядевшись к сыну, Сэнди с ужасом поняла, что именно дерьмом тот и перемазался, испачкав руки, волосы и стену. Она стояла с холодной бутылкой в руках, тупо глядя на него.

И ради этого она бросила школу, друзей, отказалась от заветной мечты стать манекенщицей! Ради этого убогого трейлера с кишачими на полках муравьями! Ради мужа, который весь день работает на фабрике, а вечера проводит в баре со своими никчемными друзьями или за игрой в покер. Ради сына, так похожего на своего придурка отца и перемазавшего своим дерьмом все вокруг.

Ребенок орал во все горло.

– Заткнись! – взорвалась Сэнди и запустила в него пластиковой бутылкой. Та угодила ребенку в лоб и опрокинула его на спину. Малыш зашелся в крике, размахивая ручками. Под волосиками проступило красное пятно, и на Сэнди накатилась волна из жуткой смеси удовлетворения, жалости и ненависти. Она достала малыша из кровати как тряпку.

– Заткнись! Заткнись! Заткнись! – Не в силах сдержать себя, она дважды сильно его шлепнула.

От боли ребенок уже не мог кричать и только задыхался. Его лицо посинело.

– Прости меня, – пробормотала Сэнди. – Господи Боже! Прости. С тобой все в порядке, малыш? Подожди, сейчас мамочка тебя вытрет.

Когда она вернулась с мокрой тряпкой, глаза у Рэнди заплыли, и под ними наливались синяки. Но бутылочку он взял, и когда Сэнди начала вытирать личико влажной тряпкой, беззубо улыбнулся.

Она решила сказать Рою, что ребенок упал со столика, когда она его переодевала. Муж поверит. Дай Бог, чтобы поверил!

Без четверти семь утра.

Большинство «синих воротничков» Салемс-Лота находились в пути на

работу. Майк Райерсон принадлежал к тем немногим, кто трудился в самом городе. В годовом городском отчете он числился служащим по уходу за территорией, но фактически присматривал за тремя городскими кладбищами. Летом работы хватало, но и зимой он не сидел сложа руки, хотя некоторые, вроде заносчивого владельца магазина скобяных товаров Джорджа Миддлера, думали иначе. Майк подрабатывал помощником городского гробовщика Карла Формана, а большинство стариков отходили в мир иной именно в зимние месяцы.

Сейчас он в своем пикапе направлялся по Бернс-роуд; в кузове машины лежали секаторы, шпалерные ножницы, работающие от аккумулятора, коробка с переносными ограждениями, монтажный лом для выравнивания покосившихся надгробий и две газонокосилки фирмы «Бриггс и Страттон».

Майк собирался покосить утром траву на Хармони-Хилл, подправить, где нужно, каменную ограду, а после обеда отправиться на другой конец города, где на Школьном холме располагалось еще одно кладбище. Туда нередко навдывались учителя, чтобы сделать наброски с могил членов канувшей в Лету общины шекеров^[5]. Из трех городских кладбищ Майку больше всего нравилось то, что на Хармони-Хилл. Оно, конечно, не было таким старым, как на Школьном холме, но зато располагало к умиротворению и здесь росло много тенистых деревьев. Он надеялся, что когда-нибудь, лет так через сто, и его похоронят именно здесь.

Майку исполнилось двадцать семь лет, и он даже успел поучиться в колледже, правда, всего три года, но надеялся когда-нибудь вернуться и завершить обучение. Будучи привлекательным внешне, он по выходным без труда находил себе женскую компанию в заведении «У Делла» или Портленде. Кое-кого из девушек отпугивала его работа, и Майк искренне не мог понять почему. Работа вполне приличная, на свежем воздухе, к тому же над душой не стоит никакой начальник. И что с того, если иногда надо вырыть могилу или сесть за руль катафалка Карла Формана? Майк вообще считал, что естественнее смерти для человека был только секс.

Мурлыча под нос песенку, он повернул на Бернс-роуд и перешел на вторую передачу, поскольку дальше путь лежал в гору. За машиной клубилось облако пыли, среди листвы по обеим сторонам дороги то и дело бросались в глаза голые и похожие на обглоданные кости стволы – печальное напоминание о пожаре 1951 года. Майк знал, что там такой бурелом, что можно запросто сломать ногу. Даже по прошествии двадцати пяти лет шрамы от пожара так и не зарубцевались полностью, что лишний раз напоминало о простой истине: среди жизни всегда ходит смерть.

Кладбище располагалось на гребне холма, и Майк уже подъезжал к воротам, готовясь выйти и отпереть их, как вдруг резко ударил по тормозам.

На чугунной решетке ворот висела головой вниз собака, а на земле под ней расплылось пятно подсыхавшей крови.

Майк выскочил из машины и побежал к воротам, на ходу вытаскивая из заднего кармана рабочие перчатки. Надев их, он осторожно приподнял голову пса. Та поддалась с неожиданной легкостью и уставилась на него невидящим взглядом остекленевших глаз. Да это же Док – дворняжка Пьюринтона! Собака висела на пруте ограды, как туша на крюке в лавке мясника. По ее телу уже ползали мухи, еще не толком не проснувшиеся в утренней прохладе.

Майк обхватил тело собаки и снял с ограды, превозмогая тошноту от хлюпающих звуков, сопровождавших каждое его движение. Ему не раз приходилось сталкиваться с кладбищенским вандализмом, особенно во время Хеллоуина, но до Дня всех святых оставалось целых полтора месяца, а такое кощунство он видел впервые. Обычно дело ограничивалось несколькими перевернутыми надгробиями, непристойными надписями или подвешиванием на воротах картонного скелета. Но если это убийство – дело рук подростков, они просто уроды! Ирвин с ума сойдет от горя.

Поразмыслив, не стоит ли сразу отвезти труп собаки в город и показать Паркинсу Гиллесли, Майк решил, что это может подождать и до обеда; правда, он сомневался, что у него теперь будет аппетит.

Отперев ворота, Майк посмотрел на перепачканные кровью перчатки. Решетку придется отмывать. Похоже, на другое кладбище ему сегодня попасть не удастся. Майк заехал внутрь и припарковался, уже не мурлыча под нос. Настроение было испорчено.

Восемь часов утра.

Громоздкие желтые школьные автобусы совершали обычные маршруты, забирая поджидавших на улице детей с завтраками в руках. За рулем одного из них сидел Чарли Роудс, чей маршрут проходил по Тэггарт-Стрим-роуд в восточной части города и верхней половине Джойнтер-авеню.

Дети в нем были самыми дисциплинированными не только в Салемс-Лоте, но и во всем школьном округе. Никакого гама, никакой возни или

дерганья за косички. Ребята ведут себя смирно, иначе им придется пару миль до Стэнли-стрит, где находится школа, шагать пешком и объяснять в кабинете директору, почему так вышло.

Чарли знал, что о нем думают дети и как называют за глаза, но это его ничуть не смущало. Он не допустит в своем автобусе никаких шалостей и озорства. Пусть приберегут свои выкрутасы для учителей-слюнтяев.

Директор школы на Стэнли-стрит как-то имел наглость поинтересоваться, не слишком ли Чарли «погорячился», когда заставил мальчишку Дэрхэма добираться до школы пешком три дня кряду только за то, что он позволил себе разговаривать в автобусе громче положенного. Чарли просто молча смерил директора взглядом, и тот – желторотый юнец, всего четыре года как из колледжа, – смущенно отвел глаза. Заведующий автобусным автопарком Управления образования Дэйв Фелсен был старым приятелем – они вместе тянули лямку на войне в Корее и отлично понимали друг друга. Понимали, что творится со страной. Понимали, что именно те, кто в 1958 году разговаривал «громче положенного», в 68-м мочились на флаг.

Взглянув в широкое зеркало над головой, он заметил, как Мэри Кейт Григсон передала записку своему ухажеру Бренту Тенни. Наверняка уже трахаются. Сегодня в средней школе это обычная вещь.

Он затормозил и включил аварийный сигнал. Мэри Кейт и Брент испуганно переглянулись.

– Соскучились по разговорам? – спросил он, глядя в зеркало. – Ну так поговорите на свежем воздухе!

Он открыл двери и подождал, пока те не выбрались из автобуса к черту.

Девять часов утра.

Проныра Крейг скатился с кровати на пол. Сквозь раскрытое окно в его комнате на втором этаже нещадно палило солнце. В голове тошнотворно гудело. А писака наверху уже стучал на машинке. Господи, каким же надо быть кретином, чтобы долбить как дятел с утра до вечера!

Добравшись до календаря на стене, Крейг посмотрел, какой наступил день недели: вдруг уже пора получать пособие по безработице? К сожалению, сегодня была только среда.

Похмелье было не особенно тяжелым. Он проторчал в заведении «У

Делла» до самого закрытия, то есть до часу ночи, но на два доллара особо не разгуляешься, а когда они кончились, удалось выклянчить у посетителей всего-то пару кружек пива. С неудовольствием отметив про себя, что начал терять форму, Крейг поскреб щеку.

Натянув зеленые рабочие брюки и теплую фуфайку, которую носил зимой и летом, Крейг открыл шкаф и достал свой завтрак: бутылку теплого пива, чтобы выпить на месте, и коробку с овсянкой из продуктового набора государственной помощи бедным для поглощения на кухне. Правда, он обещал хозяйке помочь по хозяйству, так что не исключено, что она его чем-то и угостит.

Он не особо переживал, что это отголоски тех далеких времен, когда Ева Миллер делила с ним постель. Ее муж погиб от несчастного случая на лесопилке, который, несмотря на трагичность исхода, можно назвать даже курьезным. В те дни на лесопилке работало до семидесяти человек, и Ральф Миллер был одним из кандидатов на пост управляющего.

А смешно было то, что Ральф Миллер и близко не подходил к станкам с 1952 года, то есть ни разу за все семь лет, как его перевели из бригадиров в дирекцию. Этим начальство выразило Ральфу свою благодарность, которую Проныра считал вполне заслуженной.

Когда шквальный ветер перенес огонь большого пожара через Джойнтер-авеню, казалось, уже ничто не может спасти лесопилку. У пожарных расчетов, приехавших из шести соседних городов, и без того хватало забот в Салемс-Лоте, чтобы выделять людей для борьбы с огнем на лесопилке. Тогда Ральф Миллер мобилизовал всех рабочих второй смены и организовал из них пожарную команду, которая под его руководством поливала водой крышу лесопилки и в итоге сделала то, чего не сумели все остальные пожарные по другую сторону от Джойнтер-авеню. А именно: соорудила противопожарный разрыв, который остановил огонь и направил на юг, где его смогли уже полностью потушить.

Через семь лет, показывая лесопилку потенциальным покупателям из Массачусетса, он, поскользнувшись в луже, случайно оступился и угодил в расщепитель древесных отходов прямо у них на глазах. Понятно, что сделка сорвалась и спасенная им в 1951 году лесопилка окончательно закрылась в феврале 1960 года.

И вот теперь, шестнадцать лет спустя, Проныра снимал комнату у женщины, с которой когда-то спал и которую до сих пор находил чертовски привлекательной.

Он посмотрелся в забрызганное водой зеркало и расчесал седые волосы, которые и в шестьдесят семь лет оставались густыми и красивыми.

Казалось, они были единственной частью его внешности, над которой алкоголь оказался не властен. Затем он накинул рабочую рубашку и, прихватив коробку с овсянкой, отправился вниз.

Едва Крейг оказался в залитой солнцем кухне, как его тут же атаковала вдова.

– Послушай, Проныра, ты не мог бы протереть полиролем перила, когда позавтракаешь? Найдется минутка? – Они оба делали вид, что он помогает ей по доброте душевной, а вовсе не отрабатывает свое проживание в комнате, стоившее четырнадцать долларов в неделю.

– Конечно, найдется, Ева.

– И еще ковер в гостиной...

– ...надо перевернуть. Я помню.

– Как с утра голова? – деловито поинтересовалась она, но Крейг уловил в ее тоне нотки жалости, хотя она и пыталась ее всячески скрыть.

– Голова в порядке, – раздраженно заверил он, ставя кастрюлю с водой на конфорку.

– Ты вчера пришел поздно, поэтому и спрашиваю.

– Ты что – шпионишь за мной? – шутливо подмигнул Крейг и с удовольствием убедился, что Ева еще умеет краснеть как школьница, хотя всякие любовные шалости они оставили лет десять назад.

– Послушай, Эд...

Она была единственной, кто по-прежнему называл его по имени. Для всех остальных он был Пронырой. Да пусть зовут как хотят. Но прозвище прилепилось к нему прочно.

– Не обращай внимания, – проворчал он. – Я встал не с той ноги.

– Судя по звуку, ты не встал, а упал, – тут же отреагировала Ева, и Проныра хмыкнул. Он сварил и съел ненавистную овсянку, после чего взял полироль и тряпки и вышел не оглядываясь.

Наверху по-прежнему раздавался стук пишущей машинки. Винни Апшо, живший на том же этаже в комнате напротив, рассказывал, что этот парень начинает каждое утро в девять часов и печатает до полудня. Потом в три часа садится снова и стучит до шести, а потом еще раз – с девяти до полуночи. Проныра искренне не мог взять в толк, как в голове одного человека может уместиться столько слов.

А так парень с виду был вполне приличным, и не исключено, что как-нибудь вечером его удастся раскрутить на несколько кружек пива в забегаловке «У Делла». Говорят, что писатели любят выпить.

Проныра принялся методично натирать полиролем перила, и его мысли снова вернулись к вдове. На деньги, полученные по страховке за

гибель мужа, миссис Миллер превратила это здание в пансион – и неплохо справлялась! А почему нет? Она вкалывала как ломовая лошадь. Судя по всему, при живом муже она привыкла к регулярному сексу, а когда скорбь от его кончины улеглась, потребность и дала о себе знать. Господи, как же ей это дело нравилось!

В те годы – самое начало шестидесятых – его называли Эдом, а не Пронырой, у него была хорошая работа, и он еще не пил. Вот тогда, одной январской ночью 1962 года, они с Евой и оказались в одной постели.

Перестав натирать перила, Проныра задумчиво посмотрел в узкое окошко на лестничной площадке второго этажа. За ним беспечно светило яркое летнее солнце, будто издеваясь над подступавшей осенью и холодной зимой, которая придет ей на смену.

Так уж вышло, что они оказались в постели у нее в спальне, а когда все кончилось, она заплакала в темноте и сказала, что они поступили плохо. Он не согласился, хотя и сам не знал, хорошо это или плохо, да и не задумывался об этом. За окном завывал холодный северный ветер, а в спальне было тепло и безопасно, и они в конце концов уснули, прижавшись друг к другу, как убранный в коробку столовое серебро.

Господи Боже, время точно похоже на реку. Интересно, знает ли об этом писатель?

Проныра снова вернулся к работе и начал натирать перила широкими размашистыми движениями.

Десять часов утра.

В начальной школе на Стэнли-стрит наступила перемена. Это невысокое новое здание, построенное на средства округа, являлось предметом настоящей гордости Салемс-Лота. Современные залитые светом классы только подчеркивали, какой старой и темной была средняя школа на Брок-стрит.

Ричи Боддин – первый в школе задира, немало гордившийся этим обстоятельством, – неторопливо вышел во двор, высматривая наглого умника, которому известны все ответы по математике. В его школе каждый новичок должен знать свое место и понимать, кто тут главный. Особенно такие учительские любимчики, как этот очкарик.

В свои одиннадцать лет Ричи весил целых сто сорок фунтов. Мать постоянно хвасталась перед знакомыми его невероятными размерами, так

что он отлично знал, каким был огромным. Иногда ему даже казалось, что от его шагов дрожит земля. А когда он вырастет, обязательно станет тоже, как и отец, курить «Кэмел».

Четвертым и пятым классам он внушал ужас, а малышня вообще почитала его за школьное божество. Когда он перейдет в седьмой класс на Брок-стрит, здешний пантеон осиротеет, лишившись своего главного злого духа. Жизнь была хороша!

А вон и новичок по фамилии Питри, ждавший своей очереди сыграть в футбол.

– Эй! – крикнул Ричи.

Все, кроме Питри, испуганно обернулись и с облегчением выдохнули, увидев, что взгляд Ричи обращен не на них.

– Эй, ты! Очкарик!

Марк Питри обернулся и посмотрел на Ричи. Очки в металлической оправе сверкнули на солнце.

Ростом он не уступал Ричи – тоже высился над большинством одноклассников, – но был худым и долговязым. Выражение его интеллигентного лица казалось беззащитным.

– Ты ко мне обращаешься?

– «Ты ко мне обращаешься?» – передразнил Ричи фальцетом. – Ты знаешь, очкарик, что у тебя голос как у педика?

– Нет, не знаю, – ответил Марк Питри.

Ричи сделал шаг вперед.

– Уверен, что ты даешь старым и вонючим мужикам.

– В самом деле?

Его издевательски вежливый тон выводил Ричи из себя.

– Да, и не раз в неделю, а каждый божий день!

Вокруг стали собираться ребята, чтобы посмотреть, как Ричи отделает новичка. Мисс Холкомб, которая на этой неделе дежурила на игровой площадке, следила за малышами на качелях и ничего не видела.

– Чего тебе надо? – поинтересовался Марк Питри, разглядывая Ричи как диковинное насекомое.

– «Чего тебе надо?» – снова передразнил Ричи писклявым голосом. – Мне ничего не надо! Я просто слышал, что ты паршивый педик, вот и все!

– В самом деле? – все так же вежливо переспросил Марк. – А я вот слышал, что ты огромная куча вонючего дерьма.

Наступила мертвая тишина. Мальчишки замерли: еще ни разу в жизни им не доводилось видеть, как человек сам себе подписывает смертный приговор. Впервые столкнувшись с отпором, Ричи опешил не меньше их.

Марк снял очки и протянул стоявшему рядом мальчику.

– Подержи, пожалуйста.

Мальчик молча взял очки, испуганно тараща глаза.

Ричи бросился вперед, чувствуя, как под ногами задрожала земля. Его переполняла уверенность в победе и злорадное желание смести противника и растоптать его. Размахнувшись, Ричи нанес удар правой, целя очкарику-педик у прямо в зубы. Тот будет долго их собирать по земле. *Записывайся к дантисту, педик! Твой час пробил!*

Марк Питри нырнул под удар и отскочил в сторону. Кулак пронесся над головой, по инерции увлекая за собой Ричи. Марку оставалось только подставить ножку. Ричи Боддин, громко охнув, с размаху грохнулся на землю. Толпа наблюдателей восторженно взывала.

Марк отлично понимал, что стоит неуклюжему толстяку подняться, и ему точно не поздоровится. Проворства ему было не занимать, но для победы в школьном поединке одной ловкости было явно недостаточно. Случись такое в уличной драке, сейчас было бы самое время пуститься наутек и, оторвавшись от неповоротливого противника на безопасное расстояние, обернуться и показать ему издали какой-нибудь оскорбительный жест. Но они находились на школьном дворе, и он понимал, что, если сейчас не разобраться с этим жирным ублюдком раз и навсегда, тот от него точно не отстанет.

Все эти мысли промелькнули в голове Марка за долю секунды.

Он вскочил Ричи Боддину на спину.

Тот зарычал, и толпа снова изумленно охнула. Марк ухватил руку Ричи в районе запястья – причем специально через рукав, чтобы та не выскользнула, – и завел, вывернув, за спину. Ричи закричал от боли.

– Сдавайся! – сказал Марк.

В ответ слышалась такая тирада из отборных ругательств, что ей позавидовал бы даже бывалый моряк.

Марк еще сильнее вывернул Ричи руку, и тот снова закричал. Его переполняли негодование, страх и непонимание. Такого раньше никогда не случалось! Этого просто не может быть! Чтобы какой-то педик-очкарик сидел у него на спине и выворачивал руку, заставляя кричать от боли на глазах у подчиненных?!

– Сдавайся! – повторил Марк.

Ричи с трудом поднялся на четвереньки. Марк обхватил его коленями за бока и оседлал. Они оба перепачкались в пыли, но у Ричи вид был совсем жалкий: пунцовое от напряжения лицо перекошилось от боли, глаза выскакивали из орбит, а на щеке алела царапина.

Ричи попытался стряхнуть Марка с плеч, но тот еще сильнее вывернул ему руку. На этот раз раздался не крик, а истошный вопль.

– Сдавайся, или я, видит Бог, сломаю тебе руку!

Рубашка Ричи выбилась из брюк, обнажив покрытый потом и царапинами живот. Всхлипывая, он раскачивался из стороны в сторону, пытаясь сбросить проклятого педика, но тот держался крепко. Плечо горело, а рука онемела.

– Отпусти, сукин ты сын! Так нечестно!

Новый приступ боли.

– Сдавайся!

– Нет!

Потеряв равновесие, здоровяк растянулся на земле, глотая пыль. Боль в руке была невыносимой. Пыль попала в глаза, и Ричи беспомощно задрывал ногами. Он забыл, какой он большой и сильный. Как во время ходьбы у него под ногами дрожала земля. Он забыл, что собирался курить «Кэмел», как отец, когда вырастет.

– Сдаюсь! Сдаюсь! Сдаюсь! – завопил он. Ему казалось, что он готов кричать часами и даже днями напролет, лишь бы его руку отпустили.

– Скажи: «Я куча вонючего дерьма».

– Я куча вонючего дерьма! – закричал Ричи, глотая пыль.

– Ладно.

Разжав бедра, Марк Питри отскочил в сторону и смотрел, как Ричи медленно поднимается. После сильного напряжения у Марка ныли ноги, и ему оставалось только надеяться, что здоровяк смирился со своим поражением. Если нет, то Ричи из него точно сделает отбивную.

Ричи поднялся и обвел взглядом присутствующих. Все отводили глаза, делая вид, что занимаются своими делами. И даже этот недоносок Глик смотрел на педика, словно на некое божество.

Ричи стоял в одиночестве, не в силах поверить, как быстро свершилось его падение. На перепачканном пылью лице появились дорожки от слез ярости и унижения. Ричи прикидывал, не стоит ли броситься на Марка Питри.

Но стыд и страх, неизвестные ему раньше, сейчас взяли верх. Он поквитается позже. Рука ныла, как больной зуб. *Проклятый сукин сын! Дай мне только до тебя добраться...*

Но не сегодня. Он повернулся и, опустив глаза, чтобы ни с кем не встретиться взглядом, побрел с площадки прочь. И земля от его шагов больше не дрожала.

Там, где стояли девчонки, раздался смех. Тонкий и издевательский. Он

не стал смотреть, кто это был.

Четверть двенадцатого утра.

Для городской свалки Джерусалемс-Лота использовался старый гравийный карьер, который в 1945 году оказался полностью выработанным и уперся в залежи глины. Карьер находился в конце отрога, что шел от Бернс-роуд в двух милях от кладбища на Хармони-Хилл.

До Дада Роджерса доносилось слабое тарахтенье газонокосилки Майка Райерсона внизу по дороге, пока его не заглушил треск огня.

Дад был сторожем свалки с 1956 года, и его регулярное переизбрание на эту должность было чистой формальностью и проходило под шумное одобрение. Он жил на самой свалке в небольшом сарае с перекошенной дверью. Дад перебрался сюда три года назад, когда ему удалось выклянчить у скупердеев из городского управления обогреватель.

Он был горбуном с искривленной шеей, как будто Господь раздраженно дернул его за голову, прежде чем позволил появиться на свет. Длинные руки, свисавшие, как у обезьяны, почти до колен, обладали невероятной силой. Когда ремонтировали магазин скобяных товаров, четыре человека с трудом затащили старый сейф в кузов автофургона, а Дад в одиночку сумел не только опустить его на землю, но и дотащить до восточной части свалки. От напряжения жилы на руках тогда вздулись, как переплетенные канаты, а набухшие на лбу и шее вены походили на толстую проволоку в синей оплетке.

Дад любил свалку. Ему нравилось гонять мальчишек, пришедших бить бутылки, и направлять машины на разгрузку в нужное место. Ему нравилось копаться в мусоре, что было его законным правом. Наверное, над ним смеялись, завидев шагающим по горам мусора в сапогах и резиновых перчатках, с пистолетом в кобуре, рюкзаком за плечами и ножом в руке. Пускай смеются! На свалке попадалась медная проволока, а иногда даже медные кожухи в пришедших в негодность двигателях, а за медный лом в Портленде давали неплохие деньги. На свалке встречались старые комоды, стулья и диваны, которые еще можно было отремонтировать, а потом продать антикварам. Дад надувал антикваров, антиквары надували туристов, и все были в выигрыше: разве не так устроен весь мир? Пару лет назад он нашел кровать со сломанной рамой и продал какому-то педикю из Уэллса за двести баксов. Этот педик чуть с ума не сошел от радости, что

приобрел настоящий раритет из Новой Англии, не зная, как тщательно Дад оттирал шкуркой надпись на передней спинке кровати «Сделано в Гранд-Рапидсе, штат Мичиган».

На дальнем конце была свалка старых автомобилей: «бьюиков», «фордов», «шевроле» и всяких прочих. Господи, чего только люди не оставляли в брошенных машинах! Самым ценным там были радиаторы, но и карбюраторы, предварительно вымочив в керосине, можно было продать по семь долларов за штуку. А чего стоили ремни вентилятора, фонари заднего хода, крышки прерывателя-распределителя, ветровые стекла, рулевые колеса, коврики...

Да, свалка – это чудесное место! Диснейленд и Шангри-Ла в одном флаконе. Но самым лучшим на свалке были даже не деньги, вырученные от продажи хлама и спрятанные в черной коробке, которую он закопал под креслом.

Самым лучшим был огонь и... крысы!

Утром по воскресеньям и четвергам и вечером по понедельникам и пятницам Дад жег мусор на отдельных участках свалки. Особенно красиво разведенный огонь выглядел вечерами. Дад нравился неяркие с розовым отливом языки пламени, которые вспыхивали на зеленых пластиковых пакетах с мусором, пачках старых газет и картонных коробках. Но утренние процедуры были лучше из-за крыс.

Дад устроился в кресле и наблюдал, как огонь постепенно распространялся и в небо, прогоняя чаек, устремлялись клубы черного дыма. Скоро побегут крысы, и Дад ждал их появления с пистолетом двадцать второго калибра в руке.

Крысы появлялись полчищами. Огромные, грязно-серые, с розовыми глазами. Бока усеяны блохами и клещами, а хвосты похожи на толстую розовую проволоку. Дад обожал стрелять крыс.

– Ты покупаешь много патронов, Дад, – говорил Джордж Миддлер из магазина скобяных товаров своим противным голосом, выкладывая на прилавок коробки с боеприпасами. – Счет опять выставишь городу?

Это была старая шутка. Несколько лет назад Дад предъявил Биллу Нортону квитанцию об оплате двух тысяч патронов «дум-дум» и попросил возместить расходы, но в ответ тот просто выставил его за дверь.

– Ты же понимаешь, Джордж, – отвечал Дад, – это все ради блага общества!

Ну вот, показалась первая толстая крыса. Это будет Джордж Миддлер. Крыса слегка приволакивала заднюю лапу, и во рту у нее торчал сморщенный кусок куриной печени.

– Привет, Джордж, и прощай! – произнес Дад и нажал на курок.

Звук выстрела был негромким и совсем не впечатлял, но крыса дважды перевернулась и осталась лежать, дергая лапками. Пули «дум-дум» знали свое дело. Когда-нибудь он обзаведется «магнумом» сорок пятого калибра или триста пятьдесят седьмого калибра и посмотрит, что тогда будет за эффект.

А теперь следующая. Эта будет потаскушка Рути Крокетт – та самая, что всегда ходит в школу без лифчика и, завидев Дада на улице, пихает локтем подружку и хихикает. *Бах! Прощай, Рути.*

Крысы опрометью бросились искать спасения на дальнем краю свалки, но Дадуду удалось подстрелить еще шесть штук. Неплохой результат для одного утра – ничего не скажешь! Если пойти и поглядеть, то клещи будут разбегаться с их остывающих тел как... как крысы с тонущего корабля!

Эта мысль показалась Дадуду на редкость забавной, и он, запрокинув назад нелепо повернутую голову, разразился громким раскатистым смехом, а огонь продолжал плясать на мусоре неровными языками пламени.

Жизнь удивительно хорошая штука!

Полдень.

Долгий гудок городской сирены возвестил начало перемены во всех трех школах и наступление полудня. Второй член городского правления и владелец фирмы «Страхование и недвижимость Южного Мэна» Лоренс Крокетт отложил книгу, которую читал («Сексуальные рабыни сатаны») и проверил, правильно ли ходят наручные часы. Затем подошел к двери и повесил табличку «Вернусь в час». Его распорядок дня никогда не менялся. Он отправится в кафе «Экселлент», возьмет два чизбургера с овощами и приправой, чашку кофе и выкурит сигару, любуясь ножками официантки Паулин.

Подергав за ручку и убедившись, что дверь заперта, он направился по Джойнтер-авеню. Остановившись на углу, бросил взгляд на Марстен-Хаус. Перед входом в дом, сверкая на солнце, стоял автомобиль. Лоренс снова почувствовал смутное беспокойство. Больше года назад он продал в одном пакете Марстен-Хаус и заброшенную городскую прачечную. За всю его жизнь это была самая необычная сделка, хотя чего-чего, а сомнительных сделок на счету Лоренса было предостаточно. Машина скорее всего

принадлежала некоему Стрейкеру, Р. Т. Стрейкеру, от которого только сегодня утром он получил письмо.

Человек с таким именем появился в офисе Крокетта июльским вечером чуть больше года назад. Прежде чем войти, он немного постоял на тротуаре. Несмотря на жару, мужчина был одет в темную тройку, однако на лысом, как бильярдный шар, черепе не было заметно ни малейших следов испарины. На резко очерченном лице глазные впадины казались высверленными под черными как смоль бровями. В руке мужчина держал тонкий черный портфель. В тот момент Ларри находился в офисе один. Секретарша – девушка из Фалмута, с выдающейся во всех отношениях грудью – работала у него только до обеда, а вторую половину дня трудилась в офисе адвоката в Гейтс-Фоллс.

Лысый мужчина опустился в кресло для клиентов, положил портфель на колени и молча уставился на Ларри Крокетта. Прочитать что-нибудь в его глазах было невозможно, и Ларри это не понравилось. Он любил заранее определять по глазам, чего именно хотелось клиенту, еще до того как тот открывал рот. Этот же мужчина не остановился перед доской с фотографиями выставленных на продажу домов, не протянул руки, не представился и даже не поздоровался.

– Чем могу служить? – поинтересовался Ларри.

– Меня направили приобрести в вашем чудесном городе недвижимость для жилья и бизнеса, – ответил тот. Он говорил таким же бесстрастным и лишенным жизни голосом, каким сообщают прогноз погоды в справочной службе по телефону.

– Так это замечательно! – воскликнул Ларри. – У нас есть несколько отличных домов, которые вас наверняка заинтересуют...

– В этом нет необходимости, – прервал его лысый, поднимая руку. Ларри поразились невероятной длине его пальцев: средний был не меньше четырех дюймов. Может, даже все пять. – Для бизнеса нас вполне устроит помещение за зданием муниципалитета. То, что выходит в парк.

– Да, оно продается. Раньше там была прачечная самообслуживания, но год назад она закрылась. Она вполне подойдет вам, если вы...

– А для жилья, – снова прервал его лысый мужчина, – мы хотели бы приобрести дом, который в городе известен как Марстен-Хаус.

Ларри был ошеломлен, но он слишком долго занимался этим бизнесом, чтобы ничем не выдать своего изумления.

– Вот как?

– Да. Меня зовут Стрейкер. Ричард Трокетт Стрейкер. Все бумаги должны быть оформлены на мое имя.

– Отлично! – отозвался Ларри. В серьезности намерений клиента сомневаться не приходилось. – За Марстен-Хаус просят четырнадцать тысяч долларов, хотя, возможно, мне удастся убедить владельцев немного снизить цену. Что касается старой прачечной...

– Так не пойдет. Я уполномочен заплатить один доллар.

– Один?.. – Ларри чуть повернул голову, как обычно делают, когда не уверены, что расслышали.

– Да. Одну минуту.

Длинные пальцы Стрейкера скользнули по замку портфеля, расстегнули его и вытащили голубую прозрачную папку с бумагами.

Ларри нахмурился и молча ждал.

– Пожалуйста, прочитайте. Так будет быстрее.

Откинув пластиковую обложку, Ларри посмотрел на первый лист с видом человека, который делает одолжение сумасшедшему. Его взгляд скользнул по документу и, выхватив какие-то строчки, остановился на них.

Стрейкер тонко улыбнулся, достал из кармана золотой портсигар и выбрал сигарету. Постучав ею по крышке, он чиркнул спичкой, и кабинет наполнил резкий аромат турецкого табака.

Следующие десять минут в кабинете царило молчание, нарушаемое только тихим гулом вентилятора и доносившимся с улицы приглушенным шумом проезжавших машин. Докурив сигарету до конца, Стрейкер раздавил пальцами тлеющий окурок и закурил новую.

Потрясенный Ларри поднял голову – на его лице не было ни кровинки.

– Это какая-то шутка! Кто вас прислал? Джон Келли?

– Я не знаю никакого Джона Келли. И это не шутка.

– Эти бумаги... Акт отказа от права, скрепленный печатью... Земля... Господи, да вы знаете, что этот участок стоит полтора миллиона долларов?!

– Не смешите меня! – холодно заметил Стрейкер. – Он стоит четыре миллиона. А когда построят торговый центр, станет еще дороже.

– И чего вы хотите? – спросил Ларри внезапно охрипшим голосом.

– Я уже говорил вам, чего хочу. Мы с партнером собираемся открыть в этом городе бизнес. А жить намереваемся в Марстен-Хаусе.

– Какой еще бизнес? «Убийство инкорпорейтед»?

Стрейкер холодно улыбнулся.

– Боюсь, что речь идет о самом обыкновенном мебельном магазине. С упором на антиквариат для ценителей. Мой партнер является в этом настоящим докой.

– Чушь! – уже не сдерживался Ларри. – Марстен-Хаус вы могли бы купить за восемь с половиной кусков, а прачечную – за шестнадцать. Ваш

партнер наверняка это знает. И вам обоим отлично известно, что в городе нет рынка для эксклюзивной мебели и антиквариата.

– Мой партнер весьма сведущ во всех вопросах, представляющих для него интерес, – заверил Стрейкер. – Он знает, что ваш город стоит на шоссе, по которому ездят туристы и дачники. Они и составят основную клиентуру. Но вас это совершенно не касается. Вы убедились, что с бумагами все в порядке?

Ларри постучал по столу голубой папкой.

– Похоже, что так. Но меня вам провести не удастся, что бы вы там ни говорили.

– Разумеется, нет! – Стрейкер говорил подчеркнуто вежливо, но в его тоне звучало презрение. – Насколько я знаю, у вас в Бостоне имеется адвокат. Некий Фрэнсис Уолш.

– Откуда вам это известно? – поразился Ларри.

– Это не важно. Покажите бумаги ему. Он подтвердит их законность. Земля, на которой собираются построить торговый центр, станет вашей, если вы выполните три условия.

– Ну вот, – с явным облегчением отозвался Ларри. – Есть условия! – Он откинулся на спинку кресла, выбрал сигару из керамической коробки на столе и, чиркнув спичкой о кожаную подошву ботинка, раскурил ее. – Похоже, теперь поговорим по существу. Выкладывайте!

– Первое. Вы продаете мне Марстен-Хаус и помещение для бизнеса за один доллар. Собственником дома является риелторская фирма в Бангоре, а здание прачечной принадлежит портлендскому банку. Я уверен, что оба продавца не станут возражать, если вы покроете разницу до минимально приемлемой цены. С учетом ваших комиссионных, разумеется.

– Откуда у вас эта информация?

– Это вас не касается, мистер Крокетт. Условие номер два. Вы никому не станете рассказывать о нашей сегодняшней сделке. Никому. Если возникнут вопросы, вы скажете только то, что я уже говорил: мы два партнера, которые собираются открыть бизнес, ориентированный на туристов и дачников. Это очень важно!

– Я не болтлив.

– И все же я хочу, чтобы вы осознали всю серьезность этого условия. Может так случиться, мистер Крокетт, что рано или поздно вам захочется рассказать кому-то, какую удачную сделку вы сегодня совершили. Если вы это сделаете, я об этом узнаю. И уничтожу вас. Это понятно?

– Звучит как цитата из дешевого шпионского фильма!

Хотя Ларри и отреагировал нарочито небрежно, но в душе он ощутил

неприятный холодок страха. Обыденность, с которой прозвучала угроза, была похожа на небрежность кивка при встрече, что придавало угрозе зловещую достоверность. И откуда, черт возьми, этот тип узнал про Фрэнка Уолша? О нем не было известно даже жене!

– Вы понимаете меня, мистер Крокетт?

– Да, – сказал Ларри. – Я умею держать язык за зубами.

– Разумеется. Поэтому я и обратился к вам. – Губы Стрейкера тронула тонкая улыбка.

– А третье условие?

– В доме нужно кое-что подремонтировать.

– С этим трудно не согласиться, – кивнул Ларри.

– Мой партнер намеревается заняться этим лично. Но ему нужен помощник. Время от времени я буду обращаться с просьбой найти рабочих, которые доставят в дом или магазин определенные грузы. И вы никому не станете об этом рассказывать. Это понятно?

– Да, понятно. Но вы сами ведь не из этих краев, не так ли?

– А это имеет какое-то значение? – удивленно приподнял брови Стрейкер.

– Конечно! Здесь не Бостон и не Нью-Йорк. Я, конечно, буду держать рот на замке, но люди все равно начнут болтать. Чего стоит одна старая сплетница по имени Мейбл Уэртс, что живет на Рейлроуд-стрит. Она сутками напролет не выпускает из рук бинокля...

– Меня не беспокоят горожане. Не беспокоят они и моего партнера. Обыватели, как крикливые сороки на телефонных проводах, всегда перебивают косточки приезжим. Но скоро они привыкнут и потеряют интерес.

– Дело ваше, – пожал плечами Ларри.

– Вот именно, – согласился Стрейкер. – Вы будете сами оплачивать услуги, но сохраните чеки и квитанции, а мы компенсируем все затраты. Согласны?

Будучи по натуре человеком осторожным, Ларри имел репутацию одного из лучших игроков в покер в округе Камберленд. И хотя внешне он оставался спокойным, внутри у него все трепетало. Еще бы – этот псих предлагал ему сделку, которая бывает только раз в жизни, если вообще бывает! Наверное, его босс – сумасшедший миллиардер-затворник, который...

– Мистер Крокетт? Я жду ответа.

– У меня тоже есть два условия, – сказал Ларри.

– Вот как? – На лице Стрейкера отразился вежливый интерес.

– Во-первых, я хотел бы проверить эти бумаги. – Ларри постучал по голубой папке.

– Разумеется.

– Во-вторых, если вы затеваете здесь что-то незаконное, я не желаю об этом ничего знать. Под этим я подразумеваю...

Но он не договорил. Стрейкер откинул голову назад и разразился сухим безжизненным смехом.

– Я сказал что-то забавное? – поинтересовался Ларри без тени улыбки.

– О... а... нет, разумеется, мистер Крокетт. Прошу извинить меня за несдержанность. Ваши слова позабавили меня по причинам, не связанным с вами. Так что вы хотели сказать?

– Ваши ремонтные работы. Я не собираюсь участвовать в поставках, которые могут выйти мне боком. Если вы хотите гнать здесь спиртное, изготавливать ЛСД или взрывчатку для какой-нибудь радикальной группировки хиппи, то я в этом не участвую.

– Согласен, – заверил Стрейкер. Его лицо снова стало серьезным. – Так мы договорились?

– Если бумаги окажутся в порядке, полагаю, что да, – согласился Ларри, продолжая испытывать непонятное сомнение. – Хотя со стороны это выглядит слишком уж для меня выгодным.

– Сегодня понедельник, – сказал Стрейкер. – Договоримся о встрече в четверг после обеда?

– Лучше в пятницу.

– Хорошо, пусть будет пятница! – Он поднялся. – До свидания, мистер Крокетт.

С бумагами все оказалось в порядке. Бостонский адвокат Ларри подтвердил, что участок под строительство торгового центра был приобретен на имя подставной компании «Континентал лэнд энд риелти», имевшей офис в Кэмикал-бэнк-билдинг в Нью-Йорке. В самом офисе оказались только покрытые пылью картотечные шкафы.

Стрейкер вернулся в пятницу, и Ларри подписал все необходимые бумаги. Его не оставляло чувство, что он совершает большую ошибку, впервые нарушая правило, которое неукоснительно соблюдал всю жизнь, а именно: не гадить там, где живешь. Глядя, как Стрейкер убирает в портфель бумаги на собственность Марстен-Хауса и прачечной, он осознал, что, несмотря на щедрое вознаграждение, оказался обычной пешкой в руках нового владельца и его отсутствующего партнера мистера Барлоу.

За августом наступила осень, а затем пришла зима, и постепенно

Ларри успокоился. К весне он уже почти не вспоминал о сделке, за которую получил бумаги, хранившиеся теперь в депозитной ячейке портлендского банка.

И тут стали происходить необычные события.

Полторы недели назад к нему заявился писатель по фамилии Миерс и поинтересовался, можно ли снять Марстен-Хаус в аренду, а узнав, что дом продан, как-то странно посмотрел на Ларри.

Вчера почтальон принес ему тубус и письмо от Стрейкера. Точнее, не письмо, а короткую записку: «Пожалуйста, повесьте объявление, которое находится в тубусе, в окне магазина. Р. Т. Стрейкер». Само объявление оказалось плакатом, причем довольно скромным: «Открытие через неделю. «Барлоу и Стрейкер». Стильная мебель. Антиквариат. Заходите посмотреть». Ларри тут же поручил Ройалу Сноу повесить его в витрине.

И вот теперь он смотрел на Марстен-Хаус, и вдруг кто-то взял его за локоть:

– Уснул на ходу, Ларри?

Вздвогнув от неожиданности, тот обернулся и увидел Паркинса Гиллесли, закурывающего сигарету.

– Нет, – ответил Ларри и нервно засмеялся. – Просто задумался.

Паркинс взглянул на Марстен-Хаус, рядом с которым сверкал на солнце хромом дорогой автомобиль, и потом посмотрел на старую прачечную с новым объявлением в окне.

– Ты же встречался с ними, верно?

– Только с одним. В прошлом году.

– С мистером Барлоу или мистером Стрейкером?

– Стрейкером.

– И как он тебе?

– Трудно сказать, – ответил Ларри, чувствуя, как вдруг пересохли губы. – Мы говорили только о делах. Но с виду вполне приличный.

– Хорошо. Это хорошо. Пойдем, я провожу тебя до кафе.

Когда они переходили улицу, Лоренсу Крокетту почему-то пришла мысль о сделке с дьяволом.

Час дня.

Сьюзен Нортона вошла в салон красоты и, улыбнувшись Бэбс Гриффен – старшей сестре Хэла и Джека, – сказала:

– Я так рада, что у тебя нашлось время без предварительной записи.
– В середине недели клиентов не много, – отозвалась та, включая вентилятор. – Как же душно! Похоже, что будет гроза.
Сьюзен взглянула на безоблачно синее небо.
– Думаешь?
– Думаю. И как будем укладывать?
– Поестественней, – ответила Сьюзен, думая о Бене Миерсе. – Как будто я сюда и не заходила.
– Все об этом просят, – со вздохом призналась Бэбс.
С ее дыханием донесся запах фруктовой жвачки. Бэбс поинтересовалась, видела ли Сьюзен объявление об открытии нового мебельного магазина в здании старой прачечной. Судя по всему, довольно дорогой. И хорошо бы там нашелся фонарь в пару к тому, что у нее уже есть! И как здорово, что она уехала от родителей и теперь живет в городе! И правда лето было хорошим. Как жалко, что оно кончается!

13

Три часа дня.
Бонни Сойер лежала на огромной двуспальной кровати. Ее дом на Дип-Кат-роуд был не какой-то развалюхой на колесах, а настоящим солидным строением с фундаментом и подвалом. Муж Редж зарабатывал механиком хорошие деньги в автомастерской Джима Смита в Бакстоне.
На Бонни были только прозрачные голубые трусики, и она нетерпеливо посмотрела на часы на тумбочке – 15:02. Куда он запропастился? Как будто отвечая на этот немой вопрос, дверь едва заметно приоткрылась, и в щель боязливо заглянул Кори Брайант.
– Все в порядке? – шепотом спросил он. Кори исполнилось всего двадцать два года, и последние два он работал в телефонной компании. Его первый роман с замужней женщиной – особенно такой потрясающей, как обладательница титула «Мисс округ Камберленд 1973», – вселял в него нервный трепет и вожделение.
– Ну конечно, милый, – улыбнулась Бонни, показав безупречные зубки. – Иначе в тебе бы уже прострелили дырку, сквозь которую можно смотреть телевизор.
Он вошел на цыпочках, смешно позвякивая инструментами на монтерском поясе.
Бонни хихикнула и открыла объятия:

– Кори, ты просто прелесть! И ужасно мне нравишься!

Кори уставился на темное пятно, просвечивающее под голубым нейлоном трусиков, и желание захлестнуло его. Он бросился к Бонни, и их соитие сопровождалось громким стрекотом цикад в лесу.

Четыре часа пополудни.

Закончив на сегодня работу, Бен Миерс отодвинулся от стола. Он не стал делать традиционного перерыва на прогулку в парке, чтобы успеть выполнить свою дневную норму и отправиться к Нортонам на ужин с чистой совестью.

Взмокший от пота Бен поднялся и потянулся, прислушиваясь к хрусту косточек в спине. Он достал из шкафа у изголовья кровати свежее полотенце и отправился вниз принять душ, пока другие постояльцы не вернулись домой и там не выстроилась целая очередь.

Перебросив полотенце через плечо, он уже повернулся, чтобы уйти, но, поразмыслив, вернулся к окну, где краем глаза заметил что-то необычное. Причем необычное было не в городе, мирно дремавшем под лазурно-синим небом, которым так славится Новая Англия в последние погожие дни уходящего лета.

Ему были видны двухэтажные домики с плоскими темными крышами на Джойнтер-авеню, парк, в котором вернувшиеся из школы детишки играли, ссорились и катались на велосипедах, и северо-западная часть города, где Брок-стрит исчезала за отрогом холма, покрытого лесом. Его взгляд невольно остановился на прогалине, где Бернс-роуд упиралась в Брукс-роуд и поднималась к Марстен-Хаусу, возвышавшемуся над городом.

Отсюда дом казался игрушечным, и Бену это нравилось. Такой дом не представлял угрозы – его можно было просто взять в руку и раздавить ладонью.

На дорожке перед Марстен-Хаусом стояла машина.

Бен замер с полотенцем через плечо, чувствуя, как его охватывает необъяснимый ужас, и даже не пытаясь понять его природу. На двух окнах отвалившиеся ставни были заменены новыми, отчего дом стал выглядеть слепым и таинственным.

Губы Бена беззвучно шевелились, словно произнося какие-то неведомые ему самому слова.

Пять часов пополудни.

Мэтью Берк с портфелем в левой руке вышел из здания средней школы и направился на парковку, где стоял его старенький «шевроле», так и ездивший на зимней резине.

Хотя шестидесятитрехлетнему Мэтью оставалось всего два года до обязательного выхода на пенсию, он по-прежнему имел полную нагрузку аудиторных занятий по английскому и активно занимался внеклассной работой. Осенью эта работа заключалась в постановке школьного спектакля, и сейчас он как раз закончил чтение водевиля в трех актах под названием «Проблема Чарли» и определился с составом. Ему с трудом удалось отобрать с десятков учеников, которые способны хотя бы выучить роль (и произнести свои реплики – пусть и дрожащим голосом и с деревянным видом), да трех парнишек, не лишенных искры Божьей. В пятницу он окончательно решит с составом, а затем начнутся репетиции. Постановка должна быть готова к 30 октября. Мэтью полагал, что школьному спектаклю вполне достаточно походить на консервированный суп компании «Кэмпбелл» – безвкусный, но и не особенно противный. На спектакль придут родители, и они будут точно в восторге. Театральный критик из камберлендской газеты «Леджер» разразится хвалебной статьей, что исправно делал в отношении всех местных постановок, за что ему, собственно, и платили. Главная героиня (в этом году ее роль, наверное, исполнит Рути Крокетт) обязательно влюбится в какого-нибудь члена труппы и скорее всего потеряет невинность после торжественной вечеринки по поводу удачно прошедшего спектакля. А затем Мэтью возобновит работу «Дискуссионного клуба».

В шестьдесят три года Мэтью по-прежнему нравилось преподавать. Недостаток строгости не позволял ему продвинуться по служебной лестнице (для заместителя директора он обладал слишком мечтательным взглядом), но самому ему никогда не мешал. Он декламировал сонеты Шекспира в классах, в которых летали бумажные самолетики и плевались шариками жеваной бумаги. Не обращал внимания, что ему на стул подкладывали кнопки, и рассеянно смахивал их рукой, предлагая ученикам открыть учебник на четыреста шестьдесят седьмой странице. Находил в ящике письменного стола, куда лез за сочинениями, сверчков, лягушек, а однажды даже черного полоза длиной целых семь футов.

Он бороздил просторы английского языка подобно одинокому и на

удивление смиренному Старому Моряку^[6]: на первом уроке – Стейнбек, на втором – Чосер, на третьем – главное предложение, на четвертом, после которого шел перерыв на обед, – функции герундия. Его пальцы были вечно желтыми, но не от никотина, а от мела, чьи следы выдавали не менее стойкую зависимость.

Он не пользовался у детей особой симпатией. Он не был похож на мистера Чипса – учителя из романа Джеймса Хилтона, – который прозябает в забытом Богом уголке Америки в ожидании, когда Росс Хантер обратит внимание на его таланты. Однако его уважали, и многие ученики на его примере осознали, что преданность делу, какой бы эксцентричной и жалкой ни казалась, может быть достойна уважения. Мэтью Берк любил свою работу.

Он сел в машину, слишком сильно выжал педаль газа, и мотор заглох. Подождав, он снова завел двигатель и, настроив радио на портлендскую станцию с рок-н-роллом, прибавил звук почти до максимума. Ему нравился рок-н-ролл. Выезжая со стоянки задом, он снова заглох, и пришлось заводить двигатель по новой.

Мэтью жил в маленьком домике на Тэггарт-Стрим-роуд, и к нему редко заглядывали гости. Он никогда не был женат, а из родственников имелся только брат, который жил в Техасе, работал на нефтяную компанию и никогда не писал. Но Мэтью привык к одиночеству и ничуть им не тяготился.

Притормозив на пересечении Джойнтер-авеню с Брок-роуд, он повернул в сторону дома. Тени стали длинными, а дневной свет окрасился в ровные золотистые тона, как на картинах французских импрессионистов. Слева показался Марстен-Хаус, и Мэтью невольно задержал на нем взгляд.

– Ставни! – громко произнес он, стараясь перекрыть радио. – Ставни снова на месте!

Взглянув в зеркало заднего вида, он заметил, что на дорожке возле дома стоял автомобиль. Мэтью преподавал в Салемс-Лоте с 1952 года, но никогда прежде не видел у входа машин.

– Неужели там кто-то поселился? – спросил он сам себя и продолжил путь.

Шесть часов вечера.

К удивлению отца Сьюзен Билла Нортон – первого члена городского

правления Салемс-Лота, – Бен Миерс ему понравился. И даже очень.

Билл был крупным, крепко сложенным черноволосым мужчиной, который сумел не располнеть и после пятидесяти. В юности, не закончив последнего класса школы, он с благословения отца отправился служить на флот, а вернувшись, начал вставать на ноги, проявляя недюжинное упорство и целеустремленность. В двадцать четыре года он все-таки решил сдать экзамены за школьный курс и получил аттестат. Билл не относился к тем заносчивым трудягам, что отличаются крайней нетерпимостью к интеллектуалам в силу того, что по объективным причинам или по собственной лени они сами не получили достойного образования. Однако Билл терпеть не мог хлюпиков, как он называл некоторых длинноволосых одноклассников с телячьим взглядом, которых Сьюзен иногда приглашала домой. Особенно его раздражало в них отсутствие основательности. Он не разделял симпатии жены к Флойду Тиббитсу, с которым Сьюзи встречалась после окончания школы, но и особого раздражения тот в нем не вызывал. У Флойда имелась приличная работа, и Билл считал его умеренно серьезным. К тому же он был местным. Впрочем, к местным можно было отнести и Бена Миерса.

– Только не доставай его насчет легкомыслия, – попросила Сьюзен, услышав звонок и поднимаясь открыть дверь. На ней было легкое зеленое платье, а волосы собраны сзади и схвачены широкой лентой.

– Можешь на меня положиться, Сьюзи, – засмеялся Билл. – Когда это я тебя подводил?

Смерив его недоверчивым взглядом, она нервно улыбнулась и направилась к двери.

Парень оказался худощавым и подвижным, с приятным лицом и копной густых черных волос, явно недавно вымытых. Одежда Биллу тоже понравилась: новые джинсы и белая рубашка с закатанными до локтей рукавами.

– Бен, это мои родители – Билл и Энн Нортон. Мама, папа, это Билл Миерс.

– Здравствуйте! Рад познакомиться.

Он сдержанно улыбнулся миссис Нортон, и та ответила:

– Здравствуйте, мистер Миерс. Мы впервые видим живого автора воочию. Для Сьюзен это настоящее событие!

Он снова улыбнулся.

– Все в порядке. Я вовсе не маститый классик и себя не цитирую.

– Здравствуйте, – произнес Билл и поднялся из кресла. Своим трудом он пробился в профсоюзные лидеры в портлендских доках, и его

рукопожатие было крепким и сильным. Рука у Миерса оказалась твердой и вовсе не рыхлой, как бывает у домашних хлюпиков, и Биллу это понравилось. Тогда он перешел к следующему испытанию. – Хотите пива? У меня там есть охлажденное, – махнул он в сторону задней веранды, которую пристроил собственными руками. Хлюпики неизменно отказывались – большинство из них курили травку и не могли позволить себе испортить кайф.

– С удовольствием, – отозвался Бен с улыбкой. – Надеюсь, у вас его хватит.

Билл расхохотался.

– Наш человек! Пошли.

При звуке этого смеха с женщинами, так похожими друг на друга, произошла странная метаморфоза, как будто беспокойство одной из них телепатически перешло к другой: Энн Нортон нахмурилась, а лоб Сьюзен, наоборот, разгладился.

Билл провел Бена на веранду. На табуретке стоял ящик со льдом, в котором лежали банки с пивом. Вытащив одну, Билл бросил ее Бену, и тот ловко ее поймал, стараясь не взбалтывать.

– Хорошо у вас тут, – сказал Бен, разглядывая жаровню на заднем дворике. Она была сложена из кирпичей, и над ней струился раскаленный воздух.

– Я тут все делал своими руками, так что по-другому и быть не может, – пояснил Билл.

Бен не отрываясь сделал несколько больших глотков, после чего рыгнул. Еще один балл в его пользу.

– Вы понравились Сьюзи, – сказал Нортон.

– Она очень хорошая девушка.

– К тому же практичная, – добавил Нортон, тоже рыгнув. – Она говорит, что вы написали три книги. И их издали.

– Это правда.

– Хорошо продаются?

– Первая – хорошо, – ответил Бен, не вдаваясь в подробности. Билл Нортон понимающе кивнул: у парня хватало мозгов не распространяться по поводу своих доходов.

– Поможете пожарить сосиски для хот-догов?

– С удовольствием.

– Их нужно слегка надрезать, чтобы не лопнули. Знаете об этом?

– Знаю, – ответил Бен и с улыбкой проделал указательным пальцем диагональный надрез в воздухе. Подобные надрезы на натуральной

оболочке сосисок не позволяли надуваться пузырям.

– Вы точно из наших краев! – одобрительно заметил Билл. – Берите вон ту упаковку, а я принесу мясо. И не забудьте ваше пиво.

– Ни за что на свете!

Задержавшись на пороге у двери, Билл вопросительно посмотрел на Бена.

– А вы основательный человек? – поинтересовался он.

– Не то слово! – заверил Бен без улыбки и даже немного угрюмо.

– Отлично! – кивнул Билл и вошел в дом.

Опасения Бэбс Гриффен насчет грозы не оправдались, и ужин на заднем дворе прошел замечательно. Легкий ветерок вкупе с дымком от углей отгонял комаров. Женщины убрали бумажные тарелки и специи и, устроившись с пивом, вдоволь посмеялись над Беном, которого Билл, ловко используя порывы ветра, разгромил в бадминтон со счетом 21:6. Бен с искренним сожалением отказался от реванша, показав на часы.

– Я работаю над книгой, – пояснил он, – и сегодня мне надо написать еще шесть страниц. А если напьюсь, завтра утром не сумею прочитать даже то, что напишу.

Сьюзен проводила его до калитки – домой он отправился пешком.

Билл, заливая водой угли в мангале, кивал своим мыслям. Этот парень сказал, что он основательный, и Билл склонен был ему верить. Бен не задирает носа, и к тому же человек привык работать даже после ужина, наверняка сумеет пробиться в жизни.

Однако Энн Нортон симпатией к Бену так и не прониклась.

Семь часов вечера.

Флойд Тиббитс завернул на покрытую гравием парковку возле кафе через десять минут после того, как его владелец и по совместительству бармен Делберт Марки зажег новую неоновую вывеску своего заведения со светящимися розовыми буквами «У Делла» высотой не меньше трех футов.

Солнце скрылось, в сгущавшихся сумерках на небе алел закат, и скоро в низинах за клубится туман. Через час-другой в кафе потянутся завсегдатаи.

– Привет, Флойд, – сказал Делл, доставая из холодильника бутылку пива. – Как жизнь?

– Более-менее, – ответил тот. – А вот пиво – это то, что нужно!

Высокий, с аккуратно подстриженной светлой бородкой, Флойд был одет в брюки и пиджак, как и надлежало заместителю начальника кредитного отдела банка, в котором он трудился. Работа ему в общем-то нравилась, хотя и начинала потихоньку приедаться. Он чувствовал, что плывет по течению, но вовсе этим не тяготился. И еще была Сьюзи – замечательная девушка, и скоро ему наверняка придется распрощаться с холостяцкой жизнью.

Флойд положил на стойку доллар и, аккуратно наполнив бокал пивом по краю, чтобы не пенилось, жадно выпил и налил еще. Кроме него, в баре находился только молодой Брайант, одетый в спецовку телефонной компании. Он тоже пил пиво и слушал романтическую песню о любви из музыкального автомата.

– Что новенького в городе? – поинтересовался Флойд, заранее зная ответ. Наверняка все по-старому, разве что какой-нибудь старшеклассник явился в школу подшофе. Другим новостям было взяться неоткуда.

– Кто-то убил собаку твоего дяди. Вот такая новость.

– Дока дяди Вина?

– Его самого.

– Сбил на машине?

– Да нет, непохоже. Пса нашел Майк Райерсон. Он приехал на Хармони-Хилл косить траву и увидел, что на прутьях ограды висит Док. С распоротым от уха до уха горлом.

– Да ты что?! – поразился Флойд.

Делл, довольный произведенным впечатлением, кивнул с серьезным видом. Он знал, что в городе обсуждают еще одну новость: девушку Флойда видели с приезжим писателем, который остановился в пансионе Евы. Но пусть Флойд узнает об этом от кого-нибудь другого.

– Райерсон отвез тело Паркинсу Гиллеспи, – сообщил он Флойду. – Тот считает, что уже дохлую собаку подростки подвесили на ограду смеха ради.

– Да у Гиллеспи мозгов никогда не было!

– Может, и так, но мое мнение такое. – Делл подался вперед и облокотился о стойку. – Я согласен, что это подростки... черт, я даже уверен в этом! Но это не просто шутка. Посмотри сам! – Он вытащил из-под стойки газету и, развернув, показал на статью.

Флойд взял газету и пробежал глазами статью, озаглавленную «Сатанисты оскверняют церковь». Какие-то подростки вломились после полуночи в католическую церковь в Клевистоне, штат Флорида, и совершили там некий кощунственный обряд. Алтарь был осквернен, на скамьях, в исповедальнях и купелях вырезаны ругательства, проходы

закапаны кровью. Анализ подтвердил, что кровь в основном была человеческой, хотя часть ее принадлежала какому-то животному (скорее всего козлу). Шеф полиции Клевистона признал, что они не располагают никакими зацепками, которые могли бы пролить свет на столь необычное дело.

Флойд отложил газету.

– Сатанисты в Салемс-Лоте? Брось, Делл! Ты, должно быть, перегрелся на солнце.

– Эта молодежь совсем потеряла голову! – не сдавался Делл. – Посмотрим, кто окажется прав! Вот увидишь – в следующий раз дело дойдет до человеческого жертвоприношения на гриффенском пастбище. Налить еще?

– Нет, спасибо, – отказался Флойд, слезая с табурета. – Пойду проведу дядю Вина. Он любил этого пса.

– Передавай ему привет, – попросил Делл, складывая газету и убирая под стойку, чтобы показать потом другим завсегдатаям. – Мне очень жаль, что так вышло.

На пути к выходу Флойд приостановился и произнес, ни к кому не обращаясь:

– Говоришь, повесили на прутьях? Видит Бог, хотел бы я добраться до тех, кто это сделал!

– Сатанисты! – снова повторил Делл. – Точно! Даже представить трудно, что творится с людьми в наши дни!

Флойд ушел, а Брайант опустил в музыкальный автомат еще одну монету, и Дик Керлесс затянул свой незабвенный хит «Похорони меня с бутылкой».

Половина восьмого вечера.

– Возвращайтесь домой пораньше, – наказала Марджори Глик своему старшему сыну Дэнни. – Завтра вставать в школу. В четверть десятого твой брат должен быть в постели.

Дэнни нерешительно переминался с ноги на ногу.

– Я вообще не понимаю, зачем он идет со мной.

– И не надо, – согласилась Марджори, проявляя показную сговорчивость. – Ты всегда можешь остаться дома.

Она повернулась к столу, на котором разделявала рыбу, и Ральфи

показал брату язык. Дэнни погрозил ему кулаком, но тот только противно улыбнулся.

– Мы вернемся, – нехотя пообещал Дэнни и направился к выходу. Ральфи последовал за ним.

– Не позже девяти.

– Ладно, ладно.

В гостиной Тони Глик сидел перед телевизором, положив ноги на журнальный столик и наблюдая за игрой «Бостон ред сокс» с «Нью-Йорк янкиз».

– Далеко собрались, парни?

– К новенькому, – пояснил Дэнни. – К Марку Питри.

– Ага, – подтвердил Ральфи. – У него есть игрушечная железная дорога.

Дэнни смерил брата уничтожающим взглядом, но отец, занятый бейсболом, не заметил.

– Только не задерживайтесь допоздна, – рассеянно наказал он.

На улице было еще светло, хотя солнце уже село.

– Вздуть бы тебя хорошенько! – процедил Дэнни брату.

– А я тогда расскажу, – пригрозил тот, – зачем ты на самом деле туда идешь.

– Ну и гад же ты! – беспомощно отозвался Дэнни.

По вытоптанной через луг тропинке они направились к лесу. Дом Гликов располагался на Брок-стрит, а Марка Питри – на Саут-Джойнтер-авеню. Для мальчишек девяти и двенадцати лет сэкономить время, отправившись короткой дорогой, где надо перебраться через ручей Крокетт-Брук по камням, – сплошное удовольствие. Под ногами хрустели сосновые иголки и сухие ветки. Где-то в лесу раздавался жалобный плач козодоя, а вокруг громко стрекотали цикады.

Дэнни по глупости проболтался брату, что у Марка Питри есть настоящая коллекция игрушечных монстров, в которой имелись и оборотень, и мумия, и Дракула с Франкенштейном, и Безумный Доктор, и даже персонажи из комнаты ужасов Музея мадам Тюссо. Матери такие игрушки не нравились, и она считала их даже вредными, чем немедленно воспользовался Ральфи для шантажа. Погань – она и есть погань!

– Ты знаешь, что ты погань? – поинтересовался Дэнни.

– Знаю, – гордо отвечивал Ральфи. – А это что?

– Это такая зеленая и липкая дрянь вроде соплей.

– От такого слышу! – отозвался Ральфи.

Они пробирались вдоль лениво журчавшего ручья, чья поверхность в

сгущавшихся сумерках отливала перламутром. Через две мили ручей впадал в Тэггарт-Стрим, а тот, в свою очередь, – в реку Ройал.

Дэнни, внимательно глядя, куда ступает, начал осторожно перебираться по камням на другой берег.

– Приготовься, Дэнни! – восторженно закричал сзади брат. – Я тебя сейчас столкну!

– Только попробуй, и я тебя закопаю в зыбучий песок, гнида! – предупредил Дэнни.

Они перебрались на другой берег.

– Здесь нет никакого зыбучего песка! – фыркнул Ральфи, на всякий случай подобравшись к брату поближе.

– Думаешь? – угрожающе переспросил тот. – Тут несколько лет назад погиб один парень. Я слышал, как в магазине об этом говорили взрослые.

– Правда? – Глаза у Ральфи расширились.

– Точно! – подтвердил Дэнни. – Он вопил что есть мочи, а потом в рот набился песок, он захрипел и ушел с головой.

– Пошли дальше, – боязливо попросил Ральфи. Уже почти стемнело, и в лесу зашевелились тени. – Пошли отсюда!

Они двинулись по другому берегу, то и дело поскальзываясь на сосновых иголках. Мальчиком, разговор о котором Дэнни подслушал в магазине, был Джерри Кингфилд десяти лет. Наверное, его затянули зыбучие пески, и если он и кричал перед смертью, то никто этого не слышал. Шесть лет назад он просто ушел на рыбалку и пропал в болотах. Кое-кто считал, что он погиб в зыбучих песках, но были и такие, кто не сомневался, что тут не обошлось без извращенцев: их теперь развелось немерено.

– Говорят, что его призрак до сих пор бродит по лесу, – торжественно произнес Дэнни, не считая нужным сообщать брату, что болота находились в трех милях отсюда.

– Не надо, Дэнни... – жалобно попросил Ральфи. – Не надо... в темноте.

Вокруг таинственно поскрипывали деревья. Жалобный плач козодоя стих. Где-то сзади едва слышно хрустнула ветка. Небо потемнело.

– И время от времени, – зловещим голосом продолжал Дэнни, – когда в лесу оказывается какой-нибудь маленький мальчик, призрак подкрадывается к нему из-за деревьев, а лицо все в песке и покрыто гнилыми язвами...

– Дэнни, пожалуйста!

В голосе Ральфи звучала такая мольба, что Дэнни замолчал. Своим

рассказом он напугал даже себя. Их обступали темные деревья, и казалось, что они терлись друг о друга, скрипя стволами и расправляя затекшие от неподвижности ветки, которые начал раскачивать поднявшийся ветер.

Слева снова хрустнула ветка.

Дэнни вдруг пожалел, что они пошли не по дороге, а напрямик.

Новый хруст ветки.

– Дэнни, мне страшно, – прошептал Ральфи.

– Не глупи! Пошли, – ответил брат.

Они продолжили путь. Под ногами скрипели сосновые иголки. Дэнни мысленно уверял себя, что никакого хруста не слышал – ему просто померещилось. В висках гулко стучала кровь. По коже бежали мурашки. Дэнни стал считать шаги. До Джойнтер-авеню всего двести шагов. А домой они вернутся по улице, и этому хлюпику уже не будет страшно. Через пару минут они увидят уличные фонари и наверняка почувствуют себя дураками. Ну и пусть, зато точно обрадуются! Поэтому надо считать шаги. Один... два... три...

Тишину леса разорвал истошный вопль Ральфи.

– Это он! Призрак! Я его вижу!

Ужас сдавил Дэнни грудь и разбежался по телу острыми иголками. Он бы точно повернулся и бросился со всех ног прочь, но в него мертвой хваткой вцепился Ральфи.

– Где? – шепотом спросил Дэнни, моментально позабыв, что призрак он выдумал сам. – Где он?

Дэнни испуганно вглядывался в лес, боясь, что действительно увидит нечто жуткое, но кругом царила мгла.

– Он исчез... но я его видел! Глаза! Я видел глаза! Господи, Дэнни... – судорожно всхлипывал Ральфи.

– Призраков не бывает, дурень. Пошли!

Дэнни взял брата за руку, и они тронулись в путь. Ноги стали ватными, а колени дрожали. Ральфи так сильно к нему жался, что невольно спихивал с тропинки.

– Он следит за нами, – прошептал Ральфи.

– Послушай, я не собираюсь...

– Нет, Дэнни, правда! Неужели ты не чувствуешь?

Дэнни остановился. Каким-то особым чувством, присущим только детям, он действительно ощущал чье-то присутствие. Будто лес накрыли огромным колпаком и в нем установилась зловещая тишина. Ветер шевелил ветки, оживляя темные тени, тянувшиеся к мальчикам все ближе и ближе.

Воздух пронизывала какая-то свирепая жестокость, ощущавшаяся нутром.

Никаких призраков не было, но зато были извращенцы. Они приезжали на черных машинах, угощали конфетами, или слонялись по улицам, или... выслеживали в лесу... А потом... А потом...

– Беги! – хрипло скомандовал он Ральфи.

Но младший брат, дрожа от страха, застыл на месте и только сильнее вцепился в руку. Затем Ральфи перевел взгляд на темнеющие деревья, и его глаза расширились от ужаса.

– Дэнни?!

Хрустнула ветка.

Дэнни обернулся посмотреть, что испугало брата.

Их накрыла мгла.

19

Девять часов вечера.

Мейбл Уэртс, которой исполнилось семьдесят четыре года, отличалась необъятными размерами и в последнее время часто жаловалась на ноги. Помня все супружеские измены, похороны, кражи и умопомешательства за период в пятьдесят с лишним лет, она была ходячей историей города и хранительницей всех городских сплетен. Мейбл любила посудачить, но делала это без всякого злого умысла, хотя так считали далеко не все из тех, кому она перемывала за спиной косточки. Она просто жила жизнью города и являлась в определенном смысле его квинтэссенцией. Эта тучная вдова в бесформенной шелковой блузке и уложенными в пучок желтоватыми волосами сейчас редко выходила из дома и проводила большую часть времени у окна, вооружившись телефонной трубкой и мощным японским биноклем. Эти предметы и возможность использовать их в любое время без каких бы то ни было ограничений делали ее похожей на доброжелательного паука, сидящего в самом центре информационной паутины, окутывавшей город.

За отсутствием более привлекательного для наблюдения объекта она разглядывала Марстен-Хаус, как вдруг ставни слева от крыльца открылись и окно засветилось неровным желтым светом, явно не электрическим. В окне мелькнула голова мужчины. Мейбл вдруг стало не по себе.

Никакого движения в доме больше не наблюдалось, и вдова задумалась, что за странные люди там поселились, если открывают ставни

только вечером и не дают себя разглядеть?

Отложив бинокль, она осторожно сняла с телефона трубку. Линия оказалась занятой: разговаривали две женщины, которых она сразу опознала как Гэрриетт Дэрхэм и Глинис Мэйберри. Те обсуждали обнаружение Райерсоном убитой собаки Ирвина Пьюринтона.

Затаив дыхание, чтобы не выдать своего присутствия, Мейбл жадно ловила каждое слово.

Без минуты полночь.

Истекали последние мгновения суток. Дома погрузились в темноту. Только в центре города дежурные ночные лампочки магазина скобяных товаров, похоронного бюро Формана и кафе «Экселлент» отбрасывали на тротуар слабый мягкий свет.

Кое-кто еще не спал. Так, Джордж Бойер работал с трех до одиннадцати и только что вернулся домой, а Вин Пьюринтон рассеянно раскладывал пасьянс, не в силах прийти в себя от потери Дока. Гибель любимого пса оказалась для него большим потрясением, чем смерть жены. Но большинство жителей уже погрузились в сон, каким спят праведники и труженики.

На кладбище Хармони-Хилл темная фигура в воротах, терпеливо дожидавшаяся полуночи, заговорила мягким и тихим голосом:

– О, отец мой, осени меня своей благодатью. Мух, даруй мне свою милость. Я принес тебе протухшее мясо и зловонную плоть. Я совершил это жертвоприношение во славу твою. Я подношу этот дар левой рукой. Дай же мне знак на этой земле, освященной твоим именем. Я жду только знака, чтобы начать свой труд ради твоего блага.

Голос замер. Налетевший порыв ветра отозвался шелестом листьев и травы и донес запах гниения со свалки выше по дороге.

Тишину нарушал только шорох ветра. Человек молча прислушался, потом наклонился и выпрямился с телом ребенка в руках.

– Я принес тебе это.

Слова были уже не нужны.

Глава четвертая

Дэнни Глик и другие

1

Дэнни и Ральфи отправились в гости к Марку Питри со строгим наказом вернуться не позже девяти. Когда в десять минут десятого их не оказалось дома, Марджори Глик позвонила родителям Марка. Миссис Питри сообщила, что ребят у них нет и они не приходили, а потом передала трубку своему мужу Генри. Миссис Глик, чувствуя, как внутри все холодеет от страха, последовала ее примеру и тоже позвала к телефону мужа.

Мужчины все обсудили. Да, мальчики пошли по тропинке. Нет, ручей в это время года очень мелкий, особенно в такую хорошую погоду. Глубиной по щиколотку. Генри предложил вооружиться фонарями помощнее и пойти друг другу навстречу. Не исключено, что мальчишки наткнулись на нору с сурком, или решили тайком покурить, или еще что-нибудь в этом роде. Тони согласился и поблагодарил мистера Питри за понимание и готовность помочь. Мистер Питри ответил, что тут и говорить не о чем. Тони повесил трубку и немного успокоил перепуганную жену. Он решил, что, когда найдет мальчишек, сделает так, что они не смогут сидеть целую неделю.

Но не успел Тони отправиться в путь, как из-за деревьев, шатаясь, показался Дэнни и, доковыляв до заднего двора, рухнул на землю. Он был не в себе, отвечал, едва ворочая языком и не всегда понятно. К рукам прилипли травинки, а в волосах застряло несколько сухих осенних листьев.

Дэнни рассказал отцу, что они с Ральфи пошли по тропинке через лес, перебрались по камням через ручей и оказались на другом берегу. Потом Ральфи начал говорить о призраке в лесу (Дэнни не стал уточнять, что первым разговор о призраке завел он сам). Ральфи сказал, что увидел чье-то лицо. Дэнни тоже испугался. Он не верил в привидения и прочую чепуху вроде буки, который крадет детей, но ему показалось, что в темноте кто-то был.

И что они тогда сделали?

Дэнни ответил, что, по его мнению, они пошли дальше, взявшись за руки, но не был уверен. Ральфи все хныкал про призрак. Дэнни его

успокаивал, объясняя, что скоро уже покажутся фонари на Джойнтер-авеню. Им оставалось всего двести шагов, может, даже меньше. А потом случилось что-то ужасное.

Что? Что именно?

Этого Дэнни не знал.

Они всячески пытались его разговорить и вытянуть что-то конкретное, но он только непонимающе мотал головой. Да, он соглашался, что должен помнить, но не помнил. Честно! Он не помнил, как упал... Просто вдруг все стало темно. Очень темно. А когда очнулся, то увидел, что лежит на тропинке. А Ральфи исчез.

Паркинс Гиллеспі решил, что поднимать ночью людей, чтобы искать в буреломе, не имеет смысла. Мальчик мог просто сбиться с тропинки и заблудиться. Гиллеспі, Нолли Гарденер, Тони Глик и Генри Питри, вооружившись мегафонами, сами прошли по тропинке от одного дома до другого и обратно, но Ральфи так и не нашли.

С утра камберлендские полицейские вместе с полицией штата начали прочесывать лес и, никого не обнаружив, расширили зону поисков, которые продолжались по всей округе целых четыре дня. Родители Ральфи облазили все окрестные луга и лесные массивы, уделяя особое внимание завалам, оставшимся после старого пожара, и тщетно звали сына, надеясь, что тот наконец откликнется.

Потом прочесали драгами дно Тэггарт-Стрим и реки Ройал. И снова безрезультатно.

На пятый день Марджори Глик разбудила мужа в четыре утра почти в истерике. Дэнни упал в обморок в коридоре наверху, видимо когда шел в туалет. На «скорой» его отвезли в Центральную городскую больницу с предварительным диагнозом «отсроченное глубокое эмоциональное потрясение».

Лечащий врач отвел мистера Глика в сторону.

– Ваш сын когда-нибудь страдал от приступов астмы?

Мистер Глик, беспомощно заморгав, покачал головой. За несколько дней он состарился лет на десять.

– А от ревматизма?

– Дэнни? Нет... никогда.

– А у него брали анализ на туберкулез в прошлом году?

– Туберкулез? У моего мальчика туберкулез?

– Мистер Глик, мы просто пытаемся выяснить...

– Мардж! Марджи, подойди к нам.

Бледная и кое-как причесанная Марджори Глик поднялась и медленно

направилась к ним по коридору с видом женщины, у которой раскалывается голова от жесточайшего приступа мигрени.

– У Дэнни брали в этом учебном году пробу Манту?

– Да, – безучастно ответила она. – Когда начались занятия в школе. Все нормально.

– А ночами он не кашляет? – поинтересовался доктор.

– Нет.

– Он когда-нибудь жаловался на боли в груди или суставах?

– Нет.

– А на боли при мочеиспускании?

– Нет.

– Может, у него наблюдалось необычно обильное кровотечение? Скажем, из носа, или в стуле была кровь, или появлялось слишком много царапин и синяков?

– Нет.

Доктор улыбнулся и кивнул.

– Мы хотели бы немного его здесь поддержать и провести обследование, если вы не против.

– Конечно, – согласился Тони. – Само собой. У меня есть страховка.

– У него очень замедленная реакция, – пояснил доктор. – Мы хотели бы сделать рентген, проверить костный мозг, кровяные тельца...

Глаза у миссис Глик медленно расширились от ужаса.

– У Дэнни лейкемия? – шепотом спросила она.

– Миссис Глик, сейчас еще рано...

Но она уже лишилась чувств и ничего не слышала.

Бен Миерс вместе с другими добровольцами из Салемс-Лота участвовал в прочесывании леса в поисках Ральфи Глика, и для него это закончилось перепачканными брюками и сенной лихорадкой, вызванной поздним цветением золотарника.

После третьего дня поисков он пришел на кухню Евы, чтобы перекусить консервами, а потом немного поспать и сесть за роман. К его удивлению, возле плиты суежилась Сьюзен Нортон, которая готовила мясную запеканку. Мужчины, вернувшиеся с работы, сидели за столом и делали вид, что беседуют, а на самом деле не спускали глаз с девушки, одетой в выцветшую клетчатую рубашку, завязанную на животе, и

вельветовые шорты. В соседней каморке Ева Миллер гладила белье.

– Что ты тут делаешь? – удивился Бен.

– Готовлю тебе нормальную еду, пока ты не умер с голоду, – ответила она, и Ева за стеной громко фыркнула. Бен почувствовал, как у него запылали уши.

– А стряпать она умеет! – вмешался Проныра. – Не сомневайся. Я за ней наблюдал.

– Еще немного, и ты бы все глаза проглядел, – хохотнул Гровер Веррилл.

Накрыв кастрюлю крышкой, Сьюзен поставила ее в духовку, и они вышли на крыльцо подождать, пока блюдо приготовится. На западе алел диск заходящего солнца.

– Как поиски?

– Впустую. Никаких следов! – Бен достал из кармана смятую пачку сигарет и закурил.

– У тебя вид как у лесного бродяги, – сказала она.

– Еще бы! – Он протянул руку и показал следы укусов насекомых и свежие царапины. – Проклятые комары и чертовы колючки!

– Как думаешь, что с ним случилось, Бен?

– Бог его знает. – Он выпустил облако дыма. – Не исключено, что к старшему брату подкрались сзади, ударили чем-то тяжелым и похитили малыша.

– Ты думаешь – он мертв?

Бен посмотрел на нее, пытаясь понять, какой ответ она хотела услышать: честный или обнадеживающий.

– Да, – коротко ответил он. – Я думаю, что парнишку убили. Никаких доказательств нет, но я так считаю.

Сьюзен медленно покачала головой.

– Надеюсь, ты ошибаешься. Моя мама и еще несколько женщин ходили посидеть с миссис Глик. Она вне себя от волнения, да и муж себе места не находит. А второй сын бродит по дому как привидение.

– Хм, – отозвался Бен, устремив взгляд на Марстен-Хаус. Ставни сейчас были закрыты, но откроются, когда стемнеет. Не раньше. Их открывают только на ночь. От мысли, что бы это могло означать, у него по коже побежали мурашки.

– ...вечером?

– Что? Извини, я задумался. – Он повернулся к Сьюзен.

– Я сказала, что папа приглашает тебя к нам завтра вечером. Придешь?

– А ты там будешь?

– Конечно, буду! – подтвердила она, бросив на него взгляд.

– Тогда приду обязательно! – заверил Бен. Он хотел на нее полюбоваться – в вечернем свете Сьюзен выглядела просто потрясающе, – но Марстен-Хаус притягивал его взгляд как магнитом.

– Завораживает, верно? – спросила она, будто читая его мысли, и Бен поразился, как точно она выразилась.

– Да. По-другому и не скажешь.

– Бен, а о чем твоя новая книга?

– Пока еще рано говорить, – ответил он. – Все еще слишком сыро. Я скажу, когда будет ясность. Она должна... сформироваться.

Сьюзен хотела сказать: «Я люблю тебя» – и произнести эти слова так же легко и непринужденно, как возникла сама мысль, но в последний момент сдержалась. Она не хотела говорить, когда он смотрел... смотрел туда!

Она поднялась.

– Пойду проверю, как там запеканка.

Оставшись один, Бен продолжал курить, не сводя глаз с Марстен-Хауса.

Утром двадцать второго числа, когда Лоренс Крокетт сидел у себя в кабинете, делая вид, что разбирает почту, а на самом деле любуясь аппетитными формами секретарши, зазвонил телефон. В это время Крокетт размышлял о своем бизнесе в Салемс-Лоте, сверкающей машине возле дверей Марстен-Хауса и сделках с дьяволом.

Еще до того как сделка со Стрейкером была доведена до логического завершения (да, это подходящее выражение, подумал Ларри и с чувством оглядел грудь секретарши, обтянутую блузкой), Лоренс Крокетт, без сомнения, являлся самым богатым человеком в городе и одним из богатейших людей во всем округе Камберленд, хотя ни его офис, ни внешний облик этого не выдавали. Кабинет, неухоженный и пыльный, освещался двумя лампочками под желтыми, засиженными мухами плафонами. Стол представлял собой старое бюро с деревянной шторкой, заваленное бумагами, ручками и газетами. На одном краю стояла банка с клеем, а на другом – пресс-папье с фотографиями домочадцев. На стопке конторских книг – стеклянная пепельница с рекламными коробками спичек, украшенными надписью «Для наших друзей без спичек». Из

мебели в офисе было только три несгораемых картотечных шкафа и стол секретарши в небольшой нише.

Но чего в кабинете имелось в избытке, так это фотографий!

Они были повсюду и занимали все свободные поверхности. Какие-то – новые моментальные снимки, сделанные «Полароидом»; другие – цветные кодаковские фотографии, снятые несколько лет назад. Были и выцветшие черно-белые снимки пятнадцатилетней давности. Под каждой фотографией имелась надпись, напечатанная на машинке. «Чудесный дом на природе! Шесть комнат». «Дом на вершине холма. Тэггарт-Стрим-роуд. Дешево: всего 32 000 долларов!» Или: «Отличный выбор для солидных людей. Десять комнат. Особняк на Бернс-роуд».

Офис производил впечатление сомнительной и ненадежной конторы, которой фирма Ларри Крокетта и была до 1957 года. Его самого тогда считали неудачником, который едва сводил концы с концами.

Но в 1957 году Ларри осенило, что на трейлерах можно отлично заработать. В те далекие годы люди воспринимали трейлеры как симпатичные серебристые контейнеры на колесах, которые цепляются к машине, когда семья выезжает на экскурсию в Йеллоустонский национальный парк, чтобы сделать фотографии жены и детей на фоне знаменитого гейзера «Верный старик». В те далекие годы вряд ли кто – включая самих производителей трейлеров – мог предположить, что симпатичные серебристые контейнеры скоро превратятся в дома-автоприцепы, которые можно возить на буксире пикапа, а потом и вовсе обзаведутся собственным двигателем и всем прочим, необходимым для жилья.

Ларри, однако, обладать даром предвидения вовсе не требовалось. Но ему хватило мозгов отправиться в муниципалитет (тогда он не был членом городского правления – его бы не избрали даже мусорщиком) и проштудировать муниципальные правила районирования. Они оказались на редкость благоприятными для его затеи и сулили тысячи долларов дохода. По закону нельзя было устраивать у себя на участке мусорную свалку или держать больше трех пришедших в негодность автомобилей без специального на то разрешения, равно как и оборудовать «уборную с химической стерилизацией фекалий» – как научно и не вполне корректно называлась обычная уборная во дворе, – без надлежащего согласия городского санитарного инспектора. Именно этим Ларри и воспользовался.

Заложив все, что было возможно, он по уши залез в долги, но наскреб денег на покупку трех трейлеров. Причем не каких-то скромных и маленьких, а огромных роскошных монстров с обшивкой под дерево и

туалетом из пластика. Для каждого он приобрел участок размером в один акр в районе, где земля была дешевой, водрузил эти трейлеры на примитивный фундамент и занялся продажей. Ему удалось все продать за три месяца, для чего потребовалось развеять сомнения потенциальных покупателей насчет удобства жизни в доме, похожем на пульмановский вагон. Его доход составил почти десять тысяч долларов. Волна перемен докатилась до Салемс-Лота, и Ларри Крокетт сумел этим воспользоваться.

В тот день, когда Р. Т. Стрейкер появился у него в офисе, Крокетт уже обладал состоянием почти в два миллиона долларов. Он сколотил его на спекуляциях земельными участками в многочисленных соседних городках (но не в Салемс-Лоте: Ларри незыблемо придерживался принципа «не гадить там, где живешь»), искренне веря, что индустрия домов на колесах будет расти как на дрожжах. Он не ошибся, и деньги к нему полились рекой.

В 1965 году Ларри Крокетт стал негласным компаньоном подрядчика по имени Ромео Поулин, который возводил торговый центр в Оберне. Поулин был ловкачом со стажем, и его опыт в подобных делах вкупе с умением Ларри манипулировать цифрами позволил каждому заработать по семьсот пятьдесят тысяч, причем формально налогообложению подлежала только треть этой суммы. Все прошло просто отлично, а если крыша супермаркета и протекала, то с этим ничего не поделаешь – жизнь есть жизнь.

В 1966–1968 годах Ларри выкупил контрольный пакет акций трех компаний по производству домов на колесах, причем с помощью хитроумных перепродаж и оформления сделок на подставные фирмы сумел уйти от налогов. Объясняя свой принцип действий Ромео Поулину, Ларри сравнил его с заездом в тоннель любви с девушкой А, сексом с девушкой Б в машине сзади и выездом из тоннеля рука об руку с девушкой А. В конце концов все свелось к тому, что Ларри покупал передвижные дома у самого себя, и этот кровосмесительный бизнес развивался настолько успешно, что ему самому становилось страшно.

Перебирая бумаги, Ларри подумал, что при сделках с дьяволом деньги льются рекой.

Люди, покупавшие трейлеры, были в основном представителями нижних слоев среднего класса – рабочими и мелкими служащими, которые не могли позволить себе заплатить первый взнос за обычный дом, – а также пенсионерами, пытавшимися свести концы с концами на пособия программ социального страхования. Для пожилых людей такие дома обладали еще одним важным преимуществом, которое подметил и активно использовал

Ларри: будучи одноэтажными, они не имели лестниц, по которым надо было подниматься и спускаться.

С финансированием тоже проблем не было. Первый взнос составлял всего пятьсот долларов. А в недобрые шестидесятые годы разгула грабительских процентов по кредиту выплата остальных девяти с половиной тысяч долларов под двадцать четыре процента годовых редко кого останавливала.

Деньги лились рекой!

Сам Крокетт изменился очень мало – даже после заключения той знаменательной сделки с мистером Стрейкером. Он не стал приглашать никакого дизайнера-педика, чтобы привести свой офис в порядок. Он по-прежнему пользовался дешевым вентилятором, а не кондиционером, носил потертые брюки с кричащими пиджаками, курил дешевые сигары и по субботам заглядывал в заведение Делла пропустить пару кружек пива и перекинуться в картишки с приятелями. Он по-прежнему держал руку на пульсе всех сделок с городской недвижимостью, что приносило двойную пользу. Во-первых, его неизменно избирали членом городского правления, а во-вторых – это помогало уйти от налогов, поскольку формально он едва сводил концы с концами. Помимо Марстен-Хауса, он являлся агентом по продаже трех десятков других неказистых и ветхих домов. Конечно, случались и удачные сделки, но Ларри не очень-то их и добивался. Деньги и так продолжали литься рекой.

Денег было даже слишком много. Конечно, он понимал, что была опасность заиграться. Можно, конечно, въехать в тоннель любви с девушкой А, переспать с девушкой Б и выехать из тоннеля снова с девушкой А, но как бы потом они не нажились на него вдвоем и не превратили в отбивную. Стрейкер сказал, что свяжется с ним, и это было четырнадцать месяцев назад. А что, если...

Вот именно тогда и раздался телефонный звонок.

- Мистер Крокетт, – послышался в трубке знакомый холодный голос.
- Это вы, Стрейкер?
- Он самый.
- А я только что о вас подумал. Наверное, я медиум.
- Забавно это слышать, мистер Крокетт. Я хотел бы попросить вас об услуге.

- Я весь внимание.
- Мне нужно, чтобы вы достали грузовик. Большой. Возможно, взяли напрокат. Он должен быть в портлендских доках сегодня ровно в семь. На таможенном причале. Полагаю, двух грузчиков будет достаточно.
- Хорошо. – Ларри подвинул к себе блокнот и записал: «Х. Питерс. Р. Сноу. Арендовать грузовик. 6 – самое позднее». Он не сомневался, что указания Стрейкера должны быть выполнены в точности.
- Там надо забрать дюжину ящиков. Все, кроме одного, следует доставить в магазин. В отдельном ящике груз особо ценный – буфет восемнадцатого века знаменитого лондонского мастера-краснодеревщика Джорджа Хепплвайта. Ваши грузчики узнают ящик по размерам. Его надо доставить в Марстен-Хаус. Вы все поняли?
- Да.
- Пусть они спустят ящик в подвал. В дом они попадут через дверь под кухонными окнами. Это понятно?
- Да, а этот буфет...
- И еще одна просьба. Вам нужно достать пять крепких висячих замков. Йельских. Вам известна эта марка?
- Она всем известна. А...
- Когда грузчики закончат, они должны запереть на замок заднюю дверь магазина. Ключи от всех пяти замков нужно оставить на столике в подвале. Перед уходом они должны навесить замки на ту дверь, в которую вошли, на входную и заднюю двери, а также на дверь в гараж. Это понятно?
- Да.
- Благодарю вас, мистер Крокетт. Пожалуйста, следуйте полученным указаниям в точности. До свидания.
- Одну минуту...
- Но на другом конце уже повесили трубку.

В две минуты восьмого большой, белый с оранжевым, грузовик с надписью «Перевозки Генри» на бортах остановился у невзрачной металлической будки в конце таможенного терминала портлендских доков. Было время прилива, и чайки, пронзительно крича, беспокойно кружили над водой на фоне багрового заката.

- Господи, да здесь никого нет! – заметил Ройал Сноу и, допив пепси,

бросил пустую бутылку под ноги. – Нас тут арестуют как грабителей!

– Кто-то все-таки есть! – возразил Хэнк Питерс.

– Полицейский!

Но это оказался не полицейский, а ночной сторож, который подошел и посветил им в лицо фонарем.

– Есть среди вас Лоренс Крюкат?

– Крокетт, – поправил Ройал. – Мы от него. Приехали забрать несколько ящиков.

– Хорошо, – сказал сторож. – Пошли со мной – надо расписаться в накладной.

Он повернулся к Питерсу, сидевшему за рулем:

– Подай машину задом вон к тем воротам, где горит лампочка. Видишь?

– Вижу, – ответил Хэнк, включая заднюю передачу.

Ройал Сноу прошел за охранником в контору, где булькала кофеварка. Часы, висевшие на стене над плакатом с какой-то красоткой, показывали четыре минуты восьмого. Покопавшись в бумагах на столе, охранник нашел нужную и протянул Ройалу:

– Поставь свою подпись.

Ройал так и сделал.

– Внутри включите свет и смотрите в оба! Там полно крыс.

– Еще не видел крыс, которые бы не испугались вот этого! – отозвался Ройал и описал ногой в тяжелом ботинке дугу в воздухе.

– Это портовые крысы, сынок, – сухо пояснил сторож. – Они разделялись с парнями и покруче.

Ройал вышел и направился к воротам пакгауза. Сторож наблюдал за ним из дверей конторской будки.

– Гляди в оба! Старик говорит, что там крысы, – предупредил Ройал напарника.

– Ладно, – хмыкнул тот. – Старый добрый Ларри Крюкат!

Нащупав на стене склада выключатель, Ройал щелкнул им и зажег свет. Во влажном воздухе, пропитанном запахами соли и гниющего дерева, витало нечто зловещее, отбивавшее охоту веселиться. Да еще эти крысы!

Вид пустого склада, если не считать нескольких ящиков посередине, навевал мрачные мысли. Судя по всему, буфет находился в самом большом ящике, на котором не было, как на остальных, маркировки «Барлоу и Стрейкер. Джойнтер-авеню, 27, Джерусалемс-Лот, штат Мэн».

– Похоже, работы здесь не так много, – сказал Ройал и, достав накладную, пересчитал ящики. – Вроде все на месте.

– Тут крысы, – отозвался Хэнк. – Слышишь?

– Да. Проклятые твари! Я их ненавижу!

Они оба помолчали, прислушиваясь к писку и шорохам в темных углах.

– Давай приступать, – предложил Ройал. – Начнем с самого большого, чтобы он не мешал разгружаться в магазине.

– Годится.

Они подошли к ящику, и Ройал, достав перочинный нож, вскрыл конверт, прикрепленный к борту ящика клейкой лентой.

– Эй, – засомневался Хэнк, – ты думаешь, что мы можем?

– Должны же мы убедиться, что это наш ящик? Если привезем не то, Ларри подвесит нас за мягкое место у себя на стене.

Он вытащил накладную.

– И что там? – спросил Хэнк.

– Героин, – с серьезным видом отозвался Ройал. – Целых двести фунтов этого дерьма! Плюс две тысячи шведских журналов с порнухой и триста упаковок французских презервативов...

– Дай-ка посмотреть. – Хэнк забрал накладную и прочитал: – «Буфет». Все так, как и говорил Ларри. Порт отправления – Лондон, Англия. Порт назначения – Портленд, штат Мэн. Тоже мне... «французские презервативы»! Положи накладную обратно.

Ройал послушался, но что-то его смущало.

– Как-то странно все это.

– Сам ты странный!

– Я серьезно! На этой штуке нет никаких таможенных отметок. Ни на ящике, ни в накладных. Ни одной печати или штампа!

– Наверное, их ставят такими специальными чернилами, которые видно только в инфракрасном свете.

– Когда я работал в порту, так никогда не делали. Господи, да они ставили печати везде, где только было место! Как бы ты ни старался, а все равно перемажешься чернилами по самые локти.

– Хорошо! Я очень рад! Но моя жена любит ложиться рано, а у меня насчет нее были планы.

– Может, стоит заглянуть внутрь...

– Еще чего! Давай хватайся!

Ройал пожал плечами. Они подняли ящик, и внутри что-то тяжело переместилось. Ящик оказался чертовски тяжелым. Судя по весу, там действительно был старинный буфет.

Кряхтя от напряжения, они с трудом дотащили его до грузовика и

водрузили на платформу гидравлического подъемника кузова. Ройал наблюдал, как Хэнк управлял подъемником, и когда платформа поднялась, они оба на нее залезли и затащили ящик внутрь.

Что-то с этим ящиком было не так, и Ройал никак не мог понять, что именно. И дело было отнюдь не в отсутствии таможенных штампов, а в чем-то другом, что не поддавалось объяснению. Он подозрительно разглядывал ящик, пока Хэнк не окликнул его:

– Пошли. Надо загрузить остальные.

На всех других ящиках, за исключением трех доставленных из самих Штатов, имелись привычные таможенные штампы. При погрузке Ройал сверял их номера с указанными в накладной. Все ящики, предназначенные для магазина, они сложили в центре кузова, поближе к заднему борту.

– Кто, черт возьми, позарится на эту рухлядь? – поинтересовался Ройал, когда все ящики оказались в кузове. – Польское кресло-качалка, немецкие часы, ирландская прялка... Господи Боже, и цену наверняка заломят такую!..

– Туристы, – авторитетно пояснил Хэнк. – Туристы купят что угодно! В Бостоне и Нью-Йорке есть чудачки, которые купят даже мешок с навозом, лишь бы мешок был действительно старым!

– Не нравится мне тот большой ящик, – никак не мог успокоиться Ройал. – Ни одной таможенной отметки. Так не бывает!

– Так давай его доставим по адресу!

Обратный путь в Салемс-Лот они проделали молча. Хэнк гнал грузовик на максимально разрешенной скорости, стараясь скорее разделаться с поручением. Оно действовало ему на нервы. Как сказал Ройал, тут что-то не так.

Он подъехал к заднему входу магазина, и тот, как и обещал Ларри, действительно оказался незапертым. Ройал попытался включить там свет, но ничего не вышло.

– Хорошенькое дело! – пробурчал он. – Придется разгружать в чертовой темноте... Слушай, а ты не чувствуешь какой-то странный запах?

Хэнк потянул носом. Да, пахло чем-то неприятным, но сообразить, чем именно, ему не удалось. Сухой и едкий запах походил на гниение, и от него щипало в носу.

– Тут слишком спертый воздух, – сказал он, водя лучом фонаря по просторному пустому помещению. – Нужно просто хорошенько проветрить.

– Или сжечь дотла! – заметил Ройал. Ему снова стало не по себе. – Ладно, пошли! Постараемся не сломать себе ноги.

Они не мешкая принялись за работу: перетаскивали ящики, стараясь опускать их на пол как можно аккуратнее. Через полчаса Ройал закрыл заднюю дверь на один из новых замков.

– Полдела сделано, – сказал он.

– Осталось самое трудное, – отозвался Хэнк и бросил взгляд на Марстен-Хаус – темный и с закрытыми ставнями. – Не хочется мне там появляться, и я этого не стыжусь! Если есть на свете хоть один дом с привидениями, так это точно он! У новых владельцев явно не в порядке с головой, если они собираются там жить. Наверняка какие-нибудь педики!

– Вроде модных дизайнеров по интерьеру, – согласился Ройал. – Скорее всего собираются превратить его в достопримечательность. Хорошо для рекламы.

– Ладно, раз надо, так надо. Поехали!

Бросив последний взгляд на оставшийся в кузове ящик, Хэнк с грохотом опустил крышку крытого кузова, сел за руль, и через мгновение они уже ехали по Джойнтер-авеню, чтобы свернуть на Брукс-роуд.

Вскоре показался Марстен-Хаус, темный и зловещий. Ройал почувствовал, как от страха его прошиб липкий пот и по коже побежали мурашки.

– Господи, ну и место! – пробормотал Хэнк. – Как тут можно жить?

– Понятия не имею. За ставнями света не видно?

– Нет.

Дом, казалось, наклонился вперед и навис над ними, будто поджидая их прибытия. Хэнк завернул на подъездную дорожку и, объехав дом, подрулил к заднему входу. Они оба старались не вглядываться в высокую траву, заросли которой выхватывал из темноты прыгавший на колдобинах свет фар. Хэнк ощутил, как цепенеет от ужаса, которого не испытывал даже во Вьетнаме, хотя там почти все время чего-то боялся. Тогда страх был рациональный и конкретный: страх наступить на отравленную колючку и увидеть, как раздувается нога, становясь похожей на чудовищный зеленый волдырь; страх, что какой-нибудь туземец в черной пижаме и с непроизносимым именем снесет тебе башку из русской винтовки или что во время патрулирования какой-нибудь кретин отдаст приказ сровнять с землей деревню, где неделю назад были вьетконговцы.

Но страх, который он испытывал сейчас, был другим, иррациональным. Так, сами не зная чего, боятся дети. Дом – он и есть дом, сделан из досок, балок и гвоздей. И не было никаких, абсолютно никаких оснований считать, будто из каждой трещины сочится зло. Глупости все это! Призраки? Он не верил в призраков. Во всяком случае – после

Вьетнама.

Хэнк с трудом включил заднюю передачу, и в конце концов ему удалось рывками подрулить задом к навесу, под которым находился вход в подвал. Ржавая дверь была распахнута настежь, и в красном отблеске задних фонарей невысокие каменные ступеньки казались спуском в преисподнюю.

– Черт, как же мне все это не нравится! – произнес Хэнк и попытался улыбнуться, но вместо этого только скривился.

– Мне тоже!

Они переглянулись, и даже при слабом свете приборов было видно, как им обоим страшно. Но они уже давно вышли из детского возраста и не могли сбежать, не выполнив работу, просто потому что испугались. Да и как такое будет выглядеть при свете дня? Работу необходимо сделать!

Хэнк заглушил двигатель, они вылезли из кабины и направились к кузову. Ройал открыл его и залез наверх: в пустом кузове ящик с прилипшими к бокам опилками смотрелся особенно зловеще.

– Господи, как же мне не хочется его вытаскивать! – сдавленным голосом произнес Хэнк Питерс.

– Залезай! – крикнул Ройал. – Давай с этим покончим!

Они подтащили ящик к платформе гидравлического подъемника, и Хэнк включил механизм. Когда под свист сжатого воздуха ящик оказался на уровне груди, Хэнк повернул рычаг и остановил движение. Они ухватились за ящик по краям.

– Потихоньку, – просил Ройал, пятясь задом в сторону ступенек. – Вот так... не спеши... – В красноватом отблеске задних фонарей его искаженное от напряжения лицо было похоже на лицо сердечника во время инфаркта.

Осторожно переступая, он спускался по ступенькам, чувствуя, как ящик постепенно тяжелеет и становится похожим на каменную плиту. Позднее он вспоминал, что ящик действительно был тяжелым, но не чересчур. Они с Хэнком таскали для Ларри Крокетта грузы и посолиднее, причем как вверх, так и вниз, но тут в самой атмосфере было нечто, отчего становилось не по себе и опускались руки.

Ступени оказались скользкими, и он дважды чуть не потерял равновесие, поэтому отчаянно прокричал:

– Бога ради, не спеши!

Наконец они добрались до подвала. Потолок там оказался низким, и им пришлось идти согнувшись, отчего со стороны их сгорбленные фигуры напоминали двух старых колдунов.

– Давай опускать! – задыхаясь, произнес Хэнк. – Не могу больше!

Ящик с глухим стуком коснулся земли. Переглянувшись, грузчики поняли, что по каким-то неведомым причинам они уже не просто боятся, а испытывают почти панический ужас. Подвал вдруг наполнился непонятными шорохами. Может, это крысы, а может, и нечто другое, о чем даже подумать немыслимо...

Они бросились наверх: Хэнк первым, Ройал Сноу – за ним. Выскочив на улицу, Ройал захлопнул за собой дверь.

Они быстро залезли в кабину, Хэнк завел двигатель и уже начал включать передачу, но тут Ройал схватил его за руку. В темноте его наполненные ужасом глаза казались такими огромными, что занимали все лицо.

– Хэнк, мы забыли поставить замки!

Они оба посмотрели на приборную доску, где лежала связка новых замков, скрепленная проволокой. Хэнк пошарил в кармане куртки и вытащил брелок, на котором висело пять новеньких ключей: один от замка на задней двери в магазине и четыре – для Марстен-Хауса. На всех ключах были аккуратные этикетки.

– Господи Боже! – воскликнул он. – Слушай, а что, если нам вернуться завтра с утра пораньше...

– Так не пойдет, – сказал Ройал, доставая фонарь. – И ты знаешь это не хуже меня.

Они вылезли из машины и почувствовали, как порыв прохладного ветра полоснул по мокрым от пота лбам.

– Ты запири заднюю дверь, а я – входную и сарай.

Они разделились. Хэнк отправился к задней двери, ощущая, как гулко стучит в груди сердце. Просунуть запорное устройство в петли ему удалось только со второй попытки. В такой непосредственной близости от дома воздух был насыщен запахом гнилой древесины и ветхости. Хэнку вспомнились рассказы о Хьюби Марстене, над которыми они так потешались в детстве, и песенка, которой дразнили девчонок: «Смотри – Хьюби Марстен идет, сейчас он тебя заберет!..»

– Хэнк?

Он вздрогнул и выронил последний замок.

– С ума сошел – так подкрадываться? Ты что?

– Ладно. Хэнк, а кто снова спустится в подвал, чтобы оставить на столе ключи?

– Не знаю, – признался Хэнк Питерс. – Не знаю.

– Может, кинем монетку?

– Давай.

Ройал достал двадцатипятицентовик и подбросил.

– Говори, пока падает.

– Орел.

Ройал поймал на лету монету: в ладони тускло блеснул орел.

– Господи! – обреченно пробормотал Хэнк, но, послушно забрав связку ключей и фонарь, снова открыл дверь в подвал.

Он заставил себя спуститься по ступенькам и посветил вперед. Футах в тридцати виднелся еще один проход, который вел бог знает куда. Луч фонаря выхватил стол, накрытый клетчатой клеенкой с толстым слоем пыли. На столе устроилась огромная крыса, никак не отреагировавшая на появление человека. Она просто сидела на своих мощных ляжках и, казалось, даже усмехалась.

Хэнк прошел мимо ящика к столу.

– Пошла! Прочь отсюда!

Крыса спрыгнула на пол и затрусила к темному проходу. Руки у Хэнка дрожали, и луч фонаря заметался по стенам, выхватывая грязную бочку, какую-то полуразвалившуюся конторку, пачку старых газет и... Слева от газет что-то светлело, и у Хэнка перехватило дыхание. Что это? Рубашка? Свернутая в ком, как ненужная тряпка? А за ней вроде джинсы. И что-то похожее на...

Сзади раздался щелчок.

Хэнк в панике швырнул ключи на стол и опрометью бросился к выходу. Проскакивая мимо ящика, он увидел, что именно явилось причиной щелчка. Одна из алюминиевых полос, стягивавших обшивку, лопнула, и теперь ее конец торчал вверх, будто некий палец указывал на потолок.

Хэнк, спотыкаясь, вскарабкался по ступенькам, захлопнул за собой дверь, дрожащими пальцами навесил замок и бегом бросился к кабине грузовика. С ног до головы он покрылся мурашками, но даже не замечал этого, дыхание было хриплым и судорожным, как у раненой собаки. Он смутно слышал, как Ройал спросил, что случилось, но не ответил и с визгом рванул грузовик с места так резко, что при повороте машина едва не перевернулась и с трудом удержалась на двух колесах. Добравшись до Брукс-роуд, Хэнк, не сбавляя скорости, погнал к офису Крокетта. А потом его всего начало трясти, причем так сильно, что он боялся не справиться с управлением.

– Что там было внизу? – снова спросил Ройал. – Что ты там увидел?

– Ничего, – ответил Хэнк Питерс, клацая зубами. – Я ничего не видел –

и не хочу этого больше видеть ни за что в жизни!

Ларри Крокетт уже собирался запереть офис и отправиться домой, когда послышался стук в дверь и на пороге появился Хэнк Питерс. Он был по-прежнему возбужден и никак не мог успокоиться.

– Забыл что-то, Хэнк? – поинтересовался Ларри. Когда они приехали из Марстен-Хауса, на обоих лица не было, и Ларри пришлось им дать по десять лишних долларов и упаковке пива в придачу, чтобы они не особо распространялись о том, что пережили вечером.

– Я должен тебе кое-что сказать, Ларри, – ответил Хэнк. – Не могу не сказать.

– Говори, конечно, – согласился Ларри и, достав бутылку виски, плеснул в картонные стаканчики. – Что такое?

Хэнк сделал глоток, поморщился и проглотил.

– Когда я относил в подвал связку ключей, чтобы оставить на столе, я кое-что заметил. Похожее на одежду. Вроде как рубашка и джинсы. И еще кед. Мне показалось, что это был кед, Ларри.

– И что? – улыбнулся тот, пожимая плечами. Но внутри у него все сжалось от нехорошего предчувствия.

– Парнишка Гликов был в джинсах. Так писали в газете. Джинсы, красная тенниска и кеды. Ларри, а что, если...

Улыбка застыла на губах Ларри.

Хэнк с трудом сглотнул.

– А что, если парни, купившие Марстен-Хаус и магазин, пришили мальчонку Гликов? – выговорил он и опрокинул остатки виски в рот.

– Может, ты и тело тоже видел? – продолжая улыбаться, осведомился Ларри.

– Нет-нет. Но...

– Пусть с этим разбирается полиция, – сказал Ларри Крокетт. Он снова налил Хэнку виски, но уже твердой рукой и полностью владея собой. – Я сам отвезу тебя к Паркинсу. Но только... – он покачал головой, – как бы все это тебе не вышло боком. Мало ли что может всплыть... Например, о тебе и той официантке из заведения Делла... Как ее зовут? Джекки, кажется?

– Что, черт возьми, ты несешь? – смертельно побледнел Хэнк.

– И еще наверняка раскопают историю о позорном увольнении из армии. Но ты поступай как считаешь нужным, Хэнк. Это твое решение.

– Никакого тела я не видел, – прошептал Хэнк.

– Вот и хорошо, – отозвался Ларри улыбаясь. – Может, и одежда тебе тоже померещилась. А это были... тряпки! Самые обычные тряпки.

– Тряпки, – машинально повторил Хэнк.

– Ну конечно! Ты же знаешь эти брошенные дома. Там полно всякой рухляди! Может, это и правда была старая рубашка, которую порвали на тряпки.

– Наверное! – подтвердил Хэнк и снова осушил свой стакан. – Голова у тебя точно варит, Ларри.

Крокетт вытащил из заднего кармана бумажник, отсчитал пять десятидолларовых банкнот и положил на стол.

– А это за что? – удивился Хэнк.

– Я ведь так и не рассчитался с тобой за работу для Бреннона в прошлом месяце. Ты должен мне напоминать о таких вещах, сам-то я стал забывчив!

– Но ты рас...

Ларри продолжал улыбаться.

– Ты мне можешь сейчас что-то рассказывать, а завтра я уже напрочь про это забуду. Грустно, конечно, но что поделаешь...

– Само собой, – прошептал Хэнк и, неуверенно забрав деньги, сунул их в нагрудный карман джинсовой куртки, будто хотел поскорее с этим разделаться. Потом резко поднялся, едва не опрокинув стул. – Послушай, Ларри, мне пора. Я... я не... Мне пора!

– Возьми с собой бутылку, – предложил Ларри, но Хэнк был уже в дверях и не остановился.

Оставшись один, Ларри опустился в кресло и налил себе выпить. Рука по-прежнему была твердой. Раздумав уходить, он остался и продолжил пить, размышляя о сделках с дьяволом. Наконец зазвонил телефон. Ларри снял трубку и, молча выслушав говорившего, произнес:

– Все сделано.

Ларри, прослушав ответ, повесил трубку и налил себе еще выпить.

Хэнк Питерс проснулся на рассвете. Ему приснился кошмар. Огромные крысы выползали из раскопанной могилы, где лежало зеленоватое полусгнившее тело Хьюби Марстена с петлей на шее.

Весь мокрый от пота, Питерс, тяжело дыша, приподнялся на локтях.

Когда жена случайно задела его руку, он громко закричал от ужаса.

Продовольственный магазин Милта Кроссена, располагавшийся на пересечении Джойнтер-авеню с Рейлроуд-стрит, был излюбленным местом сбора городских стариков, когда шел дождь и в парке было безлюдно. А в зимнее время они вообще становились неотъемлемой частью интерьера магазина.

Когда подъехал Стрейкер на своем «паккарде» 39-го – или 40-го? – года, на улице слегка моросило, а Милт и Пэт Миддлер вели бессмысленный спор о том, в каком году от Фредди Оверлока сбежала Джуди: в 1957 или 1958-м? Спорщики соглашались, что она сбежала с коммивояжером из Ярмута, что оба были хороши, одного поля ягоды, но дальше этого продвинуться не могли.

Когда вошел Стрейкер, в воздухе повисла тишина.

Он окинул взглядом Милта и Пэта Миддлера, Джо Крейна, Винни Апшо и Клайда Корлисса и, бесстрастно улыбнувшись, произнес:

– Добрый вечер, джентльмены.

Милт Кроссен поднялся и одернул передник.

– Чем могу служить?

– Вы не могли бы подойти к прилавку с мясом? – попросил Стрейкер.

Он купил говяжью вырезку, дюжину ребрышек и фунт телячьей печенки. К этому добавил немного бакалеи – муки, сахара, бобов – и несколько батонов хлеба.

Покупки производились в полной тишине. Завсегдатаи сидели вокруг антикварной кухонной плиты, переоборудованной в керосиновый обогреватель еще отцом Милта, курили, многозначительно поглядывали на небо и украдкой наблюдали за чужаком.

Когда Милт сложил покупки в картонную коробку, Стрейкер расплатился двумя банкнотами в десять и двадцать долларов, подхватил коробку одной рукой и снова холодно улыбнулся собравшимся.

– Всего доброго, джентльмены, – произнес он и вышел.

Джо Крейн набил табаком трубку. Клайд Корлисс откинулся на спинку кресла и выплюнул сгусток жевательного табака в помойное ведро возле нагревателя. Винни Апшо достал из внутреннего кармана машинку для скручивания сигарет, насыпал в желобок табак и вставил полоску папиросной бумаги непослушными из-за артрита пальцами.

Они наблюдали, как незнакомец клал коробку в багажник. Она весила не меньше тридцати фунтов, и все видели, как легко он подхватил ее, когда уходил, будто та была пуховой подушкой. Незнакомец сел за руль, и машина направилась по Джойнтер-авеню. Они видели, как она удалялась вверх по холму, то и дело скрываясь за деревьями, а потом свернула к Марстен-Хаусу и исчезла из виду.

– Странный парень, – заметил Винни, сунул свернутую сигарету в рот, сплюнул несколько табачных крошек и достал из нагрудного кармана спички.

– Должно быть, один из тех, кто купил прачечную, – предположил Джо Крейн.

– И Марстен-Хаус тоже, – добавил Винни.

Клайд Корлисс громко выпустил газы.

Пэт Миддлер увлеченно ковырял костную мозоль на левой ладони.

Прошло пять минут.

– Интересно, пойдет ли у них бизнес? – риторически спросил Клайд, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Не исключено, – отозвался Винни. – Особенно летом. В наши дни всякое может быть.

Его слова вызвали одобрительный гул.

– Сильный парень, – сказал Джо.

– Да уж, – поддержал Винни. – И ездит на «паккарде» тридцать девятого года без единого пятнышка ржавчины.

– Сорокового, – поправил Клайд.

– У модели сорокового нет подножек, – возразил Винни. – Это тридцать девятый год.

– Ошибаешься, – не согласился Клайд.

Прошло еще пять минут, и все заметили, как Милт разглядывает купюру в двадцать долларов, которой расплатился Стрейкер.

– Фальшивая, Милт? – поинтересовался Пэт. – Он что – расплатился фальшивкой?

– Нет, но погляди-ка сам! – Милт передал через прилавок купюру, и все принялись ее рассматривать. Она была чуть больше обычной.

Пэт посмотрел ее на свет и перевернул.

– Это – двадцатка серии Е, верно, Милт?

– Она самая, – подтвердил тот. – Их перестали печатать лет сорок пять или пятьдесят назад. Уверен, что коллекционеры в Портленде за нее дадут больше.

Пэт дал всем рассмотреть купюру, и каждый ее внимательно изучил,

держа перед глазами, кто ближе, кто дальше – в зависимости от изъяснов зрения. Джо Крейн вернул купюру, и Милт убрал ее в отдельный ящик, где держал именные чеки и купоны.

– Чудной парень, ничего не скажешь, – заметил Клайд.

– Да уж, – согласился Винни и добавил, помолчав: – Но это точно модель тридцать девятого года. У моего сводного брата Вика был такой «паккард». Его первая машина. Он купил ее в сорок четвертом, уже поддержанную. Однажды не уследил за маслом и сжег все поршни.

– А я уверен, что сорокового года, – возразил Клайд, – потому что помню парня, который делал плетеные кресла. Так он подъезжал прямо к дому точно на такой же и...

И начался неторопливый спор, прерываемый долгими паузами и напоминавший шахматную партию по переписке. Время, растянувшись в вечность, казалось, остановилось на месте, и Винни Апшо начал медленно скручивать новую сигарету непослушными из-за артрита пальцами.

9

Когда в среду, 24 сентября, раздался стук в дверь, Бен писал, и, прежде чем открыть дверь, взглянул на часы. Чуть больше трех. Из-за дождя поиски Ральфи Глика прекратились, и было решено, что продолжать их не имело смысла. Мальчик исчез... и исчез навсегда.

Бен открыл дверь и увидел на пороге Паркинса Гиллеспи с сигаретой в зубах. В руке он держал книгу, и Бен с удивлением узнал в ней свою «Дочь Конвея».

– Входите, констебль, – пригласил он. – Дождь не перестал?

– Идет, мелкий, – ответил тот, входя в комнату. – В сентябре схватить грипп проще простого. Я всегда надеваю галоши. Кое-кто над этим посмеивается, но последний раз я болел гриппом в Сент-Ло во Франции в сорок четвертом.

– Положите плащ на кровать. Жаль, что не могу предложить вам кофе.

– Боюсь, что плащ намочит вам постель, а мне бы этого не хотелось, – отозвался Паркинс и сбросил пепел в корзину для бумаг. – А кофе я только что выпил в «Экселленте».

– Чем могу служить?

– Моя жена читала это... – Он протянул книгу. – Она узнала, что вы в городе, но стесняется попросить автограф. Может, вы напишете свое имя или еще что...

Бен взял книгу.

– А Проныра Крейг говорил, что ваша жена умерла лет пятнадцать назад.

– Правда? – ничуть не смутился Паркинс. – У Проныры слишком длинный язык. Когда-нибудь ему это выйдет боком.

Бен промолчал.

– Тогда не могли бы вы подписать книгу для меня?

– С удовольствием! – Бен взял со стола ручку и открыл форзац. На нем были строчки из рецензии кливлендской газеты «Плейн дилер»: «Правдивый срез реальной жизни». Бен написал: «С наилучшими пожеланиями констеблю Гиллеспи от Бена Миерса. 24.09.75» и вернул книгу.

– Спасибо, – поблагодарил Паркинс, даже не взглянув на сделанную Беном надпись. Он наклонился и затушил сигарету о внутреннюю поверхность корзины для бумаг. – Это моя первая книга, подписанная автором.

– Вы хотели у меня что-то выяснить? – поинтересовался Бен улыбаясь.

– Голова у вас работает, ничего не скажешь, – заметил Паркинс. – Раз уж об этом зашла речь, я и впрямь хотел бы задать пару вопросов. Ждал, пока рядом не будет Нолли. Он хороший парень, но много болтает. Господи, как же здесь любят разные сплетни!

– И что вы хотели бы знать?

– Главным образом, где вы были в среду вечером.

– Когда пропал Ральфи Глик?

– Да.

– Вы меня подозреваете, констебль?

– Нет, сэр, я никого не подозреваю. Это не входит в сферу моей компетенции, если можно так выразиться. Другое дело – остановить за превышение скорости или следить, чтобы молодежь в парке вела себя прилично. Я просто хочу быть в курсе всего, что здесь происходит.

– А если я откажусь отвечать?

– Дело ваше, – пожал плечами Паркинс, доставая пачку сигарет.

– Я был на ужине со Сьюзен Нортон и ее родителями. И сыграл партию в бадминтон с ее отцом.

– Держу пари, что он выиграл! Он всегда выигрывает у Нолли, а тот мечтает обыграть Билла Нортон хотя бы один-единственный раз. А во сколько вы ушли?

Бен засмеялся, но смех прозвучал не особо весело.

– Гнете свою линию до конца, верно?

– Знаете, – ответил Паркинс, – будь я похож на тех нью-йоркских полицейских, которых показывают в сериалах, то наверняка решил бы, что вам есть что скрывать. Уж больно часто не отвечаете сразу на простые вопросы.

– Мне нечего скрывать, – возразил Бен. – Просто надоело быть чужаком, на которого все показывают пальцами. А теперь еще и вы заявили под благовидным предлогом, чтобы выяснить, не причастен ли я к исчезновению Ральфи Глика.

– Я вовсе вас не подозреваю, – заверил Паркинс, пристально глядя на Бена поверх дымящейся сигареты. – Я просто хочу убедиться, что вас не в чем подозревать. Считаю я иначе, вы бы уже сидели в тюрьме.

– Ладно, я ушел от Нортон в четверть восьмого. Прогулялся до Школьного холма, а когда стемнело, вернулся сюда, два часа поработал и лег спать.

– И во сколько вы были здесь?

– Думаю, в четверть девятого. Или около того.

– Что ж, не могу сказать, чтобы ваш ответ снял все вопросы. Вы кого-нибудь встретили по дороге?

– Нет, – ответил Бен. – Ни души.

Паркинс хмыкнул и шагнул к пишущей машинке.

– А о чем ваша книга?

– А вот это вас точно не касается! – резко ответил Бен. – И попрошу вас ничего не трогать и не читать. Если, конечно, у вас нет ордера на обыск.

– Ну и ну! Разве авторы пишут книги не для того, чтобы их читали?

– Когда рукопись будет трижды перечитана, пройдет редакторскую правку, корректуру, верстку и будет издана, я сам отправлю вам четыре экземпляра. С автографами. А сейчас это просто личные бумаги.

Паркинс улыбнулся и отошел.

– Понятно. Правда, я и так сомневался, что это письменное признание по всей форме.

Бен улыбнулся в ответ.

– Еще Марк Твен сказал, что роман – это признание человека во всех преступлениях, которых он никогда не совершал.

Паркинс выпустил клуб дыма и направился к двери.

– Больше не стану капать на ваш ковер, мистер Миерс. Спасибо, что уделите мне время. И, к слову сказать, я не думаю, чтобы вы вообще встречали Ральфи. Но расспрашивать о подобных вещах – это моя работа.

– Понятно, – кивнул Бен.

– И вы должны знать, что своим в таких маленьких городках, как

Джерусалемс-Лот, Милбридж, Гилфорд или еще каких, вы станете, только прожив в них лет двадцать.

– Я это знаю. И прошу извинить за резкость. Но мальчика искали неделю и все впустую... – Бен покачал головой.

– Да, – согласился Паркинс. – А каково его матери? Невозможно даже представить. Что ж, счастливо оставаться.

– Всего хорошего.

– Без обид?

– Без обид, – подтвердил Бен и, помолчав, спросил: – А могу я задать один вопрос?

– Отвечу, если смогу.

– Откуда у вас моя книга? Только честно.

Паркинс Гиллеспи улыбнулся.

– В Камберленде живет парень по имени Гендрон. Он и на парня-то мало похож – больше на девчонку. Так вот, он торгует книжками в мягкой обложке по десять центов за штуку. Этих у него было целых пять.

Бен откинул голову и расхохотался, а Паркинс Гиллеспи вышел, продолжая курить и улыбаться. Бен подошел к окну и проводил взглядом констебля, осторожно вышагивавшего в своих нелепых черных галошах, стараясь не наступить в лужу.

10

Прежде чем постучать в дверь нового магазина, Паркинс задержался у витрины. Раньше, когда здесь находилась прачечная самообслуживания, тут всегда было полно толстых женщин в бигуди, суетившихся возле барабанов с бельем или разменного автомата, висевшего на стене. Все они жевали жвачку и походили на стадо коров. Но после трудов декораторов, прибывших вчера из Портленда, помещение полностью преобразилось.

За окном виднелся настил, покрытый толстым светло-зеленым ковром. Два невидимых снаружи светильника мягко подсвечивали витрину, в которой были выставлены три предмета: часы, прялка и старинный кабинет вишневого дерева. На каждом была аккуратная маленькая бирка с ценой. Господи, неужели у кого-то хватит ума выложить шестьсот долларов за прялку, если за сорок восемь долларов девяносто пять центов можно купить зингеровскую машинку?

Вздохнув, Паркинс постучал в дверь.

Она тут же распахнулась, как будто его стука только и ждали.

– Инспектор! – воскликнул Стрейкер с тонкой улыбкой. – Как хорошо, что вы зашли!

– Боюсь, что я самый обычный старый констебль, – поправил Паркинс и, закулив, прошел внутрь и представился:

– Паркинс Гиллеспы. Рад познакомиться.

Рукопожатие хозяина оказалось на удивление крепким, а ладонь необычно сухой.

– Ричард Трокетт Стрейкер, – представился лысый мужчина.

– Я так и подумал, – отозвался Паркинс, оглядываясь. Весь пол был устлан ковром, и пахло свежей краской. Правда, сквозь привычный запах пробивался какой-то еще, причем довольно неприятный, но Паркинс так и не смог его узнать и переключил внимание на Стрейкера.

– Чем я могу вам помочь в такой чудесный день? – осведомился Стрейкер.

Паркинс перевел взгляд в окно, за которым лило как из ведра.

– Я заглянул просто так. Поприветствовать вас в нашем городе и пожелать удачи.

– Очень любезно с вашей стороны. Могу я предложить вам кофе? Или рюмку хереса? У меня в подсобке есть и то и другое.

– Нет, спасибо, я на минутку. А мистер Барлоу здесь?

– Мистер Барлоу сейчас в Нью-Йорке и занимается закупками. Не думаю, что он появится здесь раньше десятого октября.

– Значит, открываться вы будете без него, – заметил Паркинс. Судя по ценам на витрине, Стрейкер вряд ли столкнется с наплывом покупателей. – Кстати, а как полное имя мистера Барлоу?

Губы собеседника растянулись в холодную улыбку.

– Вы интересуетесь как официальное лицо... констебль?

– Нет, просто любопытно.

– Моего партнера зовут Курт Барлоу, – ответил Стрейкер. – Мы вместе вели дела в Лондоне и Гамбурге. Это, – он обвел рукой магазин, – наше подспорье на старость. Скромно. Но со вкусом. Мы рассчитываем, что на жизнь хватит, а больше и не требуется. Мы оба любим старые вещи и надеемся получить известность не только в округе, но и во всей чудесной Новой Англии. Как думаете, получится у нас, констебль Гиллеспы?

– Я думаю, что все возможно, – ответил тот, озираясь в поисках пепельницы. Так и не увидев ее, он стряхнул пепел в карман плаща. – В любом случае пожелаю вам успехов, и передайте при встрече мистеру Барлоу, что я хотел бы с ним познакомиться.

– Обязательно, – пообещал Стрейкер. – Он любит компанию.

– Отлично, – сказал Гиллеспи и направился к выходу. У двери он остановился и обернулся. Стрейкер пристально смотрел ему вслед. – Кстати, как вам старый дом?

– Там нужен большой ремонт, – ответил Стрейкер. – Но мы никуда не торопимся и время у нас есть.

– Само собой, – согласился Паркинс. – Полагаю, вы тут не встречали мальцов?

– Мальцов? – Стрейкер удивленно изогнул бровь.

– Ребятишек, – терпеливо пояснил Паркинс. – Знаете, иногда они любят дразнить приезжих. Бросать камни или звонить в дверь и убегать... нечто в этом роде, ну, вы понимаете.

– Нет, – заверил Стрейкер. – Никаких детей не было.

– У нас тут один пропал.

– В самом деле?

– Да, вроде того, – рассудительно подтвердил Гиллеспи. – Теперь мы считаем, что уже вряд ли найдем его. Живым.

– Какой ужас! – бесстрастно отозвался Стрейкер.

– Да уж. Так что если вы вдруг что заметите...

– Я сразу же об этом сообщу в участок! – Губы Стрейкера снова растянулись в холодную улыбку.

– Вот и отлично! – Паркинс открыл дверь и обреченно посмотрел на потоки проливного дождя. – И не забудьте передать мистеру Барлоу, что я жду его приезда.

– Обязательно, констебль Гиллеспи. Ciao.

– Чаю? – изумленно обернулся Паркинс.

Улыбка Стрейкера стала еще шире.

– До свидания, констебль Гиллеспи. «Ciao» по-итальянски означает «до свидания».

– Правда? Каждый день узнаешь что-то новое, верно? Счастливо оставаться! – Паркинс вышел на улицу и закрыл за собой дверь. Сигарета тут же намокла, и он ее выбросил. – Никогда такого не слышал.

Стрейкер следил за ним через окно витрины. Он больше не улыбался.

Вернувшись к себе в офис в муниципалитете, Паркинс окликнул:

– Нолли? Ты здесь?

Ответа не последовало, и Паркинс кивнул своим мыслям. Нолли был

хорошим парнем, но звезд с неба точно не хватал. Сняв плащ и ставив галоши, констебль нашел в портлендском справочнике нужный номер и позвонил. Трубку сняли после первого гудка.

– ФБР, Портленд. Агент Ханрагэн.

– Говорит Паркинс Гиллеспи, констебль Джерусалемс-Лота. У нас тут пропал мальчик.

– Мы в курсе, – сухо подтвердил голос на другом конце. – Ральф Глик девяти лет, рост четыре фута три дюйма, черные волосы, голубые глаза. Что, есть требования от похитителей?

– Нет-нет, я по другому вопросу. Можете проверить для меня пару людей?

Ханрагэн сказал, что может.

– Первого зовут Бенджамен Миерс. М-И-Е-Р-С. Он писатель, автор книги «Дочь Конвея». И еще пара людей, которые связаны друг с другом. Курт Барлоу. Б-А-Р-Л-О-У. А другого... – общение с фэбээровцами всегда давалось Паркинсу с трудом, – другого зовут Ричард Трокетт Стрейкер. Трокетт с двумя «т» на конце, а Стрейкер – как слышится. Они занимаются продажей мебели и антиквариата. Только что открыли в городе маленький магазин. По словам Стрейкера, Барлоу сейчас занимается закупками в Нью-Йорке. И по его же утверждению, они занимались совместным бизнесом в Лондоне и Гамбурге. Вот, пожалуй, и все.

– Вы подозреваете их по делу Глика?

– Пока я даже не уверен, что такое дело есть. Но они появились в городе примерно в одно и то же время.

– Вы считаете, что Миерс как-то связан с этой парой?

Паркинс откинулся на спинку кресла и скосил взгляд в окно.

– А вот это мне и хотелось бы выяснить в первую очередь.

В ясные холодные дни телефонные провода гудят, будто захлебываются от бегущих по ним сплетен, производя тот особенный звук, с которым одинокие голоса преодолевают пространство. Из-за перепадов погоды испещренные трещинами серые телефонные столбы стоят покосившиеся и совсем не похожие на по-военному стройные и ровные ряды тех, что вмурованы в железобетонные основания. Эти серые столбы вдоль асфальтированных дорог покрыты внизу черным гудроном, а вдоль проселков – толстым слоем въевшейся грязи. Кое-где виднеются старые

выцветшие дощечки, свидетельствующие о том, что в 1946-м или 1952-м, а может, и в 1969-м на эти столбы забирались монтеры, чтобы что-то починить. Вороны, воробьи, дрозды и скворцы сидят, нахохлившись, на проводах, будто улавливая своими когтистыми лапками вибрации чуждой им человеческой речи. Город обладает чувством, но не истории, а времени, и телефонные столбы, похоже, это знают. Стоит прикоснуться ладонью к столбу, как можно ощутить вибрацию проводов, и кажется, что в дереве томятся в заточении человеческие души, отчаянно пытающиеся вырваться наружу.

«...и заплатил старой двадцаткой, Мейбл, той, что больше обычных по размеру. Клайд сказал, что не видел их со времен банкротства банка Гейтса в 1930-м. Он был...»

«...да, Эвви, он очень странный. Я видела в бинокль, как он копался за домом с тачкой. Интересно, он там один или...»

«...Крокетт, наверное, знает, но ни за что не скажет. Держит рот на замке. Он всегда был...»

«...писатель в пансионе Евы. Интересно, знает ли Флойд Тиббитс, что...»

«...просиживает в библиотеке дни напролет. Лоретта Старчер говорит, что никогда не видела людей, которые знают так много...»

«...она сказала, что его зовут...»

«...да, это Стрейкер. Мистер Р. Т. Стрейкер. Мать Кенни Ланлеса рассказывала, что видела в витрине нового магазина антикварный кабинет, за который запрашивали *восемьсот долларов!* Уму непостижимо! А я сказала...»

«...странно, что его приезд и пропажа младшего сына Гликов...»

«...но ты же не думаешь, что...»

«...нет, но все-таки это странно. Кстати, у тебя нет рецепта...»

А провода гудят и гудят...

23 сентября 1975 г.

Имя: Дэниел Фрэнсис Глик.

Адрес: Рок-роуд, д. 1, Джерусалемс-Лот, штат Мэн.

Возраст: 12 лет.

Пол: мужской.

Раса: белый.

Поступил: 22 сентября 1975 г.

Доставил: Энтони Х. Глик (отец).

Симптомы: шок, потеря памяти (частичная), тошнота, отсутствие аппетита, запор, общая слабость.

Анализы (см. прилагаемый лист)

1. Проба Манту: отриц.

2. Туберкулиновый тест слюны и мочи: отриц.

3. Диабет: отриц.

4. Гемограмма: отриц.

5. Эритроциты: гемоглобин 45 %.

6. Костный мозг: отриц.

7. Рентген грудной клетки: отриц.

Возможный диагноз: пернициозная анемия, первичная или вторичная; предыдущий анализ показал 86 % гемоглобина. Вторичная анемия маловероятна: никаких сведений о язве, геморрое, геморроидальном кровотечении и проч. Лейкоцитарная формула – отриц. Вероятнее всего, первичная анемия в сочетании с эмоциональным шоком. Рекомендуется бариевая клизма и рентгеновское исследование на предмет выявления возможного внутреннего кровотечения, хотя, по заверениям отца, недавних травм у ребенка не было. Также рекомендуется прием витамина В₁₂ (см. прилагаемый лист).

Выписать до результатов дальнейших анализов.

Г. М. Горби,

лечащий врач

В час ночи 24 сентября в больничную палату Дэнни Глика вошла медсестра, чтобы дать ему лекарство, и замерла в дверях. Кровать мальчика была пуста.

Ее взгляд скользнул на пол и остановился на бесформенной белой груди.

– Дэнни? – позвала она и подошла ближе, решив, что он шел в туалет и

потерял сознание.

Медсестра осторожно перевернула мальчика, еще не сообразив, что он мертв, и даже подумала, что витамины ему явно пошли на пользу – он выглядел гораздо лучше, чем когда его привезли в больницу.

Но ощутив холод запястья и убедившись в отсутствии пульса, она бросилась на пост сообщить о кончине пациента.

Глава пятая

Бен (II)

1

В четверг, 25 сентября, Бен снова ужинал у Нортонов. Блюда были традиционными: Билл на заднем дворике поджарил сосиски на рашпере, а фасоль Энн поставила варить с утра. После трапезы на свежем воздухе все закурили, лениво поддерживая разговор о тающих шансах «Бостон ред сокс» на победу в финальной серии главной лиги бейсбола.

Хотя воздух оставался по-прежнему теплым и с короткими рукавами было вполне комфортно, уже чувствовалось приближение осени. Листья на огромном старом клене перед пансионом Евы начали потихоньку краснеть.

Отношения Бена с семьей Нортон не изменились. Сьюзен не скрывала, что он ей нравится, и она ему тоже очень нравилась. Билл явно испытывал к нему симпатию, которая сдерживалась естественной настороженностью отцов по отношению к молодым людям, ухаживающим за их дочерьми. При наличии взаимной симпатии и открытости мужчины могли держаться свободно, обсуждать за кружкой пива женщин и говорить о политике. Однако разве можно чувствовать себя полностью свободным при общении с парнем, у которого к твоей дочери имеется вполне конкретный интерес? Бен спрашивал себя, можно ли после свадьбы, когда потенциально возможное становится реальностью, по-настоящему сдружиться с зятем, понимая, что он каждую ночь имеет твою дочь? Вопрос был непростой.

А Энн Нортон по-прежнему его не жаловала. Прошлым вечером Сьюзен немного рассказала ему о ситуации с Флойдом Тиббитсом, которого мать считала самой подходящей для нее партией. Флойд был местным, своим и надежным. Бен Миерс, напротив, возник из ниоткуда и мог так же быстро исчезнуть, разбив дочери сердце.

Как и многие провинциалки, Энн инстинктивно не доверяла мужчинам творческих профессий, что хорошо известно по произведениям Эдвина Арлингтона Робинсона и Шервуда Андерсона. Бен подозревал, что она считала их всех либо педиками, либо жеребцами с нездоровой психикой, суицидальными наклонностями или предрасположенностью к убийству, которые любят посылать избранницам по почте свои отрезанные левые уши. Участие Бена в поисках Ральфи Глика скорее усилило ее худшие

подозрения, и завоевать ее симпатию ему не представлялось возможным в принципе. Интересно, знает ли она о визите, который нанес ему в пансион Паркинс Гиллеспи?

Бен лениво прокручивал в голове все эти мысли, когда Энн вдруг сказала:

– Ужасно, что случилось с мальчиком Гликов.

– С Ральфи? Да, с этим не поспоришь, – отозвался Билл.

– Нет, со старшим. Он умер.

– Кто? Дэнни? – опешил Бен.

– Он умер вчера утром, – подтвердила Энн, удивившись, что мужчины были не в курсе. В городе об этом только и говорили.

– Я узнала об этом в магазине Милта, – сказала Сьюзен. Она нашла под столом руку Бена, и тот с готовностью сжал ее ладонь. – И как Глики?

– Так же как и я бы на их месте, – ответила Энн. – Вне себя от горя.

Еще бы! – подумал Бен. *Всего десять дней назад в их жизни было все нормально, а теперь от семьи ничего не осталось.* От этой мысли у него по коже пробежали мурашки.

– Как думаешь, есть шанс, что младшего Глика найдут живым? – спросил Билл, обращаясь к Бену.

– Вряд ли, – ответил тот. – Думаю, что он тоже мертв.

– Похоже на то, что случилось в Хьюстоне два года назад, – заметила Сьюзен. – Если он мертв, я даже хочу, чтобы его не нашли. Если кто-то способен сотворить такое с маленьким беззащитным мальчиком...

– Полиция, судя по всему, ведет поиски, – отозвался Бен. – Связываются с теми, кто уже совершал преступления на половой почве, и допрашивают их.

– Если они найдут виновного, его надо подвесить за причинное место, – сказал Билл и повернулся к Бену: – Сыграем в бадминтон?

– Нет, спасибо, – поднялся Бен. – При игре с вами чувствую себя мальчиком для битья. И огромное спасибо за чудесный ужин. Сегодня мне еще предстоит поработать.

Энн Нортон приподняла бровь, но промолчала.

– Как продвигается книга? – поинтересовался Билл, тоже поднимаясь.

– Неплохо, – коротко ответил Бен. – Сьюзен, как насчет того, чтобы немного прогуляться? Заглянем к Спенсеру и угостимся мороженым?

– Не знаю, – тут же вмешалась Энн. – После истории с Ральфи Гликом мне будет спокойнее, если...

– Мама, я уже большая девочка, – не выдержала Сьюзен. – И на Брок-Хилл вся дорога освещена фонарями.

– Само собой, я тебя провожу, – заверил Бен почти официально. Свою машину он оставил на стоянке у пансиона: в такую погоду пройти пешком – одно удовольствие.

– Все будет нормально, – вмешался Билл. – Ты слишком переживаешь, мать.

– Еще бы! Молодежь сама знает, что лучше, верно? – Она попыталась улыбнуться.

– Я только сбегая за жакетом, – шепнула Сьюзен Бену и отправилась по ступенькам вверх, демонстрируя красивые длинные ноги, которые короткая красная юбка только подчеркивала. Бен смотрел ей вслед, чувствуя на себе осуждающий взгляд Энн. Ее муж заливал водой угли в жаровне.

– А как долго вы намереваетесь пробыть в Джерусалемс-Лоте, Бен? – вежливо поинтересовалась Энн.

– Пока не закончу книгу, – ответил тот. – А там – будет видно. Тут так чудесно дышится, особенно по утрам! – Он улыбнулся, глядя ей в глаза. – Но могу и задержаться.

Она улыбнулась в ответ.

– Зимой тут холодно, Бен. И даже очень.

Вернулась Сьюзен в легком жакете, наброшенном на плечи.

– Готов? Я хочу шоколада, только боюсь располнеть.

– Тебе это не грозит, – заверил он и повернулся к ее родителям. – Еще раз большое спасибо.

– Приходи еще, – пригласил Билл. – Да хоть завтра вечером. Прихвати с собой упаковку пива, и мы вместе посмотрим бейсбол и посмеемся над игрой этого чертова Карла Ястржемски.

– Посмеяться можно, – отозвался Бен, – только будет ли нам до смеха после второй подачи?

Подходя к калитке, они все еще слышали раскатистый смех Билла.

– Вообще-то мне не хочется идти к Спенсеру, – сказала Сьюзен, пока они шли вниз по дороге. – Давай пойдем в парк.

– А как насчет грабителей, леди? – поинтересовался Бен, имитируя акцент жителей Бронкса.

– В нашем городе все грабители должны быть дома не позже семи. Распоряжение городских властей. А сейчас три минуты девятого. – На

улице уже стало темно, и их тени под светом фонарей то вытягивались, то уменьшались.

– Надо же, какие у вас сговорчивые грабители! – восхитился Бен. – И с наступлением темноты в парке никого нет?

– Иногда туда заглядывают подростки, чтобы приятно провести время, если нет денег на кино в машине. – Сьюзен многозначительно подмигнула. – Так что, если заметишь в кустах какое-то движение, лучше отвернуться.

Они вошли в парк через западный вход напротив здания муниципалитета. В парке было сумрачно и немного загадочно, извилистые бетонные дорожки петляли под кронами деревьев, а на тихой поверхности пруда поблескивал отраженный свет фонарей. Если в парке и были посетители, Бен никого не заметил.

Они прошли мимо Мемориала павшим героям с длинным списком имен – от Войны за независимость до Вьетнама: шесть новых фамилий блестели медью, словно свежие раны. Бен подумал, что город носит неправильное имя – его следовало назвать Временем. И словно в продолжение мысли он невольно обернулся и посмотрел через плечо на Марстен-Хаус, но его заслоняло здание муниципалитета.

Перехватив его взгляд, Сьюзен нахмурилась. Расстелив на траве куртку и жакет (садовые скамейки были с презрением отвергнуты без обсуждения), они опустились на землю.

– Мама говорит, что о тебе справлялся Паркинс Гиллеспи, – сообщила Сьюзен. – Как обычно, во всем виноват новенький?

– Да уж! Констебль – колоритная личность, – отозвался Бен.

– Мама тебя уже заочно осудила и признала виновным. – Несмотря на шуточный тон, в ее голосе звучала тревога.

– Она не очень-то меня жалуется, так ведь?

– Не очень, – подтвердила Сьюзен. – Почему-то она сразу тебя невзлюбила. Мне очень жаль.

– Не страшно, – отозвался он. – Зато с отцом мы отлично поладили.

– С отцом? – улыбнулась Сьюзен. – Он разбирается в людях.

Она снова стала серьезной.

– А о чем твоя новая книга?

– Пока трудно сказать. – Бен скинул туфли и провел босыми ступнями по влажной траве.

– Не хочешь говорить?

– Нет, дело совсем не в этом! – К своему удивлению, он вдруг поймал себя на мысли, что не лукавит. Для него написание книги было всегда

подобно заботе о слабом ребенке, которого надо всячески оберегать и защищать от излишнего внимания. В свое время он отказывался рассказывать Миранде о «Дочери Конвея» и «Воздушном танце», хотя та и изнывала от любопытства. Но Сьюзен – другое дело. Миранда выпытывала, и ее вопросы больше смахивали на допрос. – Дай-ка мне сообразить, как получше это сформулировать, – пояснил он.

– А пока ты соображаешь, можешь меня поцеловать? – поинтересовалась она, откидываясь на спину.

Бен невольно задержал взгляд на короткой юбке, подстегивавшей воображение, и мягко заметил:

– Мне кажется, я тогда не смогу сосредоточиться.

– Давай проверим.

Бен наклонился и поцеловал ее, положив руку на талию. Сьюзен встретила его губы жадно и накрыла его руки своими ладонями. Он впервые почувствовал, как она подалась вперед и ищет его язык своим. От мягкого шуршания юбки у него застучала в висках кровь.

Он скользнул рукой вверх, и она выгнулась, упираясь полной и упругой грудью ему в ладонь. Он уже во второй раз за время знакомства с ней почувствовал себя бесшабашным шестнадцатилетним подростком, перед которым открыты все дороги и ничто не омрачает будущего.

– Бен?

– Да?

– Люби меня. Ты этого хочешь?

– Да, – ответил он. – Хочу.

– Прямо здесь, на траве, – попросила она.

– Да.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами – в темноте зрачки казались просто огромными.

– Сделай мне хорошо.

– Постараюсь.

– И не спеши. Вот так, медленно...

Их тени сплелись в темноте.

– О, Сьюзен! О Господи!..

Они брели по парку сначала бесцельно, а потом свернули к Брок-стрит.

– Ты жалеешь? – спросил он.

Она подняла на него глаза и искренне улыбнулась.

– Нет. Я рада.

– Хорошо.

Они шли, держась за руки, и молчали, думая каждый о своем.

– А книга? – вдруг спохватилась Сьюзен. – Ты же обещал о ней рассказать, пока мы так приятно не отвлеклись на другое.

– Эта книга – о Марстен-Хаусе, – медленно проговорил Бен. – Вообще-то я собирался написать о городе, а не о доме, но, похоже, сам себя обманывал. Знаешь, я ведь специально изучал жизнь Хьюби Марстена. Он был настоящим гангстером, а транспортная компания служила всего лишь прикрытием.

Она изумленно на него посмотрела:

– Как ты это узнал?

– Кое-что от бостонской полиции, но в основном от женщины по имени Минелла Кори, сестры его жены Бэрди Марстен. Ей сейчас семьдесят девять, и она не помнит, что ела на завтрак, но зато отлично помнит все, что происходило до 1940 года.

– И она тебе рассказала...

– Все, что знала. Сейчас она живет в доме для престарелых в Нью-Хэмпшире, и ее рассказы уже многие годы никому не интересны. Я спросил у нее, действительно ли Хьюби Марстен был наемным убийцей в Бостонском округе, как считала полиция, и она согласно кивнула. Я поинтересовался, сколько на его счету жертв, и она, растопырив пальцы, несколько раз махнула руками у меня перед глазами. «Сколько это, по-вашему?» – спросила она.

– Боже милостивый!

– В 1927 году бостонская мафия увидела в Хьюби Марстене угрозу, – продолжил Бен. – Полиция дважды задерживала его для допроса: один раз в Бостоне, второй – в Мейдене. В Бостоне его допрашивали в связи с расследованием убийства какого-то гангстера, но через пару часов отпустили. А в Мейдене дело не было связано с бандитскими разборками: там нашли выпотрошенное тело одиннадцатилетнего мальчика.

– Бен! – только и смогла вымолвить Сьюзен.

– Боссы Марстена сумели снять его с крючка – думаю, что он просто слишком много знал, – но оставаться в Бостоне ему было больше нельзя. И тогда он переехал в Салемс-Лот, где выдал себя за ушедшего на покой служащего транспортной компании, который раз в месяц получал чек. Он старался не выходить из дома. По крайней мере так выглядит со стороны.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я провел много времени в библиотеке и просмотрел все подшивки «Леджер» за период с 1928 по 1939 год. За это время в округе пропали четверо ребятишек. В общем-то ничего особо странного в этом нет. В сельской местности дети могут заблудиться, угодить под оползень в карьере, да мало ли что. Ужасно, конечно, но такое случается.

– Но ты считаешь, что причина в другом?

– Я не знаю. Но только тел четырех пропавших детей так и не нашли. Ни один охотник не наткнулся в лесу на скелет, да и при разработке карьеров никаких останков не обнаружили. Чета Марстен жила в этом доме одиннадцать лет, и за это время пропали четверо детей. Это всем известно. Но у меня никак не идет из головы тот парнишка из Мейдена. И я все время о нем думаю. Ты читала «Призраки дома на холме» Ширли Джексон?

– Да.

И он процитировал:

– «И что бы там ни блуждало, оно блуждало в одиночестве». Ты спросила, о чем моя книга. Я бы сказал, что о силе зла, которое имеет обыкновение возвращаться.

Сьюзен взяла Бена за локоть.

– Но ты же не думаешь, что Ральфи Глик...

– ...был схвачен мстительным призраком Хьюберта Марстена, который в полнолуние раз в три года возвращается к жизни?

– Что-то в этом роде.

– Если ты рассчитываешь на опровержение, то обратилась за ним не по адресу. Не забывай, что я был тем самым мальчишкой, который открыл дверь в спальне наверху и увидел, как он раскачивается в петле на балке.

– Это не ответ.

– Согласен. Тогда позволь мне рассказать еще об одной вещи, а уж потом изложить свое мнение. Я услышал это от Минеллы Кори. Она сказала, что на свете существуют настоящие исчадия ада. Иногда мы о них узнаем, но чаще они действуют в полной неизвестности. Она сказала, ей выпало несчастье знать двух таких людей. Одного звали Адольф Гитлер, а другим был ее зять Хьюберт Марстен.

Бен помолчал и продолжил:

– Минелла сказала, что в тот день, когда Хьюби застрелил ее сестру, она находилась в трехстах милях от Салемс-Лота – в курортном городке Кейп-Код, где работала экономкой в доме одной богатой семьи. В четверть третьего Минелла как раз готовила салат в большой деревянной плошке, когда голову вдруг пронзила острая боль – «будто ударила молния», как она выразилась, – и она услышала громкий выстрел. Минелла потеряла

сознание и упала на пол. В доме никого не было, а когда через двадцать минут Минелла очнулась и взглянула на плочку, то закричала от ужаса: ей показалось, что та полна крови.

– Боже мой! – прошептала Сьюзен.

– Через мгновение все встало на свои места. Никакой головной боли, в плочке только салат. Но, по ее словам, она знала! Знала, что сестру убили выстрелом из дробовика.

– Но это же только ее слова, которые ничем не подтверждаются?

– Верно. Но она не из тех, кто способен на розыгрыш, – она уже слишком стара, и для обмана у нее просто не осталось мозгов. Но больше всего меня тревожит не это. Во всяком случае, сейчас уже имеется немало данных об экстрасенсорном восприятии. Так что мне проще согласиться, что Бэрди смогла телепатически сообщить сестре о своей смерти, чем поверить в лик дьявола – действительно ужасный! – который мне чудится в очертаниях этого дома.

Ты спрашивала, что я на самом деле думаю. Я отвечу тебе. Мне кажется, что людям легко верить в возможность телепатии, ясновидения или телеплазмы, поскольку их это в общем-то не затрагивает и не мешает спокойно спать по ночам. А вот с мыслью, что зло, сотворенное человеком, может пережить своего создателя, смириться не так просто.

Он бросил взгляд на Марстен-Хаус и медленно продолжил:

– Я думаю, что этот дом является памятником злу, который возвел Хьюби, и служит для зла своеобразным резонатором или, если угодно, сверхъестественным ориентиром. Мне кажется, что дом насквозь пропитан злом Хьюби и все эти годы хранил его.

– А теперь он снова стал обитаемым.

– И опять кто-то исчез! – Бен повернул Сьюзен к себе лицом и заглянул ей в глаза. – Знаешь, перед приездом сюда я допускал, что за эти годы дом мог разрушиться, но чтобы его кто-то купил?! Такого и представить было невозможно! Я даже собирался снять его на время... Не знаю... может, чтобы победить свои собственные страхи и фобии, а может, чтобы – во имя всех святых! – изгнать призрак Хьюби. А может, чтобы окунуться в самую атмосферу дома и написать по-настоящему пугающую книгу, которая сделала бы меня богатым человеком. Но как бы то ни было, я чувствовал, что контролирую ситуацию. Я больше не был девятилетним мальчишкой, которого можно испугать игрой теней и призраками, порожденными собственной фантазией. Однако теперь...

– Что теперь, Бен?

– Теперь дом обитаем! – воскликнул он и в сердцах ударил кулаком по

ладони. – Я больше не контролирую ситуацию! Исчез маленький мальчик, и я не знаю, что и думать! Не исключено, что это никак не связано с домом, но... я в это не верю! – Последние слова он отчеканил.

– Призраки? Духи?

– Не обязательно. Может, дом приобрел какой-нибудь обычный парень, которому он нравился с детства, а потом он стал... одержимым!

– А ты знаешь что-нибудь о... – начала с беспокойством Сьюзен.

– ...новом владельце? – закончил Бен за нее фразу. – Нет, я могу только строить догадки. Но если все дело в доме, то одержимость мне представляется меньшим злом.

– Чем что?

– Чем появление очередного исчадия ада, – ответил он.

4

Энн Нортон с тревогой вглядывалась в окно. Она звонила в кафетерий при аптекарском магазине, и мисс Куган, явно злорадствуя, сообщила, что они туда не заходили.

Где же ты была, Сьюзен? Господи, где же ты была?

Ее губы скривились в беспомощной гримасе.

Уходи, Бен Миерс! Уходи и оставь ее в покое!

Освободившись от объятий, Сьюзен попросила:

– Пообещай мне одну вещь, Бен.

– Все, что угодно.

– Не говори об этом никому в городе. Ни единой душе!

Он невесело улыбнулся.

– Не волнуйся. Я не хочу, чтобы меня считали сумасшедшим.

– Ты запираешь свою комнату в пансионе?

– Нет.

– Пожалуйста, запирай ее. Тебя подозревают.

– И ты тоже?

– И я бы подозревала, если бы не любила.

Она торопливо направилась к дому, и Бен долго смотрел ей вслед, пораженный не столько ее последними словами, сколько тем, что наговорил сам.

5

Вернувшись к себе в комнату, Бен понял, что не в состоянии ни писать, ни спать. Он был слишком возбужден. Немного поразмыслив, он завел свой «ситроен» и поехал к Деллу.

Там былолюдно, шумно и накурено. Группа в стиле кантри под названием «Рейнджерс» исполняла песню «Ты никогда так далеко не уезжал», восполняя громкостью отсутствие мастерства. Около сорока пар, почти все в джинсах, толкались на танцплощадке. Бен невольно вспомнил строчку из пьесы Эдварда Олби, обозвавшего танцы, когда партнеры практически трутся друг о друга, «сосками обезьян».

Строители и рабочие с фабрики, обутые в грубые ботинки с кожаными шнурками, заняли все табуреты возле стойки и пили пиво из одинаковых бокалов.

Три официантки со взбитыми прическами и в одинаковых белых блузках с вышитыми золотом именами (Джекки, Тони, Ширли) сновали между кабинками и столиками. За стойкой Делл разливал пиво, а на другом конце похожий на ястреба бармен с зализанными назад волосами смешивал коктейли. Все манипуляции с напитками и добавлением необходимых ингредиентов он совершал с абсолютно отрешенным видом.

Огибая танцплощадку, чтобы добраться до стойки, Бен услышал, как его окликнули:

– Привет, Бен! Как жизнь?

Бен обернулся и увидел Проныру Крейга с недопитым бокалом пива за столиком возле бара.

– Привет, Проныра, – отозвался Бен, обрадовавшись знакомому лицу. К тому же Проныра был ему симпатичен.

– Решил приобщиться к ночной жизни, приятель? – улыбнулся Проныра, хлопая его по плечу. С его дыханием донесся стойкий характерный запах пива «Милуоки».

– Да, – отозвался Бен и, достав долларовую бумажку, положил на столик с мокрыми следами многочисленных бокалов, побывавших на нем. – Как жизнь?

– Все путем. Как тебе музыканты? Круто, верно?

– Верно, – согласился Бен. – Допивай свое пиво, пока оно не выдохлось. Я угощаю.

– Я весь вечер ждал, пока кто-нибудь предложит. Джекки! – рявкнул Проныра во все горло. – Принеси моему другу кувшин «Будвайзера»!

Джекки принесла кувшин на подносе с мокрой от пива сдачей и поставила на столик, играя бицепсами, как борец. Взглянув на долларовую купюру, будто та была тараканом неизвестного вида, она произнесла:

– С вас доллар сорок.

Бен добавил еще одну купюру, и Джекки, отсчитав шестьдесят центов сдачи мокрыми монетами, положила их на столик со словами:

– Проныра Крейг, ты орешь, точно недорезанный петух!

– Я тебя обожаю, любимая! – отозвался Проныра. – Это Бен Миерс. Он писатель.

– Рада познакомиться, – буркнула Джекки и вернулась к стойке.

Бен налил себе пива, и Проныра последовал его примеру, мастерски наполнив свой бокал до краев. Поднявшаяся пена, с трудом удержавшись, начала оседать.

– Твое здоровье, приятель!

Бен поднял свой бокал и отпил.

– Как продвигается книжка?

– Неплохо.

– Я видел тебя с девчонкой Нортонов. Она и впрямь хороша! Самая красивая в округе!

– Да, она...

– Мэтт! – снова рявкнул Проныра, и от неожиданности Бен едва не выпустил бокал из рук. Да уж, Крейг и правда орал, как петух, прощавшийся с жизнью.

– Мэтт Берк! – Проныра отчаянно замахал кому-то, и седой мужчина приветственно поднял в ответ руку и стал пробираться через толпу к столику.

– Ты должен с ним познакомиться, – заявил Проныра Бену. – Он умный сукин сын!

Высокому, стриженному под «ежик» мужчине в свежей фланелевой рубаше с расстегнутым воротом на вид было лет шестьдесят.

– Привет, Проныра! – поздоровался он.

– Как поживаешь, приятель? Хочу познакомить тебя с парнем, который остановился в пансионе Евы. Бен Миерс. Он писатель. И хороший человек! – Посмотрев на Бена, он добавил: – Мы с Мэттом выросли вместе, только он получил образование, а я – шиш с маслом! – хохотнул Проныра.

Бен поднялся и пожал руку Мэтту Берку.

– Рад познакомиться.

– Я тоже. Читал одну из ваших книг, мистер Миерс. «Воздушный танец».

– Зовите меня просто Бен. Надеюсь, вам понравилось.

– Да, судя по всему, гораздо больше, чем критикам, – ответил Мэтт усаживаясь. – Надеюсь, со временем ее оценят по достоинству. Как жизнь,

Проныра?

– Все путем, – ответил тот. – Грех жаловаться! Джекки! – снова рявкнул он. – Стакан Мэтту!

– Сейчас, старый козел! – в тон огрызнулась Джекки, вызвав смех за соседними столиками.

– Хорошая девчонка! – заметил Проныра. – Дочка Морин Тэлбот.

– Да, – подтвердил Мэтт. – Она училась у меня. Выпуск семьдесят первого года. А ее мать – пятьдесят первого.

– Мэтт преподает английский в старшей школе, – пояснил Проныра Бену. – Вам наверняка найдется о чем поговорить.

– Я помню девчонку по имени Морин Тэлбот, – сказал Бен. – Она приходила к тетке за стиркой и приносила чистое белье в корзинке с одной ручкой.

– Так вы из местных, Бен? – удивился Мэтт.

– Я жил тут в детстве. У своей тетки Синтии.

– Синди Стоуэнс?

– Да.

Джекки принесла чистый бокал, и Мэтт налил себе пива.

– Вот уж действительно мир тесен! Ваша тетка училась в выпускном классе, когда я только приехал в Салемс-Лот и начал преподавать. Как она?

– Умерла в 1972 году.

– Простите.

– Ее уход был тихим и спокойным, – сказал Бен, подливая пива в свой бокал.

Музыканты, закончив песню, направились к бару. В зале стало заметно тише, и необходимости напрягать голос больше не было.

– Вы приехали в Джерусалемс-Лот написать о нас книгу? – поинтересовался Мэтт.

– Можно и так сказать, – осторожно ответил Бен, немедленно насторожившись.

– Тут есть о чем написать. «Воздушный танец» – хорошая книга. Думаю, что город вдохновит вас на создание еще одной хорошей книги. Когда-то я и сам подумывал написать такую.

– И что же вам помешало?

Мэтт улыбнулся, и в его улыбке не было ни горечи, ни досады.

– Отсутствие одного важного качества: таланта.

– Не верь ему, – заявил Проныра, переливая себе в бокал остатки пива из кувшина. – У старого Мэтта куча талантов. Учителей не ценят, а они... – он был уже здорово навеселе, и потому замялся, подбирая слово, –

настоящая соль земли! – Сделав большой глоток, Проныра поморщился и поднялся. – Прошу прощения, мне надо отлить.

Он поднялся и, покачиваясь, побрел к туалету, по пути натываясь на посетителей и приветствуя их по имени. Те отмахивались или добродушно ухмылялись, наблюдая за его движением, как за шариком в бильярде-автомате.

– Хороший человек, и что с ним стало! – заметил Мэтт и поднял палец. Появившаяся тут же официантка, явно смущаясь, что видит учителя здесь, да еще в сомнительной компании Проныры Крейга, подчеркнуто уважительно приняла заказ на еще один кувшин с пивом. Бену показалось, что Мэтт тоже слегка смутился.

– Мне нравится Проныра, – сказал Бен. – И наверняка он знал лучшие времена. Что с ним случилось?

– Обычная история, – пояснил Мэтт. – Пристрастился к бутылке. Началось с малого, а потом захватило полностью. Во время Второй мировой войны он отличился в итальянской кампании и был награжден медалью «Серебряная звезда». Циник сказал бы, что лучше бы на этом его жизнь и закончилась.

– Однако я не циник, – отозвался Бен, – и он мне все равно симпатичен. Думаю, что подброшу его домой на своей машине.

– Похвальное желание. Я сам заглядываю сюда послушать музыку. Мне нравится, когда играют громко. Тем более что с годами слышу все хуже и хуже. Насколько я понимаю, вы интересуетесь Марстен-Хаусом. В новой книге вы пишете о нем?

– Откуда вы знаете? – вскинулся Бен.

– Как там поется в песне старины Марвина Гэя? – улыбнулся Мэтт. – Сорока на хвосте принесла. Замечательное образное выражение, тем более что на практике вообразить подобное довольно трудно. Так и рисуется картина с человеком, который устался на птичий хвост. Но что-то я заболтался и начал нести чепуху. В последнее время такое со мной нередко случается, и я уже не пытаюсь себя контролировать. А если серьезно, то моим информированным источником, как выражаются журналисты, была Лоретта Старчер. Она библиотекарь в нашей местной цитадели литературы. Вы были в библиотеке несколько раз, смотрели статьи в «Камберленд леджер» о том старом скандале и к тому же взяли две книги с описанием совершенных преступлений, где имелись главы о Марстен-Хаусе. Кстати, книге Люберта можно верить – он сам приезжал сюда в сорок шестом году, чтобы выяснить все на месте, – а беспочвенным измышлениям Сноу доверять не стоит.

– Мне это известно, – машинально отозвался Бен.

Официантка принесла новый кувшин с пивом, и перед мысленным взором Бена вдруг возникла тревожная картина. Вот посреди водорослей беззаботно плавает рыбка, и ей кажется, что на ее пути нет никаких преград, но стоит отойти подальше, как сразу видно, что плавает она в аквариуме, где невозможно укрыться от посторонних глаз.

Мэтт расплатился с официанткой и сказал:

– Там случилась ужасная трагедия, о которой город помнит до сих пор. Конечно, истории о мерзостях и убийствах всегда передаются из поколения в поколение с каким-то навязчивым смакованием и врезаются в память, а вот запомнить, чем знаменит Джордж Вашингтон Карвер^[7] или, скажем, Джонас Солк^[8], дается ученикам с невероятным трудом. Но мне кажется, дело не только в этом. Все может быть связано с самим расположением дома.

– Да, – согласился Бен, невольно увлекаясь. Учитель высказал мысль, которая не давала ему покоя с самого приезда в город, а может, даже и раньше. – Дом стоит на холме, нависая над городом будто... некое божество тьмы.

Бен хмыкнул, стараясь обратить свои слова в шутку. Ему показалось, что таким нечаянным признанием он пускает к себе в душу совершенно незнакомого человека. И острый взгляд Мэтта Берка только подтвердил его опасения.

– Вот это и есть талант, – произнес Берк.

– Прошу прощения?

– Вы выразились удивительно точно. Вот уже полвека Марстен-Хаус смотрит на нас сверху вниз, замечая все наши грехи, проступки и ложь. Как божество.

– Возможно, он замечает и хорошее, – возразил Бен.

– В провинциальных городках, подобных нашему, хорошее встречается редко. Чего нельзя сказать о безразличии, замешанном на невольном или – что гораздо хуже – намеренном зле. У Томаса Вулфа об этом написана куча произведений.

– А я думал, что вы не циник.

– Заметьте, что моей вины тут нет, – улыбнулся Мэтт и отпил глоток.

Музыканты в переливающихся пиджаках и ярких красных рубашках с шейными платками потянулись от бара к эстраде. Вокалист взял гитару и начал перебирать струны.

– Однако вы так и не ответили на мой вопрос. Ваша новая книга – о

Марстен-Хаусе?

– Можно и так выразиться.

– Извините меня за назойливость.

– Все в порядке, – заверил Бен, вспомнив о Сьюзен и почувствовав неловкость. – Интересно, куда это запропастился Проныра? Его нет слишком долго.

– Могу я воспользоваться нашим непродолжительным знакомством и обратиться с одной серьезной просьбой? Если вы откажете, я пойму и ничуть не обижусь.

– Конечно! А о чем речь?

– В школе у нас есть литературный кружок, – начал объяснять Мэтт. – Его посещают толковые ребята, в основном – старшеклассники, и я хотел бы познакомить их с человеком, который зарабатывает на жизнь словами. С человеком, который – как бы получше выразиться? – наполняет слова жизнью.

– С удовольствием, – согласился Бен, неожиданно чувствуя себя польщенным. – А сколько у вас длится занятие?

– Пятьдесят минут.

– Что ж, такое время, надеюсь, они продержатся и не умрут со скуки.

– Вы и правда согласны? Мне кажется, что я сам исправно нагоняю на них скуку, а вот вам это точно не грозит. На будущей неделе вас устроит?

– Вполне. Назовите день и время.

– Как насчет вторника? Четвертый урок? С одиннадцати до без десяти двенадцать? Обструкции точно не будет, а вот что у ребят не заурчит в животе, обещать не возьмусь.

– Придется вставить в уши затычки.

– Отлично! – засмеялся Мэтт. – Тогда до встречи в моем кабинете, если вас это устроит.

– Договорились. А вы...

– Мистер Берк? – прервала беседу официантка Джекки. – Проныра отключился в туалете. Может...

– Ну конечно! Бен, вы не...

– Разумеется!

Они поднялись и пересекли зал. Музыканты затянули новую песню – что-то о ребятах из Оклахомы, которые не утратили уважения к своему декану из колледжа.

В туалете стоял стойкий запах мочи и хлорки. Проныра привалился к стене между двумя писсуарами, и какой-то парень в военной форме опорожнял мочевой пузырь буквально в двух дюймах от его правого уха.

Рот Проныры был открыт, и Бена поразило, каким старым и опустившимся тот выглядел, будто истерзанный какой-то холодной и неведомой силой. Бен вдруг с необыкновенной ясностью ощутил неумолимое приближение собственного заката и задохнулся от подкатившего к горлу комка жалости не только к Проныре, но и к себе.

– Можете подхватить его с той стороны, когда этот джентльмен закончит свое занятие? – поинтересовался Мэтт.

– Конечно, – заверил Бен и взглянул на парня в форме, который неторопливо стряхивал последние капли. – Ты не мог бы поторопиться, приятель?

– А что? Он куда-то спешит? – ухмыльнулся парень, однако застегнул молнию и отошел от писсуара, давая им возможность подойти к Проныре.

Бен просунул руку ему под мышку и приподнял. Коснувшись облицованной плиткой стены, он почувствовал, как та вибрирует от громкой музыки. Обмякшее тело Проныры ни на что не реагировало и походило на куль с песком. Мэтт подхватил его с другой стороны, и они потащили его к выходу.

– А вон и Проныра вышагивает, – сказал кто-то в зале, и все засмеялись.

– Деллу не следует ему наливать, – заметил Мэтт, с трудом переводя дыхание. – Он отлично знает, чем это кончается.

Они направились к ступенькам. Ноги Проныры стучались о них, как деревяшки.

– Осторожно, – произнес Бен, – держите крепче. Мой «ситроен» стоит там... в последнем ряду.

Они дотащили его до машины. На улице стало заметно прохладнее, и красных листьев завтра наверняка прибавится. Проныра издал нечленораздельный звук и дернул головой.

– Вы можете уложить его в постель, когда доберетесь? – поинтересовался Мэтт.

– Думаю, да.

– Отлично! Посмотрите-ка, отсюда видно крышу Марстен-Хауса.

Бен поднял взгляд. И действительно, над темными верхушками деревьев виднелся конек крыши, заслонявший звезды. Бен открыл дверцу машины.

– Давайте его сюда!

Усадив Проныру на пассажирское сиденье, он захлопнул дверцу. Голова пьянчужки уткнулась в стекло, отчего вся картина приобрела какой-то гротескный вид.

– Значит, во вторник в одиннадцать?
– Договорились.
– Спасибо. И отдельное спасибо за Проныру! – Мэтт протянул руку, и Бен пожал ее.

Он сел за руль, завел двигатель и поехал в город. Едва за деревьями скрылась неоновая вывеска кафе, мрак сгустился, и Бен, глядя на черную пустынную дорогу, невольно подумал, что теперь настало время привидений.

Проныра, сидевший рядом, вдруг издал короткий храп и всхлипнул, и Бен от неожиданности вздрогнул. Машина вильнула.

Почему я об этом подумал?

Ответа не было.

Бен открыл боковое стекло, и всю обратную дорогу до пансиона Евы Миллер Проныру обдувало потоком прохладного свежего воздуха, так что к концу поездки он начал понемногу приходить в себя.

Бен отволок его через заднюю дверь на кухню, где единственным источником света было флуоресцентное табло на плите.

Проныра застонал и хрипло произнес:

– Она отличная девчонка, Джек, а замужние женщины... они знают... знают...

От гостиной отделилась тень, которая оказалась Евой в старом стеганом халате, с бигуди в волосах, покрытых газовой косынкой. От ночного крема лицо выглядело неестественно бледным, делая ее похожей на привидение.

– Эд! – воскликнула она. – Господи, Эд! Неужели опять?

При звуке ее голоса его глаза чуть приоткрылись и губы тронула улыбка.

– Опять, и опять, и опять! – хрипло отозвался он. – Тебе ли этого не знать?

– Вы можете проводить его в комнату? – спросила она у Бена.

– Разумеется.

Он подхватил Проныру и не без труда помог ему подняться по лестнице наверх. Дверь в комнату была открыта, и Проныра, добравшись до кровати, тут же отключился.

Бен огляделся. В комнате было чисто и царил почти армейский порядок. Бен принялся стаскивать с Проныры ботинки, но его остановил голос Евы, раздавшийся из-за спины:

– Оставьте, мистер Миерс. Идите к себе.

– Но его надо...

– Я сама! – Ее лицо было серьезным и преисполненным благородной печали. – Я раздену его, а утром налью рюмку опохмелиться, чтобы не болела голова. Мне приходилось это делать и раньше. Причем не раз и не два.

– Хорошо, – согласился Бен и, не оглядываясь, отправился к себе наверх. Он медленно разделся и, поразмышляв, не стоит ли принять душ, решил, что нет.

Устроившись в кровати, он долго лежал и смотрел в потолок, не в силах заснуть.

Глава шестая

Город (II)

1

Весна и осень наступают в Джерусалемс-Лоте так же внезапно, как встает и садится в тропиках солнце. Это может произойти практически мгновенно. Но весна в Новой Англии не лучшее время года: она слишком коротка и своенравна и к тому же склонна к резким переменам и неприятным сюрпризам. И все же в апреле случаются погожие деньки, которые врезаются в память на всю жизнь, вытесняя воспоминания и о канувших в Лету ласках жен, и о беззубых деснах малюток, жадно обхватывающих материнскую грудь. Но в середине мая, когда в семь утра мужчины, прихватив сэндвичи на обед, отправляются на работу, а набирающее силу солнце только начинает разгонять утреннюю дымку, уже ни у кого нет сомнений, что через час от росы на траве не останется и следа, а пыль, поднятая колесами проехавшей машины, останется висеть в воздухе не меньше пяти минут. И что к полудню температура на третьем этаже текстильной фабрики поднимется до тридцати пяти градусов и, как в самый разгар июля, по коже побегут маслянистые струйки пота, а на прилипшей к спине рубашке начнет расплзаться огромное пятно.

Когда во второй половине сентября на смену иссушающему лету приходит осень, она кажется приехавшим погостить старым другом. Будто он устраивается в вашем любимом кресле, раскуривает свою трубку и рассказывает, где был и чем занимался все то время, что вы не виделись.

Осень длится весь октябрь, а иногда – правда, редко – захватывает и следующий месяц. Дни стоят ясные, а облака, плывущие на восток по темно-синему небу, похожи на белые пароходы, спешащие по своим делам. Ветер дует, не затихая ни на минуту. Он вынуждает ускорять шаг на улице, играет с опавшими листьями и закручивает их в пестрые водовороты. Ветер заставляет испытывать какую-то ноющую боль и лишает покоя. Будто затрагивая в душе некие древние струны, ветер взывает к генетической памяти и нашептывает: *Уезжай или погибнешь! Уезжай или погибнешь!* Даже дома, укрывшись за прочными стенами, человек не находит покоя: ветер бьется в окна, стучит по карнизам и в конце концов побуждает бросить все дела и выйти посмотреть, что же на самом деле там

происходит. И с крыльца будет видно, как по пастбищу Гриффена или Школьному холму скользят тени от облаков, и полосы светлого и темного наводят на мысль, будто это боги забавляются тем, что открывают и закрывают неведомые ставни. А заросли золотарника – самого неприхотливого и самого красивого сорняка Новой Англии – покорно склоняются под порывами ветра, словно многочисленная молчаливая паства. И если не пролетает никаких самолетов, не проезжает никаких машин и ничей дядя Джон не охотится на перепелов в окрестных лесах, то нарушать тишину будут только биение собственного сердца да еще звуки жизни, завершающей свой очередной цикл и ожидающей первого снега, чтобы совершить последние обряды.

2

В тот год первый день осени (осени настоящей, а не календарной) пришелся на 28 сентября – когда на кладбище Хармони-Хилл хоронили Дэнни Глика.

На церковной церемонии присутствовали только родные, а на кладбище собрались все желающие, которых оказалось немало. Там были и одноклассники, и просто зеваки, и старики, для кого преклонный возраст, постепенно окутывающий их в саван, превращал участие в похоронах почти что в обязанность.

Машины на Бернс-роуд растянулись в длинную извивающуюся вереницу, конец которой скрывался за холмом. Несмотря на яркое солнце, у всех автомобилей горели фары.

Возглавлял колонну украшенный цветами катафалк Карла Формана. За ним двигался старенький «меркьюри» Тони Глика с неисправным глушителем, а потом четыре машины с родственниками по обеим линиям, приехавшим даже из такой дали, как Талсон, штат Оклахома. Среди приехавших проститься был и Марк Питри с родителями (тот самый мальчик, к которому отправились Дэнни и Ральфи в тот вечер, когда исчез младший брат), и Ричи Боддин – тоже с родителями. Мейбл Уэртс сидела на заднем сиденье машины Нортон и, зажав палку между распухшими ногами, всю дорогу рассказывала о похоронах, на которых она побывала с 1930 года. Приехали проститься Лестер и Гэрриетт Дэрхэл, а также Поль Мэйберри с женой Глинис. Пэт Миддлер, Джо Крейн, Винни Апшо и Клайд Корлисс ехали в машине Милта Кроссена (перед отъездом Милт достал из холодильника упаковку пива, и теперь все молча тянули его из

горлышка). Ева Миллер везла в своей машине близких друзей – старых дев Лоретту Старчер и Роду Кэрлесс, а Паркинс Гиллеспи со своим заместителем Нолли Гарденером ехали в полицейском автомобиле Джерусалемс-Лота («форде» Паркинса с выносной мигалкой на приборной доске). Был там и Лоренс Крокетт со своей болезненной женой, и угрюмый водитель автобуса Чарлз Роудс, принципиально посещавший все без исключения похороны, и семейство Чарлза Гриффена, включая его жену и сыновей Хэла и Джека – единственных отпрысков, еще не покинувших родительский кров.

Рано утром Майк Райерсон и Ройал Сноу вырыли могилу и прикрыли извлеченную землю полосками искусственного дерна. Майк зажег поминальную свечу, которую заказали Глики. Как потом он вспоминал, Ройал в тот день не был похож сам на себя. Обычно он шутил по поводу выпавшей работы (и, фальшивя, напевал «Завернут тебя в белый саван и опустят в сырую землю...»), но в то утро держался на редкость тихо и выглядел подавленным. Майк решил, что причиной, видимо, является похмелье – наверняка Ройал со своим дружкой Питерсом накануне славно погулял в заведении Делла!

Пять минут назад, заведя показавшийся в миле от кладбища катафалк, Майк распахнул широкие железные ворота, невольно бросив взгляд на острия пик ограды, где несколько дней назад нашел собаку Дока. Оставив ворота открытыми, он вернулся к свежевырытой могиле, где уже ожидал пастор городского прихода Дональд Каллахэн с широкой черной шелковой лентой на плечах поверх сутаны. В руках он держал молитвенник, открытый на заупокойной службе. Майк вспомнил, что кладбище называли «третьей остановкой». Первая была в доме усопшего, вторая – в крошечной городской католической церкви, а последняя – здесь, на кладбище Хармони-Хилл. Конец пути – дальше хода нет.

Он бросил взгляд на яркое пятно пластиковой травы и почувствовал, как по спине пробежали мурашки. И почему этот атрибут является таким обязательным на всех похоронах? Искусственный дерн выглядел тем, чем и был на самом деле – дешевой имитацией жизни, прикрывающей тяжелые комья сырой земли, которая являлась окончательным уделом всех и вся.

– Отец, они подъезжают, – сообщил он.

Каллахэн был высоким мужчиной с пронзительными голубыми глазами, красноватой кожей и тронутыми сединой волосами. Хотя Райерсон и перестал посещать церковь в шестнадцать лет, из местных служителей культа Каллахэн нравился ему больше других. Методистский пастор Джон Гроггинс был лицемерным ничтожеством, а Паттерсон из Церкви Иисуса

Христа Святых последних дней – самый настоящий псих. На похоронах одного из церковных дьяконов пару лет назад он буквально упал на землю и забился в судорогах. А Каллахэн казался вполне адекватным священником: его панихиды отличались размеренностью и спокойствием, несли утешение и никогда не затягивались надолго. Райерсон сомневался, что красные прожилки на щеках и носу пастора появились от усердных молитв, но даже если тот и позволял себе пропустить рюмку-другую, то что в этом такого? Еще чудо, что, живя в таком мире, священники не попадают в психушку!

– Спасибо, Майк, – сказал Каллахэн и поднял глаза на ясное небо. – Сегодня служба будет непростой.

– Это точно. А надолго?

– Минут на десять, не больше. Не хочу подвергать родителей лишним страданиям. Им и так придется тяжело.

– Понятно, – сказал Майк и направился в дальний конец кладбища. Там он перепрыгнет через каменную ограду, скроется из глаз в зарослях леса и немного перекусит. По опыту он знал, что могильщик в одежде, перепачканной землей, был неуместен в тот момент, когда скорбящие друзья и родственники прощались с покойным, – портил благостную картину сияющих жемчужных врат бессмертия, которую рисовал священник.

У задней стены кладбища Майк увидел, что одно надгробие завалилось вперед, и задержался, чтобы поставить его на место. Смахнув землю с надписи, Майк почувствовал, как по спине пробежали мурашки:

ХЬЮБЕРТ БАРКЛИ МАРСТЕН

(6 октября 1889 – 12 августа 1939)

Ангел смерти с бронзовой лампой

Увлек тебя в темные воды за золотыми воротами.

А чуть пониже едва виднелись стершиеся за тридцать шесть лет слова:

Даруй Господь ему упокоение.

Майк Райерсон направился в лес и, устроившись возле ручья, перекусил, испытывая смутную тревогу, причины которой не понимал.

Когда отец Каллахэн поступил на учебу в семинарию, один приятель подарил ему вышивку с нечестивой надписью, которая в то время вызвала у него испуганный смех. Однако со временем эти слова стали казаться ему весьма верными и вовсе не такими уж богохульными. *Дай, Господи, мне МУДРОСТЬ принять то, что я не в силах изменить, РЕШИМОСТЬ изменить то, что я могу, и УДАЧУ, чтобы не облажаться.* И все это древнеанглийским шрифтом на фоне восходящего солнца.

И теперь, окидывая взглядом скорбящих по Дэнни Глику, пастор невольно вспомнил это старое кредо.

Два дяди и два кузена, несшие гроб с телом мальчика, опустили его на землю. Отец Марджори Глик, полуобняв, поддерживал дочь, которая с трудом держалась на ногах; ее лицо едва просвечивало сквозь вуаль черной шляпы. Она вцепилась в черную сумочку с такой силой, будто от этого зависела ее жизнь. Тони Глик с потерянным видом стоял чуть поодаль. Во время службы он несколько раз обводил присутствующих взглядом, будто желая удостовериться, что все это ему не снится и действительно происходит наяву.

Каллахэн подумал, что Церковь не в силах развеять этот страшный сон. Ни мудрость, ни решимость, ни удача уже ничего не могут изменить и не вернут мальчика к жизни. Он окропил святой водой гроб и могилу.

– Помолимся, – воззвал он к собравшимся. Независимо от повода выступления – будь то горе или радость – его голос всегда звучал ровно и мелодично, даже если он был навеселе. Все скорбно склонили головы.

– Господи Боже, в милости Твоей все жившие в вере обретут вечный покой. Благослови сию могилу и ниспошли ангелов охранять ее. Мы предаем земле тело Дэниела Глика. Прими душу его и позволь ей со святыми возрадоваться Тебе. Через Христа мы молим Тебя об этом. Аминь.

– Аминь, – вторили собравшиеся, и ветер разнес нестройный хор голосов.

Тони Глик обвел присутствующих затравленным взглядом. Его жена прижала ко рту салфетку.

– С верой в Господа нашего Иисуса Христа мы благоговейно предаем земле брненное тело этого мальчика. Вознесем молитвы с верой в Господа, дарующего жизнь всему сущему, о вознесении души в сонм ангелов.

Он перевернул страницу требника. Женщина в третьем ряду обступивших могилу людей начала громко всхлипывать. В чаще леса чирикнула птица.

– Вознесем молитвы Господу нашему Иисусу Христу о брате Дэниеле Глике, – произнес Каллахэн. – И сказал Господь: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет.

И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек». Господь, Ты оплакивал смерть друга своего Лазаря – утешь нас в нашей печали. Мы просим Тебя, ибо веруем.

– Господь, услышь молитву нашу, – отозвались католики. – Ты воскрешал мертвых к жизни, даруй нашему брату Дэниелу вечную жизнь. Мы молим об этом, ибо веруем в Тебя.

Взгляд Тони Глика потемнел, как будто до него стало доходить, что происходит.

– Наш брат Дэниел был очищен во крещении, позволь ему воссоединиться с ангелами Твоими. Мы молим об этом, ибо веруем в Тебя.

– Господь, услышь молитву нашу.

– Он вкусил от плоти и крови Твоей; даруй ему место у стола своего в Небесном Царствии Твоем. Мы молим об этом, ибо веруем в Тебя.

– Господь, услышь молитву нашу.

Марджори Глик стала со стоном раскачиваться.

– Утешь скорбь нашу о почившем брате; да будет вера нашим утешением, а вечная жизнь – надеждой. Мы молим об этом, ибо веруем в Тебя.

– Господь, услышь молитву нашу. – Каллахэн закрыл требник и тихо добавил: – Помолимся, как учил нас Господь. Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое...

– Нет! – закричал Тони Глик и рванулся вперед. – Я не позволю закапывать сына! – Его пытались остановить, но он вырвался и, подскочив к краю могилы, не удержался и свалился в нее, ударившись о гроб с громким стуком.

– Дэнни! Вылезай немедленно! – прорычал он.

– Боже милостивый! – воскликнула Мейбл Уэртс и поднесла траурный шелковый платочек к губам. Ее глаза жадно горели, как у белки, запасающей орехи на зиму.

– Дэнни, черт тебя побери, хватит валять дурака!

Отец Каллахэн кивнул двоим прихожанам, но им понадобилась помощь еще троих, включая Паркинса Гиллеспи и Нолли Гарденера, чтобы вытащить из могилы отчаянно упиравшегося и осыпавшего всех проклятиями Глика.

– Дэнни, прекрати немедленно! Ты пугаешь маму! Я всыплю тебе по первое число! Пустите меня! Пустите! Верните мне мальчика... пустите... сволочи... Господи!

– Отче наш, сущий на небесах... – снова произнес Каллахэн, и слова молитвы, подхваченные остальными, вознеслись к равнодушному куполу неба.

– ...да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое...

– Дэнни! Вылезай немедленно! Ты слышишь меня?!

– ...да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день и прости нам...

– Дээннии!..

– ...и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство, и сила, и слава вовеки. Аминь.

– Он не умер, – всхлипывал Тони Глик. – Это невозможно! Ему всего двенадцать лет! – Он зарыдал и, вырвавшись из державших его рук, упал на колени перед Каллахэном, хватая его перепачканными землей руками. – Прошу, верните мне моего мальчика! Перестаньте меня дурачить!

Каллахэн мягко положил ему ладони на голову.

– Давайте помолимся, – произнес он и почувствовал, как забились в рыданиях голова Глика.

– Господи, ниспошли утешение в горе этому человеку и его жене. Ты очистил в крещении их ребенка и дал ему новую жизнь. Позволь нам в отведенный час воссоединиться с ним и разделить небесные радости во веки веков. Мы молим об этом во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Он поднял голову и увидел, что Марджори Глик лишилась чувств.

Когда все ушли, Майк Райерсон вернулся на кладбище и, устроившись на краю еще не засыпанной могилы, принялся доедать последний бутерброд, дожидаясь возвращения Ройала Сноу.

Церемония проходила в четыре, а сейчас было уже почти пять часов. Тени стали длинными, а солнце скользило по кронам высоких дубов.

Чертов Ройал обещал быть не позднее четверти пятого, куда он мог запропасться?!

Бутерброд был его любимым – с копченой колбасой и сыром. Он вообще делал себе только любимые бутерброды – в этом заключалось одно из важных преимуществ холостяцкой жизни. Закончив, он вытер руки, и несколько крошек упали на крышку гроба.

За ним следили!

Безошибочно почувствовав на себе чей-то взгляд, Майк огляделся по сторонам расширенными от испуга глазами.

– Ройал, это ты?

В ответ – тишина. Только тихо и загадочно прошелестела листва в кронах деревьев. Вязы за оградой отбрасывали пляшущие тени, среди которых виднелось надгробие Хьюберта Марстена, и вдруг Майку вспомнилась собака Вина, подвешенная на прутьях железных ворот.

Глаза. Пустые и равнодушные. Следят.

Только бы успеть до темноты!

Он вскочил на ноги, будто его громко окликнули.

– Будь ты проклят, Ройал!

Он произнес это вслух, но тихо. Он больше не думал, что это Ройал и что тот вообще вернется. Ему придется закапывать могилу в одиночку, и времени на это уйдет немало.

Может, ему и удастся закончить до темноты. Он принялся за работу, стараясь не думать об охватившем его страхе и почему он его испытывает сейчас, хотя раньше такого никогда не было.

Действуя размеренно и четко, Майк скатал в рулоны полосы искусственного дерна, закрывавшего кучу вырытой земли, и отнес в грузовик, припаркованный за воротами. Укладывая рулоны в кузов, он вдруг понял, что за пределами кладбища противное ощущение слезки исчезло.

Достав из кузова лопату, он двинулся обратно и у могилы невольно заколебался: казалось, она открыто насмехается над ним.

Майк сообразил, что ощущение слезки исчезало, как только гроб на дне могилы становилось не видно. Ему вдруг представилось, как голова Дэнни Глика лежит с открытыми глазами на маленькой атласной подушке. Глупость какая-то! Глаза ему точно закрыли! Он часто видел, как это делал Карл Форман. *Конечно, мы их заклеиваем, как-то пояснил Карл. Мы же не хотим, чтобы труп начал подмигивать прихожанам, верно?*

Подцепив лопатой землю, он бросил ее в могилу. Услышав, как комья с глухим стуком ударились о полированную крышку гроба из красного

дерева, Майк невольно сморгнул. От этого звука к горлу подступила тошнота. Он выпрямился и посмотрел на букеты и венки из цветов. Что за расточительность! Завтра все вокруг будет усеяно красными и желтыми лепестками. Почему люди это делают, было выше его понимания. Если уж охота тратить деньги, то разве не лучше направить их на борьбу с раком, или помощь матерям, или перечислить благотворительным обществам? Во всяком случае, тогда от них была бы хоть какая-то польза.

Майк наклонился и, бросив еще лопату земли, снова выпрямился.

Да и гроб такая же пустая трата денег! Отличное красное дерево, стоит не меньше тысячи баксов, а он забрасывает его землей. У Гликов, как и у многих, лишних денег не водилось, а про страховку и говорить нечего – кто же страхует детей на случай смерти? Наверняка им пришлось залезть в долги, и все для того, чтобы купить ящик, который потом зароят.

Наклонившись, он вновь зачерпнул клинком лопаты землю и бросил в яму. Снова этот жуткий стук. Теперь земля закрывала крышку гроба почти полностью, но кое-где полированное дерево продолжало просвечивать чуть ли не с упреком.

Перестань на меня таращиться!

Набрав еще земли, он бросил в могилу.

Снова глухой стук.

Тени вытянулись и стали совсем длинными. Майк поднял глаза – наверху стоял Марстен-Хаус, равнодушно взирая на него плотно закрытыми ставнями. Его восточная часть, которая первой озарялась лучами утреннего солнца, смотрела прямо на железные ворота кладбища, где Док...

Он заставил себя бросить еще одну лопату земли.

Глухой стук.

Теперь земля уже скатывалась с крышки гроба, забивая латунные петли. Если сейчас попробовать открыть гроб, то наверняка раздастся сильный скрежет, как от двери в гробницу, которую прежде никто не тревожил.

Перестань, черт возьми, на меня таращиться!

Он хотел бросить еще земли, но, почувствовав, как мысли вдруг стали тяжелыми и неповоротливыми, решил немного передохнуть.

Майк где-то читал – то ли в «Нэшнл инкуайрер», то ли еще где – об одном техасском нефтяном миллионере, который завещал похоронить его в шикарном новехоньком «кадиллаке». Его воля была исполнена. Могилу вырыли экскаватором, а машину опустили в нее краном. В стране так много людей, которые ездят на допотопных развалюхах, а этот богатый ублюдок

велит его похоронить за рулем дорогушей машины, напичканной всем, чем можно!

Майк вдруг пошатнулся и отступил назад, озадаченно трясая головой и стараясь стряхнуть навалившееся на него непонятное оцепенение. Ощущение слезки усилилось. Он посмотрел на небо и испугался, увидев, как оно потемнело. Сейчас ярким светом был залит только верхний этаж Марстен-Хауса. Часы показывали десять минут седьмого. Господи, прошел уже целый час, а он бросил в могилу всего-то с полдюжины лопат земли!

Майк вновь принялся за работу, стараясь ни о чем не думать. Звук падающих вниз комьев земли стал другим – крышка гроба была уже полностью засыпана, и теперь земля с нее осыпалась и почти дошла до запорного устройства на замке.

Он бросил еще две лопаты и остановился.

Запорное устройство на замке?

Господи, ну зачем крышку гроба оборудуют замком? Они что – думают, что кому-то захочется забраться внутрь? Похоже, что так. Вряд ли это делается, чтобы никого из гроба не выпустить...

– *Хватит на меня глазеть!* – произнес Майк Райерсон вслух и почувствовал, как сердце сжалось от страха и его охватило неудержимое желание броситься оттуда прочь и бежать по дороге до самого города не останавливаясь. Ему с трудом удалось взять себя в руки. Глупости все это! От работы на кладбище любому начнет мерещиться всякое... Совсем как в фильме ужасов, когда закапывают двенадцатилетнего мальчишку с широко открытыми глазами... – *Хватит!* – закричал он и бросил затравленный взгляд на Марстен-Хаус. Теперь освещенной солнцем оставалась только крыша. Время было четверть седьмого.

Он принялся бросать землю с удвоенной энергией, стараясь ни о чем не думать. Однако ощущение слезки только усиливалось и каждый раз лопата казалась все тяжелее и тяжелее. Покрытый землей гроб уже не было видно, но его очертания еще угадывались.

Ни с того ни с сего в голове вдруг зазвучали строки из католической заупокойной молитвы. Перекусывая у ручья, он слышал, как ее произносил отец Каллахэн. И еще – как отчаянно кричал отец мальчика.

Вознесем молитвы Господу нашему Иисусу Христу. И сказал Господь...

(О, отец мой, снизошли мне свою благодать.)

Майк остановился и заглянул в могилу. Она была глубокой, даже очень глубокой. Липкие тени подступавшей ночи уже заполняли ее, будто были живыми. Ему ни за что не удастся зарыть могилу до темноты. Ни за что!

Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет... (Повелитель мух, снизошли мне свою благодать.)

Да, глаза были точно открыты. Поэтому он и чувствовал их взгляд. Карл пожалел на них клея, и они открылись, как распахиваются ставни на окнах, и Глик на него смотрел. С этим надо что-то сделать.

...И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек...

(И теперь я принес тебе тухлое мясо и зловонную плоть.)

Нужно очистить от земли крышку гроба. Вот и все решение! Очистить, сбить лопатой замок, открыть гроб и закрыть мертвецу глаза. У него не было клея, которым пользуются гробовщики, но в кармане имелась пара монет в двадцать пять центов. Серебряных. Они точно подойдут. Серебряные монеты – вот что нужно мальчишке!

Солнце сейчас стояло над самой крышей Марстен-Хауса и освещало верхушки самых старых и высоких деревьев в западной части города. Даже с закрытыми ставнями дом, казалось, не спускал с Майка глаз.

Ты воскрешал мертвых к жизни, даруй нашему брату Дэниелу вечную жизнь.

(Я принес тебе жертву. И сделал это левой рукой.)

Майк Райерсон прыгнул в могилу и принялся яростно раскапывать гроб. Наконец лопата заскребла о крышку, и Майк, очистив гроб от земли, начал сбивать лопатой замок.

Возле ручья заквакали лягушки, послышалась сухая монотонная трель козодоя, которой вторили жалобные крики других птиц.

Шесть пятьдесят.

– Что я делаю? – спросил себя Майк. – Господи, что я такое делаю?

Он опустил на колени на крышке гроба и попытался сконцентрироваться, но что-то подстегивало его не терять времени и поторопиться... Солнце уже садилось. *Только бы успеть до темноты!* Он поднял лопату и, размахнувшись, нанес сильный удар по замку. В нем что-то хрустнуло, и дужка выскочила из защелки. Какое-то время Майк смотрел на него, еще продолжая сохранять рассудок. На лице, покрытом потом и грязью, горели ввалившиеся глаза. На небе возшла и ярко засияла Венера.

Тяжело дыша, Майк выбрался из могилы, лег рядом на землю и, потянувшись к крышке гроба, нашел скобу и потянул за нее. Как он и предполагал, от попавшей в петли земли крышка открылась со скрежетом, и сначала показался розовый атлас, потом рука в темном рукаве (Дэнни Глика похоронили в костюме, в котором он ходил в церковь), и, наконец, лицо...

У Майка перехватило дыхание и замерло сердце.

Глаза у мальчика были открыты. В точности так, как он и предполагал. Открыты широко, и их взгляд в сгущавшихся сумерках казался вовсе не остекленевшим, а живым и каким-то жутким. На лице не было смертельной бледности – напротив, щеки горели румянцем и были полны жизни.

Майк попытался оторвать взгляд от этого страшного лица и не смог.

– Боже милостивый... – только и сумел вымолвить он.

За горизонтом скрылся последний краешек солнечного диска.

5

Марк Питри собирал в своей комнате игрушечного Франкенштейна и прислушивался к разговору родителей в гостиной. Его комната находилась на втором этаже старого фермерского дома на Саут-Джойнтер-авеню, и хотя теперь строение отапливалось современной мазутной печью, наверху еще сохранились старые металлические трубы. Первоначально дом обогревался центральной печью, установленной на кухне, и теплый воздух подавался по трубам на второй этаж. Правда, женщина, жившая в доме с 1873 по 1896 год со своим мужем-баптистом, отличавшимся непреклонным пуританским нравом, клала с собой в кровать – чтобы хоть как-то согреться – горячий кирпич, обернутый во фланелевую ткань. Теперь же трубы служили другой цели – прекрасно проводили звук.

Хотя родители разговаривали в гостиной на первом этаже, их было слышно так, будто беседа проходила прямо за дверью Марка.

Однажды, когда Марку было всего шесть лет, отец застал его подслушивающим за дверью в их прежнем доме и произнес старую английскую поговорку: «Не подслушивай, и не узнаешь о себе дурного». Отец тогда пояснил, что так можно услышать о себе нечто очень неприятное.

Что ж, на эту поговорку есть и другая: «Предупрежден – значит, вооружен».

По сравнению со сверстниками Марк в свои двенадцать лет казался невысоким и довольно щуплым, однако двигался с ловкостью и изяществом, которые редко можно встретить в угловатых в этом возрасте мальчишках, состоящих из одних локтей и коленок. Черты лица Марка, которые позже наверняка превратятся в резкие, сейчас казались даже женственными, а светлая кожа отливала молочной белизной. Эта внешность доставляла ему немало неприятностей еще до стычки с Ричи Боддином на школьном дворе, и он решил, что будет разбираться со своими

проблемами сам. Проанализировав положение дел, он пришел к выводу, что большинство забияк и драчунов были неуклюжими здоровяками. Они наводили на остальных страх тем, что могли причинить боль. И дрались они нечестно. Значит, если не бояться боли и тоже применять запрещенные приемы, то над ними можно взять верх. Ричи Боддин был первым блестящим подтверждением его теории. В начальной школе в Киттери, где Марк начинал учиться, столкновение с главным задирой завершилось ничьей. Вообще-то результат можно было расценивать как победу: задира, хоть и весь в крови, не сдался и объявил во всеуслышание, что они с Марком теперь друзья. Марк, считавший того хулигана полным кретином, проявил благоразумие и спорить не стал. На задир слова не действуют. Такие, как Ричи Боддин, понимают только боль, поэтому, наверное, в мире и существует столько проблем. После драки его отправили из школы домой. Отец тогда очень на него разозлился и уже собирался задать сыну трепку свернутым в трубку журналом, но Марк заявил, что Гитлер в душе был наверняка Ричи Боддином, чем невероятно развеселил отца – он смеялся до слез, и даже мать не удержалась от улыбки. А порки удалось избежать.

– Как думаешь, он переживает, Генри? – спросила Джун Питри.

– Кто знает... – По наступившей паузе Марк понял, что отец раскуривает трубку. – По его лицу никогда не поймешь.

– В тихом омуте черти водятся! – Она помолчала. Мать всегда говорила нечто вроде «в тихом омуте черти водятся» или «чему быть – того не миновать». Марк очень любил своих родителей, но иногда их рассуждения были похожи на покрытые пылью нудные толстые фолианты в библиотеке.

– Как-никак они шли к Марку поиграть в железную дорогу, – продолжила она. – А теперь один умер, а другой пропал. Не обманывай себя, Генри. Мальчик наверняка переживает.

– Он крепко стоит на ногах, – возразил мистер Питри. – И что бы он ни чувствовал, я уверен, что справится.

Марк вклеил в плечевой сустав фигурки Франкенштейна левую руку. Это была особая сборная модель, которая в темноте светилась зеленым. Совсем как фигурка Иисуса, которой его наградили в воскресной школе в Киттери за выученный наизусть 119-й псалом.

– Мне иногда жаль, что у нас всего один ребенок, – произнес отец. – Среди прочего Марку это бы точно пошло на пользу.

– Нельзя сказать, что мы не старались, милый, – игриво ответила мать. Отец только хмыкнул.

Разговор надолго прервался. Марк знал, что отец наверняка листает «Уолл-стрит джорнал», а у матери на коленях лежит роман Джейн Остен или Генри Джеймса. Она постоянно их перечитывала, и Марк никак не мог взять в толк зачем. Конец-то все равно был известен заранее.

– Как думаешь, его можно пускать в лес, что за домом? – наконец спросила мать. – Говорят, здесь где-то есть зыбучие пески...

– Они далеко от города.

Марк немного расслабился и приклеил монстру вторую руку. У него была коллекция сборных фигурок чудовищ, выпускаемых компанией «Орора пластикс корпорейшн», которые он каждый раз расставлял по-другому с появлением новых экспонатов. Коллекция действительно была достойной, и Дэнни и Ральфи направлялись взглянуть именно на нее, когда... Ладно, не важно!

– Думаю, можно, – ответил отец. – Конечно, пока не стемнело.

– Надеюсь, что после этих ужасных похорон у него не будет ночных кошмаров.

Марк не сомневался, что отец при этих словах пожал плечами.

– Тони Глик... жаль, конечно. Но смерть и горе – неизменные спутники жизни. И мальчику пора это знать.

– Может, ты и прав.

Снова наступила долгая пауза. Интересно, что последует дальше? Какая-нибудь очередная банальность типа «Кто есть Дитя? Отец Мужчины»^[9] или «Что посеешь, то и пожнешь»? Марк приклеил фигурку к подставке, сделанной в виде могильного холмика с покосившимся надгробием.

– «Посреди жизни нас подстерегает смерть»^[10]. Кошмары могут мучить *меня*.

– В самом деле?

– Этот мистер Форман, должно быть, настоящий мастер своего дела, как бы ужасно это ни звучало. Мальчик в гробу выглядел так, как будто просто спал. И в любой момент мог открыть глаза и зевнуть... Не понимаю, зачем только люди мучают себя, устраивая похороны с открытыми гробами. Это... язычество какое-то!

– Все уже позади.

– Да, наверное. Он ведь хороший мальчик, правда, Генри?

– Марк? Самый лучший!

Марк улыбнулся.

– Есть что-нибудь по телевизору?

– Сейчас посмотрю.

Марк потерял к беседе интерес – серьезный разговор закончился. Он поставил фигурку на подоконник, чтобы та окончательно высохла. Минут через пятнадцать мать отправит его в постель. Достав из верхнего ящика комода пижаму, он начал переодеваться.

На самом деле мать напрасно беспокоилась о его душевном состоянии. Марк отнюдь не отличался впечатлительностью, да и причин особых к тому не было – самый обычный мальчик при всей своей рассудительности и воспитанности. Семья жила в достатке, перспективы были радужными, а брак – прочным. Родители любили друг друга, хотя их любовь, возможно, и была лишена романтики. В жизни Марка не было никаких потрясений, а несколько драк в школе никак не сказались на его психике. Со сверстниками он ладил и в целом хотел того же, чего и все остальные ребята.

Если что-то и выделяло его из общей массы, то сдержанность и самообладание. Никто их не пестовал и не развивал – казалось, он имел эти черты от рождения. Когда его щенок Чоппер попал под машину, он настоял на том, чтобы отправиться к ветеринару вместе с матерью. Ветеринар сказал, что щенка надо усыпить, и спросил, понимает ли Марк, что это значит. Марк ответил, что речь идет не о сне и собаку поместят в газовую камеру, где лишат жизни. Ветеринар подтвердил, что так и будет. Марк согласился и поцеловал Чоппера на прощание. Ему было жаль щенка, но он не плакал и глаза не были на мокром месте. Мама плакала, но через три дня Чоппер стал для нее туманным прошлым, а для Марка не станет никогда. Вот в чем была ценность умения не плакать. Со слезами, как с мочой, все уходило в никуда.

Марка потрясло исчезновение Ральфи Глика, а потом смерть Дэнни, но он не испугался. Он слышал в магазине, как взрослые обсуждали, что Ральфи, наверное, похитил какой-то извращенец. Марк знал, кто такие извращенцы. Они делали с тобой нечто, от чего испытывали оргазм, а потом душили (в комиксах жертвы обычно хрипели: «Хрррр») и закапывали труп в гравийном карьере или под досками пола в старом заброшенном сарае. Если какой-нибудь извращенец предложит ему конфету, Марк ударит его ногой в пах, а потом рванет со всех ног наутек.

– Марк? – окликнула снизу мать.

– Я здесь, – отозвался он, улыбнувшись.

– Не забудь про уши, когда будешь умываться.

– Не забуду.

Он отправился вниз поцеловать родителей на ночь и в дверях

обернулся на стол, где красовалась его коллекция. Дракула, разинув рот с торчащими клыками, угрожающе навис над лежащей девочкой; Безумный Доктор истязал женщину на дыбе, а мистер Хайд выслеживал старика, бредущего домой.

Понимать, что значит смерть? Проще простого! Это когда человек попадает в лапы к монстрам.

6

В половине девятого Рой Макдугалл подъехал к своему трейлеру на стареньком «форде» и, пару раз газанув, выключил двигатель. Глушитель давно пора менять, поворотники не работали, и в следующем месяце надо платить транспортный налог. Что за машина! Что за жизнь! В доме надрылся ребенок, а Сэнди на него орала. Что за брак!

Он выбрался из машины и упал, налетев на упаковку плиток, которыми уже давно собирался вымостить дорожку к ступенькам трейлера.

– Проклятие! – пробормотал он, злобно глядя на плитку и потирая ушибленную голень.

Он был совершенно пьян. Закончив работу в три, он с тех самых пор пил в заведении Делла в компании Хэнка Питерса и Бадди Мэйберри. Хэнк недавно разжился деньгами и угощал, решив, похоже, спустить на выпивку все до последнего цента. Он знал, какого мнения Сэнди о его друзьях. Ну и черт с ней! Разве мужчина не имеет права выпить пива в выходные после того, как целую неделю вкалывал на фабрике, да еще сверхурочно?! Да и кто она такая, чтобы попрекать?! Сама сидит дома и ни черта не делает, разве что точит ляды с почтальоном да присматривает за ребенком. Да и с этим не справляется! На днях проклятый младенец свалился со стола, когда она его пеленала.

А ты где была?

Я держала его, Рой. Но он такой шустрый и выскользнул.

Выскользнул! Как бы не так!

Он подошел к двери, продолжая кипеть от возмущения. Ушибленная нога болела. Сочувствия от Сэнди, конечно, ждать не приходится. И чем она занимается, пока он выбивается из сил на фабрике? Жует вишни в шоколаде и почитывает журнальчики? Или смотрит «мыльные оперы» под те же конфеты? Или ест вишни в шоколаде и болтает с подружками по телефону? На лице и на заднице у нее появились прыщи – скоро уже будет не отличить одно от другого.

Он толкнул дверь и вошел.

Картина, представшая перед глазами, моментально его отрезвила, как удар мокрым полотенцем. Голый младенец орал, и из носа у него шла кровь. Сэнди в блузке, перепачканной кровью, держала его на руках, она испуганно обернулась на звук открывшейся двери. На полу валялся подгузник.

Рэнди с заплывшими глазами протянул к нему ручки, будто прося защиты.

– Что здесь происходит? – медленно поинтересовался Рой.

– Ничего, Рой. Он просто...

– Ты ударила его, – произнес он без всякого выражения. – Он вертелся, пока ты меняла подгузник, и ты ударила его.

– Нет, – быстро возразила Сэнди. – Он перевернулся и ударился носом. Вот и все.

– Тебя саму надо выпороть так, что мало не покажется.

– Рой, он просто разбил себе нос...

Рой обреченно вздохнул.

– Что на ужин?

– Гамбургеры. Правда, они подгорели, – заискивающе произнесла она и, вытащив из джинсов полу блузки, вытерла Рэнди нос. Рою бросилась в глаза складка жира на ее животе. После родов Сэнди располнела и даже не пыталась привести себя в форму. Ей было наплевать.

– Пусть он заткнется!

– Он не...

– Пусть он заткнется! – рявкнул Рой, и Рэнди, который уже начал было успокаиваться, заорал с новой силой.

– Я дам ему бутылочку, – пообещала Сэнди, вставая.

– И принеси мне поесть! – Рой принялся стаскивать с себя куртку. – Господи, что за бардак! Чем ты весь день занимаешься?!

– Рой! – возмутилась она и тут же хихикнула. Вспышка необузданного гнева, порожденного нежеланием ребенка лежать тихо, пока она меняла пеленки, вдруг показалась ей сценой из сериала «Медицинский центр» или сюжетом какой-нибудь статейки из журнала.

– Принеси мне поесть и приberi тут!

– Хорошо, хорошо, как скажешь.

Она достала из холодильника бутылочку, дала Рэнди и сунула ребенка в манеж. Малыш безучастно зачмокал, переводя взгляд с отца на мать.

– Рой?

– Ну что еще?

- У меня закончилось.
- Что закончилось?
- Ты сам знаешь – что! Хочешь? Сегодня вечером?
- Само собой, – ответил он и снова подумал: «Что за жизнь!»

Когда раздался телефонный звонок, Нолли Гарденер слушал по радио рок-н-ролл и подстригал ногти. Паркинс, отложив кроссворд, повернулся к нему:

- Сделай потише.
- Само собой, Парк! – Нолли убрал звук и вернулся к ногтям.
- Алло, – взял трубку Паркинс.
- Констебль Гиллеспы?
- Он самый.
- Агент Том Ханрагэн, сэр. У меня информация по вашему запросу.
- Спасибо за оперативность.
- Правда, зацепиться особо не за что.
- Ничего страшного, – заверил Паркинс. – Выкладывайте, что там?

– В мае 1973 года Бен Миерс находился под следствием по случаю ДТП с летальным исходом на севере штата Нью-Йорк. Разбился на мотоцикле со своей женой Мирандой. Жена погибла. Обвинений выдвинуто не было. Свидетели показали, что он ехал медленно, а тест на алкоголь отрицательный. Судя по всему, мотоцикл занесло на мокром участке асфальта.

Придерживается левых взглядов. Участвовал в марше мира в Принстоне в 1966 году. В 1967-м выступал на антивоенном митинге в Бруклине. Участник маршей мира на Вашингтон в 1968 и 1970 годах. Арестован во время марша мира в Сан-Франциско в ноябре 1971 года. Больше на него ничего нет.

– Что еще?

– Курт Барлоу. Подданный Великобритании, но не по рождению. Родился в Германии, в 1938 году бежал в Англию, видимо, спасаясь от гестапо. Сведений за предыдущий период на него не имеется, но, похоже, ему за семьдесят. Урожденный Брайхен. С 1945 года занимался экспортно-импортными операциями в Лондоне. Старается держаться в тени и все дела ведет через партнера по бизнесу Стрейкера.

– Вот как?

– Стрейкер – британец по рождению. Пятьдесят восемь лет. Отец был краснодеревщиком в Манчестере. Судя по всему, оставил сыну приличное состояние, да и сам Стрейкер, похоже, преуспел. Полтора года назад и Барлоу, и Стрейкер запросили долгосрочные визы на пребывание в Соединенных Штатах. Вот, пожалуй, и все. Разве что они могут быть гомосексуальной парой.

– Понятно, – вздохнул Паркинс. – Нечто подобное я и предполагал.

– Если хотите, можем запросить Скотленд-Ярд по поводу ваших новых торговцев.

– Да нет, не надо.

– Кстати, Миерс никак не связан с этой парочкой. Разве что они здорово законспирированы.

– Все понятно. Спасибо.

– Это наш долг. Если понадобится еще помощь, обращайтесь.

– Обязательно. Спасибо еще раз.

Он положил трубку на рычаг и задумчиво на нее посмотрел.

– Кто звонил, Парк? – поинтересовался Нолли, прибавляя звук в радиоприемнике.

– Это из кафе. У них нет сэндвичей с ветчиной. Есть только тосты с сыром и салат с яйцами.

– У меня в столе есть банка с малиновым джемом. Могу угостить, если хочешь.

– Нет, спасибо, – поблагодарил Паркинс и снова вздохнул.

8

Свалка все еще дымилась.

Дад Роджерс двигался по краю, вдыхая запахи сгоревших отходов. Под ногами хрустели осколки битых бутылок, и каждый шаг поднимал в воздух облачка темного пепла. От порывов ветра широкое пятно выгоревшего участка переливалось красным – казалось, что это какой-то великан открывает и закрывает огромный глаз. Время от времени раздавались глухие хлопки – это лопались аэрозольные баллончики и электрические лампы. Когда утром он поджег мусор, на свет выползло невероятное количество крыс. Он подстрелил почти четыре десятка и, убирая в кобуру пистолет, почувствовал, как тот раскалился. Крысы были крупными, отдельные особи достигали в длину двух футов! Странно, что их количество менялось из года в год: погода, что ли, влияет? Если рост

поголовья продолжится, придется начать их травить, чего он не делал аж с 1964 года.

Вон еще одна забилась под желтые пыльные козлы, которыми он огораживал подожженный участок.

Дад вытащил пистолет, снял с предохранителя, прицелился и выстрелил. Пуля взметнула фонтанчик пыли прямо перед ее мордой. Но вместо того чтобы убежать, крыса поднялась на задних лапах и устремила на него маленькие глаза-бусинки, в которых вспыхивали отблески языков пламени. Господи, среди них встречались настоящие храбрецы!

– Прощай, мистер Крыса! – произнес Дад и, тщательно прицелившись, нажал на курок. Крыса покатилась по земле, судорожно дергаясь. Дад подошел к ней и пихнул ногой. Крыса из последних сил попыталась укусить носок тяжелого ботинка.

– Вот ублюдок! – уважительно отозвался Дад и раздавил ей голову каблуком.

Наклонившись разглядеть крысу получше, он вдруг подумал о Рути Крокетт, которая никогда не носила лифчик. И под тонким обтягивающим свитером были отлично видны маленькие твердые сосочки, которые набухали от постоянного трения о ткань... И если бы только удалось добраться до ее грудей и слегка, буквально чуть-чуть, их приласкать, она бы наверняка тут же и «улетела»...

Дад поднял крысу за хвост и стал раскачивать, как маятник.

– Ты не против запустить такую зверушку к себе в пенальчик, Рути?

Эта мысль показалась ему такой забавной, что он пискливо хихикнул и затряс головой.

Зашвырнув крысу подальше, он повернулся и заметил шагах в пятидесяти справа от себя высокую стройную фигуру.

Дад вытер руки о зеленые штаны, подтянул их и направился к незнакомцу.

– Свалка закрыта, мистер.

Мужчина обернулся. В отблесках угасающего пламени лицо с высокими скулами казалось задумчивым. В седых волосах проглядывали странные пряди стального цвета. Мужчина отбросил их с высокого лба театральным жестом пианиста. В глазах плясали тлеющие красные огоньки, отчего они казались налитыми кровью.

– Вот как? – вежливо переспросил он, и в его безукоризненной речи чувствовался легкий акцент. Судя по всему, «лягушатник» или выходец из Восточной Европы. – Я пришел посмотреть на огонь. Потрясающее зрелище!

– С этим не поспоришь, – согласился Дад. – Вы из этих мест?

– Я недавно поселился в вашем чудесном городе. Много подстрелили крыс?

– Прилично. Тут этих тварей развелось немерено. Послушайте, а это не вы, случайно, купили Марстен-Хаус?

– Хищники, – произнес мужчина, заложив руки за спину. Дад с удивлением заметил, что мужчина был одет в костюм-тройку, с жилеткой и всем прочим. – Мне нравятся ночные хищники. Крысы... совы... волки. У вас тут водятся волки?

– Не-а, – ответил Дад. – Правда, пару лет назад один парень в Дареме подстрелил койота. Зато имеется стая одичавших собак...

– Собаки... – Незнакомец презрительно скривился. – Жалкие твари, которые пугаются и воют, заслышав чужие шаги. Только и могут, что выть да пресмыкаться. Я бы их всех извел под корень! Всех до единой!

– Ну, я об этом не задумывался, – ответил Дад, чуть отступая назад. – Я всегда только за, если кто-то придет пострелять всяких тварей, но по воскресеньям свалка закрывается в шесть, а сейчас уже полдесятого.

– Что верно, то верно.

Однако незнакомец, похоже, и не собирался уходить. Дад с удовольствием отметил, что ему, очевидно, удалось опередить остальных жителей. В городе все строили догадки относительно загадочного партнера Стрейкера, а он с ним познакомился первым. Правда, Ларри Крокетт мог его знать, но из него слова не вытянешь – известный темнила... Когда он в следующий раз окажется в городе и станет покупать патроны у этого задаваки Джорджа Миддлера, то небрежно заметит, что познакомился на днях с этим парнем. Каким? Ну как же – с тем, что купил Марстен-Хаус. По виду – вполне приличный человек. Похож на эмигранта из Восточной Европы.

– А в том старом доме есть привидения? – поинтересовался Дад, убедившись, что старик не собирается уходить.

– Привидения! – улыбнулся тот, и в этой улыбке было что-то нехорошее. Как в улыбке барракуды. – Нет, привидений там никаких нет, – произнес он так, будто там было нечто пострашнее.

– Что ж... уже поздно... вам действительно пора, мистер...

– Но с вами так приятно разговаривать, – сказал старик и, впервые повернувшись к Дадду лицом, заглянул ему в глаза. Его собственные глаза были широко расставлены и подсвечивались отблесками умирающих язычков пламени. Дад смотрел в них как замороженный, хотя и понимал, что это невежливо. – Вы не возражаете, если мы еще немного побеседуем?

– Да нет, – отозвался Дад, слыша свой голос будто со стороны. Глаза незнакомца, казалось, стали расширяться, пока не превратились в окаймленные пламенем, черные бездонные воронки, в которые можно провалиться и навсегда сгинуть.

– Благодарю вас, – сказал старик. – Скажите, а горб не создает вам неудобств в работе?

– Нет, – заверил Дад, чувствуя, что теряет контроль над собой, и вяло подумал, что его наверняка гипнотизируют. Совсем как тот тип на ярмарке в Топшэме... Как бишь его звали? Мистер Мефисто. Он вводил в транс и заставлял проделывать всякие смешные штуки – скакать цыпленком, или бегать собакой, или рассказывать, что было на дне рождения в шестилетнем возрасте. Он загипнотизировал старого Регги Сойера, и, Господи, что это была за умора...

– Может, он создает вам неудобства в других случаях?

– Нет... ну... – Дад не отрываясь смотрел в завораживающие глаза.

– Говорите же, не стесняйтесь, – ободряюще произнес старик. – Разве мы не друзья? Расскажите мне все.

– Ну... девушки... сами понимаете...

– Ну разумеется, – успокаивающе заверил старик. – Девушки над вами смеются. Они понятия не имеют о том, какой вы мужчина. О вашей силе.

– Вот именно, – прошептал Дад. – Они смеются. *Она* смеется.

– И кто эта она?

– Рути Крокетт. Она... она... – Дад потерял мысль, но это было не важно. Все было не важно. Главное – это покой. Абсолютный и равнодушный.

– Наверное, она подсмеивается над вами? И втайне потешается над вами? Переглядывается с подружками, когда видит вас?

– Да...

– Но вы хотите ее, – не унимался старик. – Разве не так?

– Так...

– Она будет вашей. Я в этом уверен.

Во всем этом было что-то... чарующее. Казалось, что откуда-то издалека доносятся мелодичные голоса, распевające непристойные песни. Серебристый перезвон... белые лица... голос Рути Крокетт. Он почти видел ее; вот она обхватывает свои груди руками, и в вырезе обтягивающей кофты показываются два полных белых полушария; вот она шепчет: «Поцелуй их, Дад... возьми губами... соси...»

Ему казалось, что он тонет. Тонет в бездонных глазах незнакомца, обрамленных красным ореолом.

Когда незнакомец приблизился, Дад понял все и с радостью принял. Он почувствовал боль, которая оказалась приятной, как блеск серебра, и зеленой, как в глубоком омуте.

Нетвердая рука пошарила по столу в поисках бутылки и случайно смахнула ее на пол. Бутылка с глухим стуком упала на ковер, и хорошее шотландское виски с бульканьем полилось на зеленую ворсистую ткань.

– Проклятие! – выругался отец Дональд Каллахэн и, подхватив бутылку, пока не все вылилось, поставил на стол, правда, на этот раз подальше от края. Затем он поплелся на кухню за тряпкой и пятновыводителем. Ему не хотелось, чтобы миссис Кэрлесс обнаружила у стола пятно от пролившегося спиртного: ловить на себе ее преисполненные добра и понимания взгляды было просто невыносимо, когда настроение с утра, в смысле – с похмелья, и так хуже некуда...

Вот именно, с похмелья! Надо называть вещи своими именами. Если не врать себе, то будешь свободным. К черту все это!

Он нашел какую-то жидкость с названием «И-вап» – совсем как отрыжка! («И-вап!» – воскликнул пьяница и обделался, изрыгнув съеденный ужин) – и вернулся в кабинет. Нет, его не шатало. Ну, почти не шатало. Как в шутке о водителе, который утверждает, что трезв как стеклышко, а сам даже выговорить это не может.

Каллахэну исполнилось пятьдесят три года. Солидный возраст. Серебристая седина, вокруг пронзительно-голубых (с красными прожилками) глаз типично ирландские насмешливые морщинки, решительно очерченный рот и волевой подбородок. Иногда по утрам, разглядывая себя в зеркало, он мечтал, что в шестьдесят лет откажется от сана и отправится в Голливуд, где сыграет роль Спенсера Трейси^[11].

– Отец Флэнеган^[12], ну почему тебя нет рядом, когда ты нужен? – пробормотал он и присел на корточки возле пятна. Близоруко прищурившись, он прочитал инструкцию на бутылке и вылил на пятно два колпачка жидкости. Пятно тут же побелело и запузырилось. Каллахэн встревожился и перечитал этикетку.

– «В случае особо стойких загрязнений, – прочитал он вслух звучным раскатистым голосом, который так нравился прихожанам после малопонятного шамканья старого отца Хьюма, – дайте средству оказать

нужное действие в течение семи – десяти минут».

Каллахэн подошел к окну, выходящему на Элм-стрит, и с горечью подумал, что в воскресенье вечером он, как всегда, напился.

Помилуй меня, Господи, ибо я согрешил.

Вот уже семь лет одинокими долгими вечерами отец Каллахэн трудился над своими «Записками», которые должны были войти в книгу об истории католической церкви в Новой Англии. Однако время от времени он испытывал большие сомнения в том, что эта книга вообще будет написана. По сути, работа над «Записками» и проблемы со спиртным у него начались одновременно. Бытие, гл. 1: «Вначале было виски, и сказал отец Каллахэн: “Да будут «Записки»”!»

Если выпивать с расстановкой и продолжать работу над «Записками», то наступления опьянения можно и не заметить. К тому же можно так натренировать руку, что она и не ощутит, как бутылка становится все легче и легче.

С моей последней исповеди прошел всего один день.

Половина двенадцатого ночи, на улице царит тьма, и только перед церковью яркое пятно света от уличного фонаря. Так и кажется, что вот-вот в нем появится Фред Астер^[13] в цилиндре, фраке, гетрах, белых туфлях и с неизменной тросточкой в руках и закружится в танце с Джинджер Роджерс.

Священник прижался лбом к стеклу, отчего красивое лицо – бывшее в определенном смысле его проклятием – исказилось и выразило лишь усталость и внутреннюю опустошенность.

Я пьяница и никудышный священник, Отец.

Он закрыл глаза, и воображение перенесло его в темную исповедальню, где за решетчатым оконцем приоткрывалась завеса в мир сердечных тайн. Он чувствовал запах лака и старого бархата скамейки, на которую преклоняли колена кающиеся, и едкий привкус во рту.

Помилуй меня, Отец...

(я разбил машину брата... я ударил жену... я подглядывал в окно за миссис Сойер, когда она раздевалась... я солгал... я сквернословил... я имел нечестивые мысли... я... я... я...)

...ибо я согрешил.

Он открыл глаза. Фреда Астера пока так и не было. Наверное, появится ровно в полночь. В городе все спали. Разве что... Он поднял глаза. Да, там горел свет.

Он подумал о девчонке Боуи – нет, теперь она Макдугалл по мужу, – которая хрипло призналась, что била своего младенца, а на вопрос, как часто, он почувствовал (практически услышал), как в ее голове закрипели

мысли, превращая дюжину в пять, а сотню – в десять. Что за люди! Он крестил ее ребенка, Рэндалла Фратуса Макдугалла, зачатого на заднем сиденье машины Ройса Макдугалла, скорее всего в кинотеатре под открытым небом, когда показывали второй фильм. Крошечный плачущий комочек. Интересно, догадывалась ли она, как ему хочется просунуть в оконце руки и сдавить ей горло? *Налагаю епитимью в шесть затрещин и один пинок под зад. Иди и больше не греши.*

– Тоска! – произнес он вслух.

Нет, в исповедальне его удручала не просто тоска. Не она одна толкала его в растущее Братство католических священников – любителей выпить и рыцарей «Катти Сарк». Он не мог смириться с тем, что Церковь создала безупречный механизм по непрерывной и бесконечной доставке мелких грехов на небеса. Церковь тем самым ритуально признавала зло, хотя сейчас больше занималась социальными проблемами. Искушение, ориентированное на богобоязненных старушек, чьи родители являлись выходцами из Европы. Но в исповедальнях зло присутствовало так же явственно, как и запах старого бархата. Причем зло иррациональное и бессмысленное, не знающее милосердия и от которого невозможно укрыться. Ударить по лицу младенца, проколоть колесо, затеять в баре драку, засунуть в яблоко бритву... несть числа проявлениям зла, которые способно породить болезненное воображение человеческого мозга!

Джентльмены, защитит от этого могут только крепкие засовы на тюрьмах. Эффективные стражи порядка. Развитие социальных институтов. Стерилизация. Контроль над рождаемостью. Аборты.

Джентльмены, если нам удастся вырвать плод из утробы, где царит только кровавое насилие, из него никогда не разовьется существо, способное забить молотком старуху до смерти.

Леди, если мы привяжем такого выродка к электрическому стулу и поджарим, как свиную отбивную, он уже никогда не сможет пытать мальчиков до смерти.

Сограждане! Если законопроект о подобной селекции будет принят, я вам гарантирую, что больше никогда...

Чушь!

В последнее время, вернее, в последние три года, он стал яснее понимать причины своей неудовлетворенности жизнью. Как будто размытой картинке на экране придавали резкость и постепенно изображение становилось все более и более четким. Он жаждал Вызова, той Цели, которой хотел бы себя посвятить. У новых служителей Церкви она была: расовая дискриминация; освобождение женщин; бедность,

безумие, незаконность; в конце концов, даже права сексуальных меньшинств. Но с ними он не чувствовал себя комфортно. В социальном плане ему ближе всего были те, кто активно выступал против войны во Вьетнаме. Однако сейчас эта проблема уже потеряла свою актуальность и собрания борцов за мир сводились к обсуждению маршей и митингов, что мало отличалось от воспоминаний пожилыми парами своего медового месяца или первого путешествия на поезде.

Но Каллахэн не был священником ни нового, ни старого поколения. Он ощущал себя традиционалистом, утратившим веру в свои прежние ценности. Он хотел стать во главе отряда армии – кого? Бога, правды, добра, что суть одно и то же! – сражавшейся против ЗЛА. Он хотел вступить в открытое столкновение со ЗЛОМ, а не раздавать у супермаркетов листовки о бойкоте салата-латука или забастовке виноградарей. Он хотел сражаться со ЗЛОМ лицом к лицу, как Мохаммед Али встречается с Джо Фрейзером, как в баскетболе «Бостон селтикс» атакует «Нью-Йорк никс», как Иаков бился с Ангелом. Он хотел сойтись со ЗЛОМ в честном единоборстве, безо всякой политики, которая, как клещ, паразитирует на любом социальном проекте. Он страстно желал этого с четырнадцати лет, когда решил стать священником, вдохновленный примером святого Стефана, побитого камнями и в момент смерти видевшего «небеса отверстые и Сына Человеческого». Он жаждал битвы во славу Господа, пусть даже она закончится его гибелью, больше, чем самого Царства Небесного.

Но никаких битв не было. Так, отдельные мелкие стычки. И у ЗЛА имелось не одно, а множество лиц, и все они были тупыми и дебильными. Более того, ему вообще начинало казаться, что в мире нет ничего, кроме ЗЛА, и что Гитлер был всего лишь чиновником-завоевателем, нанятым Сатаной, а сам Сатана – умственно отсталый и с убогим чувством юмора, вроде тех, что смеются до колик, скармливая чайкам петарды, облепленные хлебными мякишами.

Вековые социальные, нравственные и духовные битвы свелись к тому, что Сэнди Макдугалл избивала втихаря своего сопливого отпрыска, а он, когда вырастет, будет точно так же избивать своего, и все повторится сначала. Аллилуйя, калорийное арахисовое масло! Радуйся, Мария, благодати полная, помоги разбогатеть, жизнь уж больно скромная!

Дело не просто в тоске. Дело в ужасающих последствиях для понимания сути жизни земной, а возможно, и небесной тоже. Что там, на небесах? Нескончаемая церковная игра в бинго? Развлекательные аттракционы? Гонки по прямой?

Он взглянул на настенные часы. Шесть минут первого, а ни Фред Астер, ни Джинджер Роджерс так и не появились. Не было даже Микки Руни^[14]. Однако «И-вап» уже должен был подействовать. Сейчас надо пропылесосить, и утром миссис Кэрлесс не будет на него поглядывать с жалостью, а жизнь вернется на круги своя. Аминь.

Глава седьмая

Мэтт (I)

1

Когда во вторник после третьего урока Мэтт подошел к кабинету, Бен Миерс его уже там дожидался.

– Здравствуйте! – поздоровался Мэтт. – Вы рано.

Бен поднялся и пожал ему руку.

– Это у меня семейное. Скажите, а ребята меня точно не съедят живьем?

– Точно! – заверил Мэтт. – Пойдемте.

Мэтт был приятно удивлен, увидев, что Бен приоделся по случаю. На нем был хороший пиджак спортивного покроя, добротные серые брюки и дорогие, почти не ношенные туфли. Мэтту приходилось приглашать на встречу с учениками и других литераторов, но те являлись либо в самом затрапезном виде, либо в чем-то экстравагантном и нарочито вызывающем. Когда год назад он попросил выступить перед ребятами одну довольно известную поэтессу, которая читала лекции в Портлендском университете Мэна, та явилась в бриджах и в туфлях на высоких шпильках, будто демонстрируя, что условности ее не волнуют и она «побила систему ее же оружием».

На таком фоне Бен выгодно выделялся, чем заслуживал особого уважения. За тридцать с лишним лет преподавания Мэтт окончательно убедился, что систему победить нельзя и только глупцы могут тешить себя надеждой, что способны всех обставить.

– Хорошее здание, – одобрительно заметил Бен, поглядывая по сторонам, пока они шли по коридору. – Совсем не похоже на то, где учился я. Там окна смахивали на бойницы.

– Назвав школу зданием, вы совершили первую ошибку, – отозвался Мэтт. – Тут не здание, а учебное заведение. Доски – это наглядные пособия, а ребята – подростковый контингент учащихся.

– Им можно только позавидовать! – заметил Бен ухмыляясь.

– Не то слово! А вы учились в колледже, Бен?

– Пытался. В гуманитарном. Но там все играли в интеллектуальную разновидность игры «кто захватит знамя». Нужно было отыскать себе

топор и размахивать им, завоевывая известность и уважение. В общем, учебу я бросил. А когда «Дочь Конвея» только вышла, я подрабатывал тем, что загружал ящики с кока-колой в автофургоны.

– Расскажите об этом ребятам. Им будет интересно.

– А вам нравится преподавать?

– Конечно, нравится! Иначе как бы я выдержал сорок лет в школе?

Зазвенел последний звонок, отдаваясь гулким эхом в опустевших коридорах. Только какой-то парень неторопливо двигался вдоль нарисованной на стене стрелки с надписью «Столярная мастерская».

– А как тут с наркотиками? – поинтересовался Бен.

– Есть любые. Как и во всякой школе в Америке. Только у нас главная проблема – это спиртное.

– Разве не марихуана?

– Лично я не считаю травку большой бедой, да и школьное начальство тоже, чего и не скрывает в частных беседах, особенно после рюмки-другой. Я, к примеру, точно знаю, что наш методист – а специалист он дай боже! – любит выкурить косячок с марихуаной и отправиться в кино. Я и сам пробовал. Эффект приятный, но потом у меня очень сильная изжога.

– Пробовали?!

– Тсс! – поднес палец к губам Мэтт. – Большой Брат не дремлет! К тому же мы пришли.

– Господи!

– Не волнуйтесь! – успокаивающе произнес Мэтт, пропуская его в класс. – Доброе утро, ребята. Это мистер Бен Миерс.

Двадцать с лишним пар глаз с любопытством уставились на Бена.

2

Сначала Бен решил, что ошибся домом.

Пригласив его на ужин, Мэтт Берк объяснил, что найти его жилище очень просто: маленький серый дом сразу за домом из красного кирпича. Однако оттуда из открытых окон гремел рок-н-ролл.

Бен постучал в дверь и, не дождавшись ответа, постучал потускневшим латунным молоточком снова, уже сильнее. На этот раз музыку сделали потише и слышался голос Мэтта:

– Не заперто! Входите!

Бен шагнул вперед и с любопытством огляделся. Прямо за входной дверью располагалась маленькая гостиная со старой мебелью и древним

телевизором. Музыка лилась из дорогого музыкального центра с отличными колонками.

Из кухни показался Мэтт в переднике в красно-белую клетку. За ним тянулся аппетитный аромат соуса для спагетти.

– Извините, что так громко, – произнес Мэтт. – Я немного глуховат и делаю погромче.

– Отличная музыка.

– Я поклонник рока со времен Бадди Холли. Потрясающая музыка! Вы голодны?

– Да, – признался Бен. – Спасибо еще раз, что пригласили. Должен сказать, что за время нахождения в Салемс-Лоте меня угощали чаще, чем за пять лет до этого.

– У нас гостеприимный городок. Надеюсь, вы не против, если мы устроимся на кухне. Пару месяцев назад один антиквар предложил мне двести долларов за обеденный стол. А другим я так и не обзавелся.

– Совсем не против. Я люблю есть на кухне.

Кухня оказалась на удивление опрятной. На маленькой четырехконфорочной плите дымилась дуршлаг со спагетти и кастрюля с соусом. На раскладном столе были расставлены разнокалиберные тарелки и стаканы с мультяшными персонажами. Узнав в них емкости, в которых продается желе, Бен совсем расслабился и почувствовал себя как дома.

– В шкафу над мойкой есть бурбон и водка, – сообщил Мэтт, показывая, где именно. – В холодильнике можно найти чем разбавить. Правда, ничего такого особенного.

– Бурбон с водой из-под крана меня вполне устроит.

– Угощайтесь, а я пока поставлю все на стол.

Наливая себе выпить, Бен произнес:

– Мне понравились ваши ученики. Они задавали хорошие вопросы. Непростые, но хорошие.

– Типа: «А откуда вы берете идеи?»? – спросил Мэтт, передразнивая Рути Крокетт, чья манера говорить будто маленькая девочка только подчеркивала ее сексуальность.

– Она та еще подруга!

– Что верно, то верно! В холодильнике за дольками ананаса есть бутылка игристого вина. Я специально купил его по такому случаю.

– Послушайте, это уже лишнее...

– Да ладно, Бен. Не каждый день в Салемс-Лот заглядывают авторы бестселлеров.

– Это вы хватили! – Бен допил свой аперитив и, взяв у Мэтта тарелку,

полил спагетти соусом, накрутил на вилку и отправил в рот. – Потрясающе! Мамма миа!

– Надо думать! – согласился Мэтт.

Бен посмотрел на свою тарелку, которая опустела с впечатляющей скоростью, и виновато вытер губы салфеткой.

– Хотите добавки?

– Если можно, чуть-чуть. Удивительно вкусно!

Мэтт поставил перед ним полную тарелку.

– Если мы не съедим, то все достанется коту. Удивительное создание! Весит двадцать фунтов и все равно тянется к своей миске!

– Господи, как же я его не заметил?

– У него сейчас прогулка, – улыбнулся Мэтт. – А в данное время вы работаете над новым романом?

– Сюжет заимствован из жизни, – пояснил Бен. – Если честно, то я пишу, чтобы заработать. Искусство, конечно, это здорово, но мне бы хотелось вытащить счастливый билет.

– И каковы перспективы?

– Пока туманные.

– Давайте переберемся в гостиную, – предложил Мэтт. – Хоть кресла там и продавленные, но все удобнее, чем эти кухонные орудия пыток. Наелись?

– Еще спрашиваете!

В гостиной Мэтт достал пачку альбомов и принялся раскуривать огромную узловатую трубку. Когда его окутало густое облако дыма, он внимательно посмотрел на Бена и произнес:

– Нет, отсюда его не видно.

– Что? – удивленно обернулся Бен.

– Марстен-Хаус. Бьюсь об заклад, что вы высматривали именно его.

– Спорить не буду, – натянуто засмеялся Бен.

– А действие в вашей книге происходит в городке типа нашего?

– В таком же городке и с такими же людьми, – кивнув, подтвердил Бен. – Там происходит серия убийств с расчленением на сексуальной почве. Я хотел на одном из них показать, как все происходило с самого начала и до самого конца. Окунуть в это читателя с головой. Я как раз занимался разработкой сюжета, когда исчез Ральфи Глик, и это несчастье... в общем, оно натолкнуло меня на ужасные мысли.

– Вы как-то связываете это с исчезновениями в городе в тридцатых годах?

Бен пристально на него посмотрел.

– Вы о них знаете?

– Ну конечно! Как и многие старожилы. Тогда меня не было в Салемс-Лоте, а вот Мейбл Уэртс, Глинис Мэйберри и Милт Кроссен были. И кое-кто из них уже нашел общее с теми событиями.

– Что именно?

– Ну же, Бен, параллель здесь налицо, разве нет?

– Наверное. В последний раз, когда в доме кто-то жил, за десять лет исчезли четверо детей. Теперь, после перерыва в тридцать шесть лет, в нем опять кто-то поселился – и тут же исчез Ральфи Глик.

– Считаете это совпадением?

– Возможно, – уклончиво ответил Бен, вспомнив, как Сьюзен призывала его быть осторожным. – Но это странно! Я просмотрел подшивки «Леджер» с 1939 по 1970 год. Так, на всякий случай. За этот период исчезли трое подростков. Один просто сбежал, и его позднее нашли в Бостоне, где он устроился на работу. Для своих шестнадцати лет он выглядел старше. Другой утонул в реке, и его выловили через месяц. А третьего нашли закопанным возле шоссе сто шестьдесят шесть. Видимо, его сбили на машине и закопали, чтобы спрятать концы в воду. Все исчезновения прояснились.

– Возможно, и с Гликом точно так же все разъяснится.

– Возможно.

– Но вы в это не верите. А что вам известно о Стрейкере?

– Абсолютно ничего, – признался Бен. – Я даже не уверен, что хочу с ним знакомиться. Сейчас у меня в голове зреет отличный сюжет, основанный на определенном представлении о Марстен-Хаусе и его обитателях. Если вдруг выяснится, что Стрейкер – самый обычный бизнесмен, а скорее всего так оно и есть, это может выбить почву у меня из-под ног и лишить запала.

– Ну, это вряд ли. Вы в курсе, что он сегодня открыл магазин? Туда заглянула Сьюзи Нортон с матерью... Черт, женщинам в городе давно не терпелось удовлетворить свое любопытство. По свидетельству такого надежного источника, как Делл Марки, даже Мейбл Уэртс не поленилась туда приковылять. Хозяин магазина произвел на всех впечатление. Одет с иголочки, совершенно лыс, учтив и обходителен. Настоящий душка! Я слышал, что ему даже удалось кое-что продать.

– Потрясающе! – ухмыльнулся Бен. – А его компаньона кто-нибудь видел?

– Он будто бы закупает товар.

– «Будто бы»?

Мэтт пожал плечами.

– Я не знаю. Все запросто может оказаться именно так, как выглядит, но дом не дает мне покоя. Как будто эта парочка специально его отыскала. И я с вами согласен: этот дом похож на идола, восседающего на холме.

Бен кивнул.

– К тому же снова исчез ребенок. А брат Ральфи, Дэнни, умер. И это в двенадцать лет! Причина смерти – злокачественная анемия.

– А что в этом необычного? Конечно, очень жаль, что...

– Молодой доктор Джимми Коуди в свое время учился в нашей школе, Бен. Тогда он был сорвиголовой, а вот доктором стал хорошим. Но учтите: все, что я говорю, только слухи.

– Понятно.

– Я был у него на осмотре и случайно упомянул, каким ударом смерть мальчика должна стать для родителей после исчезновения их младшего сына. Джимми сказал, что они с Джорджем Горби устраивали консилиум. То, что у мальчика было малокровие, сомнений не вызывало. Содержание эритроцитов в крови мальчишек возраста Дэнни должно в норме составлять от восьмидесяти пяти до девяноста восьми процентов, а у Дэнни оно упало до сорока пяти!

– Ничего себе! – поразился Бен.

– Они кололи ему витамин B₁₂, кормили телячьей печенкой, и, казалось, парень пошел на поправку: на следующий день его даже собирались выписывать, – а потом вдруг раз, и скоропостижно скончался!

– Только не рассказывайте об этом Мейбл Уэртс, – отозвался Бен. – А то ей начнут мерещиться в парке индейцы с духовыми трубками для стрельбы отравленными дротиками.

– Я никому об этом не говорил, кроме вас. И не собираюсь. Кстати, Бен, на вашем месте я бы не стал распространяться о сюжете своей книги. Если Лоретта Старчер спросит, о чем вы пишете, скажите, что об архитектуре.

– Мне уже давали такой совет.

– Не сомневаюсь, что Сьюзен Нортон.

Бен взглянул на часы и поднялся.

– Раз уж речь зашла о Сьюзен...

– Период ухаживания в самом разгаре, – догадался Мэтт. – Мне, кстати, тоже надо появиться в школе. Мы репетируем третий акт пьесы огромной общественной значимости под названием «Проблема Чарли».

– И что это за проблема?

– Прыщи, – пояснил Мэтт и улыбнулся.

Они направились вместе к выходу, и Мэтт задержался надеть спортивную куртку с логотипом школы. Бен подумал, что, судя по фигуре, того можно было запросто принять за постаревшего учителя физкультуры, а вовсе не словесности с его сидячим образом жизни. Правда, лицо Мэтта выдавало интеллект, хотя и было слегка задумчивым и каким-то целомудренным.

– Послушайте, – обратился учитель к Бену, когда они вышли на крыльцо, – а какие у вас планы на вечер пятницы?

– Не знаю, – ответил тот. – Может, сходим со Сьюзен в кино. Выбор тут невелик.

– У меня другое предложение. А что, если нам объединиться и съездить вдвоем в Марстен-Хаус, чтобы познакомиться с новым владельцем? В качестве депутации от горожан, разумеется.

– Отличная мысль! – одобрил Бен. – Нанесем визит вежливости.

– Провинциальное проявление гостеприимства, – согласился Мэтт.

– Я поговорю завтра со Сьюзен. Думаю, она согласится.

– Отлично!

Мэтт поднял руку и помахал Бену на прощание. Тот в ответ дважды нажал на клаксон, и «ситроен» скрылся за холмом.

Мэтт постоял на крыльце еще с минуту. Засунув руки в карманы куртки, он смотрел на дом на холме.

3

В четверг репетиций не было, и около девяти Мэтт заехал к Деллу выпить пару кружек пива. Если этот недоумок Джимми Коуди не желает ничего ему прописывать от бессонницы, он сам найдет себе лекарство.

Когда не играл оркестр, в заведении Делла народу собиралось не много, и Мэтт заметил только трех знакомых. В углу потягивал пиво Проньера Крейг. Флойд Тиббитс сидел мрачнее тучи (на этой неделе он общался со Сьюзен три раза – дважды по телефону и один раз у них дома в гостиной, – но ни один разговор не получился). А Майк Райерсон сидел в дальней кабинке у самой стены.

Мэтт подошел к стойке, за которой Делл Марки протирает стаканы и поглядывал на экран портативного телевизора, где шел детективный сериал «Айронсайд».

– Привет, Мэтт. Как жизнь?

– Идет потихоньку. Сегодня тут тихо.

– Да, – пожал плечами Делл. – В кинотеатре под открытым небом показывают пару новых фильмов про байкеров, и тут я не конкурент. Бокал или кувшин?

– Давай кувшин.

Делл наполнил кувшин, снял пену и долил еще пару дюймов. Мэтт расплатился и, поколебавшись, направился к кабинке, где сидел Майк. Как почти вся молодежь Салемс-Лота, тот в свое время изучал английский на уроках Мэтта, и учителю он нравился. При средних способностях Майк добивался результатов выше среднего благодаря редкостному усердию и всегда переспрашивал до тех пор, пока новый материал не становился ему понятен. Кроме того, он обладал отличным чувством юмора и независимостью суждений, что делало его любимцем класса.

– Привет, Майк, – поздоровался Мэтт. – Не возражаешь, если я составлю компанию?

Майк Райерсон поднял глаза, и Мэтт поразился. Его первой мыслью было, что тот принял дозу. Причем тяжелых наркотиков.

– Конечно, мистер Берк. Присаживайтесь! – Его голос звучал безжизненно, а лицо было неестественно белым, с темными кругами под глазами. Зрачки у Майка были расширены, отчего глаза выглядели огромными и лихорадочно блестели. Руки, казавшиеся в полумраке сделанными из фарфора, медленно шевелились. Бокал с пивом стоял нетронутый.

– Как дела, Майк? – Мэтт налил себе пива, стараясь не расплескать – руки у него дрожали.

Его жизнь всегда протекала размеренно, без особых радостей и переживаний (особенно после смерти матери, случившейся тринадцать лет назад), и, пожалуй, самым большим источником огорчений для него являлись несчастья, постигшие некоторых из его учеников. Билли Ройко погиб во Вьетнаме – его вертолет сбили за два месяца до прекращения огня. Сэлли Гриер – одну из его самых талантливых и жизнерадостных учениц за все время преподавания – убил пьяный ухажер, когда она сказала, что больше не хочет его видеть. Гэри Коулман ослеп из-за какого-то неведомого заболевания зрительного нерва. Даг – брат Бадди Мэйберри, единственный толковый отпрыск в этой полоумной семье – утонул во время купания. И, конечно, наркотики – медленная смерть. Не все, кто переходил вброд Лету – реку забвения в подземном царстве, – желали в ней остаться навечно, но и тех, кто предпочел жизнь в мире грез, было немало.

– Дела? – медленно переспросил Майк. – Не знаю, мистер Берк.

Похвастаться нечем.

– Какого дерьма ты набрался, Майк? – мягко спросил Мэтт.

Майк непонимающе уставился на него.

– Травка? Амфетамины? Барбитурат? Кокаин? Или...

– Я не под кайфом, – сказал Майк. – Наверное, заболел.

– В самом деле?

– Я никогда в жизни не принимал тяжелых наркотиков, – заверил Майк, и казалось, что слова даются ему с огромным трудом. – Пробовал травку, но последний раз – четыре месяца назад. Я болен... Похоже, с понедельника. В воскресенье вечером я заснул на Хармони-Хилл. И проснулся только в понедельник утром! – Он медленно покачал головой. – И с тех пор чувствую себя плохо. И с каждым днем все хуже и хуже. – Майк вздохнул, и от этого все тело затрепетало, как сухой лист на клене в ноябре.

Мэтт подался вперед.

– Это случилось после похорон Дэнни Глика?

– Да. – Майк снова взглянул на него. – Когда все ушли, я вернулся закопать могилу, но эта сволочь – прошу прощения, мистер Берк, – но Ройал Сноу так и не появился. Я долго его ждал, а потом, наверное, почувствовал себя плохо, потому что после этого... Господи, как же болит голова! Даже думать больно!

– Ты помнишь что-нибудь, Майк?

– Помню? – Майк перевел взгляд на янтарный напиток в своем бокале и стал следить за поднимающимися вверх пузырьками. – Я помню пение. Никогда не слышал такого красивого. И еще чувство... будто тонешь. Только это было приятно. Если не считать глаз. Да, глаз!

Он обхватил свои локти и вздрогнул.

– Чьих глаз? – не сдавался Мэтт, подавшись вперед.

– Они были красные. И страшные!

– Чьи это были глаза?

– Не помню. Не было никаких глаз! Мне все приснилось! – Мэтт видел, как он изо всех сил пытается прогнать воспоминания. – Я ничего не помню про вечер воскресенья. Я проснулся утром в понедельник на земле и сначала даже не мог встать – совсем не было сил. Потом все-таки встал. Солнце поднималось все выше, и я боялся, что обгорю на нем. И направился в лес к ручью.

А там совсем выбился из сил. И снова уснул. И проспал до... часов четырех или пяти. – Майк жалобно хмыкнул. – Проснулся весь покрытый листьями, но мне стало легче. Тогда я пошел к грузовику. – Он медленно

провел рукой по лицу. – Наверное, я все-таки успел закопать могилу маленького Глика в воскресенье вечером. Странно! Я совсем этого не помню.

– Успел закопать?

– Могила была зарыта, обошелся даже без Ройала. Холм утрамбован и обложен дерном. Отличная работа! А я даже не помню. Наверное, здорово меня прихватило.

– А где ты провел следующую ночь?

– Дома. Где же еще?

– А как ты себя чувствовал утром во вторник?

– Я проспал весь день и проснулся только вечером.

– И как ты себя чувствовал?

– Ужасно! Ноги как ватные. Хотел налить в стакан воды и чуть не упал. До кухни добирался, цепляясь за все, что можно. Слабость немыслимая! – Майк нахмурился. – У меня была банка консервов на ужин – ну, тушеные овощи с мясом, – но не смог заставить себя проглотить ни кусочка. От одного их вида меня начинало мутить. Так бывает с ужасного похмелья, когда показывают еду.

– И ты ничего не ел?

– Я пытался, но меня вырвало. Правда, чуть полегчало. Я вышел на воздух и немного погулял. А потом вернулся и снова лег. – Его пальцы медленно обводили засохшие круги от пивных кружек на столе. – Но до того я сильно испугался. Как маленький ребенок, который боится буки. Я обошел дом и закрыл все окна. Потом включил везде свет и лег спать.

– А вчера утром?

– Вчера? Нет... я проснулся только в девять вечера. – Он снова жалобно хохотнул. – Помню, еще подумал, что если так и дальше пойдет, то скоро вообще перестану просыпаться. А так поступают только мертвые.

Мэтт хмуро смотрел на него. Флloyd Тиббитс поднялся и, бросив в музыкальный автомат монету, принялся выбирать песню.

– Странно, – продолжил Майк, – но когда я проснулся, окно в спальне было открыто. Наверное, я сам открыл его. Мне приснилось... что за окном кто-то был. Что я поднялся... и впустил его. Как любой впустит старого друга, когда тот замерз... или проголодался.

– И кто это был?

– Но это же сон, мистер Берк.

– Но во сне – кто это был?

– Не знаю. Я подумал, может, стоит поесть, но от одной мысли о еде меня замутило.

– И что было дальше?

– Я посмотрел телевизор, пока не кончилось шоу Джонни Карсона. А потом снова лег.

– А окна ты закрыл?

– Нет.

– И проспал весь день?

– Я проснулся, когда садилось солнце.

– Опять без сил?

Он провел рукой по лицу и воскликнул срывающимся голосом:

– Господи! Как же мне плохо! Это просто грипп или что-то в этом роде, правда, мистер Берк? Я же не мог вдруг серьезно заболеть!

– Я не знаю, – ответил Мэтт.

– Я подумал, что пиво поможет поднять настроение, но я не могу его пить. Я сделал глоток и чуть не задохнулся! Вся эта неделя... как кошмарный сон! И мне страшно! Ужасно страшно! – Он закрыл лицо руками и заплакал.

– Майк?

Тот не отвечал.

– Майк! – окликнул его Мэтт, мягко отводя от лица руки. – Я хочу, чтобы ты отправился со мной. И сегодня переночевал у меня дома. Ты сделаешь это?

– Ладно. Мне все равно. – Майк медленно и апатично вытер глаза рукавом.

– А завтра мы вместе сходим к доктору Коуди.

– Ладно.

– Пошли.

Мэтт подумал, не стоит ли позвонить Бену Миерсу, но решил, что это может подождать.

Мэтт постучал в дверь, и Майк Райерсон сказал:

– Входите.

Тот вошел с пижамой в руках.

– Она будет немного великовата, но...

– Не стоит беспокоиться, мистер Берк. Я сплю в трусах. – Он стоял в одних шортах, и Мэтту бросилась в глаза невероятная бледность кожи, обтягивающей ребра.

– Поверни голову, Майк. Вот так.

Тот послушно повернул.

– Майк, откуда у тебя эти следы?

Майк дотронулся до горла чуть ниже скулы.

– Не знаю.

Мэтт постоял, раздумывая. Потом подошел к окну. Защелка была задвинута до конца, но он все равно проверил ее, хотя пальцы и не слушались. За окном царил мгла.

– Если тебе что-нибудь понадобится, не важно что, сразу зови меня! Даже если просто приснится плохой сон. Обещаешь, Майк?

– Да.

– Повторяю – не важно что! Я буду внизу, совсем рядом.

– Обещаю.

Мэтт неохотно вышел, чувствуя, что сделал не все, что требовалось.

5

Он не смог уснуть, и единственное, что удерживало его от звонка Бену Миерсу, так это уверенность, что в пансионе Евы уже все спали. Там жило много стариков, и ночной звонок означал только чью-нибудь смерть.

Мэтт лежал, глядя, как светящиеся стрелки будильника перемещаются с половины двенадцатого к полуночи. Дом погрузился в неестественную тишину – а может, он просто слишком напрягал слух, чтобы уловить малейший шум. Дом был старым, но прочным и уже давно перестал издавать звуки, сопровождающие усадку. Слышалось только тиканье часов да слабые порывы ветра за окном. Ночами в будни машины по Тэггарт-стрит не ездили.

То, что ты думаешь, просто безумие!

Но волей-неволей он снова возвращался к одной и той же мысли. Конечно, ему как человеку начитанному объяснение случившегося с Дэнни Гликом пришло в голову сразу. Тогда они с Коуди вместе посмеялись над этой версией. Не исключено, что теперь ему ниспослано наказание за тот смех.

Царапины? Те отметины не были царапинами. Они были укусами.

Людей учили, что такого просто не может быть. Что события, описанные в поэме Кольриджа «Кристабель» или «Дракуле» Брэма Стокера, были плодом больного воображения. Конечно, чудовища существовали: к ним относились люди, державшие палец на ядерных

кнопках в шести странах, воздушные пираты, серийные убийцы, насильники детей. Но уж точно не... Это всем известно. Дьявольская отметина на груди женщины – всего лишь родинка. Муж, вернувшийся после собственных похорон в погребальном наряде к жене, был болен локомоторной атаксией – разрушением спинномозговых центров, ответственных за двигательные функции тела. Монстр, скрывающийся в углу детской, – всего лишь сваленные в кучу одеяла. Некоторые священники даже объявили, что сам Господь – этот великий белый маг и волшебник – и тот умер.

Но он обескровлен так, что кожа стала невероятно бледной.

Наверху не слышалось ни шороха. Мэтт подумал, что Майк наверняка спит без задних ног. И что здесь удивительного? Он же сам пригласил его к себе, чтобы тот мог хорошо выспаться, чтобы его не тревожили... ночные кошмары? Он вылез из кровати, включил свет и подошел к окну. Отсюда виднелась блестящая при лунном свете крыша Марстен-Хауса.

Мне страшно.

Причем не просто страшно – его обуял настоящий ужас. Он судорожно пытался вспомнить известные средства от напасти, не имевшей названия: чеснок, святая вода и гостия, распятие, шиповник, проточная вода. Ничего из этих святых вещей у него под рукой не имелось. Он был самым обычным методистом, который не ходил в церковь и вообще считал их пастора Джона Гроггинса самым большим придурком во всем цивилизованном мире.

Единственным религиозным предметом в доме была...

В тишине послышался голос Майка Райерсона, сонно произнесшего:

– Да. Входи.

У Мэтта перехватило дыхание, и он испустил беззвучный крик, чувствуя, как живот наливается тяжестью и он от ужаса теряет сознание. Что за существо приглашали войти в дом?

Наверху послышался звук открываемой задвижки. Затем со скрипом отворилось окно.

Он мог броситься в гостиную, схватить Библию из ящика комода, распахнуть дверь в гостевой спальне и высоко поднять над собой Священное Писание: *во имя Отца, и Сына, и Святого Духа повелеваю тебе сгинуть...*

Но кто это был?

Если тебе что-нибудь понадобится, сразу зови меня!

Но я не могу, Майк. Я старый человек, и мне страшно.

Его мозг окутала мгла, в которой закружились жуткие образы,

выскакивавшие из ниоткуда. Белые, как у клоунов, лица, огромные глаза, острые зубы... со всех сторон тянулись тени, протягивая длинные белые руки, чтобы... чтобы...

Он беспомощно застонал и закрыл лицо руками.

Не могу! Мне страшно!

Он не смог бы пошевелиться, даже если бы начала поворачиваться ручка на его собственной двери. Он был парализован страхом и жалел только об одном – что решил вечером навеститься к Деллу.

Мне страшно!

В наступившей мертвой тишине, когда он беспомощно сидел на кровати, закрыв лицо руками, слышался звонкий, мелодичный и недобрый смех ребенка, сменившийся жадным причмокиванием.

Часть вторая

Император мороженого

*Зовите крутильщика толстых сигар,
Того, что покрепче, и пусть он взобьет
Молочной пены сладострастный мед.
Пусть девчонки привычно нарядятся так,
Чтобы видом своим обольщать всех подряд.
А юноши пусть явятся с цветами,
Но не в венках, а будто для свиданий.
Пусть сущее изгонит вечный страх сомнений,
Есть только один император – мороженого!*

*Откройте старинный комод деревянный,
Тот, что без ручек. Оттуда достаньте
Ту самую простынь, на которой она
Вышла три павлиньих хвоста.
Ей тело накройте; но не беда,
Коль будут видны огрубевшие ноги, —
Ей не страшны уж людские тревоги.
Луч света от лампы разгонит пусть тени
Есть только один император – мороженого!*

Уоллес Стивенс

*В колонне есть отверстие.
Ты видишь Королеву мертвых?*

Георгос Сеферис

Глава восьмая

Бен (III)

1

Должно быть, в дверь барабанили уже давно, поскольку сквозь сон он слышал стук, но никак не мог заставить себя проснуться. На улице было темно, и, потянувшись за будильником узнать, который час, он случайно уронил его на пол. Бену стало не по себе.

– Кто там? – крикнул он.

– Это Ева, мистер Миерс. Вас к телефону.

Он встал, натянул брюки и открыл дверь. Заспанная Ева Миллер в белом махровом халате выглядела встревоженной. Они посмотрели друг на друга, и он подумал: «Кто-то заболел? Или умер?»

– Звонят по межгороду?

– Нет, это Мэтью Берк.

Однако это известие его отнюдь не успокоило.

– Сколько сейчас времени?

– Пятый час. Мистер Берк очень взволнован.

Бен спустился вниз и взял трубку.

– Мэтт, это Бен.

Мэтт дышал с таким трудом, что было слышно даже в трубке.

– Вы можете приехать, Бен? Прямо сейчас?

– Ладно. А что случилось? Вы заболели?

– Не по телефону. Просто приезжайте!

– Буду через десять минут.

– Бен?

– Да?

– У вас есть распятие? Или медальон святого Христофора? Что-нибудь в этом роде?

– Черт, нет! Я баптист. В смысле был баптистом.

– Не важно! Приезжайте, и поскорей!

Бен повесил трубку и быстро вернулся вверх. Ева стояла, опираясь на перила: на ее лице была написана тревога и нерешительность. С одной стороны, ей хотелось узнать, что случилось, а с другой – она не желала вмешиваться в дела постояльца.

- Мистер Берк заболел, мистер Миерс?
- Говорит, что нет. Он просто попросил меня... Скажите, а вы католичка?
- Мой муж был католиком.
- У вас есть распятие, или четки, или медальон со святым Христофором?
- Ну... в спальне есть распятие мужа... я могла бы...
- Я вас очень прошу!

Она направилась по коридору, шаркая шлепанцами по вытертому ковру. Бен вернулся в свою комнату, натянул вчерашнюю рубашку и сунул в туфли босые ноги. Когда он вышел, Ева уже ждала в коридоре с распятием в руках, тускло отсвечивавшим серебром.

- Спасибо, – поблагодарил он, забирая распятие.
 - Это вас мистер Берк попросил прихватить?
 - Да.
- Она нахмурилась, теперь уже окончательно проснувшись.
- Но он не католик! Да и в церковь, по-моему, не ходит!
 - Он не стал ничего объяснять.
 - Ясно, – понимающе кивнула Ева. – Пожалуйста, обращайтесь с распятием осторожно. Оно мне очень дорого как память.

- Обещаю, – заверил он.
 - Надеюсь, что с мистером Берком все в порядке. Он хороший человек.
- Бен спустился вниз и вышел на крыльцо. Распятие он держал в правой руке. Чтобы было удобно достать из кармана ключи от машины, Бен не стал перекладывать его в левую руку, а повесил на шею. Серебряный крест уютно скользнул под рубашку, и Бен, садясь в машину, едва ли заметил, что ему стало спокойнее.

Все окна на первом этаже дома Мэтта были залиты светом, и, когда фары машины, свернувшей на подъездную дорожку, осветили фасад, Мэтт открыл дверь и вышел на порог.

Бен, готовый почти ко всему, направился к дому быстрыми шагами. Его поразило выражение шока на лице учителя: мертвенно-бледный, губы тряслись, а широко раскрытые глаза будто застыли.

- Пойдемте на кухню, – выговорил Мэтт.
- Бен вошел в дом, и на его груди блеснул крест.

– Значит, нашли распятие!

– Оно не мое, а Евы Миллер. Что случилось?

– На кухню, – повторил Мэтт и, проходя мимо лестницы, ведущей на второй этаж, бросил взгляд вверх и, казалось, чуть отшатнулся.

На кухонном столе, за которым они еще совсем недавно ели спагетти, теперь стояла чашка с кофе и лежали два неожиданных предмета: старинная Библия на застёжках и револьвер тридцать восьмого калибра.

– В чем дело, Мэтт? На вас лица нет!

– Может, мне все это померещилось, но, слава Богу, вы приехали! – Он взял револьвер и начал рассеянно вертеть его в руках.

– Так расскажите! И положите револьвер! Он заряжен?

Мэтт послушно вернул оружие на место и провел рукой по волосам.

– Да, заряжен. Хотя не думаю, что от него была бы польза. Разве что пустить себе пулю в лоб... – Он хрипло засмеялся, но смех вышел невеселым и похожим на хруст битого стекла.

– Прекратите!

Резкость команды, похоже, вывела Мэтта из оцепенения. Он помотал головой, как делают животные, отряхиваясь после холодного душа.

– Наверху у меня мертвец, – сообщил он.

– Кто?

– Майк Райерсон. Он работает на город. Ухаживает за кладбищами.

– Вы уверены, что он мертв?

– Не сомневаюсь, хотя и не видел его. Не хватило духу. Потому что, с другой стороны, он может быть вовсе и не мертвым.

– Мэтт, что за глупости!

– Думаете, я этого не понимаю? Да, звучит как полный вздор, а то, что я думаю, – сплошное безумие. Но, кроме вас, я ни к кому не мог обратиться. Во всем городе вы единственный, кто может... может... – Мэтт помотал головой и начал заново: – Мы с вами говорили о Дэнни Гликке.

– Да.

– И как он мог умереть от злокачественной анемии... Как говорили в старые времена – «он просто угас».

– И что?

– Майк закапывал его могилу. И Майк нашел собаку Вина Пьюринтона нанизанной на решетку ворот кладбища Хармони-Хилл. Вчера вечером я встретил Майка Райерсона в заведении Делла и...

– ...и я не смог заставить себя войти, – закончил рассказ Мэтт. – Просто не смог. Я просидел на кровати почти четыре часа. А потом, как вор, пробрался вниз и позвонил вам. Ну, что вы об этом думаете?

Бен снял распятие и теперь задумчиво теребил тонкую блестящую цепочку, которую положил на стол. Было почти пять часов, и небо на востоке начало розоветь.

– Я думаю, что самое правильное – это подняться наверх и посмотреть.

– Сейчас, когда светает, все это кажется каким-то дурным сном сумасшедшего, – натянуто засмеялся Мэтт. – Надеюсь, так оно и есть. И Майк благополучно спит сном младенца.

– Так пойдемте и проверим!

– Хорошо, – согласился учитель, сделав над собой усилие, перевел взгляд на стол и умоляюще посмотрел на Бена.

– Конечно, – кивнул тот и надел цепочку с распятием Мэтту на шею.

– Мне с этим как-то спокойнее, – виновато засмеялся он. – Как считаете, мне позволят его оставить, когда повезут в психушку?

– Хотите взять еще и револьвер?

– Нет, это лишнее. А то, не дай Бог, еще отстрелю себе случайно причинное место.

Они поднялись по ступенькам на второй этаж. Бен шел первым. Наверху была маленькая площадка с двумя дверями, расположенными друг напротив друга. Одна была открыта, и из нее сочился свет настольной лампы, падавший на рыжую ковровую дорожку.

– Нам нужна другая комната, – пояснил Мэтт.

Бен прошел ко второй двери и остановился. Он не принимал рассказ Мэтта всерьез, но неожиданно для себя ощутил вдруг приступ животного страха.

Ты открываешь дверь, а там он – свисает с балки, и его лицо уже опухло и почернело. А затем вдруг глаза распахиваются и выкатываются из глазниц! Он ВИДИТ тебя, и он рад, что ты пришел...

Воспоминания нахлынули на него с такой ясностью, что он, на мгновение утратив всякую связь с реальностью, замер от ужаса. В ноздри ударил запах сырой штукатурки и крысиного помета. Казалось, что самая обычная, покрытая лаком дверь в гостевую комнату отделяет его от преисподней.

Бен повернул ручку и толкнул дверь. Мэтт, тяжело дыша за его спиной, изо всех сил сжимал в кулаке распятие Евы.

Комната выходила на восток, и на горизонте как раз показалось

солнце. Первые прозрачные лучи выхватили и окрасили в золото несколько пылинок, парящих над простыней, натянутой на Майке Райерсоне до подбородка.

Взглянув на Мэтта, Бен кивнул и прошептал:

– С ним все в порядке. Он спит.

– Окно открыто, – безучастно произнес Мэтт. – А было заперто. Я проверял.

Бен пригляделся к краю безукоризненно белой простыни: там виднелось маленькое пятнышко крови, уже успевшее потемнеть.

– Мне кажется, он не дышит, – заметил Мэтт.

Бен сделал пару шагов и остановился.

– Майк? Майк Райерсон! Просыпайся, Майк!

Никакой реакции. Ресницы не шевельнулись. На лоб упала прядь волос, и в первых лучах утреннего солнца лицо выглядело на редкость красивым, совсем как у греческой статуи. На щеках играл легкий румянец, да и сам цвет кожи говорил о здоровье – ничего похожего на ту мертвенную бледность, о которой упоминал Мэтт.

– Разумеется, он дышит! – немного раздраженно возразил Бен. – Просто слишком крепко спит. Майк! – Он слегка потряс Райерсона за плечо. Левая рука Майка, лежавшая на груди, соскользнула вниз и ударилась костяшками об пол, будто постучалась в дверь.

Мэтт вышел вперед, взял упавшую руку и прижал палец к запястью.

– Пульса нет! – сообщил он и хотел отпустить руку, но, вспомнив, как она ударилась костяшками, осторожно положил на грудь. Та начала снова соскальзывать, и Мэтт, скривившись, поправил ее.

Бен не мог в это поверить. Майк наверняка спит! У него же такой здоровый цвет лица, все члены сохранили гибкость, руки и пальцы гнутся, никакого окоченения, да и губы полуоткрыты, как при дыхании... Как он может быть мертв? Тыльной стороной запястья он дотронулся до плеча – кожа была холодной!

Послюнявив палец, Бен поднес его к полураскрытым губам Майка. Никакого движения воздуха! Ни намек на дыхание!

Они с Мэттом переглянулись.

– А что с отметинами на шее? – спросил учитель.

Бен, взявшись за скулу Райерсона, осторожно повернул ему голову набок, открывая шею. Левая рука снова соскользнула вниз, и костяшки со стуком ударились об пол.

Никаких отметин на шее Майка Райерсона не было.

Они снова сидели за кухонным столом. Стрелки на часах показывали 5.35 утра. С улицы доносилось мычание коров Гриффена, которых гнали на западное пастбище: там, у подножия холма, за кустарником протекал ручей Тэггарт-Стрим.

– Если верить преданиям, отметины исчезают, – неожиданно произнес Мэтт. – Когда жертва умирает, отметины исчезают.

– Я в курсе, – сказал Бен, помнивший это из романа Стокера «Дракула» и фильмов ужасов студии «Хаммер» с Кристофером Ли в главной роли.

– Нужно загнать ему в сердце осиновый кол.

– Не самая удачная мысль, – возразил Бен, делая глоток кофе. – Это будет чертовски трудно объяснить коллегии присяжных при коронере, когда она будет решать, имело ли место убийство. За осквернение трупа вы наверняка угодите в тюрьму. А может быть, даже в психушку!

– Вы считаете меня ненормальным? – спокойно поинтересовался Мэтт.

– Нет, – ответил Бен без видимых колебаний.

– Вы верите мне насчет следов укуса?

– Не знаю. Наверное, да. Да и зачем вам мне врать? Не вижу, какой в этом резон. Другое дело – если бы вы его убили.

– Может, я и правда его убил? – спросил Мэтт, не сводя с Бена взгляда.

– Это вряд ли по трем причинам. Во-первых, какой мотив? Прошу меня извинить, Мэтт, но вы слишком стары для классических мотивов типа ревности или денег. Во-вторых, каким образом? Если отравили, то его кончина была слишком уж мирной. А это исключает большинство известных и доступных ядов.

– А третья причина?

– Ни один убийца в здравом уме не станет придумывать историю вроде вашей, чтобы отвести от себя подозрения. Это было бы безумием.

– Что снова возвращает нас к вопросу о моем психическом здоровье, – вздохнул Мэтт. – Я знал, что так будет.

– Мне не кажется, что вы сумасшедший, – повторил Бен, делая ударение на первом слове. – Вы ведете себя вполне рационально.

– Но вы же не доктор, верно? А сумасшедшим нередко удается отлично скрывать свое безумие.

Бен был вынужден согласиться.

– И что в итоге?

– В итоге вернулись к тому, с чего начали.

– Нет, так не пойдет! Наверху лежит мертвец, и нам скоро придется давать объяснения. Констебль захочет узнать, как все произошло, судмедэксперт тоже, не говоря уже о шерифе округа. Мэтт, а может быть так, что Майк подхватил какой-то вирус и, проболев неделю, умер у вас дома?

Впервые за все время, как они вернулись на кухню, Мэтт оживился.

– Бен, я же рассказывал вам, что он говорил! И я видел отметины у него на шее! И слышал, как он приглашал кого-то войти! А потом я услышал... Господи, я услышал этот жуткий смех! – Его взгляд снова стал стеклянным.

– Ладно! – Бен поднялся и подошел к окну, стараясь собраться с мыслями. Как он и предупреждал Сьюзен, события начали выходить из-под контроля. Он посмотрел на Марстен-Хаус. – Мэтт, что, по-вашему, случится, стоит вам хотя бы намекнуть на то, о чем рассказали мне?

Мэтт не ответил.

– Люди начнут крутить пальцем у виска вам вслед. Дети станут корчить рожи и пугать, выскакивая из-за заборов. Кто-нибудь придумает стишок типа *«Раз, два, три, четыре, пять, выпьем кровушки опять»*. Проходя по коридору в школе, вы услышите за своей спиной, как старшеклассники будут его скандировать. Коллеги начнут подозрительно коситься. Наверняка последуют анонимные звонки от имени Дэнни Глика и Майка Райерсона. Ваша жизнь превратится в сущий ад, и через полгода вас выживут из города.

– Нет, меня тут хорошо знают.

Бен отвернулся от окна.

– А кого они знают? Старого чудака, который живет один в доме на Тэггарт-Стрим-роуд. Сам факт, что вы не женаты, уже наверняка выглядит в их глазах подозрительным. И чем я могу вас поддержать? Я же видел только тело! Но даже если бы было что-то еще, то это ничего не меняет: всегда скажут, что я приезжий и веры мне нет. Мало того, пойдут разговоры, что мы пара голубых и таким образом получаем кайф!

Мэтт смотрел на Бена с возрастающим ужасом.

– Одно неосторожное слово, Мэтт, и в Салемс-Лоте вам больше не жить!

– Значит, положение безвыходное.

– Напротив, выход есть. У вас есть версия того, кто – или что – повинен в смерти Майка Райерсона. Эта версия достаточно проста и, на мой взгляд, легко проверяется. Я в чертовски затруднительном положении.

Я не верю, что вы сумасшедший, но и не могу поверить, что Дэнни Глик вернулся из царства мертвых, чтобы на протяжении недели сосать кровь Майка Райерсона. Я собираюсь все выяснить. И мне нужна ваша помощь.

– Каким образом?

– Позвоните своему знакомому доктору. Коуди, кажется? И Паркинсу Гиллеспи. Пусть машина заработает. Расскажите всю историю так, будто ничего ночью не слышали. Вы заглянули к Деллу выпить пива, встретили там Майка, который пожаловался, что с воскресенья плохо себя чувствует. Вы пригласили его к себе переночевать. А ночью – примерно в полчетвертого – заглянули посмотреть, как он, не смогли добудиться и позвонили мне.

– И все?

– И все! Когда будете разговаривать с Коуди, даже не говорите, что он умер.

– Как это?

– А откуда мы это знаем? – взорвался Бен. – Вы пощупали пульс и не нашли его. Я пытался проверить дыхание и не услышал его. Знай я, что меня собираются закопать в могилу только поэтому, ох как бы сильно мне это не понравилось! Особенно если бы я выглядел таким же полным жизни, как и он.

– Вам это тоже не дает покоя, верно?

– Не дает, – признался Бен. – Он выглядит очень даже живым.

– Ладно, – согласился Мэтт. – В том, что вы говорите, есть здравый смысл... если он вообще в этом деле имеется. А я, похоже, молот чепуху.

Бен хотел было возразить, но Мэтт жестом остановил его.

– Однако допустим... хотя бы гипотетически... а что, если мое предположение все же верно? Неужели вас не тревожит хотя бы малейшая тень вероятности, что Майк может... вернуться?

– Как я уже сказал, эту версию легко проверить. И больше беспокоит меня совсем другое.

– И что же?

– Подождите. Давайте идти по порядку. Проверка сводится к простым логическим действиям – выявить все возможности и исключить те, что не подтверждаются. Первое: Майк мог умереть от болезни. Как это проверить?

– Думаю, с помощью медицинской экспертизы, – пожал плечами Мэтт.

– Именно. Она же поможет установить, была ли смерть насильственной. Если его отравили, застрелили или заставили проглотить конфету с пучком проволоки внутри...

– Убийства и раньше не всегда выявлялись.

– Это правда, но я бы положился на заключение патологоанатома.

– А если он не сумеет определить причину смерти?

– Тогда, – медленно произнес Бен, – мы можем навестить могилу и посмотреть, не покидает ли он ее. Если да – что мне представляется совершенно невероятным, – то мы будем знать ответ. Если нет – то тогда мы столкнемся с тем, что тревожит меня больше всего.

– С фактом моего безумия, – тихо сказал Мэтт. – Бен, клянусь памятью матери, что я видел укусы на шее, что слышал, как открывается окно, что...

– Я верю вам, – прервал его Бен.

Мэтт замолчал. На его лице застыло выражение, будто он приготовился к неминуемой смерти, но чудом сумел ее избежать.

– Вы серьезно?

– Скажем так: я не думаю, что вы сошли с ума или явились жертвой галлюцинации. Я сам однажды испытал нечто... пережил некое событие, связанное с этим проклятым домом на холме, и с пониманием отношусь к людям, рассказывающим невероятные с точки зрения здравого смысла истории. Как-нибудь и я вам расскажу свою.

– А почему не сейчас?

– Сейчас на это нет времени. Вам нужно сделать ряд звонков. И у меня есть еще один вопрос. Подумайте хорошенько, прежде чем ответить. У вас есть враги?

– Способные на такое – нет!

– Может, какой-нибудь бывший ученик затаил злобу и решил отомстить?

Мэтт, не питавший никаких иллюзий относительно своего влияния на учеников, только вежливо засмеялся.

– Ладно, поверю вам на слово, – вздохнул Бен и покачал головой. – Мне это не нравится. Сначала на решетку ограды подвешивают собаку. Потом исчезает Ральфи Глик, потом умирает его брат, а за ним Майк Райерсон. Может, все это действительно как-то связано. Но чтобы такое... Я не верю!

– Мне лучше позвонить Коуди домой, – сказал Мэтт, поднимаясь. – Паркинс тоже наверняка дома.

– И предупредите в школе, что заболели.

– Хорошо. – Мэтт рассмеялся, но на этот раз искренне. – Это будет мой первый больничный за три года. И, надо признаться, основания сказать больным налицо.

Он направился в гостиную и начал звонить, каждый раз долго дожидаясь, пока телефон не разбудит абонентов. Судя по всему, жена Коуди

перенаправила его в приемный покой Камберлендской больницы, потому что он набрал другой номер, позвал Коуди и после короткого ожидания изложил все, что собирался.

Положив трубку, он крикнул в сторону кухни:

– Джимми приедет через час.

– Отлично! – отозвался Бен. – Я схожу наверх.

– Ничего там не трогайте.

– Не буду.

Поднимаясь на второй этаж, Бен слышал, как Мэтт разговаривал с Паркинсом Гиллеспи и отвечал на вопросы. Он двинулся дальше, и слов уже было не разобрать.

У двери в гостевую комнату Бен снова почувствовал знакомый животный страх. Ему вдруг ясно представилось, как он толкнет дверь и шагнет вперед. Комната будет казаться больше, потому что смотреть на нее будут глаза ребенка. Тело по-прежнему будет лежать в том же положении, в котором они его оставили: левая рука бессильно свесилась вниз, голова повернута на подушке, а на наволочке видны складки от хранения в шкафу. И вдруг глаза открываются, и в них светится животное торжество. Хлопает дверь. Левая рука поднимается, пальцы вытягиваются вперед, как когти, а губы растягиваются в хищной улыбке, обнажая внезапно выросшие длинные и острые клыки...

Бен шагнул вперед и толкнул дверь онемевшими пальцами. Нижние петли жалобно скрипнули. Тело лежало так, как они его и оставили: левая рука свесилась вниз, щека прижата к подушке...

– Паркинс уже в пути, – сказал Мэтт, поднявшийся на второй этаж, и Бен едва удержался от крика.

Бен поразился, насколько точно он выразился, сказав: «Пусть машина работает». Развернувшаяся деятельность действительно напоминала машину вроде тех хитроумных немецких устройств из разных узлов и механизмов, которые заставляли фигурки на часах выезжать и крутиться.

Паркинс Гиллеспи в зеленом галстуке с фирменной заколкой организации «Ветераны зарубежных войн» прибыл первым. Было видно, что звонок поднял его с постели и он еще не до конца проснулся. Констебль сообщил, что уведомил о случившемся окружного судмедэксперта.

– Сукин сын, конечно, сам не приедет, – пробурчал он, засовывая

сигарету в рот, – но придет своего заместителя и кого-нибудь сделать снимки. Вы трогали тело?

– Рука соскользнула вниз, – ответил Бен. – Я пытался вернуть ее на место, но ничего не вышло.

Паркинс смерил его взглядом и промолчал. Бен вспомнил, с каким жутким стуком костяшки ударились о деревянный пол, и, сглотнув слюну, с трудом сдержал тошноту.

Мэтт показал, где лежит тело, и Паркинс несколько раз обошел вокруг кровати, разглядывая его со всех сторон.

– А вы уверены, что он мертв? – наконец спросил он. – Вы пытались его разбудить?

Джеймс Коуди, принимавший в Камберленде роды, прибыл следующим. После краткого обмена приветствиями (Паркинс Гиллесли, буркнув «привет», закурил новую сигарету) Мэтт снова проводил всех наверх. Бен вдруг подумал, что будь они музыкантами, то наверняка бы достойно проводили Майка в последний путь, и подавил нервный смешок.

Коуди откинул простыню и, нахмурившись, осмотрел тело. Мэтт Берк с удивившим Бена нарочитым спокойствием заметил:

– Это напомнило мне наш разговор о Дэнни Глике, Джимми.

– Это были конфиденциальные сведения, мистер Берк, – мягко остановил Джимми Коуди. – Если родители мальчика узнают, что вы об этом говорите, они могут подать на меня в суд.

– И выиграют дело?

– Вряд ли, – вздохнув, признал Джимми.

– Что там еще насчет парнишки Глика? – вмешался Паркинс, нахмурившись.

– Ничего, – заверил Джимми. – Тут нет никакой связи. – Он обследовал тело с помощью стетоскопа, пробормотал что-то и, подняв веко, посветил в глаз маленьким фонариком.

Увидев, как сократился зрачок, Бен не смог сдержать удивленного возгласа.

– Интересный рефлекс, верно? – обернулся к нему Джимми. Он отпустил веко, и глаз медленно закрылся, будто подмигивая. – Дэвид Прайн из Больницы Джонса Хопкинса наблюдал сокращение зрачка у отдельных трупов через девять часов после наступления смерти.

– Тоже мне ученый! – недовольно пробурчал Мэтт. – Никогда не получал больше тройки за сочинения.

– Это потому что вам никогда не нравилось читать про вскрытие, – машинально отозвался Джимми и вытащил маленький молоточек.

Ну и ну! Этому парню чувство врачебного такта не изменяет, даже если пациент уже мертв, подумал Бен и снова с трудом подавил нервный смешок.

– Он умер? – спросил Паркинс, стряхивая пепел в пустую вазу для цветов.

Мэтт вздрогнул.

– Да, умер, – подтвердил Джимми. Поднявшись, он отдернул простыню с ног Майка и постучал ему по правой коленке. Никакой реакции.

Бен заметил у Майка на ногах костные мозоли и вспомнил стихотворение Уоллеса Стивенса об умершей женщине.

– «Пусть сущее царит, и нет ничьих сомнений, – неточно процитировал он, – есть только один император – мороженого!»

Мэтт внимательно на него посмотрел, и на мгновение показалось, что выдержка ему вот-вот изменит.

– Это что еще такое? – не понял Паркинс.

– Стихотворение, – пояснил Мэтт. – Стихотворение о смерти.

– В жизни бы не подумал! – заявил Паркинс и снова стряхнул пепел в вазу.

6

– Мы знакомы? – спросил Джимми, глядя на Бена.

– Вряд ли, – вмешался Мэтт. – Местный эскулап Джимми Коуди, позволь представить тебе местную знаменитость Бена Миерса. И наоборот.

– Он всегда умничал, – заметил Джимми, – и тем зарабатывал на жизнь.

Они обменялись рукопожатиями над телом Майка.

– Помогите мне его перевернуть, мистер Миерс.

Чувствуя тошноту, Бен помог перевернуть тело на живот. Оно было прохладным, но еще не остыло окончательно и не успело одеревенеть. Джимми внимательно осмотрел спину и приспустил с ягодиц трусы.

– Это еще зачем? – удивился Паркинс.

– Я стараюсь определить время смерти по синюшности кожи, – пояснил Джимми. – Когда кровь перестает циркулировать, она, как и любая другая жидкость, устремляется в нижние полости.

– Ну да, как в рекламе очистителя водосточных труб. А разве этим должен заниматься не судмедэксперт?

– Вы же знаете, что пришлют Норберта, а Брент Норберт никогда не отказывался от дружеской помощи.

– Норберт ни с фонарем, ни на ощупь не найдет даже собственной задницы, – мрачно заметил Паркинс и выкинул окурок в окно. – Мэтт, у тебя с окна слетел ставень. Я видел его на земле, когда подъезжал к дому.

– Правда? – переспросил Мэтт, стараясь не выдать волнения.

– Точно!

Коуди вытащил из чемоданчика термометр, вставил его в задний проход Майка и следил за временем по часам, которые положил на простыню. Блестевший на солнце циферблат показывал четверть седьмого.

– Я, пожалуй, пойду вниз, – сказал Мэтт сдавленным голосом.

– Вы все можете идти, а я еще немного здесь задержусь, – отозвался Джимми. – Вы не поставите кофе, мистер Берк?

– Конечно.

Все вышли, и Бен, перед тем как закрыть за собой дверь, окинул взглядом комнату в последний раз. Эта картина запечатлелась у него в памяти навсегда: освещенное ярким солнцем помещение; откинутая назад чистая простыня; зайчики от сверкающего блестящего циферблата золотых часов пляшут на стенах; Коуди с рыжей копной волос сидит возле тела как монумент.

Мэтт готовил кофе, когда на своем стареньком «додже» к дому подъехал заместитель судмедэксперта округа Брентон Норберт. Его сопровождал сотрудник с большим фотоаппаратом в руках.

– Где это? – спросил Норберт.

Гиллеспы показал большим пальцем вверх.

– Там сейчас Джим Коуди.

– Отлично! – обрадовался Норберт. – Думаю, он нас уже дождался!

Приехавшие направились на второй этаж.

Паркинс Гиллеспы лил себе в кофе сливки, пока жидкость не перелилась через край чашки в блюдце. Попробовав ее пальцем, он вытер палец о брюки, закурил новую сигарету и обратился к Бену:

– А как здесь оказались вы, мистер Миерс?

Бен и Мэтт изложили свою версию. Явной лжи в их рассказе не было, но они утаили достаточно, чтобы чувствовать себя заговорщиками, связанными общей тайной. Бен даже засомневался: а не помогает ли он тем самым скрыть что-то темное и опасное. Он вспомнил объяснение Мэтта, почему тот позвонил именно ему – в городе он был единственным, кто мог выслушать такую историю.

А разбираться в людях Мэтт точно умел. И от этой мысли Бену снова

стало не по себе.

К половине десятого все закончилось.

Тело Майка забрал похоронный автомобиль Карла Формана, и весть о смерти Райерсона тут же облетела весь город. Джимми Коуди вернулся в больницу, а Норберт с фотографом уехали в Портленд, чтобы доложить обо всем окружному судмедэксперту.

Паркинс Гиллеспи с неизменной сигаретой в зубах вышел на веранду, проводил взглядом медленно удалявшийся катафалк и задумчиво заметил:

– Сколько раз Майк сидел за рулем этой машины, даже не подозревая, что скоро сам окажется в ней пассажиром.

Потом Гиллеспи повернулся к Бену:

– Вы же не собираетесь уезжать из Салемс-Лота? Ваши показания были бы важны для коллегии присяжных при коронере.

– Нет, я никуда не уезжаю.

Выцветшие голубые глаза констебля внимательно разглядывали Бена.

– Я навел о вас справки и у федералов, и в полиции штата, – сообщил он. – Вы чисты.

– Рад слышать, – невозмутимо отозвался Бен.

– Говорят, вы ухаживаете за дочкой Билла Нортонна?

– Есть такое дело.

– Она хорошая девушка, – с серьезным видом продолжил Паркинс. Катафалк скрылся за деревьями, и шум двигателя, ставший похожим на жужжание, постепенно тоже стих. – Похоже, у нее теперь нет времени на Флойда Тиббитса.

– Разве вам не надо заполнять какие-нибудь бумаги, Парк? – вежливо осведомился Мэтт.

Тот со вздохом выкинул окурок.

– Надо, конечно. И не в одном, а в двух, а то и трех экземплярах. «На теле не обнаружено никаких следов насилия» и все в таком роде. Последние пару недель почему-то слишком много стало проблем. Похоже, с этим Марстен-Хаусом и впрямь что-то неладно.

На лицах Бена и Мэтта не дрогнул ни один мускул.

– Ладно, счастливо оставаться! – Констебль подтянул брюки и направился к машине, но по дороге оглянулся. – Вы точно ничего от меня не скрываете?

– Паркинс, тут нечего скрывать. Он умер, – ответил Мэтт.

Несколько мгновений светлые глаза Паркинса Гиллеспи пронизательно разглядывали их из-под сдвинутых бровей, потом он вздохнул:

– Пожалуй! Но все это очень странно. Сначала собака, потом один мальчонка Гликов, затем другой, а теперь еще и Майк! Да для нашего захолустья этих событий хватит на целый год! Моя бабка говорила, что Бог любит троицу, а тут сразу четыре труп.

Он забрался в машину, завел двигатель и, посигналив на прощание, скрылся за холмом.

Мэтт с облегчением выдохнул.

– Вот и все.

– Да, – согласился Бен. – Я совершенно разбит. А вы?

– Я тоже, но какой-то чумной. Слышали такое словечко у молодежи?

– Слышал.

– Еще они говорят «прибалдевший». Это когда в нормальном состоянии чувствуешь себя не в себе. – Он провел рукой по лицу. – Господи, вы наверняка считаете меня сумасшедшим! Все это здорово смахивает на полный бред, верно?

– И да и нет, – отозвался Бен и положил ему руку на плечо. – Знаете, а Гиллеспи прав: тут что-то не так. И мне все больше кажется, что это связано с Марстен-Хаусом. Кроме меня, в городе появились только его новые обитатели. А про себя я знаю, что к последним событиям никак не причастен. Наше посещение этого дома вечером остается в силе? Визит вежливости?

– Если хотите.

– Хочу. А сейчас вам надо немного поспать. Я договорюсь со Сьюзен, и вечером мы за вами заедем.

– Хорошо. – Мэтт помолчал. – С тех пор как вы упомянули вскрытие, мне не дает покоя один вопрос.

– Какой?

– Смех, который я слышал – или мне показалось, что слышал, – был детским. Жутким и бессердечным, но все равно детским. Применительно к истории с Майком, вам не кажется, что это мог быть Дэнни Глик?

– Конечно, кажется!

– Вы знаете, в чем заключается процедура бальзамирования?

– Не особенно. Кровь из трупа откачивается и заменяется особой жидкостью. Раньше использовали формальдегид, но сейчас наверняка есть что-то современное. И из трупа извлекают все внутренности.

– Интересно, с Дэнни тоже все это проделали? – спросил Мэтт, не сводя глаз с Бена.

– А вы хорошо знаете Карла Формана? Можете у него спросить по-дружески?

– Думаю, да.

– Спросите обязательно!

– Хорошо.

Они понимающе переглянулись. Во взгляде Мэтта читалась неловкость рационального человека, вынужденного произносить абсурдные вещи, а во взгляде Бена – неясный испуг перед темными силами.

8

Ева гладила белье и смотрела по телевизору шоу «Назови пароль и получи деньги». Джекпот вырос до сорока пяти долларов, и ведущий вытаскивал из большого стеклянного барабана очередной телефонный номер, обладатель которого мог выиграть, если смотрел передачу и слышал названный ведущим пароль.

– Я уже в курсе, – сказала она, услышав, как Бен открыл холодильник и достал кока-колу. – Просто ужасно! Бедный Майк!

– И не говорите! – Он пошарил в нагрудном кармане и выудил из него цепочку с крестиком.

– А известно...

– Пока нет, – ответил Бен. – Миссис Миллер, я очень устал, и мне надо немного поспать.

– Конечно, конечно! Днем наверху очень жарко, даже осенью, как сейчас. Если хотите, можете прилечь в комнате внизу – простыни там чистые.

– Нет, спасибо, я уже привык к своему жилищу.

– Да, привычка много значит, – согласилась она. – А зачем мистеру Берку понадобилось распятие Ральфа?

Бен, уже поднимавшийся по лестнице, даже растерялся от неожиданного вопроса.

– Наверное, он думал, что Майк Райерсон католик.

Ева принялась за новую рубашку.

– Жаль, что он не знает таких простых вещей, тем более что Майк у него учился! У него в семье все были лютеранами!

Бен не знал, что на это сказать. Добравшись до своей комнаты, он

разделся и, рухнув на кровать, сразу провалился в сон – глубокий и без сновидений.

9

Проснулся он в четверть пятого, весь мокрый от пота, но голова была свежей. Недавние события в доме Мэтта теперь казались далекими и расплывчатыми, а страхи Берка – надуманными. Оставалось только убедить в этом вечером самого учителя.

10

Он решил позвонить Сьюзен из кафетерия Спенсера и встретиться с ней там. Они могли бы погулять по парку, и он расскажет ей все от начала до конца.

По дороге к Мэтту она бы сказала, что думает по этому поводу, а потом, выслушав учителя, составила бы окончательное мнение. И потом они направятся в Марстен-Хаус. При этой мысли у Бена похолодело под ложечкой.

Он так глубоко задумался, что не заметил, как из его машины вылезла высокая фигура. В первое мгновение он настолько опешил, что не мог пошевелиться, и ему показалось, что это было какое-то ожившее пугало. В косых лучах солнца очертания фигуры казались особенно резкими: старая фетровая шляпа надвинута на глаза; темные очки; старинное пальто с поднятым воротником; на руках – зеленые резиновые рабочие перчатки.

– Да кто... – только и успел выговорить Бен. Фигура, громко и прерывисто дыша, бросилась к нему, сжав кулаки. До Бена донесся знакомый с детства запах нафталина.

– Сукин сын! Ты увел мою девушку! – хрипло произнес Флойд Тиббитс. – Я убью тебя!

И пока Бен пытался сообразить, что происходит, Флойд Тиббитс набросился на него.

Глава девятая

Сьюзен (II)

1

Сьюзен вернулась из Портленда домой в четвертом часу и привезла три больших пакета из универмага. Ей удалось продать две картины, и, выручив больше восьмидесяти долларов, она решила себя побаловать двумя юбками и шерстяной кофточкой на пуговках.

– Сьюзи! – окликнула мать. – Это ты?

– Да. Я купила...

– Иди сюда, Сьюзен. Нам надо поговорить.

Она сразу поняла, в чем дело: таким тоном мать разговаривала с ней в выпускном классе, когда они ссорились по поводу длины юбки и ухажеров.

Она поставила пакеты и вошла в гостиную. В последнее время мать проявляла все больше недовольства по поводу их отношений с Беном Миерсом, и Сьюзен не сомневалась, что она решила высказать ей все, что накопело.

Мать сидела в кресле-качалке у окна и вязала. Телевизор был выключен. Сочетание того и другого не предвещало ничего хорошего.

– Ты, наверное, не в курсе последних событий, – сказала миссис Нортон. Хотя она раздраженно стучала спицами, ряды будущего теплого темно-зеленого шарфа выходили ровными и аккуратными. – Ты утром уехала очень рано.

– Последних?

– Вчера ночью в доме Мэтью Берка умер Майк Райерсон. И кто, ты думаешь, оказался в этот момент рядом? Не кто иной, как твой друг – писатель мистер Бен Миерс!

– Майк... Бен... Что?!

Миссис Нортон мрачно улыбнулась.

– Около десяти утра мне позвонила Мейбл и все рассказала. По словам мистера Берка, вчера вечером он встретил Майка в таверне Делберта Марки – хотя учителю и не к лицу шляться по забегаловкам! – и забрал его к себе домой, потому что тот выглядел больным. А ночью Майк умер. И никто не может понять, как там оказался мистер Миерс!

– Бен рассказывал, что подружился с мистером Берком, – рассеянно

ответила Сьюзен, – и они общались... А что случилось с Майком, мам?

Но миссис Нортон было не так-то просто сбить с толку.

– И все равно говорят, что с тех пор, как появился мистер Бен Миерс, в городе стало слишком беспокойно. Слишком!

– Что за глупости! – возмутилась Сьюзен. – А как Майк...

– Пока неизвестно, – ответила миссис Нортон, поправляя моток шерсти. – Кое-кто считает, что он заразился чем-то от Дэнни Глика.

– Тогда почему больше никто не заразился? Например, его родители?

– Молодые вечно оспаривают очевидное, – заметила мать, еще быстрее орудуя спицами.

Сьюзен поднялась.

– Пойду узнаю, как и что...

– Присядь на минутку, – остановила ее мать. – Я еще не все сказала.

Сьюзен обреченно опустила на место.

– Молодые часто всего не знают, – примиряюще произнесла Энн Нортон, и фальшивая нотка утешения в ее голосе немедленно насторожила Сьюзен.

– Ты о чем, мама?

– Судя по всему, несколько лет назад мистер Бен Миерс попал в аварию. Сразу после опубликования своей второй книги. На мотоцикле. Он был пьян. И его жена погибла.

Сьюзен встала.

– Я не желаю этого слушать!

– Я говорю об этом ради твоего собственного блага! – Миссис Нортон была сама невозмутимость.

– Откуда ты знаешь? – воскликнула Сьюзен. Но на этот раз от рассудительности и размеренности спокойного голоса матери ее не охватила волна бессилия и злости, когда хотелось убежать к себе наверх и расплакаться. Она ощущала какую-то отстраненность от происходящего, будто парила в пространстве. – От Мейбл Уэртс, так ведь?

– Не важно. Главное – это правда!

– Конечно, правда! Как и то, что мы победили во Вьетнаме, а в полдень Иисус Христос проезжает в открытой коляске по центральной улице.

– Его лицо показалось Мейбл знакомым, – продолжала Энн Нортон, – и она просмотрела все свои подшивки старых газет...

– Ты имеешь в виду бульварные газетенки? Те, что специализируются на астрологии, репортажах с места аварии да снимках полуголых девиц? Вот уж действительно – надежный источник, нечего сказать! – Она хрипло

рассмеялась.

– Смеяться тут не над чем. Там все напечатано черным по белому. Женщина – его жена, если она и впрямь была его женой! – сидела сзади, мотоцикл занесло, и он врезался в фургон. В статье написано, что у него взяли пробу на алкоголь. Заставили подышать в индикаторную трубку. Прямо там... на месте! – Она подчеркнула последние слова, постучав спицами по подлокотнику кресла.

– И почему же он тогда не в тюрьме?

– У известных людей всегда есть связи, – ответила мать со спокойной уверенностью. – Если есть деньги, всегда можно выкрутиться. Посмотри, как много сошло с рук братьям Кеннеди.

– Его судили?

– Я же говорю, что у него взяли...

– Я слышала, мама. Он был пьян?

– Я же сказала, что был! – На лице матери выступили красные пятна. – Трезвых на алкоголь не проверяют! Его жена погибла! Точь-в-точь как в Чаппаквиддике!^[15]

– Я переезжаю в город, – медленно произнесла Сьюзен. – Я давно уже хотела тебе сказать, но все тянула. Так будет лучше, мам. Для нас обеих. Я разговаривала с Бэбс Гриффен, и та присмотрела небольшую хорошенькую квартирку на Систер-лейн...

– Ах, мы обиделись! – фыркнула миссис Нортон. – Кто-то посмел нелестно отозваться о несравненном мистере Бене Миерсе, и теперь мы просто кипим от возмущения! – Несколько лет назад подобный тон всегда безотказно срабатывал.

– Мама, да что с тобой такое? – вскричала, не выдержав, Сьюзен. – Ты никогда... не опускалась так низко!

Энн Нортон вздернула голову и вскочила, уронив вязанье. Она схватила Сьюзен за плечи и сильно встряхнула.

– Вот что я тебе скажу! Я не позволю своей дочери путаться словно шлюхе с каким-то нюней, который заморочил ей голову! *Ты меня поняла?*

Сьюзен влепила ей пощечину.

Энн Нортон, широко раскрыв глаза, в изумлении уставилась на дочь. Они обе смотрели друг на друга, не в силах оправиться от шока. У Сьюзен в горле что-то булькнуло.

– Я иду к себе наверх, – наконец выговорила она. – И съеду отсюда самое позднее во вторник.

– Заходил Флойд, – сказала миссис Нортон. На ее лице алело пятно от удара.

– С Флойдом все кончено, – безучастно отозвалась дочь. – Запомни это раз и навсегда. И не забудь поделиться этим со своей подружкой Мейбл. Может, тогда ты в это поверишь.

– Флойд любит тебя, Сьюзен... Это... убьет его! Он мне все рассказал. – В ее глазах промелькнуло воспоминание. – А под конец совсем расклеился и расплакался как ребенок!

Сьюзен подумала, что на Флойда это совсем не похоже, и даже засомневалась, не выдумала ли мать всю историю, но, заглянув ей в глаза, поверила.

– Ты такого хочешь мне мужа, мам? Слюнтя? Или просто мечтаешь о внуках со светлыми волосами? Наверное, ты не можешь считать свою миссию выполненной, пока не выдашь меня замуж за парня, которым сможешь помыкать. И который быстро превратит меня в беременную матрону! Я угадала? А как насчет того, что хочу я сама?

– Сьюзен, ты сама не знаешь, чего хочешь.

Она произнесла это с такой убежденностью, что Сьюзен чуть ей не поверила.

Перед ее глазами вдруг возникла странная картина. Будто они с матерью стоят в гостиной: та – возле кресла, а она сама – у двери, только они связаны друг с другом зеленой шерстяной пряжей, изрядно потрепанной и растянувшейся от многочисленных рывков.

А потом вдруг мать оказывается на берегу в шутовском колпаке, щегольски украшенном многочисленными блеснами, и старательно вываживает огромную рыбину в желтом цветастом платье. Она отчаянно пытается вытащить ее на берег и упрятать в плетеную корзину. Зачем? Чтобы прокатиться на ней верхом? Или просто съесть?

– Нет, мам, я точно знаю, чего хочу. Мне нужен Бен Миерс! – Она повернулась и направилась к лестнице.

Мать бросилась за ней, истерично выкрикивая:

– Ты не можешь снять квартиру! У тебя нет денег!

– У меня есть сто долларов наличными и еще три сотни в банке, – спокойно возразила Сьюзен. – И работа, полагаю, тоже найдется. Мистер Лабри предлагал мне несколько раз.

– У него на уме только как залезть тебе под юбку, – сказала миссис Нортон уже спокойнее. Ее гнев улегся, и теперь она чувствовала страх.

– Не важно, – ответила Сьюзен. – Буду носить блумерсы!

– Дорогая, не глупи, – сказала мать, делая пару шагов к лестнице. – Я же хочу как лучше...

– Перестань, мам! Извини, что я тебя ударила. Простить себе не могу!

Я люблю тебя. Но все равно уеду. Давно надо было. И ты сама это знаешь.

– Ты считаешь, что все кончено. – Миссис Нортон чувствовала страх и горечь. – А я не думаю, что лезу не в свое дело. Видала я таких хлыщей! Ему же надо только...

– Хватит! – прервала ее Сьюзен и начала подниматься.

Мать сделала еще шаг и крикнула ей вслед:

– Флойд уходил сам не свой. Он...

Но дверь комнаты Сьюзен захлопнулась.

Она бросилась на кровать, на которой еще совсем недавно рассаживала игрушки и даже плюшевого пуделя со встроенным транзистором, и уставилась в потолок, стараясь ни о чем не думать. Стены украшали постеры из рок-журналов с фотографиями ее кумиров: Джима Моррисона, Джона Леннона, Дейва ван Ронка и Чака Берри. В голове невольно закрутились мысли о прошлом.

Перед глазами возник заголовок в дешевом бульварном издании: «ЖЕНА МОЛОДОГО ПИСАТЕЛЯ ГИБНЕТ В ЯКОБЫ СЛУЧАЙНОЙ АВАРИИ НА МОТОЦИКЛЕ». Вся статья – умело сформулированные домыслы. Возможно, там даже поместили фотографию с места происшествия, слишком кровавую для местной газеты, но зато как раз по вкусу таким, как Мейбл.

Но самым ужасным было то, что матери удалось заронить зерно сомнения. Глупость, конечно! Неужели она воображала, что до встречи с ней у него не было другой жизни и он хранился где-то в холодильнике в вакуумной упаковке? Глупости! И все-таки сомнение было посеяно. И подростковую враждебность, которую нередко вызывала в ней мать, вытесняло что-то темное, похожее на ненависть.

Она заставила себя отбросить эти мысли и, прикрыв лицо рукой, погрузилась в беспокойную дремоту, которую прервал резкий звонок телефона внизу.

– Сьюзен, это тебя! – крикнула мать.

Она спустилась вниз и бросила взгляд на часы – половина шестого. Солнце уже клонилось к закату. Миссис Нортон хлопотала на кухне, готовя ужин. Отец еще не вернулся.

– Алло?

– Сьюзен? – Голос был знакомым, но узнать его сразу не получилось.

– Да, кто это?

– Ева Миллер, Сьюзен. У меня плохие новости.

– Что-то с Беном? – Во рту у девушки моментально пересохло, и рука невольно потянулась к горлу.

Миссис Нортон с половником в руке наблюдала за ней из дверей кухни.

– Была драка. После обеда сюда приходил Флойд Тиббитс...

– Флойд!

При упоминании Флойда миссис Нортон невольно вздрогнула.

– ...и я сказала, что мистер Миерс спит. Он сказал: «Ладно», – держался, как обычно, очень вежливо, но одет был очень странно. Я даже спросила, все ли в порядке. На нем было старинное пальто, какая-то немыслимая шляпа, а руки засунуты в карманы. Я не стала рассказывать об этом мистеру Миерсу, когда он проснулся. Тут и так столько всего произошло...

– Что случилось?! – закричала Сьюзен.

– Флойд его избил, – сокрушенно ответила Ева. – Прямо на стоянке возле пансиона. Шелдон Корсон и Эд Крейг выскочили и оттащили его.

– А что с Беном? С ним все в порядке?

– Боюсь, что нет.

– А именно? – Она сжала трубку так сильно, что костяшки пальцев побелели.

– Флойд напоследок успел ударить с такой силой, что мистер Миерс отлетел к машине и разбил голову. Когда Карл Форман привез его в больницу в Камберленде, он был без сознания. Больше я ничего не знаю. Если ты...

Но Сьюзен уже повесила трубку и сдернула с вешалки куртку.

– Сьюзен, что случилось?

– Твой милый Флойд Тиббитс избил Бена так, что тот теперь в больнице, – ответила та, даже не чувствуя, что по щекам текут слезы, и выскочила из дома.

2

В половине седьмого Сьюзен уже была в больнице и сидела на неудобном пластиковом стуле, тупо глядя в журнал «Все о домашнем хозяйстве». Она с горечью подумала, что никто больше не пришел, и даже собралась позвонить Мэтту Берку, но испугалась, что может пропустить доктора, и осталась на месте.

Стрелки на настенных часах приемного покоя еле ползли, и в десять минут восьмого в дверях появился доктор с пачкой бумаг в руке.

– Мисс Нортон?

– Да. С Беном все в порядке?

– Сейчас трудно сказать. – Увидев, как у нее вытянулось лицо, доктор поспешил добавить: – Судя по всему, да, но пару-тройку дней ему лучше провести у нас. У него трещина кости, многочисленные ушибы и жуткий синяк под глазом.

– Мне можно его увидеть?

– Нет, не сегодня. Ему дали успокоительное.

– Хотя бы на минутку? Пожалуйста! Всего минутку!

Доктор вздохнул.

– Можете взглянуть на него, если хотите. Он, наверное, уже уснул. И не надо с ним разговаривать, если он сам не заговорит.

Он проводил Сьюзен на третий этаж и довел до палаты в конце коридора. В воздухе стоял запах лекарств. На второй койке мужчина с журналом в руках бросил на вошедших безучастный взгляд.

Бен с закрытыми глазами лежал под натянутой до подбородка простыней. Он был таким бледным и неподвижным, что Сьюзен даже испугалась, не умер ли он, пока доктор разговаривал с ней внизу. Однако, разглядев, что грудь под простыней медленно поднималась и опускалась, она так обрадовалась, что у нее невольно даже подкосились ноги.

Сьюзен вглядывалась в лицо Бена, даже не замечая на нем синяков и ссадин. Мать обозвала его нюней, и Сьюзен начинала понимать почему. В его лице читались какая-то одухотворенность и трепетность (жаль, что не было других слов, потому что эти скорее подходили местному библиотекарю, который в свободное время сочинял напыщенные оды, воспевавшие бледно-желтые нарциссы – в духе средневекового английского поэта Эдмунда Спенсера). А вот волосы были точно мужскими – черные и густые, они, казалось, окружали голову будто нимб, что только подчеркивалось белой марлевой повязкой.

Я люблю его! – подумала она. *Поправляйся скорее, Бен. Поправляйся, заканчивай свою книгу и заberi меня отсюда, если я тебе нужна. Салемс-Лот не принес нам обоим счастья.*

– Думаю, вам лучше уйти, – сказал доктор. – Возможно, завтра...

Бен пошевелился и застонал. Глаза медленно открылись, потом закрылись и снова открылись. Во взгляде, затуманенном лекарством, промелькнуло узнавание, и Бен протянул к ней руку. Из глаз Сьюзен брызнули слезы, но она улыбнулась и сжала его руку.

Его губы шевельнулись, и Сьюзен наклонилась, чтобы лучше расслышать.

– В этом городе живут настоящие убийцы, верно?

– Бен, мне так жаль!

– Кажется, я успел ему выбить пару зубов, до того как отключился, – прошептал Бен. – Неплохо для литератора!

– Бен...

– Думаю, на сегодня достаточно, мистер Миерс, – произнес доктор. – Дайте лекарству подействовать.

Бен скосил глаза на врача:

– Еще одну минутку.

– Я уже это слышал от нее! – возмутился доктор.

Бен снова сомкнул веки, но тут же открыл и произнес что-то неразборчивое.

– Что, милый? – наклонилась Сьюзен поближе.

– Сейчас уже стемнело?

– Да.

– Я прошу тебя сходить...

– К Мэтту?

Он кивнул.

– Скажи ему... я прошу его тебе все рассказать. Спроси его... знает ли он отца Каллахэна. Он поймет.

– Хорошо, – пообещала Сьюзен. – Я ему все передам. А ты поспи. И пусть тебя ничто не тревожит.

– Ладно. Я люблю тебя. – Пробормотав что-то еще, Бен закрыл глаза, и дыхание его стало глубоким.

– Что он сказал? – поинтересовался доктор.

– Было похоже на «Закройте все окна», – нахмурившись, ответила Сьюзен.

Когда она спустилась забрать куртку, в приемном покое ждали Ева Миллер и Проньера Крейг. На Еве было старое осеннее пальто с линиялым рыжим меховым воротником, явно надеваемое по торжественным случаям, а Проньера утопал в слишком широкой для него мотоциклетной куртке. У Сьюзен поднялось настроение.

– Как он? – спросила Ева.

– Думаю, все обойдется, – ответила Сьюзен и рассказала, что узнала от доктора.

Ева с облегчением выдохнула.

– Я так рада! Мистер Миерс очень хороший человек. И в моем пансионе никогда не случалось ничего подобного. А Паркинс Гиллеспи был вынужден запереть Флойда, пока тот не протрезвеет. Правда, на пьяного он не был похож. Скорее не в себе.

Сьюзен покачала головой:

– На Флойда это совсем не похоже.

С минуту царило неловкое молчание.

– Бен отличный парень! – произнес Проныра и похлопал Сьюзен по руке. – Он быстро оклемается. Вот увидишь!

– Я тоже на это надеюсь, – отозвалась Сьюзен и сжала ему руку. – Ева, а священник в церкви Сент-Эндрюс не отец Каллахэн?

– Он самый, а что?

– Да так... ничего. Спасибо, что приехали. А завтра сможете его навестить?

– Конечно! – заверил Проныра. – Правда, Ева? – И попытался обнять ее за талию, что удалось не сразу.

– Приедем обязательно.

Сьюзен вышла с ними на стоянку и отправилась в Джерусалемс-Лот.

4

На стук Мэтт не открыл и даже не крикнул «Входите!», как обычно делал. Вместо этого тихий голос, который было трудно узнать, боязливо спросил из-за двери:

– Кто там?

– Сьюзи Нортон, мистер Берк.

Мэтт открыл дверь, и Сьюзен поразились, как сильно он изменился. Перед ней стоял осунувшийся старик, и она с изумлением увидела, что на груди у него висит тяжелое золотое распятие. На фоне фланелевой рубашки в клетку оно смотрелось настолько нелепо, что Сьюзен с трудом удержалась от смеха.

– Входи. А где Бен?

Выслушав ее рассказ, Мэтт сник еще больше.

– Так, значит, Флойд Тиббитс решил разыграть роль отвергнутого любовника! Время для этого он выбрал самое неподходящее! Сегодня после обеда тело Майка Райерсона привезли из Портленда, и Форман готовит его к похоронам. Полагаю, наш визит в Марстен-Хаус придется отложить...

– Какой визит? И что произошло с Майком?
– Хочешь кофе? – рассеянно спросил Мэтт.
– Нет. Я хочу выяснить, что происходит. Бен сказал, что вы знаете.
– Это будет непросто. Бену легко просить, а рассказывать придется мне! Но я попытаюсь.

– А что...

Он жестом ее остановил.

– Все в свое время. На днях вы с матерью заходили в новый магазин.

– Да, – непонимающе нахмурилась Сьюзен. – И что?

– Ты можешь рассказать о своих впечатлениях, особенно о хозяине?

– Мистере Стрейкере?

– Да.

– Он производит очень приятное впечатление, – начала она. – Я бы сказала, на редкость учтивый. Сделал комплимент Глинис Мэйберри по поводу ее платья, и та покраснела как школьница. Спросил у миссис Боддин, почему у нее перевязана рука – она обожглась, – и тут же написал ей рецепт мази от ожогов. А когда вошла Мейбл... – Сьюзен, вспомнив, не удержалась от смеха.

– Что?

– Он предложил ей кресло. Даже не кресло, а настоящий трон! Из красного дерева, и все резное. Он сам приволок его из кладовки – с улыбкой и не переставая разговаривать с посетительницами. А кресло весит не меньше трехсот фунтов! Взял Мейбл под ручку, а она хихикала! Представляете? Видели бы вы эту картину! И еще он угощал всех кофе. Очень крепким и очень хорошим.

– Он тебе понравился? – поинтересовался Мэтт, не сводя со Сьюзен глаз.

– А это важно?

– Возможно.

– Тогда скажу о своем впечатлении как женщина. И да и нет! Наверное, он как мужчина показался мне привлекательным. В годах, очень вежлив и с изысканными манерами. Глядя на него, не сомневаешься, что он разбирается во французской кухне, знает, какое вино с чем сочетается, причем не просто красное или белое, а даже год урожая и с какого винограда. Человек совершенно другого круга. Но отнюдь не изнеженный или женоподобный. Гибкий, как танцор. И, понятно, в таком абсолютно лысом мужчине есть что-то привлекательное. – Испугавшись, что наговорила лишнего, Сьюзен покраснела и смущенно улыбнулась.

– И в то же время – нет, – напомнил Мэтт.

Она пожала плечами.

– Это трудно объяснить. Мне кажется... мне кажется, что за всем этим скрывается презрение. Какой-то цинизм. Как будто он играл некую роль – играл хорошо, но понимал, что одурачить нас можно и не выкладываясь. Чувствовалась какая-то снисходительность! – Она посмотрела на Мэтта с сомнением, не будучи уверенной, что смогла объяснить. – И еще в нем ощущалась жестокость. Даже не знаю почему.

– А кто-нибудь сделал покупки?

– Так, мелочь, но ему, похоже, было все равно. Мама купила маленькую полочку из Югославии, а миссис Питри чудесный миниатюрный раскладной столик. Больше я не видела. Ему это было не важно. Он просил передать знакомым, что магазин открылся, приглашал заходить без стеснений и не считать его чужаком. Этакое обольщение в духе Старого Света.

– И он в этом преуспел?

– В общем, да, – ответила Сьюзен, сравнив восторженное восприятие Р. Т. Стрейкера матерью с антагонизмом по отношению к Бену, которого та невзлюбила с самого начала.

– А его партнера вы видели?

– Мистера Барлоу? Нет, он в Нью-Йорке занимается закупками.

– Вот как? – переспросил Мэтт, думая о своем. – Интересно. Никто его так и не видел.

– Мистер Берк, вы не считаете, что пора объяснить, что все это значит? Он тяжело вздохнул.

– Попробую. Но то, что вы рассказали, меня очень тревожит. Очень! Все так хорошо сходится...

– Что? Что сходится?

– Начну с того, как я встретил Майка Райерсона в заведении Делла. Это было вчера вечером... А кажется, что прошла целая вечность!

Он закончил рассказ в двадцать минут девятого, и к тому времени они оба выпили по две чашки кофе.

– Кажется, все, – сказал Мэтт и поинтересовался: – А теперь, наверное, мне уже пора выдать себя за Наполеона? И рассказать о своих астральных встречах с Тулуз-Лотреком?

– Перестаньте! Наверняка этому есть какое-то объяснение, но не то,

что вы думаете. И вам известно это не хуже меня.

– Я тоже так думал до прошлой ночи.

– Если у вас действительно нет врагов, о чем спрашивал Бен, то не исключено, что Майк сам все это устроил. В бреду или беспамятстве! – Звучало это не слишком правдоподобно, но Сьюзен не сдавалась. – А может, вы просто уснули и вам все это приснилось. Я сама недавно задремала и даже не заметила, как прошло минут пятнадцать – двадцать.

Мэтт устало пожал плечами.

– Разве можно чем-то подтвердить слова, противоречащие здравому смыслу? Но я слышал то, что слышал. И я не спал. И есть еще одна вещь, которая меня беспокоит... и даже очень. Если верить старым книгам, вампир не может так запросто проникнуть в дом и высосать кровь. Не может! Его обязательно должны пригласить. И прошлой ночью Майк Райерсон пригласил Дэнни Глика. *А Майка пригласил я сам!*

– Мэтт, Бен рассказывал вам о своей новой книге?

Тот вертел в руках трубку, но не раскуривал ее.

– Совсем немного. Только то, что она как-то связана с Марстен-Хаусом.

– А он рассказывал, что пережил в нем сам, когда был маленьким?

Учитель устремил на девушку пристальный взгляд.

– В самом доме? Нет.

– Бен отправился туда на спор. Он мечтал, чтобы его приняли в одну компанию, и в качестве испытания должен был проникнуть в Марстен-Хаус и что-нибудь оттуда вынести. Он выполнил поручение, но перед тем как покинуть дом, решил подняться на второй этаж и посмотреть спальню, где повесился Хьюби Марстен. Он открыл дверь и увидел там висящего в петле Хьюби. И тот открыл глаза! Бен опрометью бросился оттуда, но воспоминание об этом не давало ему покоя двадцать четыре года. И вот он вернулся в Салемс-Лот, чтобы написать свою версию случившегося.

– Господи Боже! – воскликнул Мэтт.

– У него есть... своя теория относительно Марстен-Хауса. С одной стороны, она базируется на том, что он пережил сам, а с другой – на удивительных фактах, которые ему удалось раскопать о Хьюберте Марстене...

– О его поклонении дьяволу?

– Откуда вы знаете?! – изумилась Сьюзен.

Мэтт мрачно улыбнулся.

– В маленьких городках не обо всем судачат открыто. Тут есть и свои тайны. И в Салемс-Лоте к таким тайнам относится Хьюби Марстен. О ней

в курсе не больше дюжины старожилов, в том числе и Мейбл Уэртс. Это было очень давно, Сьюзен. Но на некоторые вещи срок давности не распространяется. И даже Мейбл Уэртс не станет говорить о Хьюберте Марстене ни с кем, кроме узкого круга посвященных. Конечно, его смерть или убийство ни для кого не секрет. Но если спросить старожилов о десяти годах, которые Марстены прожили в своем доме, занимаясь неизвестно чем, то натыкаешься на глухую стену молчания. Ходили слухи, что Хьюберт Марстен похищал маленьких детей и приносил их в жертву своим дьявольским богам. Я был поражен, как много Бену удалось раскопать. Эту сторону жизни Хьюби и его жены всегда окутывал суеверный страх.

– Но он узнал об этом не в городе.

– Тогда это многое объясняет. Думаю, что его версия основана на довольно старой парапсихологической концепции, что зло, творимое людьми, так же естественно, как их испражнения или слизь в носу. И оно никуда не девается. А Марстен-Хаус стал своего рода аккумулятором зла, в котором оно собиралось и хранилось.

– Да. Бен выразился именно так! – Она изумленно смотрела на учителя.

Тот понимающе хмыкнул.

– Мы с ним читали одни и те же книги. А что думаешь ты, Сьюзен? Ты допускаешь, что, кроме неба и земли, есть еще что-то?

– Нет, – убежденно ответила она. – Дома – это просто дома. Зло умирает после того, как его совершили.

– И ты полагаешь, что я могу воспользоваться восприимчивостью Бена и увлечь его в безумие, которым сам уже страдаю?

– Нет! Конечно, нет! Я не считаю вас сумасшедшим. Но, мистер Берк, согласитесь...

– *Тихо!*

Он наклонил голову, прислушиваясь. Она замолчала, но ничего не услышала. Разве что скрипнула половица. В ответ на ее вопросительный взгляд он отрицательно покачал головой.

– Так ты говорила...

– Просто неудачное стечение обстоятельств помешало Бену изгнать наваждение, которое не давало ему покоя с детства. Когда открылся новый магазин и в Марстен-Хаусе снова появились жильцы, в городе пошли досужие разговоры об этом доме... Да и о самом Бене, кстати, тоже говорили всякое... Как известно, обряды изгнания нечистой силы нередко выходили из-под контроля, почему их и доверили проводить только экзорцистам. Мне кажется, Бену нужно уехать из города, да и вам не

помешало бы на время сделать то же самое, мистер Берк.

Упомянув про экзорцизм, Сьюзен вспомнила о просьбе Бена сказать Мэтту про католического священника. И решила ничего не говорить. Теперь ей были ясны мотивы его просьбы, но выполнить ее означало только подлить масла в огонь, который, по ее мнению, и так уже разгорелся слишком сильно. А если Бен спросит, она скажет, что просто забыла.

– Я понимаю, насколько дико все это звучит, – произнес Мэтт. – Даже для меня, который слышал, как открывается окно, слышал тот смех и видел валяющийся под окном ставень. Но если это тебя успокоит, скажу, что реакция Бена на все это была на редкость рациональной. Он предложил рассматривать наши предположения как теорию, которую нужно подтвердить или опровергнуть, и начать хотел с... – Не договорив, он замер, прислушиваясь.

На этот раз молчание затянулось, а когда Мэтт заговорил снова, ее испугала спокойная уверенность в голосе:

– Наверху кто-то есть.

Сьюзен прислушалась. Тишина.

– Вам показалось.

– Я знаю свой дом, – тихо возразил он. – В гостевой спальне кто-то есть... слышите?

На этот раз она тоже услышала. Обычный для старого дома скрип половицы. Безо всякой видимой причины. Но в этом звуке Сьюзен вдруг почудилось нечто жуткое.

– Пойду посмотрю, – сказал Мэтт.

– Нет! – невольно вырвалось у Сьюзен, и она мысленно себя одернула: *Хватит трусить и принимать вой ветра за стоны привидения.*

– Вчера ночью я испугался и ничего не предпринял, и в результате погиб человек. Теперь я точно поднимусь.

– Мистер Берк...

Они говорили, понизив голос. У обоих от напряжения по коже бегали мурашки. Может, наверху и правда кто-то был. Грабитель?

– Не молчи, – попросил Мэтт. – Когда я уйду, продолжай говорить. Не важно, о чем.

Не дав Сьюзен возможности ответить, Мэтт поднялся и, двигаясь с неожиданной ловкостью, направился к лестнице. Он оглянулся лишь однажды, но увидеть его глаза ей не удалось.

От быстрой смены событий у Сьюзен голова шла кругом. Еще пару минут назад они спокойно обсуждали происходящее, и все было нормально. А теперь ей страшно. Вопрос: если посадить психолога в одну

комнату с сумасшедшим и не выпускать целый год (десять лет, двадцать), то кого мы получим в результате? Двух психологов или двух сумасшедших? Ответ: недостаточно данных.

Вспомнив просьбу Мэтта, она заговорила:

– В воскресенье мы с Беном собирались в Камден – знаете, тот городок, где снимали «Пейтон-Плейс», – но теперь, похоже, поездку придется отложить. Там есть потрясающая маленькая церквушка...

Оказалось, что болтать без умолку ей было совсем не трудно, хотя пальцы и сжимались с такой силой, что побелели костяшки. Ее мысли не путались, а разговоры о вампирах и мертвецах в общем-то ничуть ее не испугали и не сказались на ясности головы.

Источником страха, от которого по телу пробегали волны темного ужаса, была не голова, а спинной мозг – куда более древнее хранилище нервных окончаний и узлов.

6

Никогда в жизни Мэтту Берку не было так страшно. Никогда! Даже близко! Разве что за исключением одного случая.

В восемь лет он был членом скаутского отряда. Их руководитель жил в миле от его дома, и дорога туда была отличной – правда, если идти засветло. Но если собрание затягивалось, то приходилось возвращаться в сумерках, когда тени становились длинными и расползались вокруг, принимая причудливые формы. И в сгущавшейся темноте он шагал в одиночестве.

Одиночество! Вот уж действительно самое ужасное слово, которое только есть в языке. С ним не может сравниться даже «убийство», а «преисподняя» – лишь жалкий синоним...

На холмах вдоль дороги лежали руины старой методистской церкви. И при виде зияющих оконных проемов шаги вдруг начинали гулко отдаваться в ушах, а веселая песенка, которую ты насвистывал, замирала на губах при мысли о том, что скрывается за этими стенами: опрокинутые скамьи, гниющие молитвенники, разрушенный алтарь, где правят шабаш мыши. И невольно задаешься вопросом: какие безумцы и чудовища заселяют эти руины помимо мышей? А может, они как раз тебя разглядывают своими желтыми змеиными глазами? А вдруг им надоест просто смотреть, и эта ветхая и криво висящая дверь распахнется, и открывшегося вида будет достаточно, чтобы потерять рассудок?

А объяснить это родителям невозможно, потому что те живут в мире света. Совсем как в трехлетнем возрасте, когда ты не можешь объяснить, каким образом брошенное у кровати одеяло вдруг превращается в клубок змей, уставившихся на тебя равнодушным немигающим взглядом. Эти страхи преследуют каждого ребенка. Они не поддаются описанию, и с ними нельзя справиться. Эти страхи, наполняющие голову ребенка, слишком велики, чтобы протиснуться в горло. Однажды ты научишься проходить мимо подобных заброшенных молитвенных домов, которые могут встретиться на твоём жизненном пути, но только до поры до времени. До той самой ночи, когда вдруг выяснится, что старые страхи никуда не делись, а просто затаились в ожидании своего часа в маленьких детских гробиках с цветком шиповника на крышке.

Мэтт не стал включать свет. Поднимаясь по ступенькам, он перешагнул через шестую, которая всегда скрипела. В липкой от пота руке он крепко сжимал распятие. Добравшись до площадки наверху, он огляделся. Дверь в гостевую комнату была приоткрыта, а он ее точно закрывал. Снизу доносился голос Сьюзен. Осторожно продвигаясь вперед, чтобы не выдать скрипом своего присутствия, он добрался до двери и остановился. Ему вдруг подумалось, что основой всех страхов является именно это: чуть приоткрытая дверь в неведомое.

Мэтт протянул руку и толкнул дверь.

На кровати лежал Майк Райерсон.

Луна заливала комнату серебристым светом, превращая ее в чертог сновидений. Мэтт потряс головой, чтобы сбросить наваждение. Ему вдруг показалось, что время вернулось вспять и что сейчас снова прошлая ночь. Он спустится вниз и позвонит Бену, потому что Бен еще не попал в больницу...

Майк открыл глаза, и в лунном свете они блеснули красным. Темные и пустые, как начисто вытертая школьная доска. В них не было ничего человеческого. Уильям Вордсворт называл глаза окнами души. Если это так, то за этими окнами скрывалась пустота.

Майк сел. С груди упала простыня, и стали видны неровные крупные швы, которыми судмедэксперт или патологоанатом прикрыл следы своей работы, может быть, даже насвистывая при их наложении.

Майк улыбнулся, обнажив белые острые клыки и резцы. Сама улыбка была простым сокращением мускулов вокруг рта – глаза все равно остались мертвыми и пустыми.

Майк отчетливо произнес:

– *Посмотрите на меня.*

Мэтт подчинился. Да, глаза были совершенно пустыми, но необычайно глубокими. И в них тонули его маленькие серебряные отражения, но ощущение было приятным и страхи отступали назад...

Учитель, выставив перед собой распятие, попятился назад и выкрикнул:

– Нет! Нет!

Существо, выдававшее себя за Майка Райерсона, зашипело, будто ему в лицо плеснули кипятком, и загородилось руками словно от удара. Майк шагнул вперед, Райерсон отступил назад.

– Убирайся! – прохрипел Мэтт. – Я забираю свое приглашение обратно!

Райерсон испустил крик, полный ненависти и боли, и, шатаясь, продолжал пятиться. Наткнувшись на подоконник, он потерял равновесие и, взмахнув руками, как ныряльщик на трамплине, вывалился в открытое окно, успев крикнуть:

– *Я позабочусь, чтобы ты спал как мертвый, учитель!*

На неестественно бледной коже, похожей на мрамор, ярко выделялись черные стежки шва на торсе.

Мэтт с воплем, полным ужаса, подскочил к окну и выглянул наружу. Там никого не было, только над освещенным участком земли крутились пылинки, образуя жуткую человеческую фигуру, которая постепенно растворялась в воздухе.

Мэтт повернулся, чтобы убежать, но пошатнулся от острой боли, пронзившей грудь. Он согнулся пополам, прижимая руки к груди. Боль, казалось, поднималась по руке резкими пульсирующими волнами. Перед глазами поплыло распятие.

Он с трудом выбрался из комнаты, держась за грудь и продолжая сжимать в правой руке крест. В глазах все еще стояла похожая на ныряльщика бледная фигура Майка Райерсона.

– Мистер Берк!

– Мой доктор – Джеймс Коуди, – прохрипел он непослушными губами. – Его номер в телефонной книге. Похоже, у меня сердечный приступ.

С этими словами он упал лицом вниз.

Она набрала номер, который значился под записью «ДЖИММИ

КОУДИ, ЭСКУЛАП», написанной ровными заглавными буквами, которые она так хорошо помнила еще со школы. Трубку взяла какая-то женщина, и Сьюзен торопливо спросила:

– Дом доктора? Это срочно!

– Да, – спокойно ответила та, – одну минуту.

– Доктор Коуди слушает.

– Это Сьюзен Нортон. Я сейчас в доме мистера Берка. У него сердечный приступ.

– У кого? У Мэтта Берка?!

– Да. Он потерял сознание, что мне...

– Вызовите «скорую», – распорядился врач. – Телефон в Камберленде 841-4000. Оставайтесь с ним. Укройте одеялом, но не двигайте с места. Вы поняли?

– Да.

– Я буду через двадцать минут.

– А вы...

Но трубку уже повесили и она осталась одна.

Вызвав «скорую», Сьюзен поняла, что подняться ей все-таки придется – больше было некому.

8

Она смотрела на лестницу, не в силах объяснить охватившую ее дрожь. Как же ей хотелось, чтобы ничего этого не было вовсе, и даже не столько потому, что у Мэтта случился приступ, сколько из-за охватившего ее необъяснимого животного страха. Ее неверие в сверхъестественное было безоговорочным, и она искренне пыталась найти разумное и рациональное объяснение событиям прошлой ночи, о которых рассказывал Мэтт. А теперь от этого неверия не осталось и следа, и она чувствовала, что лишилась надежной опоры.

Она сама слышала и слова Мэтта, и жуткое обещание, произнесенное странным, лишенным жизни голосом: *«Я позабочусь, чтобы ты спал как мертвый, учитель!»* В этом голосе, как в лае собаки, не было ничего человеческого.

Каждый шаг по ступенькам вверх давался ей с невероятным трудом. Не помогал даже включенный в коридоре свет. Мэтт лежал там, где она его оставила: он прижимался правой щекой к потертому половику и дышал тяжело и прерывисто. Сьюзен нагнулась, расстегнула у него на рубашке две

верхние пуговицы – дыхание стало чуть легче – и направилась в гостевую спальню за одеялом.

Там было прохладно. Окно распахнуто настежь. На постели был только матрац, но на верхней полке шкафа она нашла сложенные одеяла. Выйдя в коридор, Сьюзен заметила, как на полу что-то блеснуло, и, нагнувшись, подняла. Она сразу узнала перстень, который вручался всем выпускникам Камберлендской средней школы. На внутренней стороне выгравированы инициалы «МКР».

Майкл Кори Райерсон.

И на какое-то мгновение она вдруг поверила. Поверила всему! В ее горле застрял немой крик ужаса, и перстень, выскользнув из рук, откатился к окну и замер там, поблескивая.

Глава десятая

Город (III)

1

Город знал, что такое тьма.

Он знал, что такое тьма, окутывающая землю, когда вращение планеты скрывает ее от лучей солнца, и знал о темной стороне человеческих душ. Являясь соединением трех частей: земли, жителей и их построек для жизни и работы, – город представляет собой нечто большее, нежели простая сумма его составляющих. Основная часть населения имеет английские, шотландские и французские корни. Есть, конечно, и другие, но их не много и они подобны щепотке перца, добавленной в солонку для вкуса. В этом «плавильном котле» никогда толком ничего не плавилось.

Почти все дома сделаны из добротного леса и имеют асимметрично скошенную крышу. Фасады зданий большинства магазинов построены так, чтобы выглядеть обманчиво внушительно, хотя никто не может объяснить зачем. Люди знают, что эти солидные и высокие фасады всего лишь ширмы, за которыми скрываются самые обычные дома. Точь-в-точь как в случае с Лореттой Старчер, у которой маленькая грудь, и все знают, что она носит бюстгальтер с толстой накладкой, чтобы визуально увеличить ее объем.

Почва в округе каменистая, а верхний плодородный слой очень тонок и неустойчив. Заниматься тут сельским хозяйством – тяжелый и неблагодарный труд. Борона вытаскивает на поверхность множество гранитных обломков и постоянно ломается. В мае, когда земля подсыхает и по ней уже может проехать грузовик, приходится делать с десяток ходок, чтобы вместе с детьми набрать полный кузов этих камней, а потом отвезти их и свалить в кучу, которая за двадцать лет, что ты тянешь эту лямку, превращается в огромный, покрытый сорняками холм. И когда все камни собраны и грязь из-под ногтей уже не вымывается, когда пальцы распухли и потеряли чувствительность, борона цепляется к трактору и неизменно ломается о случайно пропущенный камень, так и не успев пройти даже пары рядов. И меняя на бороне сломанный диск – а без помощи старшего сынишки тут не обойтись! – постоянно слышишь отвратительное гудение свирепых комаров, так и норовящих напиться твоей крови. И уже не

сомневаешься, что именно этот звук слышат психи, когда у них окончательно сносит крышу и они убивают своих детей, или закрывают на автостраде глаза и выжимают до отказа педаль газа, или дотягиваются большим пальцем ноги до курка «винчестера», чтобы свести счеты с жизнью. А потом борона выскальзывает из потных ладоней сына, и острый диск срезает у тебя на руке кожу, и от безысходности тебя охватывает такое отчаяние, что ты готов все бросить и запить горькую или отправиться в банк, где взял заем под свое имущество, и объявить себя банкротом. И в тот момент, когда ненависть к земле на фоне необъяснимой тяги к ней достигает апогея, ты осознаешь, что любишь эту землю, и понимаешь: она всегда знала, что такое тьма.

Земля тебя держит и держит – крепко, как и дом, и та женщина, в которую ты влюбился в средней школе, только тогда она была девчонкой, а ты ни черта не знал о девчонках. Разве что в твоей жизни появилась подружка, которой ты дорожишь, а она исписывала твоим именем обложки всех своих учебников. А потом ты признался ей в своих чувствах, а она тебе – в своих, и все остальное уже стало не важно.

Тебя держат дети, те самые дети, которые были зачаты на скрипучей двуспальной кровати с облупленной деревянной спинкой. С наступлением темноты вы занимались любовью, и родилось шесть, семь, а то и десять детей. Тебя держат и банк, и автосалон, и магазин в Льюистоне, и производитель оборудования в Брансуике. Но крепче всего тебя держит город, потому что ты знаешь его как облупленный. Ты знаешь, кто будет днем ошиваться у магазина Кроссена, потому что потерял работу на обувной фабрике Нэппа. Ты знаешь, чья жена изменяет мужу, еще до того как тот сам об этом узнает. Взять хотя бы Реджи Сойера: ему и невдомек, что жена Бонни трахается с парнем из телефонной компании. Ты знаешь в городе все дороги и куда они ведут. А в пятницу после обеда вы с Хэнком и Нолли Гарденером можете отправиться в парк и выпить пару упаковок или ящичков пива. Ты знаешь все окрестности и как в апреле пройти через болото, не промочив ног.

Ты знаешь про город все! И город про тебя все знает. Знает, как болит у тебя спина после тяжелого трудового дня от неудобного сиденья в тракторе; что волдырь на спине всего лишь киста, так что беспокоиться не о чем, хотя сначала доктор и не был уверен; как ты собираешься оплачивать счета, которые приходят в последнюю неделю месяца.

Город видит тебя насквозь и не верит даже тем обещаниям, что ты даешь самому себе. Например, что отвезешь жену и детей в Диснейленд на будущий год или максимум через год, или что купишь новый цветной

телевизор, если осенью удастся продать древесину, или что все образуется. Жизнь в городе, по сути, является ежедневным половым актом, совершаемым на людях, причем настолько совершенным, что по сравнению с ним ночное общение с женой на скрипучей кровати кажется простым рукопожатием.

Жизнь в городе обыденна и чувственна, она опьяняет. С наступлением темноты город принадлежит тебе, а ты – городу, и вы вместе проваливаетесь в глубокий сон, становясь бесчувственными ко всему окружающему подобно валунам на дальнем поле. Лишенные жизни, они только отмеряют дни, и когда на город опускается зло, его появление кажется predetermined, сладостным и одурманивающим. Как будто город знает о приближении зла и о том, какую форму оно примет.

У города есть свои тайны, и он свято их хранит. Люди не знают всего. Им известно, что жена старого Элби Крейна сбежала с приезжим из Нью-Йорка, или им кажется, что они знают. Но на самом деле Элби разможил жене череп, когда тот турист тайком уехал, а потом привязал к ногам камень и бросил тело в старый колодец. Через двадцать лет старый Элби мирно скончался в своей постели от сердечного приступа, а его сына тоже ждет смерть, но об этом мы расскажем позже. Возможно, настанет день, когда какой-нибудь подросток наткнется на старый колодец в густых зарослях ежевики, оторвет прогнившие доски и увидит на дне ямы скрюченный скелет, на ребрах которого до сих пор висит подаренное туристом ожерелье, позеленевшее и липкое.

Люди знают, что Хьюби Марстен убил свою жену, но не знают, что он заставил ее сделать сначала или как все было за несколько мгновений до того, как он снес ей выстрелом голову в залитой солнцем кухне, насыщенной удушающим ароматом жимолости, будто во вскрытом склепе. Они не знают, как она умоляла его об этом.

Кое-кто из женщин постарше – Мейбл Уэртс, Глинис Мэйберри, Одри Хэрси – помнят, что Ларри Маклеод нашел в камине наверху обуглившиеся листы бумаги. Однако никто из них не знает, что это была переписка за двенадцать лет между Хьюбертом Марстеном и пережившим свое время австрийским аристократом по фамилии Брайхен, которых свел вместе некий бостонский книготорговец, погибший жуткой смертью в 1933 году. И что Хьюби Марстен, перед тем как повеситься, сжег эти письма, бросая их в огонь по одному и глядя, как языки пламени уничтожают толстые листки кремовой бумаги, покрытые тонким изящным почерком. На его лице при этом играла та же улыбка, что теперь появляется на губах Ларри Крокетта при виде сказочных бумаг на землю, хранящихся в сейфовой ячейке

портлендского банка.

Они знают, что Коретта Саймонс – вдова Поппрыгунчика Саймонса – умирает страшной смертью от рака кишечника, но понятия не имеют, что в тайнике за выцветшими обоями в гостиной она прячет больше тридцати тысяч долларов, полученных ею по страховке, но так никуда и не вложенных, а теперь, в предсмертной агонии, она и думать об этом забыла.

Они знают, что в сентябре 1951 года пожар уничтожил полгорода, но не подозревают, что лес поджег мальчик, который спустя два года закончил с отличием школу, а потом сколотил состояние на Уолл-стрит. Но даже если бы они и знали об этом, то наверняка были бы в неведении о том, что он поступил так не по своей воле и потом два десятка лет мучился угрызениями совести, пока тромб в сосуде головного мозга не свел его в могилу в возрасте сорока шести лет.

Они не знают, что преподобный Джон Гроггинс иногда просыпался в холодном поту от ночного кошмара, в котором он, голым и распаленным, читает проповедь пришедшим на вечернее занятие девочкам, и те готовы ему отдаться. Как не знают и того, что Флloyd Тиббитс всю пятницу не находил себе места и чувствовал только странное оцепенение, и как сильно жгут ему бледную кожу палящие лучи солнца. Что он крайне смутно помнил свой визит к Энн Нортон, а нападение на Бена Миерса не помнил вовсе, но зато с нетерпением ждал наступления ночи, предвкушая нечто удивительно приятное и чудесное.

Не знали они, что Хэл Гриффен прячет в шкафу шесть непристойных книг и часто занимается мастурбацией. Или что у Джорджа Миддлера есть целый чемодан шелкового нижнего женского белья, которое он надевает в своей квартирке над магазином, запирает дверь на все замки и разглядывает себя в огромное зеркало в спальне, а потом, обуреваемый страстью, падает на колени и мастурбирует. Или что Карл Форман хотел закричать, но не смог, увидев, как Майк Райерсон забился на холодном металлическом столе морга, и крик застрял у него в горле, когда Майк открыл глаза и сел. Или что десятимесячный Рэнди Макдугалл даже не сопротивлялся, когда Дэнни Глик влез в окно спальни, вытащил младенца из кроватки и впился зубами в шею с еще не зажившими синяками от материнских побоев.

Все это – тайны города: об одних станет известно позже, а о других – никогда. Город умело хранит их.

Город не делает различий между промыслом Бога, дьявола или человека. Он знает, что такое тьма. А тьмы было достаточно.

Проснувшись, Сэнди Макдугалл сразу поняла, что что-то не так. Она лежала в кровати одна – у Роя был выходной, и он отправился с друзьями на рыбалку. Вернуться должен около полудня. Ничего в доме не горело, и у нее ничего не болело. Так в чем же дело?

Солнце!

Оно стояло слишком высоко, и его лучи пробивались сквозь листву клена за окном. Но Сэнди всегда просыпалась до того, как солнце добиралось до клена...

Она непонимающе перевела глаза на часы на тумбочке. Десять минут десятого. Ей стало не по себе.

– Рэнди? – позвала она, бросаясь по узкому проходу в трейлере. – Рэнди, милый?

Спальня малыша была залита лучами солнца, пробивавшимися в маленькое окошко над кроватью... Оно было открыто. Но Сэнди точно закрывала его, когда ложилась спать. Она всегда его закрывала!

В кровати никого не было.

– Рэнди? – прошептала она.

И тут она его увидела.

Маленькое тельце, завернутое в застиранную пеленку, валялось в углу, как тряпка. Одна нога была неестественно вывернута и торчала будто восклицательный знак.

– Рэнди!

С искаженным от шока лицом Сэнди упала на колени возле малютки и взяла его на руки. Тельце было холодным.

– Рэнди, миленький, проснись! Рэнди, Рэнди, просыпайся...

Синяки исчезли. Исчезли совсем. За одну ночь личико младенца очистилось, и кожа светилась здоровьем. Сэнди поразились его красоте, и при виде такого совершенства она издала истошный вопль отчаяния.

– Рэнди! Проснись! Рэнди? Рэнди? Рэнди?

Она бросилась с ним на кухню, даже не пытаясь поправить халат, соскользнувший с одного плеча. Раскладной детский стульчик стоял на месте, купаясь в лучах солнца, а на подносе лежали засохшие остатки вчерашнего ужина малыша. Сэнди сунула ребенка в креслице: его головка упала на грудь, и он стал медленно заваливаться набок, пока не застыл в неестественной позе между подносом и подлокотником.

– Рэнди? – окликнула его Сэнди улыбаясь. Перепуганный взгляд

вытаращенных глаз, похожих на искусственные шарики, казался безумным. – Просыпайся, Рэнди! Будем кушать! Кто у нас хочет кушать? Пожалуйста – о Боже! – ну пожалуйста...

Сэнди бросилась к полке над плитой и стала лихорадочно там шарить, опрокидывая коробки с хлопьями и макаронами. Бутылка с растительным маслом упала и разбилась, залив тягучей жидкостью плиту и пол. Сэнди нашла маленькую баночку с шоколадным кремом и схватила из сушки пластиковую ложечку для детского питания.

– Посмотри, Рэнди! Твое любимое! Просыпайся и посмотри на чудесный крем. Шоко, Рэнди, шоко, шоко! – Ее охватывала ярость, смешанная с ужасом. – Да проснись же ты! – завизжала Сэнди, брызгая слюной на его бровки и щеки. – *Проснись же, маленький стервец! Просыпайся!*

Открыв баночку, Сэнди подцепила ложечкой немного жидкого крема, и ее рука, уже чувствовавшая правду, тряслась так сильно, что невольно расплескала его. Она приложила ложку к безжизненным губкам, и капли крема с жутким стуком упали на поднос.

– Рэнди! – взмолилась она. – Перестань пугать мамочку! – Пальцем другой руки она раскрыла крошечные губки и засунула ложечку в рот ребенка. Послышался скрежет пластика о зубки.

– Вот так! – произнесла Сэнди, и ее губы тронула улыбка, полная надежды. Она села на стул, чувствуя облегчение. Сейчас все наладится. Малыш поймет, что мамочка его все еще любит, и перестанет ее разыгрывать.

– Вкусно? – прошептала она. – Шоко такой вкусный! Ты улыбнешься мамочке? Будь хорошим мальчиком и улыбнись ей!

Она потянулась дрожащим пальцем и дотронулась до вялых губок.

Крем с хлюпаньем вылился на поднос.

Сэнди зашлась в истошном крике.

В субботу утром Тони Глик проснулся от шума, с которым его жена Марджори упала в гостиной.

– Мардж? – окликнул он, спуская ноги с кровати. – Мардж?

После долгого молчания она ответила:

– Со мной все в порядке, Тони.

Он сел на край кровати, тупо глядя в пол. Концы шнурка на поясе

пижамных штанов свисали вниз. Густые черные волосы на голове, из-за которой его часто принимали за еврея, были взъерошены и походили на воронье гнездо. Сыновья унаследовали его шевелюру, ясно указывающую, как он сам считал, на итальянские корни. Дед носил фамилию Гликуччи, а когда ему сказали, что в Америке легче прожить с короткой и звучной фамилией, он официально сменил ее на «Глик», не подозревая, что тем самым меняет одно меньшинство, к которому принадлежал, на другое. Тони Глик был смуглым, невысоким, коренастым и мускулистым. На его лице застыло озадаченное выражение посетителя бара, которого подстерегли на выходе и оглушили.

Он взял на работе отпуск и всю последнюю неделю много спал. Во время сна все переживания уходили в небытие. Сновидения его не мучили. Тони ложился в половине восьмого и просыпался на следующий день в десять утра. И спал днем с двух до трех. Неделя, миновавшая с той сцены, которую он закатил на кладбище во время похорон Дэнни, до сегодняшнего воскресного солнечного утра прошла как в тумане. Люди приносили еду. Кастрюли, варенья, выпечка. Марджи говорила, что не знает, что со всем этим делать. У обоих не было аппетита. В среду ночью он пытался заняться любовью с женой, но кончилось тем, что оба заплакали.

Марджи выглядела плохо. Она пыталась отвлечься и справиться со стрессом, убираясь в доме, поэтому терла все вокруг с маниакальным усердием, вытеснявшим остальные мысли. Дни были наполнены звяканьем ведер с водой и жужжанием пылесоса, а в воздухе постоянно витал запах аммиака и очистителя. Она собрала все игрушки и одежду мальчиков и аккуратно сложила в картонные коробки, чтобы отправить в Армию спасения или благотворительный магазин. Когда Тони вышел из спальни в четверг утром, все эти коробки стояли у входной двери. Никогда в жизни он не видел ничего ужаснее этих молчаливых свидетельств разыгравшейся трагедии. Вытащив все коврики на задний двор и развесив их на бельевых веревках, Мардж нещадно выбила из них пыль. Но даже в том затуманенном состоянии, в котором Тони пребывал всю неделю, он не мог не заметить странной бледности жены. Где-то со вторника или среды даже ее губы, казалось, потеряли свой естественный цвет, а под глазами образовались темные круги.

Все эти мысли пронеслись у Тони в голове быстрее, чем занял процесс их перечисления, и он уже собирался опять погрузиться в сон, как Мардж снова упала и на этот раз больше не отзывалась.

Тони поднялся и, шаркая ногами, спустился в гостиную. Жена, тяжело дыша, лежала на полу, уставившись в потолок. Она сдвинула всю мебель, и

теперь из-за непривычного беспорядка комната казалась чужой.

За последнюю ночь недуг, который ее мучил, явно прогрессировал, и вид жены настолько поразил Тони, что сонливость сняло как рукой. Жена была в халате, полы которого задрались и обнажили бедра. На белых как мрамор ногах не осталось и следа от загара, который появился у нее на море, когда они летом ездили отдыхать. Она бесцельно – совсем как привидение! – водила руками. Рот судорожно открывался, будто безуспешно пытаясь захватить побольше воздуха, и Тони бросилось в глаза, как странно выпирают ее зубы, но он решил, что это, наверное, померещилось из-за света.

– Марджи? Дорогая?

Она попыталась ответить, но не смогла, и Тони, испугавшись всерьез, поднялся, чтобы вызвать врача.

Он уже набирал номер, когда она произнесла:

– Нет... не надо! – Слова вырвались из горла между двумя судорожными вздохами. Мардж попыталась сесть, и в тишине комнаты, залитой солнечным светом, было слышно только ее хриплое дыхание. – Перенеси меня... помоги... на солнце так жарко...

Он взял жену на руки, удивившись, какой легкой она стала – не тяжелее вязанки хвороста.

– ...отнеси на диван.

Он так и сделал, положив ей голову на валик. Теперь она лежала в тени от солнечных лучей, падавших на коврик, и дышала чуть легче. Мардж закрыла глаза, и Тони поразился белизне ее зубов, ярко выделявшихся даже на фоне бледных губ. Он поймал себя на мысли, что ему ужасно хочется ее поцеловать.

– Позволь мне вызвать врача, – сказал он.

– Нет. Мне лучше. Солнце... оно так пекло! Я даже лишилась чувств. Сейчас уже хорошо. – На щеках появился легкий румянец.

– Ты уверена?

– Да. Со мной все в порядке.

– Ты просто перетрудилась, милая.

– Да, – вяло согласилась она. Взгляд был пустым.

Тони провел рукой по волосам и сжал кулак.

– Мы должны с этим что-то сделать, Мардж. Так дальше нельзя. Ты выглядишь... – Он смешался, не желая ее расстраивать.

– Я выгляжу ужасно, – согласилась Мардж. – Я знаю. Перед тем как лечь спать вчера ночью, я посмотрела в зеркало и с трудом себя разглядела. Мне даже показалось, – она чуть улыбнулась, – что сквозь меня все видно.

Будто от меня мало что осталось, да и то... все такое *бледное*...

– Пусть тебя осмотрит доктор Риардон.

Но она, казалось, его не слышала.

– В последние несколько ночей мне снятся потрясающие сны, Тони. Совсем как в жизни. Как будто приходит Дэнни и говорит: «Мама, мама, как же хорошо дома!» И еще он говорит...

– Что? – мягко поинтересовался Тони.

– Он говорит, что снова стал моим малюткой. Мой сын снова у моей груди. И я кормлю его грудью... и такое удивительное чувство: и приятно, и чуть больно. Совсем как в те дни, когда его еще не отлучили от груди, но уже начали прорезаться зубки. Он кусает... Господи, наверное, это звучит ужасно! Будто мне пора к психиатру.

– Нет, – заверил Тони, – нет.

Он опустился на колени рядом с Мардж, а она обняла его за шею и тихо заплакала. Руки у нее были ледяными.

– Пожалуйста, не надо никакого доктора, Тони. Сегодня я просто отдохну.

– Хорошо, – пообещал он не очень уверенно.

– Это такой чудесный сон, Тони, – сказала она, утыкаясь ему в шею.

От прикосновения ее губ, под которыми ощущалась твердость зубов, Тони вдруг почувствовал, что начал возбуждаться.

– Мне так хочется, чтобы он опять приснился.

– Может, и приснится, – сказал он, глядя ее по волосам, и повторил: – Может, и приснится.

4

– Господи, ты потрясающе выглядишь! – не удержался Бен.

На фоне больничных белого и зеленого цветов Сьюзен Нортон действительно выглядела очень эффектно. На ней была яркая желтая блузка в черную полоску и короткая джинсовая юбка.

– Ты тоже, – сказала она, подходя к его кровати.

Он с чувством поцеловал ее, скользнув рукой по теплему бедру.

– Эй! – возмутилась она, отстраняясь. – Тебя за это точно выгонят из больницы!

– Это вряд ли.

Они посмотрели друг на друга.

– Я люблю тебя, Бен.

– Я тоже тебя люблю.

– Если бы я только могла забраться к тебе в постель...

– погоди, я только задерну штору.

– И как я объясню это медсестрам?

– Скажи им, что давала мне судно.

Улыбаясь, она покачала головой и придвинула стул.

– В городе много чего случилось, Бен.

Он сразу стал серьезным.

– Например?

Она ответила не сразу.

– Даже не знаю, что сказать, да и во что самой верить. Я совсем сбита с толку. И это самое мягкое выражение.

– Рассказывай все, а я разберусь, что к чему.

– Как ты себя чувствуешь, Бен?

– Иду на поправку. Ничего серьезного. Врач Мэтта, его зовут Коуди...

– Нет, я про другое. Я про голову. Ты веришь в историю с графом Дракулой?

– А-а, ты про это. Значит, Мэтт тебе все рассказал.

– Мэтт сейчас в этой же больнице. Этажом выше. В отделении интенсивной терапии.

– *Что?!* – Бен приподнялся на локтях. – Что с ним?

– Сердечный приступ.

– *Сердечный приступ!*

– Доктор Коуди говорит, что состояние стабильное. Вообще-то оно считается тяжелым, но в первые двое суток так записывают всех, кто поступает с этим диагнозом. Я была там, когда это случилось.

– Расскажи мне все, что помнишь, Сьюзен! – На лице Бена не осталось и следа радости от встречи: теперь оно было сосредоточенным и напряженным. Белые простыни и белая больничная сорочка только подчеркивали волнение, с которым он на нее смотрел.

– Ты не ответил на мой вопрос, Бен.

– Насчет рассказа Мэтта?

– Да.

– Позволь мне ответить по-другому. Я скажу, что ты сама думаешь по этому поводу. Ты считаешь, что у меня от Марстен-Хауса поехала крыша. Я прав?

– В общем, да, хотя... и не в таких резких выражениях.

– Я понимаю тебя, Сьюзен. Позволь мне изложить ход своих мыслей, если получится. Мне это тоже пойдет на пользу, чтобы привести их в

порядок. Но по твоему лицу я вижу, что некие события поколебали твою уверенность. Верно?

– Да... но я не могу поверить! *Не может быть, чтобы...*

– погоди! Слова «не может быть» сразу ставят точку на всем. Я сам на этом застрял. Эдакий окончательный вердикт. Я не поверил Мэтту, Сьюзен, потому что подобные вещи просто невозможны. Однако мне не удалось найти в его версии изъянов – она очень стройна. Вывод напрашивался сам собой – он просто тронулся умом, верно?

– Да.

– А тебе он показался сумасшедшим?

– Нет. Нет, но...

– Подожди! – Он предостерегающе поднял руку. – Ты опять думаешь категориями «не может быть», так ведь?

– Да, наверное, – призналась она.

– И мне тоже он не показался сумасшедшим. И мы оба знаем, что параноидальные фантазии или мания преследования не возникают ни с того ни с сего на ровном месте. Они овладевают человеком постепенно, и для их развития нужно определенное время. Ты когда-нибудь слышала в городе разговоры, что у Мэтта не все дома? Он хоть раз жаловался, что кого-то боится? Что поддерживал сомнительные проекты вроде «фторирование приводит к раку мозга» или организации типа «Сыновья американских патриотов» и «Национально-освободительный фронт»? Он когда-нибудь проявлял нездоровый интерес к спиритизму, астральным образам или реинкарнации? Его когда-нибудь забирали в полицию?

– Нет, – ответила она. – Нет – на все вопросы. Но, Бен... мне очень неприятно об этом говорить, особенно если речь идет о Мэтте, но бывает так, что люди сходят с ума незаметно...

– Я так не думаю, – спокойно возразил он. – Признаки всегда есть, пусть даже они становятся очевидными задним числом. Если бы ты была в жюри присяжных, то поверила бы показаниям Мэтта о дорожном происшествии?

– Да...

– А поверила бы его рассказу, что он увидел, как грабитель убил Майка Райерсона?

– Наверное, да.

– Но не тому, о чем он рассказывает на самом деле.

– Бен, я просто не могу...

– Вот видишь, ты снова это сказала. – Увидев, что она собирается возразить, Бен жестом остановил ее. – Я не защищаю его, Сьюзен, а просто

излагаю ход собственных мыслей. Ладно?

– Хорошо. Продолжай.

– Затем я подумал, что его подставил некто имевший на него зуб.

– Мне это тоже приходило в голову.

– Но Мэтт утверждает, что у него нет врагов. И я ему верю.

– Враги есть у всех.

– Да, но враги бывают разные. И не забывай самое главное – тут мы имеем дело с трупом. Если кто-то и собирался таким образом подставить Мэтта, то ему для этого пришлось пойти на убийство Майка Райерсона.

– Почему?

– Да потому что без трупа все затеянное теряет смысл. К тому же, по словам Мэтта, он встретил Майка случайно. Никто не приводил его в заведение Делла в прошлый четверг. Не было никаких анонимных звонков, записок или еще чего. Сама случайность их встречи исключает западню.

– И какое же тогда может быть рациональное объяснение всему этому?

– Что звуки открывающегося окна, смеха и сосания Мэтту почудились. А Майк умер по какой-то естественной, но неизвестной причине.

– Но ты в это не веришь.

– Я не верю. Вряд ли ему почудилось, что окно открывается. Оно действительно было открыто. А наружный ставень валялся на земле. Я видел его, и Паркинс Гиллеспи тоже его видел. И я обратил внимание еще на одну вещь. Ставни у Мэтта в доме запираются на задвижки не изнутри, а снаружи. Изнутри их можно открыть только с помощью отвертки или скребка. И это будет очень непросто. И обязательно останутся царапины. Но никаких царапин там не было. Мало того, земля под окном была достаточно мягкой. Чтобы снять ставень с окна на втором этаже, нужна лестница, от которой обязательно останутся следы. А их тоже не было! Это меня беспокоит больше всего: ставень снят снаружи, а следы лестницы отсутствуют!

Они оба нахмурились.

Бен продолжил:

– Я размышлял об этом все утро. И чем больше я думал, тем убедительнее мне казалась версия Мэтта. Вот почему я решил на время отказаться от постулата «не может быть». А теперь расскажи мне, что произошло у Мэтта прошлой ночью. Если окажется, что все эти домыслы – полная чушь, я буду только рад.

– Не окажется, – уныло произнесла она. – Скорее наоборот. Он как раз закончил свой рассказ о Майке Райерсоне. И сказал, что наверху кто-то есть. Он испугался, но все-таки пошел посмотреть. – Сюзен сложила на

коленях руки и сжимала их так крепко, будто боялась, что они могли улететь. – Сначала ничего не происходило... а потом Мэтт сказал что-то о приглашении, которое берет назад. А потом... даже не знаю как...

– Продолжай. И не переживай.

– Мне показалось, что кто-то – не Мэтт! – зашипел. И послышался удар, как будто что-то упало. – Сьюзен растерянно взглянула на Бена. – А потом я услышала, как чей-то голос произнес: «Я позабочусь, чтобы ты спал как мертвый, учитель!» Слово в слово. А когда я пошла за одеялом для Мэтта, вот что нашла.

Она вынула из кармана блузки перстень и передала ему. Бен перевернул его и поднес поближе к окну, чтобы разглядеть инициалы.

– «МКР» – это Майк Райерсон?

– Майк Кори Райерсон. Я сначала бросила его, а потом заставила себя поднять... подумала, что ты или Мэтт захотите на него взглянуть. Оставь у себя. Я не хочу его хранить.

– Оно на тебя действует?

– Ужасно! Просто ужасно!

Она с вызовом вздернула головой:

– Но это же невообразимо, Бен, просто в голове не укладывается! Да я скорее поверю, что Мэтт сам убил Майка Райерсона и для чего-то выдумал всю эту историю про вампиров. Сам сбросил ставень, упражнялся в чревоуещании, пока я была в гостиной, подбросил кольцо Майка...

– И для большей убедительности устроил себе сердечный приступ, – невесело добавил Бен. – Я все еще надеюсь найти всему рациональное объяснение, Сьюзен. Очень надеюсь. Разве что не молюсь. Чудища в кино, конечно, забавны, но при мысли, что они действительно бродят в ночи, становится не до смеха. Согласен, что Мэтт мог сам скинуть ставень, – это не сложно устроить при помощи простой веревки. Мало того, Мэтт очень начитан. И, думаю, есть яды, которые сложно или невозможно обнаружить. Они провоцируют такие же симптомы, что и у Майка. Правда, в версию отравления трудно поверить, потому что Майк ел очень мало...

– Но об этом нам известно только со слов Мэтта, – уточнила Сьюзен.

– Он бы не стал лгать, поскольку знает, что при вскрытии содержимое желудка обязательно изучают. А от укола остается след. Однако допустим, что все именно так и было. И что Мэтт мог имитировать сердечный приступ. Но зачем? Где мотив?

Она беспомощно покачала головой.

– Но даже если представить, что есть некий мотив, о котором нам ничего не известно, зачем прибегать к таким византийским методам да еще

сочинять столь дикое объяснение? Уверен, что выдуманный сыщик Эллери Куин предложил бы вполне убедительную версию, но жизнь – это не детективный роман.

– Но это... это же безумие, Бен!

– Да. Как Хиросима.

– Перестань! – внезапно разозлилась Сьюзен. – Перестань умничать! Тебе это не идет! Такое бывает только при психозах, в пересудах кумушек, ночных кошмарах или где там еще...

– Глупости! Подумай сама! На наших глазах рушится весь мир, а тебя выбивает из колеи пара каких-то вампиров!

– Салемс-Лот – мой город. – Сьюзен упрямо качнула головой. – Если что-то здесь случается, то происходит наяву и без всякой мистики.

– С этим трудно не согласиться. – Бен осторожно потрогал пальцем повязку на голове. – И у твоего бывшего удар правой не шуточный.

– Прости, – спохватилась она. – Я не думала, что Флойд на такое способен. Не могу представить, что на него нашло.

– А где он сейчас?

– В камере – чтобы проспался. Паркинс Гиллеспи сказал моей маме, что должен отвезти его в округ и сдать шерифу Маккаслину, но... решил подождать, не подашь ли ты на него в суд.

– А ты как считаешь?

– Никак! – твердо ответила она. – Я вычеркнула его из своей жизни.

– Я не стану подавать в суд.

Сьюзен удивленно приподняла брови.

– Но я хочу с ним поговорить.

– О нас?

– О том, почему он появился в пальто, шляпе, темных очках и рабочих резиновых перчатках.

– *Что?!*

– Видишь ли, – сказал Бен, со значением взглянув на нее, – в тот день светило солнце. И ему, похоже, это не нравилось.

Они молча смотрели друг на друга. Все было ясно без слов.

Когда Нолли принес Флойду из кафе завтрак, приготовленный Паулиной Диккенс, тот спал. Полицейский решил, что ради пары недожаренных яиц с жирными ломтиками бекона будить его не имеет

смысла, и разделался с ними сам под чашку кофе. Надо отдать Паулине должное – кофе она варила отличный! В обед Нолли опять принес еду и увидел, что Флойд продолжает спать, причем в той же самой позе. Встревожившись, он поставил поднос на пол и провел ложкой по прутьям решетки.

– Эй, Флойд, просыпайся! Я принес обед!

Флойд не проснулся, и Нолли, достав ключ от камеры, засомневался. На прошлой неделе журнал «Гансмоук» опубликовал статью, в которой рассказывалось, как один заключенный притворился спящим и набросился на тюремщика, когда тот открыл дверь. Нолли никогда не считал Флойда Тиббитса особо крутым, но ведь сумел же он отделать Миерса так, что тот загремел в больницу.

Нолли нерешительно переминался с ноги на ногу с ложкой в одной руке и связкой ключей – в другой. Здоровяк в белой рубашке с расстегнутым воротом, на которой вокруг подмышек в жаркие дни всегда расплывались огромные пятна пота, неплохо играл в боулинг и любил в выходные заглянуть в бар, а в бумажнике вместе с лютеранским календариком хранил кучу карточек разных значных мест в Портленде. Он был добродушным увальнем, не отличавшимся ни вспыльчивостью, ни сообразительностью. В силу этих немаловажных достоинств он несколько минут топтался возле камеры, продолжая громко стучать ложкой по металлическим прутьям и окликать Флойда в надежде, что тот хотя бы пошевелится или захрапит. Нолли раздумывал, не позвать ли Паркинса, чтобы тот сказал, что делать, но Паркинс уже сам выглянул из дверей кабинета.

– Что за балаган ты тут устроил, Нолли? Разучиваешь речевку для стадиона?

Нолли смутился.

– Флойд не отзывается, Парк. Боюсь, что он... заболел или еще что.

– И ты думаешь, что от этого грохота он выздоровеет? – Паркинс подошел к камере и отпер ее.

– Флойд? – Он потряс его за плечо. – С тобой все в по...

Флойд свалился с койки на пол.

– Вот черт! – воскликнул Нолли. – Он что – умер?

Но Паркинс его не слышал: он не сводил глаз с удивительно умиротворенного лица Флойда. До Нолли вдруг дошло, что во взгляде Паркинса был животный страх.

– В чем дело, Парк?

– Ни в чем, – ответил тот. – Просто... давай убираться отсюда. – И

добавил, будто размышляя вслух: – Зря я его трогал.

Нолли перевел полный ужаса взгляд на лежавшее на полу тело.

– Очнись! – сказал Паркинс. – Надо вызвать доктора.

6

Во второй половине дня Франклин Боддин и Вирджил Ратбан подъехали к деревянным воротам свалки в конце ответвления от Бернс-роуд, что в двух милях от кладбища Хармони-Хилл. В первый год второго президентства Эйзенхауэра их старенький «шевроле»-пикап был цвета слоновой кости, а теперь стал грязно-коричневым с рыжими вкраплениями. В кузове машины лежал мусор, который набирался за месяц и состоял в основном из пустых бутылок из-под пива, вина и дешевой водки.

– Закрыто, – произнес Франклин Боддин, взглядевшись в надпись на табличке, прищипленной к воротом. – Будь я проклят! – Отхлебнув пива из бутылки, лежавшей на коленях, он вытер рот тыльной стороной ладони. – Сегодня ведь суббота?

– Она самая, – подтвердил Вирджил Ратбан, понятия не имевший, какой сегодня день недели. Он был так пьян, что даже не помнил, какой шел месяц.

– По субботам свалка работает, так ведь? – поинтересовался Франклин. Табличка была одна, но он видел целых три! Прищурившись, он взгляделся еще раз. На все трех значилось: «Закрыто». Надпись была сделана красной краской: наверняка из той самой банки, что хранилась в лачуге смотрителя Дада Роджерса.

– Всегда работала, – подтвердил Вирджил. Он попытался отхлебнуть еще пива, но промахнулся и облил себе левое плечо. – Господи, ну и дела!

– Закрыто, – повторил Франклин, чувствуя закипавшее негодование. – Этот сукин сын снова загулял. Ну, я ему покажу! – Он включил первую передачу и слишком резко отпустил сцепление. Пиво из бутылки между ног выплеснулось ему на брюки.

– Давай, Франклин! – подбодрил Вирджил и громко рыгнул.

Пикап снес ворота, которые сорвались с петель и отлетели в сторону. Франклин переключил на вторую передачу, и машина затряслась на колдобинах разбитой дороги, отчаянно раскачиваясь на отслуживших свое рессорах. Чайки с криком взмыли в воздух и закружили над свалкой.

Через четверть мили от ворот ответвление от Бернс-роуд заканчивалось большим открытым участком, за которым, собственно, и

располагалась сама свалка. Здесь заросли ольхи и клена расступались, открывая вид на широкое пространство, которое Дад Роджерс постоянно разравнивал бульдозером, стоявшим сейчас у его лачуги. За этим плоским участком находился бывший гравийный карьер, служивший свалкой. Мусорные кучи, блестящие на солнце бутылками и алюминиевыми банками, уходили вдаль гигантскими дюнами.

– Этот горбатый придурок, похоже, ни черта тут не делал целую неделю! Не разравнивал, не сжигал! – заметил Франклин. Он обеими ногами нажал на педаль тормоза, которая со скрежетом почти полностью ушла в пол. Проехав еще немного, пикап остановился. – Видно, у него запой.

– А я и не знал, что Дад так сильно пьет, – удивился Вирджил, выбрасывая в окно пустую бутылку и доставая новую из бумажного пакета на полу. Он открыл ее о ручку дверцы, и выплеснувшаяся пена залила ему всю руку.

– Все горбуны пьют! – со знанием дела произнес Франклин и сплюнул в окно. Однако оно оказалось закрытым, и он вытер слюну рукавом, размазав ее по мутному и исцарапанному стеклу. – Надо посмотреть. Может, нужна помощь.

Описав широкий круг, он подъехал задом к куче, в которую жители Салемс-Лота сваливали мусор в последнее время, и заглушил двигатель. На них неожиданно обрушилась тишина, лишь изредка нарушаемая резкими криками чаек.

– Как же тут тихо! – удивился Вирджил.

Они вылезли из машины и подошли к кузову. Франклин открыл задний борт, и тот с громким лязгом откинулся вниз. Чайки, кормившиеся на дальнем конце свалки, дружно взмыли вверх, громко бранясь.

Мужчины молча взобрались в кузов и стали выбрасывать мусор. Зеленые пластиковые пакеты при падении раскрывались. Для Фрэнка и Вирджила это была привычная работа. Они относились к той части населения города, которую туристы никогда не видели (или просто не замечали). Во-первых, по молчаливому уговору, город их вообще игнорировал, а во-вторых – они сами научились быть незаметными. Увидев на дороге в заднем зеркале пикап Франклина, о нем забывали в то же мгновение, как он исчезал из виду. На их лачуге с оловянной трубой, из которой в белое ноябрьское небо вился тоненький дымок, никогда не задерживался взгляд. Если по дороге встречался Вирджил, выходявший из магазина с бутылкой спиртного в бумажном пакете, с ним, конечно, здоровались, но уже через минуту не могли вспомнить, кого конкретно

видели: его лицо было знакомо, но имя ускользало из памяти. У Франклина имелся брат Дерек Боддин – отец Ричи (недавно низложенного вожака начальной школы на Стэнли-стрит), но Дерек уже и думать забыл, что в городе живет его брат. Франклин давно перестал быть паршивой овцой в семье, ибо утратил с ней все связи.

Когда мешков с мусором в кузове не осталось, Франклин наподдал ногой выпавшую алюминиевую банку и подтянул повыше зеленые рабочие брюки.

– Пошли проведем Дада, – позвал он.

Они спрыгнули вниз, и Вирджил, наступив себе на шнурок из недубленной кожи, от неожиданности сел.

– Черт, совсем разучились делать прилично, – мрачно проворчал он.

Они подошли к лачуге, обитой толем. Дверь оказалась запертой.

– Дад! – проревел Франклин. – Эй, Дад Роджерс!

Он с размаху саданул по двери ногой с такой силой, что строение покачнулось. Маленький крючок изнутри вырвал петлю, и дверь распахнулась. В комнате никого не было, а от тошнотворного сладковатого запаха они с отвращением переглянулись, хотя по части грибковых ароматов оба были заслуженными ветеранами. Франклину зловоние мимолетно напомнило запах, который исходил из глиняного горшка с рассолом, забытого в подвале и за долгие годы покрывшегося толстым белым налетом.

– Сукин сын! – выругался Вирджил. – Хуже гангрены!

Само же помещение было удивительно опрятным. Над по-армейски заправленной кроватью висела на вешалке чистая сменная рубашка Дада, дряхлый стул был аккуратно задвинут под стол. На газете, расстеленной за дверью, стояла банка красной краски со свежими подтеками.

– Если мы не уберемся отсюда, меня точно вырвет! – предупредил Вирджил. Он весь позеленел и был явно не в себе.

Франклин, чувствовавший себя не лучше, попятился и закрыл за ними дверь.

Они окинули взглядом свалку, такую же пустынную и лишенную жизни, как лунный пейзаж.

– Его тут нет, – сказал Франклин. – Наверное, отрубился где-то в лесу.

– Фрэнк?

– Что еще? – раздраженно отозвался тот.

– Дверь была заперта изнутри. Если его там нет, то как он вышел?

Франклин вздрогнул и обернулся на лачугу. Он уже собирался сказать, что через окно, но остановился. Окном служило маленькое отверстие,

прорезанное в толе и затянутое пленкой. Пролезть в него Дад, да еще со своим горбом, никак не мог.

– Не важно! – огрызнулся он. – Не хочет объявляться – хрен с ним! Поехали отсюда!

Они вернулись к пикапу, и сквозь спасительный дурман опьянения Франклин ощутил, как его охватывает какое-то странное щемящее чувство – потом он об этом не помнил или предпочитал не вспоминать, – будто произошло нечто жуткое. Будто свалка вдруг ожила и ее сердце забилось ровно и медленно. Ему захотелось как можно скорее унести оттуда ноги.

– Я не вижу крыс! – вдруг произнес Вирджил.

Их и в самом деле не было – только чайки изредка взмахивали крыльями и кричали. Франклин попытался припомнить, когда в последний раз он привозил мусор и не видел крыс, но так и не смог. И ему это тоже не понравилось.

– Наверное, он разбросал отраву. Как думаешь, Фрэнк?

– Поехали! – отозвался тот. – Надо поскорее убираться отсюда к чертовой матери!

7

После ужина Бену разрешили навестить Мэтта Берка. Визит оказался коротким – Мэтт спал. Однако кислородное оборудование уже убрали и старшая сестра заверила Бена, что завтра Мэтт наверняка сможет принимать посетителей – правда, ненадолго.

Бену показалось, что Мэтт здорово осунулся и как-то резко постарел, вдруг сразу превратившись в старика. Он лежал неподвижно, из-под больничной рубашки виднелась обвислая кожа на шее, отчего он выглядел удивительно беззащитным.

«Если все так, как нам кажется, – подумал Бен, – то здесь нам точно не помогут, Мэтт. Если все это правда, то мы находимся в цитадели неверия, где с кошмарами борются антисептиком, скальпелем и химиотерапией, а вовсе не осиновыми колями, Библией и горным чабрецом. Тут вполне довольствуются системами жизнеобеспечения, инъекциями и клистирами с раствором бария. А если монолит истины даст трещину, они об этом даже и не задумаются».

Он подошел к кровати и осторожно повернул Мэтту голову. На шее никаких отметин не было.

Чуть помедлив, он подошел к шкафу и открыл его. Там были убраны вещи учителя, а на крючке с внутренней стороны дверцы висело распятие: то самое, что видела Сьюзен. Тонкая цепочка тускло поблескивала в приглушенном свете палаты.

Бен взял распятие и надел на шею Мэтту.

– Что вы делаете?

В палату вошла медсестра, в одной руке она держала кувшин с водой, а в другой – судно, деликатно прикрытое полотенцем.

– Я надеваю ему на шею крестик, – пояснил Бен.

– Он католик?

– Теперь – да! – мрачно ответил Бен.

8

Уже спустилась ночь, когда в кухонную дверь дома Сойеров на Дип-Кат-роуд тихонько постучали. Бонни Сойер, улыбаясь, отправилась открывать. На ней был только короткий передник с оборками, завязанный на поясе, и туфли на шпильке. Больше ничего.

Она открыла дверь, и у Кори Брайанта округлились глаза и отвисла челюсть.

– Бо... Бо... Бонни?

– В чем дело, Кори? – Она положила ладонь на дверную ручку и чуть повернулась, демонстрируя обнаженную грудь под самым выигрышным ракурсом, и стыдливо скрестила ноги, подчеркивая их стройность.

– Господи, Бонни, а если бы это был...

– Телефонный мастер? – спросила она и хихикнула. Взяв его руку, она накрыла ею упругую правую грудь. – Хотите снять показания счетчика?

Со стоном, в котором слышалось безрассудство (утопающий в третий раз уходил под воду, а вместо соломинки цеплялся за женскую грудь), он притянул ее к себе и обхватил за ягодицы. Накрахмаленный передник захрустел от трения.

– Ну и ну! – воскликнула Бонни, прижимаясь к нему. – Вы не проверите мою трубку, мистер Телефонщик? Я весь день ждала очень важный звонок...

Кори поднял ее на руки и захлопнул ногой дверь. Показывать дорогу в спальню необходимости не было – он ее знал.

– Ты уверена, что он не вернется домой? – спросил он.

Ее глаза сверкнули в темноте.

– Кого это вы имеете в виду, мистер Телефонщик? Если моего милого муженька, то он... в Берлингтоне, штат Вермонт.

Кори положил ее поперек кровати так, что ноги свисали на пол.

– Включи свет, – попросила Бонни. Ее голос вдруг стал низким и тягучим. – Я хочу видеть, что ты делаешь.

Кори зажег настольную лампу и перевел взгляд на Бонни. Передник на ней съехал набок, веки потяжелели, зрачки расширились, и глаза лучились желанием.

– Сними эту штуку, – попросил он.

– Сделай это сам, – ответила она. – Ты же умеешь развязывать узлы?!

Кори послушно наклонился. В ее присутствии он всегда чувствовал себя как мальчишка, которому впервые доверили сыграть за команду и он смертельно боится не оправдать надежд. Находясь рядом с ней, он не мог сдержать дрожь в руках, будто само ее тело было наэлектризовано и било током. Он постоянно о ней думал. Бонни была как болячка на внутренней стороне щеки, которую постоянно трогаешь языком. Она наполняла даже его сны – такая аппетитная и влекущая. Ее изобретательность не знала границ.

– Нет, на колени! – приказала Бонни. – Стань передо мной на колени!

Кори неуклюже опустился на колени и подполз к ней, протягивая руки к завязкам фартука. Бонни водрузила обе ноги в шпильках ему на плечи. Он наклонился поцеловать внутреннюю поверхность бедра – кожа была упругой и теплой.

– Вот так, Кори, правильно, продолжай...

– Приятно, правда?

Бонни Сойер истошно закричала.

Кори Брайант ошеломленно поднял глаза.

В дверях спальни, перекинув через руку дробовик, стоял Реджи Сойер. Кори почувствовал, как пах залила горячая жидкость, – от шока он обмочился.

– Так, значит, это правда? – В голосе Реджи звучало удивление. Он с улыбкой шагнул в спальню. – Ну и ну! Выходит, я проспорил этому кретину Микки Сильвестру целую упаковку пива! Будь я проклят!

Бонни пришла в себя первой.

– Реджи, послушай! Это совсем не то, что ты подумал! Он вломился сюда, был как безумный, он...

– Заткнись, стерва! – На его губах по-прежнему играла доброжелательная улыбка. Реджи был крупным мужчиной, на нем оказался все тот же стального цвета костюм, что и пару часов назад, когда она

поцеловала его на дорогу.

– Послушайте! – взмолился Кори. – Пожалуйста! Прошу вас, только не убивайте! Даже если я это заслужил. Вы же не хотите сесть в тюрьму! Избейте меня – я виноват, но, Бога ради, не...

– Поднимайся с колен, Перри Мейсон^[16]. – Реджи продолжал доброжелательно улыбаться. – И застегни ширинку.

– Послушайте, мистер Сойер...

– Зови меня Реджи, – с приятной улыбкой отозвался тот. – Мы же почти друзья. И ты меня даже не стесняешься, так ведь?

– *Реджи, это не то, что ты думаешь! Он изнасиловал меня...*

Реджи повернулся к ней с той же доброй улыбкой:

– Еще одно слово, и я засуну тебе ствол в рот и заставлю замолчать экспресс-почтой.

Бонни застонала, и ее лицо помертвело.

– Мистер Сойер... Реджи...

– Твоя фамилия Брайант, верно? И ты сын Пита Брайанта?

Кори отчаянно закивал:

– Да, правильно. Все так. Послушайте...

– Когда я работал на Джима Вебера, я продавал ему мазут, – сообщил Реджи, пускаясь в приятные воспоминания. – Это было лет за пять до того, как я познакомился с этой сукой. А твой папа знает, что ты здесь?

– Нет, сэр, это разбило бы ему сердце. Вы можете меня избить, я это заслужил, но если вы меня убьете, отец наверняка узнает, и это сведет его в могилу, так что тогда на вашей совести будут две...

– Нет, думаю, он не знает. Давай обсудим это в гостиную. Пошли! – Он ободряюще улыбнулся Кори, чтобы показать, что не замышляет ничего дурного, а потом обратился к Бонни, не сводившей с него полных ужаса глаз: – А ты, киска, посиди пока здесь, а то так и не узнаешь, чем закончится сериал «Тайная буря». Пошли, Брайант!

Он махнул ему дробовиком в сторону двери.

Кори, спотыкаясь, вышел из спальни первым. Ноги не слушались, а спина между лопатками ужасно чесалась. Наверняка он выстрелит именно туда. Интересно, он успеет увидеть, как его кишки размажутся по стене...

– Повернись! – велел Реджи.

Кори повернулся, не в силах удержаться от всхлипываний. Да и какая теперь разница? Он уже и так обмочился...

Дробовик теперь не лежал на руке – оба дула смотрели прямо в лицо Кори. Казалось, в их темных отверстиях таилась сама бесконечность.

– Ты знаешь, что сделал? – поинтересовался Реджи. От улыбки на его

лице не осталось и следа, и оно было очень серьезным.

Кори не ответил. Вопрос был глупым. Однако всхлипывать он не перестал.

– Ты спал с чужой женой, Кори. Тебя ведь так зовут?

Кори кивнул, чувствуя, как по щекам текут слезы.

– Ты знаешь, как поступают с парнями, которых ловят на этом?

Кори кивнул.

– Возьмись-ка за ствол, Кори. Только очень осторожно, чтобы я не спустил курок. Представь... представь, что это грудь моей жены.

Кори протянул дрожащую руку и дотронулся до ствола. Горячая ладонь ощутила холод металла. С губ сорвался протяжный стон. Все было кончено. Мольбы не помогли.

– Засунь себе оба ствола в рот, Кори. Вот так! Потихоньку! И поглубже! Ты ведь знаешь, что значит поглубже, верно?

Обезумевший от ужаса Кори с разинутым до отказа ртом почувствовал, как дуло уперлось в небо и к горлу подступила тошнота. Зубы скреблись о холодную сталь.

– Закрой глаза, Кори.

Тот молча смотрел на него – перед глазами все плыло.

Реджи снова доброжелательно улыбнулся.

– Закрой же свои голубенькие глазки, Кори.

Тот подчинился.

Реджи нажал на оба курка. Бойки сухо щелкнули по пустым патронникам.

Кори повалился на пол без чувств.

Какое-то время Реджи молча глядел на него с мягкой улыбкой, а потом взял дробовик за дуло прикладом вверх и направился в спальню.

– Я иду, Бонни. Время вышло.

Бонни Сойер иступленно закричала.

Кори Брайант, с трудом переставляя ноги, ковылял по Дип-Кат-роуд к месту, где оставил служебный грузовичок, чувствуя зловоние, которым от него разило. Налитые кровью глаза слезились. На затылке ныла огромная шишка от удара об пол, когда он упал, потеряв сознание. В тишине слышалось только шарканье ног по обочине. Он старался думать только об этом шарканье и ни о чем другом, особенно о том, что жизнь его так

внезапно пошла под откос. Полностью и окончательно. Время – четверть девятого.

Реджи Сойер все с той же благожелательной улыбкой вытолкнул Кори на улицу через дверь на кухне. Равномерные всхлипывания Бонни, доносившиеся из спальни, придавали его словам особую убедительность.

– Ты будешь хорошо себя вести. Пойдешь по дороге до своей машины и вернешься на ней в город. Без четверти десять там останавливается автобус из Льюистона в Бостон. Остановка возле магазина Спенсера. Ты сядешь в автобус. Потому что если я тебя увижу еще раз, то убью. С ней все будет в порядке. Сейчас она наказана. Пару недель ей придется носить брюки и блузки с длинными рукавами, но по лицу я не бил. А у тебя все мысли должны быть не как отмыться и стать снова похожим на мужчину, а как поскорее убраться из Салемс-Лота.

И вот теперь он брел по дороге, чтобы выполнить требование Реджи Сойера. Из Бостона можно отправиться на юг... не важно куда. В банке у него накоплено чуть больше тысячи долларов. Мать всегда говорила, что он очень бережлив. Он может получить деньги по телеграфу и какое-то время на них жить, пока не найдет новую работу. Потребуются годы, чтобы забыть эту жуткую ночь – вкус дула ружья и зловоние перепачканных собственным дерьмом брюк.

– Здравствуйте, мистер Брайант.

Сдавленно вскрикнув, Кори уставился в темноту и сначала ничего не увидел. Ветер раскачивал деревья, и они отбрасывали на дорогу темные прыгающие тени. Наконец возле каменной ограды, отделявшей дорогу от пастбища Карла Смита, ему удалось разглядеть неподвижную тень. Тень походила на человеческую фигуру, правда, было в ней нечто... нечто...

– Кто вы?

– Друг, которому многое известно, мистер Брайант.

Тень пошевелилась и сделала несколько шагов вперед. В слабом свете Кори увидел мужчину средних лет с темными усами и глубоко посаженными горящими глазами.

– С вами плохо обошлись, мистер Брайант.

– Откуда вы знаете?

– Я знаю многое. Это моя работа. Закурите?

– Спасибо! – Он с благодарностью взял у незнакомца сигарету. Тот чиркнул спичкой, и в ее свете Кори разглядел, что у мужчины были по-славянски высокие скулы, бледный лоб и зачесанные назад черные как смоль волосы. Спичка погасла, и Кори сделал затяжку, наполнив легкие резким дымом. Сигарета оказалась скверной, но сейчас он был рад любой.

Постепенно Кори начал успокаиваться.

– Кто вы? – снова спросил он.

Незнакомец засмеялся: его на удивление раскатистый смех подхватил ветер и растворил в воздухе, как дым от сигареты Кори.

– Имена! – воскликнул он. – Как же вы, американцы, трепетно к ним относитесь! Извольте купить машину у меня, потому что я Билл Смит! Ешьте только у меня! Смотрите меня по телевизору! Если вам это так уж важно, моя фамилия Барлоу! – Он снова расхохотался, поблескивая глазами.

Кори почувствовал, как его губы невольно растягиваются в улыбке, и пораился. Все проблемы вдруг отодвинулись на задний план и показались несущественными на фоне потрясающей жизнерадостности, светившейся в этих темных глазах.

– Вы ведь иностранец, верно? – спросил он.

– Я жил во многих странах, но для меня Америка... этот город... кажутся населенными одними иностранцами. Вы меня понимаете? А? – Он снова расхохотался, и на этот раз Кори не удержался и присоединился к нему. Он смеялся в полный голос, и даже чуть истерично.

– Да, иностранцами, – продолжил Барлоу, – но чудесными, привлекательными, полнокровными и пышущими жизнью. Вы знаете, какие замечательные люди живут в вашей стране и городе, мистер Брайант?

Кори только смущенно хмыкнул, не отводя восхищенного взгляда от лица незнакомца.

– Люди в этой стране никогда не знали, что такое голод или нужда, – во всяком случае, два последних поколения. Да и прежде их невзгоды носили весьма условный характер. Их несчастья сродни огорчению ребенка, уронившего мороженое на вечеринке по случаю дня рождения. В них нет... – как это будет по-английски? – потери жизненной энергии. Они с энтузиазмом проливают кровь друг друга. Вы мне верите? Согласны со мной?

– Согласен, – подтвердил Кори. Он смотрел незнакомцу в глаза, и его взгляд обещал Кори множество чудеснейших вещей.

– Эта страна являет собой удивительный парадокс. В других краях, если люди изо дня в день едят досыта, то становятся толстыми и вялыми... как свиньи. Но тут – совершенно иная картина! Чем больше у вас есть, тем агрессивнее вы становитесь! Понимаете? Взять хотя бы мистера Сойера. Имея так много, он жалеет жалких крох со своего стола. Как ребенок на празднике, который отталкивает другого, хотя сам уже не может проглотить ни кусочка. Разве не так?

– Так, – согласился Кори. Глаза у Барлоу были удивительно глубокие и понимающие. Все дело в...

– Все дело в системе координат, верно?

– Да! – восхищенно подтвердил Кори, поразившись, какие правильные слова подобрал незнакомец, и даже не заметив, что сигарета выскользнула из пальцев и дымится на земле.

– Я мог бы и не приезжать в ваш провинциальный городок, – задумчиво продолжал незнакомец, – а отправиться в какой-нибудь бурлящий мегаполис... Ба! – Он неожиданно встряхнулся и сверкнул глазами. – А что я знаю о больших городах? Да меня там сразу задавит машина, стоит захотеть перейти улицу! Я там задохнусь от смога! И меня будут окружать скользкие и недалекие дилетанты, чьи интересы... – как бы это поточнее выразиться? враждебны? – да, чьи интересы враждебны моим. Как может такой провинциал, как я, выжить в хитросплетениях большого города... пусть даже американского? Нет, нет и еще раз нет! Делать мне там нечего!

– О да! – зачарованно прошептал Кори.

– Поэтому я приехал сюда, в город, о котором узнал от замечательного, но, к сожалению, ныне покойного местного жителя. Горожане тут не утратили своей зажиточности и полнокровия, в них так много агрессии и тьмы, столь необходимых для... *Pokol; vunderlak; eyalik*... В английском нет подходящего слова. Вы меня понимаете?

– Да, – прошептал Кори.

– Люди здесь не отгородились панцирем из бетона и цемента от жизненной силы, исходящей от матери-земли. Они омывают руки в жизненных водах, черпая из них энергию жизни. Разве не так?

– Так!

Незнакомец добродушно хмыкнул и положил руку на плечо Кори.

– Вы хороший парень. Красивый и сильный. И вам не хочется покидать столь замечательный город, правда?

– Не хочется... – прошептал Кори, вдруг потеряв уверенность. К нему возвращался страх. Но все это не важно. Незнакомец наверняка не допустит, чтобы с ним случилось что-то плохое.

– И ты его не покинешь! Никогда!

Кори, дрожа, не мог сдвинуться с места, а Барлоу наклонил к нему голову.

– И ты еще сумеешь отомстить тем, кто в пресыщении своем не думает о тех, кто голоден.

Кори Брайант погрузился в великую реку забвения, и река эта была

временем, а воды ее – алыми.

В субботу вечером, когда по телевизору показывали фильм, телефон на тумбочке возле кровати Бена зазвонил. Это была Сьюзен: от волнения голос у нее срывался.

– Бен, Флойд Тиббитс умер. Вчера ночью в камере. Доктор Коуди говорит, что из-за острой анемии. Но мы же с ним *встречались!* У него была гипертония, даже в армию из-за нее не взяли!

– Спокойнее! – сказал Бен, садясь на кровати.

– И это еще не все. У Макдугаллов – они живут на юго-западе города – скончался десятимесячный ребенок. Их арестовали.

– А известно, от чего умер ребенок?

– Мама рассказывала, что миссис Эванс слышала крики Сандры Макдугалл и вызвала старого доктора Плаумана. Плауман ничего говорить не стал, но, по словам миссис Эванс, она видела ребенка – и на вид с ним все было в порядке... только он был мертвый!

– А оба ненормальных в лице меня и Мэтта сейчас в больнице и вмешаться не могут, – задумчиво произнес Бен, обращаясь скорее к себе, нежели к Сьюзен. – Как будто нарочно подстроено.

– И это еще не все!

– Вот как?

– Пропал Карл Форман. И тело Майка Райерсона.

– Думаю, мы были правы, – услышал Бен собственный голос. – Другого объяснения нет. Завтра же выпишусь из больницы!

– А тебя отпустят?

– Меня не станут удерживать насильно, – рассеянно ответил он, думая уже о другом. – У тебя есть распятие?

– У меня?! – Она удивилась и даже слегка развеселилась. – Нет, конечно.

– Я не шучу, Сьюзен, это очень серьезно! А ты можешь его где-нибудь раздобыть прямо сейчас?

– Думаю, у Мэри Боддин. Я к ней схожу...

– Нет! Никуда из дома не выходи! Сделай крест сама, хотя бы склей из двух палочек, и положи возле кровати.

– Бен, я в это не верю! Скорее всего это маньяк, считающий себя вампиром, но...

– Верь во что хочешь, но крест сделай!

– Но...

– Обещаешь? Ну хотя бы ради меня!

– Ладно, Бен, – неуверенно согласилась она.

– Ты можешь завтра приехать в больницу около девяти?

– Могу.

– Хорошо. Мы вместе поднимемся к Мэтту и введем его в курс дела. А затем поговорим с доктором Джеймсом Коуди.

– Он наверняка решит, что ты сумасшедший, Бен. Неужели ты не понимаешь?

– Понимаю. Но с наступлением темноты уже сомневаешься, что реально, а что – нет. Разве не так?

– Так, – тихо согласилась она. – О Господи!

По непонятной причине ему вдруг вспомнилась Миранда и ее смерть. Как мотоцикл занесло на мокром асфальте, отчаянный крик жены, его собственный ужас при виде неумолимо надвигающегося борта грузовика.

– Сьюзен?

– Слушаю.

– Будь крайне осторожна! Очень прошу!

Закончив разговор, Бен положил трубку на рычаг и перевел невидящий взгляд на экран телевизора, по которому шла комедия с Дорис Дей и Роком Хадсоном. Бен чувствовал себя беззащитным – у него самого не было никакого распятия. Он посмотрел в окно, за которым царила полная мгла, и ощутил, как его охватывает знакомый с детства ужас, а по телевизору Дорис Дей купала в мыльной пене лохматого пса.

Окружной морг в Портленде представлял собой холодное помещение, пропахшее антисептиком и облицованное плиткой. И пол, и стены, и потолок были одинаково зелеными, разве что последний – чуть светлее. Стены расчерчены квадратными дверцами, похожими на ячейки камеры хранения на автовокзале. Длинные флуоресцентные лампы заливали зал холодным светом, отчего он производил гнетущее впечатление. Правда, его постояльцы никогда не жаловались.

Без четверти десять в субботу вечером два санитара вкатили тележку с закрытым простыней телом молодого гомосексуалиста, застреленного в баре. Это был первый труп за сегодня: жертвы автомобильных аварий

обычно поступали с часу до трех ночи.

Бадди Баскомб рассказывал напарнику французский анекдот о вагинальном спрее, когда вдруг остановился на полуслове: две дверцы ряда с буквами «М – Ю» были распахнуты настежь.

Оставив тележку, они с Бобом Гринбергом подошли поближе. Бадди посмотрел на табличку первой дверцы, а Боб направился ко второй.

ТИББИТС ФЛОЙД МАРТИН

Пол: м.

Поступил: 04.10.1975

Вскрытие назначено: 05.10.1975

Доктор: Дж. М. Коуди

Бадди потянул за ручку и выкатил из отсека выдвижные носилки.

На них никого не было.

– Ты посмотри! – крикнул Гринберг. – Тут пусто! Что за дурацкие шутки...

– Я все время находился на месте и никуда не отлучался, – заявил Бадди. – Мимо меня никто не проходил. Наверное, это случилось в смену Карти. А что там за имя?

– Макдугалл, Рэндалл Фратус. А что означает сокращение «млд.»?

– Младенец, – мрачно пояснил Бадди. – Господи Иисусе! У нас, похоже, проблема!

Отчего-то проснувшись, он прислушался к звенящей тишине, пристально вглядываясь в потолок.

Какой-то непонятный звук. Но в доме было тихо.

Вот опять! Кто-то скребется.

Марк Питри повернулся на кровати и перевел взгляд на окно. Из-за стекла на него глядел Дэнни Глик, мертвенно-бледный, с горящим взглядом налитых кровью глаз. Увидев, что Марк на него смотрит, он улыбнулся, показав неестественно длинные и острые зубы.

– Пусти меня, – прошептал голос, и Марк не знал, почудилось ли ему или слова действительно прозвучали.

Он испугался, хотя и не сразу это понял. Никогда еще ему не было так страшно, даже в тот день, когда на пляже Попхэм-Бич он заплыл в море

слишком далеко и решил, что наверняка утонет. Его ум, еще во многих отношениях детский, мгновенно оценил ситуацию. На кону стояло больше, чем жизнь.

– Пусти меня, Марк. Я хочу с тобой поиграть.

Непонятно, как это жуткое существо держалось за окном: комната Марка находилась на втором этаже, а никакой лестницы приставлено не было. Существо будто парило в воздухе... или прицепилось к стене, как насекомое.

– Марк... я все-таки пришел. Пожалуйста, Марк...

Ну конечно! Они же не могут войти без приглашения! Он читал об этом в журналах о разных монстрах, чем неизменно вызывал недовольство матери, считавшей их вредными.

Марк вылез из кровати и чуть не упал. Только сейчас до него дошло, что он испытывает не просто страх – и даже не ужас! Мертвенно-бледное лицо за окном пыталось улыбнуться, но оно слишком долго обитало во тьме и разучилось. Марк увидел только отвратительную гримасу кровавой маски.

Но если заглянуть в глаза, то страх уходил, и всего-то надо открыть окно и сказать: «Давай, Дэнни, входи», – и тогда уже совсем не будет страшно, потому что он станет таким же, как Дэнни и ему подобные. Станет...

Нет! Вот так они и действуют!

Он отвел взгляд, и для этого потребовалось невероятное усилие воли.

– Марк,пусти меня! Я приказываю! Он приказывает!

Марк снова двинулся к окну. Сопротивляться бессмысленно. Не послушаться этого голоса просто нельзя! И чем ближе он подходил, тем сильнее лицо мальчика за окном искажала злобная гримаса нетерпения. Черные от земли ногти заскребли по стеклу.

Придумай что-нибудь! Ну же! Быстрее!

– Протекала речка, через речку мост, – хрипло произнес Марк, – на мосту овечка, у овечки хвост.

– Марк! Открой окно! – зашипел Дэнни Глик.

– Черной ночью черный кот...

– Окно, Марк! Он приказывает!

– ...прыгнул в черный дымоход.

Он слабел. Шепчущий голос просачивался сквозь все воздвигнутые им преграды и звучал все настойчивее. Марк в отчаянии опустил глаза на коллекцию своих игрушечных монстров, казавшихся теперь такими безобидными и глупыми...

Неожиданно его взгляд остановился на пластмассовом вурдалаке, пробиравшемся по пластиковому кладбищу, на котором одно из надгробий было сделано в форме креста.

Не раздумывая и не колеблясь (взрослые, как, например, отец, на его месте обязательно бы сначала все взвесили и обрекли себя на гибель), Марк сорвал крест с подставки и, зажав в кулаке, громко произнес:

– Входи!

Лицо за стеклом исказилось в гримасе хищного торжества и предвкушения. Окно открылось, и Дэнни оказался в комнате. Из разинутого рта доносилось невыносимое зловоние, как из склепа. Холодные и белые, как рыбье брюхо, руки опустились Марку на плечи. Голова по-собачьи вывернулась, и верхняя губа обнажила ослепительно белые клыки.

Марк резким движением впечатал крест в щеку Дэнни.

Раздался жуткий, нечеловеческий – и неслышный! – вопль, отозвавшийся громким эхом во всех уголках души. Торжествующая улыбка на губах существа, бывшего раньше Дэнни, сменилась гримасой агонии. Бледная плоть задымилась и стала расползаться, и через мгновение жуткое создание полунырнуло-полувывалилось в окно.

Все кончилось, будто ничего и не было. Но еще какое-то время крест ярко светился, будто внутри горела раскаленная нить, а потом начал потихоньку меркнуть. Благодаря старым трубам отопления в полу Марк услышал, как в спальне родителей щелкнул выключатель лампы и отец спросил:

– Что, черт возьми, это было?

13

Через пару минут дверь в комнату Марка открылась, но этого времени ему хватило, чтобы привести все в порядок.

– Сынок? – тихо окликнул отец. – Ты спишь?

– Ну да, – сонно отозвался тот.

– Тебе приснился плохой сон?

– Я... наверное. Не помню.

– Ты кричал во сне.

– Извините.

– Тут не за что извиняться! – Он помедлил, вспомнив, как раньше, когда Марк был совсем маленьким и спал в колыбели, они тоже прибегали

на его крик, только тогда все было куда понятнее. – Может, тебе дать воды?

– Не надо, пап, спасибо.

Генри Питри окинул взглядом комнату, не понимая причины ужаса, разбудившего его и ощущавшегося до сих пор. Чувства ужасной беды, которой чудом удалось избежать. Все вроде в порядке. Окно закрыто. Вещи на своих местах.

– Марк, точно ничего не случилось?

– Точно, пап.

– Ладно... тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Дверь тихо затворилась, и послышался удалявшийся звук шлепанцев. Теперь Марк позволил себе расслабиться. В подобной ситуации у взрослых и у детей постарше или помоложе могла бы начаться истерика. Но Марк чувствовал, как напряжение от пережитого ужаса медленно оставляет тело – очень похоже на то, как подсыхает на ветру кожа после купания в прохладный день. А когда страх ушел, его охватила сонливость.

Однако прежде чем уснуть, он успел задуматься – уже не в первый раз! – о том, какие взрослые странные. Они принимают успокоительное, спиртное или снотворное, чтобы избавиться от страхов и уснуть, а их страхи такие несерьезные: работа; деньги; что подумает учитель, если Дженни не будет нарядно одета; любит ли меня жена; кто мои друзья... Эти страхи – ничто по сравнению с теми, что испытывают дети, когда остаются в одиночестве в темной комнате и ждут наступления сна. Поделиться ими, рассчитывая на полное понимание, они могут только с другими детьми. Для детей, которым каждый вечер приходится иметь дело со злыми существами, прячущимися под кроватью или в подвале, не существует ни психотерапии, ни социальных служб. А эти существа ухмыляются и грозят из темных углов, но ощущается это не разумом, а каким-то внутренним чувством. И бороться с ними приходится каждую ночь, а единственным лекарством является только постепенное притупление воображения, которое называется взрослением.

Вот какие мысли, только проще выраженные, промелькнули у Марка в голове. В предыдущую ночь подобная сцена закончилась для Мэтта Берка сердечным приступом. А Марк Питри через десять минут уже погрузился в сон, крепко зажав в правой руке, будто погремушку, пластиковый крест. В этом вся разница между взрослыми и детьми.

Глава одиннадцатая

Бен (IV)

1

В десять минут десятого яркого и солнечного воскресного утра Бен уже начал всерьез волноваться, не случилось ли чего со Сьюзен, когда телефон наконец зазвонил. Он тут же схватил трубку.

– Ты где?

– Не волнуйся, я наверху, у Мэтта Берка. И он с нетерпением ждет, когда ты придешь.

– А почему ты не зашла ко мне?

– Я заходила, только ты спал как младенец.

– Тут всех пичкают снотворным, чтобы ночью спокойно красть органы для пересадки таинственным миллиардерам, – пояснил он. – Как Мэтт?

– Поднимайся и посмотри сам, – ответила она, но он, не дослушав, уже натягивал халат.

2

Мэтт выглядел намного лучше: казалось, он даже помолодел. Сьюзен в ярком голубом платье сидела у изголовья. Увидев Бена, учитель приветственно поднял руку.

– Садитесь поближе.

Бен подвинул к кровати один из удивительно неудобных стульев и устроился на нем.

– Как вы себя чувствуете?

– Намного лучше. Пока еще слабость, но все-таки! Вчера ночью убрали капельницу, а сегодня утром дали яйцо пашот. Гадость! Сразу вспомнил детство в родительском доме.

Бен чмокнул Сьюзен в щеку и заметил на ее лице странное напряжение.

– Есть новости с нашего вчерашнего разговора по телефону?

– Пока не знаю. Но я уехала из дома около семи, а город в воскресенье просыпается позже.

Бен перевел взгляд на Мэтта.

– Вы в состоянии об этом говорить?

– Думаю, да, – ответил учитель и чуть повернулся. Золотой крестик, который Бен надел ему на шею, блеснул на солнце. – Кстати, спасибо вам за него. Он очень успокаивает, хотя я и купил его на пятничной распродаже в универмаге «Вулворт».

– А что говорят врачи?

– «Состояние стабильное», как выразился молодой доктор Коуди после вчерашнего осмотра. Судя по ЭКГ, все обошлось... никаких тромбов. Надеюсь, что так, для его же блага, – хмыкнул он, – поскольку на прошлой неделе я проходил у него осмотр. Я бы точно его засудил и пустил по миру за введение в заблуждение... – Мэтт запнулся и посмотрел на Бена. – Он сказал, что подобные приступы часто вызываются сильнейшим потрясением. Но я держал рот на замке. Правильно?

– Правильно. Но с тех пор кое-что произошло. Мы со Сьюзен собираемся с ним сегодня встретиться и все рассказать. Если он не упрямит меня сразу в психушку, мы пришлем его к вам.

– Мне есть что ему сказать, – мстительно произнес Мэтт. – Этот сопливый мальчишка не разрешает мне курить!

– А Сьюзен рассказала вам, что случилось в Джерусалемс-Лоте после ночи с пятницы на субботу?

– Нет, она хотела дождаться вас.

– Но сначала расскажите мне, что произошло в вашем доме.

Лицо Мэтта потемнело, и он сразу как-то сник, вновь став похожим на того старика, что предстал перед глазами Бена вчера.

– Если вы пока не готовы...

– Разумеется, я все расскажу! Я должен это сделать, если хотя бы половина из того, что я подозреваю, правда. – Он горько улыбнулся. – Я всегда считал себя человеком, свободным от предрассудков и достаточно уравновешенным. Просто удивительно, как мозг сопротивляется всему, что ему не нравится или кажется опасным. Совсем как волшебная грифельная доска, на которой мы рисовали в детстве. Если рисунок не удался, достаточно просто поднять листок, и изображение исчезнет.

– Но линии на черной подложке останутся навсегда, – уточнила Сьюзен.

– Да. – Мэтт улыбнулся Сьюзен. – Чудесная метафора для иллюстрации взаимодействия сознательного и бессознательного. Жаль, что Фрейд заиклился на луковицах. Но мы отклонились. – Он взглянул на Бена. – Сьюзен вам уже рассказывала?

– Да, но...

– Понятно, я просто хотел убедиться, что могу обойтись без предыстории.

Он рассказал все ровным и бесстрастным голосом, прервавшись лишь однажды, когда вошла медсестра в мягких тапочках и спросила, не принести ли ему имбирного эля. Мэтт с благодарностью согласился и на протяжении дальнейшего рассказа регулярно прикладывался к трубочке, чтобы сделать глоток-другой. Бен обратил внимание, что при описании сцены, когда Майк вывалился из окна, кубики льда в стакане Мэтта слегка зазвенели о стекло, но голос учителя ни разу не дрогнул и оставался по-прежнему ровным, будто он излагал новый материал на уроке. Бен в очередной раз отдал ему должное: Мэтт был потрясающим человеком.

Когда он закончил, наступила недолгая пауза, которую прервал сам учитель:

– Итак, каково ваше мнение о том, что узнали с чужих слов и не видели сами?

– Мы довольно долго обсуждали это вчера, – сообщила Сьюзен. – Пусть Бен вам расскажет сам.

Немного смущаясь, Бен перечислил все возможные рациональные объяснения и затем отверг их одно за другим. Когда он упомянул о валявшемся под окном ставне и отсутствии следов лестницы на мягкой земле, Мэтт зааплодировал:

– Bravo! Настоящий сыщик!

Затем он повернулся к Сьюзен и поинтересовался:

– А что скажете вы, мисс Нортон, чьи сочинения в школе отличались такой рассудительностью и логичностью изложения?

Она опустила взгляд на руки, теребившие складку на юбке, а потом подняла глаза.

– Бен вчера прочел мне целую лекцию насчет значения словосочетания «не может быть», так что я не стану его использовать. Но мне очень трудно поверить, мистер Берк, что Салемс-Лот подвергся нашествию вампиров.

– Если можно все устроить без огласки, я готов пройти испытание на детекторе лжи, – тихо произнес учитель.

Сьюзен покраснела.

– Нет-нет... поймите меня правильно! Я не сомневаюсь, что в городе происходит что-то неладное, – что-то... ужасное, – но чтобы такое...

Он накрыл ее руку своей.

– Я понимаю, Сьюзен. Ты можешь оказать мне одну услугу?

– Если это в моих силах, конечно!

– Давайте мы... все трое... будем исходить из того, что все это правда. Пока не будет доказано обратное. То есть подойдем к этому вопросу по-научному. Мы с Беном уже обсуждали разные способы проверки такого допущения. И уж поверьте: никто сильнее меня не обрадуется, если эту версию удастся опровергнуть.

– Но сами вы в этом сомневаетесь?

– Сомневаюсь, – тихо признался он. – Я долго размышлял о случившемся и пришел к однозначному выводу. Я верю своим глазам.

– Давайте оставим в стороне вопросы веры и неверия, – вмешался Бен. – Сейчас это только мешает.

– Договорились, – согласился Мэтт. – И каковы наши действия?

– Во-первых, предлагаю назначить вас главным по исследовательской части. Лучшей кандидатуры нам не найти. И к тому же вы сейчас прикованы к постели.

У Мэтта оживленно блеснули глаза:

– Я позвоню Лоретте Старчер, как только библиотека откроется. И ей понадобится тачка, чтобы привезти сюда все нужные книги.

– Сегодня воскресенье, – напомнила Сьюзен. – Библиотека не работает.

– Для меня она откроет, – заверил Мэтт, – можете не сомневаться.

– Простудите все, что удастся найти по нашему вопросу, – попросил Бен. – Книги по психологии, патологии, мистике, – буквально все! Договорились?

– Я даже заведу тетрадь, – оживился Мэтт, – чтобы ничего не упустить! – Он обвел взглядом Бена и Сьюзен. – С тех пор как меня поместили сюда, я впервые чувствую себя человеком! А чем займетесь вы?

– Сначала поговорим с доктором Коуди. Он осматривал и Райерсона, и Флойда Тиббитса. Может, нам удастся уговорить его эксгумировать Дэнни Глика.

– Как по-вашему, он согласится? – спросила Сьюзен у Мэтта.

Учитель приложился к соломинке и сделал пару глотков, размышляя.

– Тот Джимми Коуди, которого я знал в школе, согласился бы не раздумывая. У него была фантазия, широта взглядов и независимость суждений. В какого эмпирика его превратили колледж и медицинская школа, я не знаю.

– А мне все это кажется пустой тратой времени, – заявила Сьюзен. – Особенно беседа с доктором Коуди, который может поднять нас на смех. Почему бы нам с Беном не отправиться в Марстен-Хаус и не разобраться на месте раз и навсегда? На прошлой неделе мы так и собирались.

– Я объясню, – вызвался Бен. – Мы исходим из того, что все это правда. Неужели тебе так хочется сунуть голову в пасть льву?

– Я думала, что вампиры днем спят.

– Сам Стрейкер может и не быть вампиром, – пояснил Бен, – во всяком случае, если судить по старым преданиям. Он преотлично разгуливает днем. В лучшем случае он просто нас выставит за порог, и мы ничего так и не узнаем, а в худшем – задержит до темноты. И скормит вампиру, как в комиксах.

– Значит, речь идет о Барлоу?

– Кто знает? – пожал плечами Бен. – Объяснение, что он делает закупки в Нью-Йорке, звучит не очень-то правдоподобно.

Сьюзен упрямо покачала головой, но промолчала.

– А что вы станете делать, если Коуди поднимет вас на смех? – поинтересовался Мэтт. – При условии, конечно, что не отправит немедленно в психушку.

– Отправимся на закате на кладбище, – ответил Бен, – и будем следить за могилой Дэнни. Назовем это пробным шаром.

Мэтт приподнялся на локтях.

– Обещайте, что будете соблюдать осторожность. Дайте мне слово, Бен!

– Обещаем, – заверила Сьюзен. – И обвесимся крестами с ног до головы.

– Не надо с этим шутить, – пробормотал Мэтт. – Если бы вы видели то же, что и я... – Он отвернулся и посмотрел в окно, за которым виднелось по-осеннему ясное небо и залитые солнцем листья ольхи.

– Если она и шутит, то я точно нет, – заверил Бен. – Мы примем все меры предосторожности.

– Сходите к отцу Каллахэну, – попросил Мэтт. – Пусть он даст вам святой воды... и немного гостии.

– А что он за человек? – поинтересовался Бен.

Мэтт пожал плечами.

– Со своими странностями. Не прочь пропустить стаканчик-другой. Но если и пьяница, то вполне цивилизованный и тихий. Может, ему просто не по душе ярмо просвещенного католицизма.

– А вы уверены, что отец Каллахэн... пьет? – переспросила Сьюзен, не веря своим ушам.

– Не на сто процентов, но, по словам моего бывшего ученика Брэда Кэмпiona, который работает в винном магазине в Ярмуте, священник – его постоянный клиент. Предпочитает виски «Джим Бим», так что вкус у него

хороший.

– А с ним можно разговаривать? – спросил Бен.

– Не знаю, но попробовать стоит.

– Так вы его совсем не знаете?

– Ну почему же... Он пишет историю католической церкви в Новой Англии, любит и знает поэтов нашего так называемого «золотого века» – Уиттиера, Лонгфелло, Рассела, Холмса и других. В прошлом году я приглашал его выступить на заседании школьного литературного кружка. У него быстрый и острый ум – ученикам он понравился.

– Я встречу с ним и по ходу определюсь, – пообещал Бен.

В дверь заглянула медсестра, кивнула, и через мгновение появился Джимми Коуди со стетоскопом на шее.

– Докучаете моему пациенту? – дружелюбно поинтересовался он.

– Уж точно не так, как ты! – недовольно проворчал Мэтт. – Мне нужна моя трубка.

– Нельзя, – рассеянно ответил Коуди, погружившись в изучение медицинской карты.

– Проклятый шарлатан! – пробурчал Мэтт.

Коуди убрал карту и задернул зеленую занавеску вокруг кровати.

– Боюсь, что посетителям придется немного подождать. Как ваша голова, мистер Миерс?

– Похоже, все на месте.

– Вы слышали о Флойде Тиббитсе?

– Сьюзен мне рассказала. Если после обхода у вас найдется время, я бы хотел с вами переговорить.

– Тогда я закончу обход вами. Около одиннадцати.

– Отлично.

Коуди снова взялся за занавеску.

– А теперь попрошу извинить нас...

– Вот так, друзья, меня изолируют от общества, – заметил Мэтт. – Как в телешоу «Ставка – ваша жизнь» – «Дай правильный ответ и получи сто долларов».

Занавеска задернулась, окончательно скрыв Мэтта, и послышался голос Коуди:

– В следующий раз, когда вы будете под наркозом, я отрежу вам язык и удалю половину мозга.

Бен и Сьюзен с улыбкой переглянулись, как улыбаются молодые пары, когда погода хорошая и ничто не омрачает приподнятого настроения. Однако улыбки тут же погасли: оба одновременно усомнились в своем

В двадцать минут двенадцатого Джимми Коуди вошел в палату Бена.

– Я хотел с вами поговорить, – начал было Бен, но доктор его прервал:

– Сначала голова, потом беседы.

Он осторожно раздвинул волосы, внимательно осмотрел и, предупредив, что придется потерпеть, сдернул лейкопластырь, державший повязку. Бен от боли подпрыгнул.

– Шишка будь здоров! – констатировал Коуди и наложил новую повязку, правда, уже не такую внушительную.

Он посветил Бену в зрачки и постучал по колену резиновым молоточком. Бен с содроганием подумал, что это, наверное, тот же самый инструмент, которым доктор осматривал Майка Райерсона.

– Похоже, заживает нормально, – констатировал Коуди, убирая инструменты. – А как девичья фамилия вашей матери?

– Эшфорд, – ответил Бен. Ему уже задавали подобные вопросы – сразу как он пришел в себя.

– А учительницы в первом классе?

– Миссис Перкинс. Она красила волосы.

– А второе имя отца?

– Мертон.

– Есть головокружение или тошнота?

– Нет.

– Чувствуете какие-то странные запахи, или видите необычные цвета, или...

– Нет, нет и нет! Я чувствую себя совершенно здоровым.

– Это мне решать, – строго одернул его доктор. – В глазах не двоится?

– В последний раз двоилось, когда я выпил целый галлон пива.

– Хорошо. Объявляю вас исцеленным благодаря чудесам современной медицины и природной твердолобости. Так о чем вы хотели поговорить? Наверное, о Тиббитсе и малютке Макдугалле. Повторю вам то, что сказал Паркинсу Гиллеспи. Первое: я рад, что это не попало в газеты. Для нашего маленького городка одного скандала в столетие более чем достаточно. Второе: я понятия не имею, кто мог бы проделать такую идиотскую штуку. Наверняка не из местных. У нас, конечно, есть свои оригиналы, однако... – Заметив, с каким недоумением на него взирали Бен и Сьюзен, он

остановился. – Вы что – ничего не знаете? Еще не слышали?

– Не слышали чего? – не выдержал Бен.

– Это скорее похоже на фильм о Франкенштейне по роману Мэри Шелли. Вчера ночью кто-то выкрал тела из камберлендского окружного морга в Портленде.

– Боже милостивый! – воскликнула Сьюзен, изменившись в лице.

– В чем дело? – спросил Коуди, встревожившись. – Вам что-то об этом известно?

– Мне все больше начинает казаться, что да, – ответил Бен.

4

В десять минут первого они закончили свой рассказ. Сестра принесла Бену поднос с обедом, но он к нему так и не притронулся. Когда прозвучало последнее слово, тишину нарушал только звон посуды, доносившийся из полуоткрытой двери, за которой проголодавшиеся пациенты разделялись с обедом.

– Вампиры, – медленно повторил Джимми Коуди и добавил: – Надо же, Мэтт Берк! В голове не укладывается!

Бен и Сьюзен промолчали.

– Так, значит, вы хотите, чтобы я эксгумировал парнишку Гликов, – задумчиво произнес доктор. – Господи ты Боже мой!

Он достал из чемоданчика пузырек и бросил Бену, и тот поймал его на лету.

– Аспирин, – пояснил он. – Принимали его?

– И не раз!

– Мой отец называл его лучшим лечебным средством. А знаете, как он действует?

– Нет. – Бен вертел пузырек в руках, разглядывая его. Он слишком мало знал Коуди, чтобы читать его мысли, но не сомневался, что не многим пациентам доводилось видеть этого похожего на Нормана Роквелла ^[17] человека с мальчишеским лицом, таким задумчивым и отстраненным. Он не хотел мешать ему думать.

– Я тоже. И никто не знает. Но он помогает при головной боли, артрите и ревматизме. Их причин мы не знаем тоже. Почему болит голова? Мозг не имеет нервных окончаний. Нам известно, что по химическому составу аспирин очень близок к ЛСД, но почему один препарат снимает головную боль, а другой вызывает галлюцинации? Отчасти причиной является то, что

мы, в сущности, не знаем, что такое мозг. Самый что ни на есть знающий врач – крохотный островок в безбрежном океане невежества.

Мы гадаем на кофейной гуще и тычем пальцем в небо. На это уходит куча времени. Белая магия. Узаконенное колдовство. Мои преподаватели от этих слов схватились бы за голову. Как это было, когда они узнали, что я собираюсь практиковать в провинции Мэна. Один из них напомнил мне, что Маркус Уэбли^[18] всегда вскрывал чирей на ягодице пациента во время телезаставки. Но я никогда не хотел быть похожим на Маркуса Уэбли. – Коуди улыбнулся. – Они бы забились в судорогах, узнай, что я собираюсь эксгумировать юного Глика.

– Вы это сделаете? – изумилась Сьюзен.

– А кому от этого станет хуже? Если он мертв, значит, мертв. Если нет – мне будет чем поразить коллег на ежегодном съезде Американской медицинской ассоциации. Я скажу окружающему патологоанатому, что собираюсь проверить его на инфекционный энцефалит. Это единственное разумное объяснение, которое мне приходит в голову.

– А такой диагноз может подтвердиться? – спросила Сьюзен с надеждой.

– Крайне маловероятно.

– И когда вы сможете это сделать? – спросил Бен.

– Самое раннее – завтра. Если придется улаживать формальности, то во вторник или в среду.

– И как он должен выглядеть? – снова спросил Бен. – Я имею в виду...

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Глики не заказывали бальзамирование тела, верно?

– Нет, не заказывали.

– Прошла неделя?

– Да.

– Когда гроб откроют, вырвутся газы, и будет очень неприятный запах. Тело может раздуть. Волосы могут отрасти до воротника – просто удивительно, как долго продолжается процесс их роста! И ногти тоже будут длинными. Глаза, вероятно, ввалятся.

Несмотря на все старания Сьюзен соответствовать духу научной беседы, у нее это плохо получалось. Бену же оставалось только порадоваться, что он не стал есть обед.

– Разложение тканей тела еще не будет завершено, – продолжал Коуди тоном лектора, – однако благодаря влаге на открытой поверхности кожи щек и рук может образоваться липкая субстанция, называемая... – Он вдруг осекся. – Прошу прощения. Я слишком увлекся.

– Есть вещи похуже разложения, – заметил Бен, стараясь говорить ровным голосом. – А если вы не обнаружите всех этих признаков? Что, если тело окажется таким, как и в день похорон? Что тогда? Придется вогнать в сердце кол?

– Это вряд ли, – ответил Коуди. – Прежде всего потому, что при эксгумации должны присутствовать либо судмедэксперт, либо его помощник. Не думаю, что даже Брент Норберт сочтет мои действия профессиональными, если я выну кол и загоню его молотком в грудь детского трупа.

– И что вы сделаете? – осторожно спросил Бен.

– Ну, при всем уважении к Мэтту Берку, не думаю, что мы с этим столкнемся. Но если тело действительно окажется в таком удивительном состоянии, его наверняка заберут в медицинский центр штата Мэн для тщательного обследования. А там я буду ежедневно наблюдать за ним до темноты... и фиксировать все возможные явления.

– А если он встанет?

– Как и вам, мне это кажется невероятным.

– Моя уверенность тает с каждым днем, – мрачно заметил Бен. – А могу я присутствовать, когда это случится... если, конечно, случится.

– Думаю, это можно устроить.

– Хорошо, – сказал Бен и, поднявшись, направился к шкафу, где висели его вещи. – Я собираюсь...

Сьюзен хихикнула, и Бен обернулся:

– Что?

– Больничные сорочки часто распахиваются сзади, мистер Миерс, – пояснил Коуди с улыбкой.

– Вот черт! – Бен тут же развернулся, чтобы поправить за спиной сорочку. – Зовите меня просто Бен.

– На этой высокой ноте, – Коуди поднялся, – мы со Сьюзен отбудем и будем вас ждать в кафетерии внизу. Нам с вами предстоит еще кое-что сегодня сделать.

– Вот как?

– Да. Нужно рассказать про энцефалит Гликама. Вы можете выдать себя за моего коллегу. Говорить ничего не придется. Просто поглаживайте подбородок и напустите на себя важный вид.

– Им это наверняка не понравится, верно?

– А вам бы понравилось?

– Нет, точно нет.

– Вам нужно их согласие на эксгумацию? – поинтересовалась Сьюзен.

– Технически – нет, а практически – не исключено. Мой опыт с эксгумацией ограничивается курсом по медицинскому праву в колледже. Я думаю, что, если Глики будут решительно против, дело может дойти до суда, а это будет означать затяжку во времени от двух недель до месяца. А тогда версия с энцефалитом потеряет всякую актуальность. – Коуди помолчал и обвел их взглядом. – И это беспокоит меня больше всего, даже не принимая во внимание рассказ мистера Берка. Тело Дэнни Глика – наша единственная зацепка. Все другие тела исчезли.

Бен и Джимми Коуди добрались до дома Гликов около половины второго. Машина Тони Глика стояла на дорожке, но в доме было тихо. Когда никто не отозвался на третий стук, они перешли через дорогу к маленькому сборному домику напротив, одну стену которого подпирали ржавые домкраты. На почтовом ящике значилось «Диккенс». Возле тропинки, ведущей к дому, стояла газонная фигурка розового фламинго. Маленький кокер-спаниель при виде посетителей отчаянно завил хвостом.

Паулина Диккенс – официантка и совладелица кафе «Экселлент» – открыла дверь после первого же звонка Коуди. Она была одета для работы.

– Привет, Паулина, – сказал Джимми. – Ты в курсе, где сейчас Глики?

– А ты разве ничего не знаешь?

– Ты о чем?

– Миссис Глик умерла сегодня утром. А Тони Глика увезли в центральную больницу штата. У него настоящий шок.

Бен бросил взгляд на Коуди. У того был такой вид, будто он получил удар под дых.

– А куда забрали ее тело? – спросил Бен, беря инициативу на себя.

Паулина разгладила юбку, чтобы форма сидела как надо.

– Час назад я говорила по телефону с Мейбл Уэртс, и она сказала, что Паркинс Гиллеспи собирался отвезти тело в похоронную контору, которую держит один еврей в Камберленде. Дело в том, что Карла Формана нигде не могут найти.

– Понятно, – медленно произнес Коуди.

– Просто ужасно! – отозвалась она, глядя на пустой дом напротив. Машина Тони Глика стояла на дорожке, как огромный сторожевой пес, которого посадили на цепь и бросили. – Будь я суеверна, я бы точно

испугалась.

– Чего именно, Паулина? – спросил Коуди.

– Ну... разного, – уклончиво ответила она и поднесла руку к маленькой цепочке на шее. Там висел медальон святого Христофора.

6

Они вернулись в машину и молча проводили взглядом Паулину, уехавшую на работу.

– Что теперь? – наконец спросил Бен.

– В голове не укладывается! – сказал Джимми. – Того еврея зовут Мори Грин. Думаю, надо ехать в Камберленд. Девять лет назад сынишка Мори чуть не утонул в озере. Я там случайно оказался со своей знакомой и сделал ему искусственное дыхание. Он снова задышал. Похоже, пришло время попросить об ответной услуге.

– А смысл? Судмедэксперт наверняка забрал тело для вскрытия – или как это там называется.

– Сомневаюсь. Не забывайте, что сегодня воскресенье. Судмедэксперт наверняка отправился на природу с молотком. Он геолог-любитель. А Норберт... помните Норберта?

Бен кивнул.

– Норберт, по идее, должен быть на связи, но он на редкость необязательный. Запросто мог снять трубку, чтобы спокойно посмотреть, как «Пэкерз» играют против «Пэтриотс». Если мы отправимся к Мори Грину прямо сейчас, думаю, у нас есть все шансы застать тело еще у него.

– Хорошо, – согласился Бен. – Поехали.

Он вспомнил, что собирался навестить отца Каллахэна, но с этим придется подождать. События развивались слишком быстро. Вымысел и реальность слились воедино.

7

До автострады они ехали молча, думая каждый о своем. Бен вспоминал слова Коуди, сказанные в больнице. Карл Форман пропал. Тела Флойда Тиббитса и младенца Макдугалла исчезли из морга прямо под носом у двух санитаров. Майк Райерсон тоже пропал, и неизвестно, кто еще. Сколько людей в Салемс-Лоте могли исчезнуть, и их никто не

хватится целую неделю... или две... или месяц? Две сотни? Три? Он почувствовал, как на ладонях выступил пот.

– Все это начинает походить на сон параноика, – произнес Джимми, – или карикатуры ужасиков Гахана Уилсона. Самым пугающим – если рассуждать непредвзято – является та легкость, с которой образуются колонии вампиров, при условии, конечно, что появляется первый. Наш городок – спальный район для Портленда, Льюистона и Гейтс-Фоллса. В самом городе нет предприятий, которые позволили бы быстро хватиться пропавших. В школы свозятся дети из трех городов, и если список отсутствующих увеличится, то кто обратит внимание? Многие ходят в церковь в Камберленде, а еще больше вообще не посещают церковь. Телевизор положил конец посиделкам стариков, если не считать тех чудаков, что собираются в магазине Милна. И колония может легко разрастись незаметно для окружающих.

– Да, – согласился Бен. – Дэнни Глик заражает Майка. Майк заражает... даже не знаю кого. Может, Флойда. Младенец Макдугаллов заражает... отца? Мать? Как они? Кто-нибудь проверял?

– Они не мои пациенты. Думаю, что утром им позвонил доктор Плауман и сообщил о пропаже ребенка из морга. Но утверждать, что он им звонил или заходил, я не могу.

– Надо бы проверить, – сказал Бен и забеспокоился. – Видите, как все складывается? Человек со стороны проедет через город и ничего не заметит. Обычный захудалый городишко, где после девяти все сидят по домам. Но кто знает, что происходит в домах за задернутыми шторами? Люди могут дожидаться заката, лежа в кроватях... или же забраться в кладовки и подвалы. И с каждым днем на улицах все меньше и меньше жителей. Все меньше и меньше! – Он с трудом сглотнул.

– Пока рано паниковать, – сказал Джимми. – Еще ничего не доказано.

– Доказательств больше чем достаточно! – возразил Бен. – Если бы речь шла о чем-то понятном, скажем, вспышке тифа или гриппа вируса А2, город бы уже давно закрыли на карантин.

– Сомневаюсь. Не забывайте, что *видел* нечто всего один человек.

– Причем весьма уважаемый, а не какой-то там пьяница.

– Да если об этом узнают, он станет посмешищем!

– И кто будет смеяться? Уж наверняка не Паулина Диккенс, которая готова повсюду разложить обереги.

– В эпоху «Уотергейта» и нефтяного кризиса она исключение, – не сдавался Джимми.

Остаток пути они проехали молча. Похоронное бюро Грина

располагалось на северном конце Камберленда. Там между часовней и высоким деревянным забором стояли два катафалка. Джимми выключил зажигание и посмотрел на Бена.

– Готовы?

– Готов.

Они вылезли из машины.

8

Внутреннее несогласие нарастало в Сьюзен все утро, и к двум часам дня она уже не могла его сдерживать. Неужели чтобы доказать, что все это полная чушь (уж извините, мистер Берк), нужны все эти дурацкие обходные маневры и меры предосторожности? Сьюзен решила отправиться в Марстен-Хаус немедленно.

Она спустилась вниз и взяла записную книжку. Энн Нортон пекла печенье, а отец сидел в гостиной и смотрел футбол.

– Куда ты собралась? – спросила миссис Нортон.

– Прокатиться.

– Ужин в шесть. Постарайся вернуться к этому времени.

– Я буду дома самое позднее в пять.

Сьюзен вышла на улицу и села в машину, которой искренне гордилась. Не потому, что это ее первый автомобиль (хотя так оно и было), а потому, что она его оплатила сама («Почти оплатила», – поправила она себя, поскольку оставалось еще шесть взносов), своим трудом и талантом. Это был «шевроле»-хетчбэк, выпущенный меньше двух лет назад.

Она осторожно выехала из гаража и махнула рукой матери, выглянувшей в окно. Отношения между ними оставались натянутыми. Раньше, даже после самых сильных скандалов, отношения постепенно налаживались: жизнь продолжалась и притупляла обиды, которые при следующей перепалке тут же припоминались снова и вытаскивались на свет, еще больше увеличивая накопившееся недовольство друг другом. Но на этот раз о примирении не могло быть и речи: нанесенные раны не поддавались исцелению, и единственным выходом представлялась только ампутация. Сьюзен уже почти собрала вещи и чувствовала, что поступает правильно. Ей уже давно следовало жить отдельно.

Повернув на Брок-стрит, она ощутила прилив бодрости и удовлетворения (не без пикантной абсурдности): сама перспектива решительных действий окрыляла ее. Последние события выбили Сьюзен из

колеи, и она чувствовала себя щепкой, которую влекло течением по воле стихии, но теперь она будет грести!

Выехав за пределы города, она остановилась на обочине и направилась к западному пастбищу Карла Смита, где дожидалось зимы снегозащитное ограждение. Наклонившись, Сьюзен раскачала одну штакетину и освободила ее из петель мягкой проволоки, на которой та держалась. Абсурдность происходящего заставила ее невольно улыбнуться: у нее в руках оказался вполне приличный кол длиной около трех футов. Сьюзен отнесла его в машину и положила на заднее сиденье. На свиданиях ей довелось посмотреть достаточно фильмов ужасов, чтобы знать: уничтожить вампира можно, только если загнать ему в сердце кол. Однако она никогда не задумывалась, сможет ли сама вбить кол в грудь мужчины, если вдруг возникнет необходимость.

Она продолжила путь и добралась до Камберленда. Там был маленький магазинчик, который работал и по воскресеньям. Отец покупал в нем «Санди таймс». Сьюзен помнила, что на прилавке была маленькая витрина с бижутерией.

Она купила «Таймс» и маленький золотой крестик. Покупки обошлись ей в четыре с половиной доллара, и продавец, пробивая чек, даже не оторвался от экрана телевизора, где шел футбол и за «Нью ингланд пэтриотс» играл Джим Планкетт.

Затем Сьюзен направилась на север по недавно заасфальтированной Каунти-роуд. В ярком послеполуденном свете все вокруг казалось таким свежим, бодрящим и живым, что ее мысли невольно переключились на Бена.

Из-за медленно ползущего облака выглянуло солнце, лучи которого пробивались сквозь листву деревьев и падали на дорогу живописными пятнами. Сьюзен подумала, что в такой чудесный день ничего плохого случиться просто не может.

Примерно через пять миль она свернула на Брукс-роуд и снова оказалась в черте Салемс-Лота. Немоощная дорога углубилась в густой лес, скрывавший солнце. Здесь не было ни домов, ни трейлеров. Земля тут принадлежала одной бумажной компании, получившей известность своим призывом к клиентам обращаться с туалетной бумагой бережно. Через каждые сто футов вдоль дороги встречались таблички, запрещающие охотиться и входить в лес. Проехав поворот, ведущий на свалку, Сьюзен ощутила смутную тревогу. На этом мрачном участке пути возможность существования потусторонних сил уже не казалась такой нелепой. Сьюзен в который раз спросила себя, зачем нормальному человеку покупать

полуразвалившийся дом самоубийцы и держать в нем ставни закрытыми в дневное время суток.

На западном склоне Марстен-Хилла дорога вдруг резко нырнула вниз, а потом круто взмыла вверх. Сквозь верхушки деревьев показалась крыша Марстен-Хауса.

Остановившись у небольшой ложбинки, откуда начиналась лесовозная дорога, Сьюзен вышла. После некоторого колебания она забрала с заднего сиденья кол и надела на шею крестик. Она чувствовала себя глупо и боялась даже представить, как будет выглядеть, если попадется на глаза кому-нибудь из знакомых, который будет проезжать мимо и увидит ее на дороге с колом в руках.

Привет, Сьюз, ты куда?

Да вот иду в Марстен-Хаус прикончить вампира. Но я спешу – надо успеть вернуться домой к ужину, а он в шесть.

Она решила пойти напрямик через лес.

Сьюзен осторожно переступила через осыпавшуюся каменную ограду вдоль дороги и порадовалась, что была в брюках. Очень стильный образ бесстрашного охотника за вампирами. К тому же до кромки леса пришлось пробираться через заросли ежевики и бурелом.

В лесу было значительно прохладнее и темнее. Под ногами лежал ковер из опавших сосновых иголок, в кронах деревьев шумел ветер. Какой-то мелкий зверек рванул в сторону через кустарник. Сьюзен вдруг сообразила, что если пойти налево, то можно срезать угол через кладбище Хармони-Хилл, если, конечно, удастся перелезть через его заднюю стену всего в полумиле отсюда.

Она медленно продвигалась вперед, стараясь не шуметь. У подножия холма сквозь редяющие деревья уже проглядывали очертания тыльной стены Марстен-Хауса. Сьюзен вдруг почувствовала, как внутри нарастает страх. Она не могла понять его причины, что делало его похожим на дрожь (уже почти забытую), которая охватила ее в доме Мэтта Берка. На улице было светло, ее шагов точно никто не слышал, но страх сжимал ей сердце все сильнее и сильнее. Казалось, внезапно проснулся некий давно превратившийся в рудимент орган вроде аппендикса и принялся в бешеном ритме вырабатывать страх, заполнявший все сознание. День больше не радовал. Игры кончились. Былая решительность таяла на глазах. Сьюзен вспомнила, как в кинотеатрах под открытым небом смотрела из автомобиля фильмы ужасов, где героиня поднимается по узким ступенькам на чердак, чтобы выяснить, что же так напугало старую миссис Кобхэм, или, наоборот, спускается в подвал, где со стен сочится вода, делая его похожим

на чудовищное чрево, и думала: «Надо же быть такой дурой!.. Я бы ни за что сюда не полезла!» И вот теперь она сама делает именно это! Вот уж действительно яркая иллюстрация огромной пропасти, лежащей между сознательным и бессознательным. Несмотря на импульсы, посылаемые бессознательным, разум может упрямо настаивать на своем, пока не распахнется дверь на чердак или в подвал и человек не окажется лицом к лицу с неопишуемым ужасом, где...

ХВАТИТ!

Усилием воли Сьюзен заставила себя выбросить эти мысли из головы и почувствовала, как покрылась липким потом. И все – от одного вида обычного дома с закрытыми ставнями. Нужно взять себя в руки! Она же собиралась только посмотреть, что к чему, вот и все! Отсюда можно увидеть ее собственный дом! Что, скажите на милость, может случиться в такой близости от родного жилища?

И все же, когда деревья стали совсем редкими, она еще крепче сжала в руке кол и стала продвигаться вперед, опустившись на четвереньки. Минуты через три или четыре Сьюзен оказалась перед открытым пространством. За последними деревьями и кустами можжевельника просматривалась западная часть стены, опутанная побегами жимолости. Высокая, до колен, некошенная летняя трава пожелтела.

Неожиданно тишину разорвал рев двигателя машины, и сердце у Сьюзен чуть не выпрыгнуло из груди. Она сумела удержаться на месте, вцепившись пальцами в траву и сильно закусив нижнюю губу. Через мгновение показалась старомодная черная машина, которая притормозила у ворот и, повернув направо, направилась в сторону города. Сьюзен сумела хорошо разглядеть мужчину, сидевшего за рулем: большая лысая голова; глаза посажены так глубоко, что видны одни глазницы; темный костюм. Стрейкер. Наверное, едет в магазин Кроссена.

Многие ставни зияли щелями от выпавших реек, и Сьюзен обрадовалась: можно осторожно подобраться вплотную и заглянуть внутрь. Скорее всего она увидит только стройматериалы: может, свежую штукатурку или новые обои – инструменты, лестницы и ведра. Примерно так же романтично и сверхъестественно, как футбол по телевизору.

Но прежний страх не отпускал.

И вдруг волной накатил настоящий ужас, отметаивший всякую логику и здравомыслие, а во рту появился металлический привкус.

Сьюзен почувствовала за спиной чье-то присутствие еще до того, как ей на плечо опустилась рука.

Начинало темнеть.

Бен поднялся со складного деревянного стула и подошел к окну, выходящему на лужайку позади похоронного бюро. Ничего особенного он не увидел. Время было без четверти семь, и тени стали совсем длинными. Несмотря на осень, трава оставалась по-прежнему зеленой, и он подумал, что предусмотрительный гробовщик постарается сохранить ее такой до самой зимы. Символ продолжающейся жизни на фоне умирающего года. От этой мысли Бену стало не по себе, и он отвернулся.

– Ужасно хочется курить, – пожаловался он.

– Курение убивает, – отозвался Джимми, не оборачиваясь. Его внимание было приковано к маленькому телевизору Мори Грина, по которому показывали фильм о дикой природе. – Вообще-то я бы и сам не отказался. Я бросил курить десять лет назад после доклада министерства здравоохранения о вреде табака. Врачам это не к лицу. Но первым делом по утрам хватаюсь за пачку на тумбочке.

– Вы же сказали, что бросили.

– Я держу там пачку по той же причине, что алкоголики хранят бутылку виски в шкафу на кухне. Вырабатываю силу воли.

Бен бросил взгляд на часы: 18:47. Если верить воскресной газете Мори Грина, солнце сядет в 19:02 по восточному времени.

Джимми все устроил замечательно. Мори Грин оказался маленьким человечком в расстегнутой черной жилетке и белой рубашке. При виде доктора печальная настороженность на его лице сменилась радостной улыбкой.

– Шалом, Джимми! – воскликнул он. – Где вы пропадали?

– Спасал человечество от простуды, – с улыбкой отозвался тот, пока Грин тряс ему руку. – Позвольте представить моего хорошего друга. Мори Грин, Бен Миерс.

Мори обхватил ладонь Бена обеими руками. За стеклами в тяжелой черной оправе блеснули глаза.

– И вам тоже – шалом! Друзья Джимми – мои друзья. Входите же, я позову Рэйчел и...

– Не нужно, – остановил его Джимми. – Мы пришли попросить об одной услуге. И немаленькой.

Грин внимательно посмотрел на Джимми.

– «Немаленькой»! – насмешливо повторил он. – Как можно! Разве не

благодаря вам мой сын входит в тройку лучших учеников класса в своей школе? Да все, что угодно, Джимми!

Джимми покраснел.

– На моем месте любой поступил бы так же, Мори.

– Я не собираюсь с вами спорить. Говорите! И почему у вас с мистером Миерсом такой встревоженный вид? Вы попали в аварию?

– Нет-нет.

Грин провел их на маленькую кухню позади часовни и поставил варить кофе в старой облезлой турке.

– Норберт уже забрал тело миссис Глик? – поинтересовался Джимми.

– Нет, даже не показывался, – ответил Мори, ставя на стол сливки и сахар. – Он заявится в одиннадцать и еще будет удивляться, почему меня нет на месте! Бедная женщина! – вздохнул он. – Такое горе в семье! А как чудесно она выглядит, Джимми! Ее привез старый дуралей Риардон. Она была твоей пациенткой?

– Нет, – признался Джимми, – но мы с Беном... хотели бы посидеть возле ее тела этой ночью, Мори. Прямо тут, внизу.

– «Посидеть»? Вы хотели сказать «осмотреть»?

– Нет, – твердо ответил Джимми. – Просто побыть рядом.

Мори удивленно уставился на них.

– Похоже, что я не ослышался. Но зачем?

– Этого я не могу сказать, Мори.

– Понятно! – Грин разлил по чашкам кофе и попробовал его из своей. – Не очень крепкий – в самый раз. Она болела чем-то заразным?

Джимми и Бен обменялись взглядами.

– В общепринятом смысле – нет, – наконец произнес Джимми.

– И вы хотите, чтобы я держал рот на замке?

– Да.

– А если явится Норберт?

– Норберта я беру на себя, – заверил Джимми. – Скажу ему, что Риардон попросил посмотреть ее на предмет инфекционного энцефалита. Он не станет перепроверять.

Грин согласно кивнул.

– Да уж, без приказа Норберт палец о палец не ударит.

– Так мы договорились, Мори?

– Ну конечно! А я-то думал, что речь действительно о чем-то серьезном...

– Так и есть. Возможно, все гораздо серьезнее, чем вам представляется.

- Вот допью свой кофе и отправлюсь домой узнать, что за кошмар Рэйчел соорудила на ужин. Держите ключ. Заприте за собой, когда пойдете.
- Еще раз огромное спасибо, Мори.
- Всегда рад услужить. Только взамен я тоже хочу попросить об услуге.
- Конечно. О чем?
- Если она что-нибудь скажет, запишите это для потомства. – Он засмеялся, но тут же осекся, увидев, как изменились их лица.

10

Без пяти семь Бен почувствовал, как в нем стало нарастать напряжение.

– Перестаньте смотреть на часы, – посоветовал Джимми. – Этим время не подстегнуть.

Бен виновато отвернулся.

– Сомневаюсь, что вампиры – если они, конечно, существуют – просыпаются точно в момент захода солнца. Темно становится позже, – заметил Джимми, но все-таки поднялся и выключил телевизор, так и не досмотрев передачу про каролинских уток.

В комнате воцарилась тишина. Они находились в рабочем помещении похоронного бюро, где на подъемном металлическом столе с желобами и петлями для ступней лежало тело Марджори Глик. Бен подумал, что похожие столы были в приемном покое больницы.

Когда они вошли, Джимми откинул простыню, закрывавшую тело, и осмотрел его. Миссис Глик была в бордовом домашнем халате и трикотажных шлепанцах. На левой голени виднелся кусочек пластыря, заклеивавший, судя по всему, порез от бритья. Бен старался на него не смотреть, однако взгляд все время возвращался к нему.

– Что скажете? – поинтересовался Бен.

– Сейчас рано судить, но часа через три наступит ясность. В любом случае состояние ее тела удивительно похоже на ситуацию с Майком Райерсоном: никакой синюшности или окоченения. – Он натянул простыню обратно и замолчал.

Две минуты восьмого.

– А где ваш крестик? – вдруг спросил Джимми.

– Крестик? – удивился Бен. – Господи, у меня его нет!

– Сразу видно, что вы никогда не были бойскаутом, а я вот всегда готов

к любым неожиданностям. – Джимми открыл чемоданчик, достал два шпателя для придавливания языка и, сняв целлофановую оболочку, крестообразно скрепил их между собой клейкой лентой. – Благословите его!

– Что?! – опешил Бен. – Я не могу... я не знаю как.

– Так придумайте! Вы же писатель, вам и карты в руки! – Джимми вдруг стал необычайно серьезным. – И поторопитесь! Мне кажется, сейчас что-то произойдет! Чувствуете?

Бен действительно чувствовал. В багровых отсветах заката незримо сгущалось нечто тяжелое и давящее. Во рту у Бена вдруг пересохло, и он, с трудом облизнув губы, произнес:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа... – И добавил, подумав: – И во имя Девы Марии тоже. Благословите этот крест... и...

Неожиданно его голос обрел уверенность.

– Господь – Пастырь мой. – Слова зазвучали торжественно и были похожи на тяжелые капли, которые без плеска падали в гладь глубокого озера и растворялись в нем. – Я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на златных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою...

К нему присоединился Джимми. Теперь слова псалма звучали в два голоса:

– ...направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...

Бену стало трудно дышать, а по коже поползли мурашки и волоски на ней стали шевелиться и покалывать будто наэлектризованные.

– ...потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благодать и милость Твоя...

Простыня, накрывавшая тело Марджори Глик, зашевелилась. Из-под нее высунулась рука, судорожно сжимавшая и разжимавшая пальцы.

– Господи, неужели мне это не мерещится?! – прошептал Джимми. Он смертельно побледнел, и веснушки на коже выступили яркими пятнами, похожими на капли грязи на оконном стекле.

– ...да сопровождают меня во все дни жизни моей, – закончил Бен. – Джимми, вы видите, что происходит с крестом?!

Крест излучал удивительное сияние, заливавшее ему руку волшебным светом.

В тишине раздался хриплый сдавленный голос:

– Дэнни?

Язык Бена прилип к гортани. Тело под простыней зашевелилось. Тени в комнате сгустились и начали двигаться.

– Дэнни, где ты, родной?

Марджори Глик села, и простыня сползла на колени. Лицо женщины было мертвенно-бледным, с темными провалами глазниц. Увидев их, она хищно ослабилась и злобно зарычала. В последних отблесках заката сверкнули острые клыки.

Марджори Глик свесила ноги со стола, и один шлепанец соскользнул на пол.

– Замри! – приказал Джимми. – Не двигайся!

В ответ она снова зарычала, спрыгнула со стола и, покачнувшись, двинулась им навстречу. Темные с красными прожилками глаза казались бездонными. Бен вдруг осознал, что в них можно утонуть, и с трудом отвел взгляд.

– Не смотри ей в лицо! – крикнул он Джимми.

Они, не сговариваясь, пятились назад к узкому коридору, который вел на лестницу.

– Крест, Бен!

Тот, спохватившись, поднял его над головой. Крест снова засветился, причем так ярко, что Бен невольно прищурился. Миссис Глик яростно зашипела и рывком закрыла лицо руками. Кожа на ее лице зашевелилась, будто клубок змей. Она сделала шаг назад.

– Действует! – закричал Джимми.

Бен наступал, держа крест на вытянутых руках. Она выбросила вперед сложенные в клешню пальцы и попыталась выхватить крест. Бен увернулся и снова высоко его поднял. Из горла Марджори вырвался пронзительный визг.

Впереди Бена ждали еще более ужасные события, однако эта сцена запечатлелась в памяти навсегда, чтобы потом еще не раз явиться в кошмарах: Марджори Глик пятится к столу гробовщика, возле которого валяются шлепанец и простыня.

Она отступала неохотно, и ее взгляд метался между ненавистным крестом и шеей Бена. Из горла вырывалось нечленораздельное клокотание и шипение, а движения напоминали какое-то отвратительное насекомое. Бен подумал, что, не будь у него креста, она бы точно разорвала ему горло ногтями и жадно прильнула бы к фонтану крови из яремной вены и сонной артерии: совсем как путник, изнемогавший от жажды в пустыне и добравшийся наконец до спасительной воды. Она бы купалась в его крови!

Джимми подался в сторону и обходил ее слева. Марджори Глик его не видела. Ее взгляд – полный ненависти и страха – был устремлен только на Бена.

Доктор обогнул стол и, дождавшись, когда миссис Глик упрется в него спиной, с криком схватил ее сзади за шею обеими руками.

Она резко дернулась, и из ее горла вырвался высокий свистящий звук. Бен увидел, как ногти Джимми содрали кожу у нее на плече, но из глубокой раны, похожей на безгубый рот, ничего не вытекло. И тут произошло невероятное: она швырнула Джимми с такой силой, что он перелетел через всю комнату и рухнул в углу, сбив с тумбочки переносной телевизор Мори Грина.

В следующее мгновение она как молния метнулась к доктору, вскочила на него и разорвала воротник. Бен с ужасом наблюдал, как хищно изогнулась ее голова, сверкнули клыки, – и вот она уже жадно прильнула к шее!

Джимми Коуди испустил пронзительный крик обреченного.

Бен бросился на выручку, но споткнулся о разбитый телевизор и едва удержался на ногах. Он слышал ее хриплое дыхание, похожее на шорох соломы, и отвратительные булькающие звуки и причмокивание.

Он схватил Марджори Глик за ворот халата и дернул вверх, уже не думая о кресте. Ее голова повернулась с ужасающей быстротой: глаза расширены и блестят, а губы и подбородок перемазаны кровью, которая в сгущавшейся темноте казалась черной.

Бену в нос ударило тошнотворное могильное зловоние, и, будто в замедленной съемке, показался язык, облизывающий губы.

Он взмахнул крестом в тот самый момент, когда Марджори Глик легко, будто тряпку, притянула его к себе. Закругленный конец шпателя ткнул ей в подбородок и, не встретив сопротивления кожи, прошел дальше. Сверкнула какая-то странная вспышка, причем не перед глазами Бена, а будто за ними, и источником ее являлся точно не свет. В нос ударил резкий запах горячей плоти. Она издала истошный агонизирующий вопль, и Бен скорее почувствовал, нежели увидел, как Марджори подалась назад и, споткнувшись о телевизор, рухнула на пол, выставив вперед белую руку. Однако она тут же с нечеловеческой ловкостью вскочила на ноги – ее сузившиеся от боли глаза переполнял все тот же ненасытный голод. Плоть на подбородке почернела и дымилась. Она рычала.

– Подходи, гадина! – выдохнул Бен. – Ну же, давай!

Высоко подняв крест, он оттеснял Марджори Глик в дальний левый угол, рассчитывая, что сумеет там приложить его ко лбу чудовища. Однако,

почувствовав за спиной стены, она неожиданно хихикнула, издав высокий режущий звук, похожий на скрежет ножа по стеклу, от которого Бен невольно вздрогнул.

– *И все-таки я победила! Теперь вас стало меньше!*

Тело Марджори вдруг стало удлиняться и сделалось прозрачным. Какое-то время ему казалось, что она по-прежнему стоит перед ним и насмехается, но через мгновение свет уличного фонаря уже падал на голую стену и о случившемся напоминало только покалывание нервных окончаний на коже. Она исчезла на глазах, просочившись сквозь стену.

Тишину нарушал только громкий крик Джимми.

11

Бен включил верхний свет и обернулся посмотреть на доктора: тот уже был на ногах и держался за шею. По пальцам стекала кровь.

– Она укусила меня! Боже милостивый, она меня укусила! – причитал Джимми.

Бен подошел к нему ближе и хотел обнять, но Джимми оттолкнул его. В глазах, полных ужаса, было отчаяние.

– Не дотрагивайтесь до меня! Я нечист!

– Джимми...

– Дайте скорее мой чемоданчик. Господи, Бен, я чувствую это в себе! Чувствую его действие! Бога ради, дайте скорее чемоданчик!

Бен поднял чемоданчик, лежавший в углу, и Джимми, нетерпеливо выхватив его, подбежал к столу и открыл. На смертельно бледном лице проступили капельки пота. Из рваной раны на шее струилась кровь. Он сел на стол и принялся копать в чемоданчике, со свистом дыша через открытый рот.

– Она укусила меня, – бормотал он, – ее рот... Господи, ее жуткий вонючий рот...

Он вытащил пузырек с дезинфицирующим средством и отшвырнул крышку, так что та со стуком запрыгала по кафелю. Затем, запрокинув голову и закрыв глаза, судорожно вылил все содержимое пузырька на шею, брызгая на брюки и стол. Смытая кровь потекла вниз тонкими струйками. Пару раз он вскрикивал от боли, но не сдавался и продолжал лить.

– Джимми, что я могу...

– Сейчас, – пробормотал тот. – Подождите. Мне кажется, помогает. Сейчас, надо подождать...

Он отшвырнул склянку, и та, упав на кафель, разлетелась на мелкие кусочки. Теперь промытая рана была хорошо видна. Бен заметил, что возле яремной вены имелось два прокола, один из которых был с ужасными рваными краями.

Джимми вытащил из чемоданчика ампулу и шприц. Освободив иглоку от защитного колпачка, он наполнил шприц. Это удалось не сразу: руки Джимми так дрожали, что он никак не мог попасть иглой в нужное место. Он протянул шприц Бену.

– От столбняка, – пояснил он. – Сделайте мне укол. Вот сюда! – Он поднял руку и показал на подмышку.

– Джимми, это вас вырубит!

– Нет, не вырубит! Давайте!

Бен взял шприц и испытующе заглянул Джимми в глаза. Тот кивнул. Бен воткнул иглу.

Тело Джимми напряглось, как стальная пружина. На коже рельефно проступили мышцы и сухожилия, сделав тело похожим на скульптуру. Постепенно напряжение спало, по телу пробежала дрожь, а из глаз, смешиваясь с потом, полились слезы.

– Приложите ко мне крест, – попросил доктор. – Если я все еще нечист от нее... он поможет.

– Думаете?

– Уверен. Когда вы за ней кинулись, я взглянул, и мне захотелось самому на вас наброситься! Клянусь, так и было! А потом я перевел взгляд на крест... и меня едва не вырвало.

Бен приложил ему к шее крест. Ничего не произошло. Никакого свечения – если оно вообще было! – больше не наблюдалось. Бен убрал крест.

– Хорошо, – сказал Джимми. – Думаю, мы сделали все возможное. – Снова порывшись в чемоданчике, он нашел конверт с двумя таблетками и отправил их в рот.

– Стимулятор, – пояснил он. – Великая вещь! Слава Богу, я успел наведаться в туалет до того... до того, как это случилось. Мне кажется, я все-таки обмочился, но в пузыре было всего несколько капель. Можете перевязать мне шею?

– Думаю, да.

Джимми передал ему марлю, пластырь и хирургические ножницы. Накладывая повязку, Бен обратил внимание, что кожа вокруг раны приобрела уродливый лиловый цвет. Пока он перевязывал, Джимми болезненно морщился.

– Пару минут мне казалось, что я просто сойду с ума. В прямом смысле. Ее губы на шее... укусы... – У Джимми дернулся кадык. – А когда она сосала кровь, Бен, мне это *нравилось*! Вот в чем самая жуть! Я даже почувствовал эрекцию! Можете себе представить? Если бы вы ее не оттащили... сам бы я не стал ей мешать...

– Забудьте!

– Я должен сделать еще одну вещь, которая мне не нравится.

– Что именно?

– Сейчас. Посмотрите на меня.

Бен закончил накладывать повязку и чуть отстранился посмотреть на Джимми.

– В чем...

Неожиданно Джимми нанес ему сильный удар. В глазах у Бена заплескали тысячи огоньков, и он, покачнувшись, сделал три неверных шага и опустился на землю. Он тряс головой, беспомощно наблюдая, как Джимми слезает со стола и направляется к нему. Бен судорожно пытался нащупать крест, не переставая клясть себя за потерю бдительности и неожиданную развязку в стиле О. Генри.

– Как вы? – участливо спросил Джимми, наклоняясь. – Приношу свои извинения, но если не знать заранее, то вроде как легче перенести.

– Какого черта?..

Джимми опустился рядом на пол.

– Я изложу вам версию, которой мы будем придерживаться. Не бог весть какая, но должна сойти. Уверен, что Мори Грин ее подтвердит. Она позволит мне сохранить работу, а нам обоим – избежать тюрьмы или психушки... Но главное даже не в этом, а в том, что мы сохраним свободу и возможность бороться с этим злом... как бы оно ни называлось. Вы согласны?

Бен кивнул и, потрогав челюсть, поморщился. Слева от подбородка вздувалась огромная шишка.

– Когда я осматривал тело миссис Глик, кто-то на нас напал, – продолжил Джимми. – Этот «кто-то» вырубил вас, а потом набросился на меня. Во время борьбы он укусил меня, чтобы вырваться. Больше мы оба ничего ни помним. *Ничего!* Это ясно?

Бен снова кивнул.

– На парне была темная форменная куртка: может, темно-синяя, может, черная, или зеленая, или серая – и вязаная шапочка. Больше вы ничего не видели. Договорились?

– А вам никогда не хотелось бросить врачебную практику и заняться

писательским ремеслом?

Джимми улыбнулся.

– У меня появляется творческая жилка, только если что-то очень понадобится лично мне. Так вы точно все запомните?

– Не сомневайтесь. И я не думаю, что история так уж плоха. В конце концов, ее труп пропадает не первым.

– Надеюсь, они это тоже вспомнят. Но шериф округа отнюдь не дурак, и Паркинсу Гиллеспи до него далеко. Нужно быть очень внимательным. И не пытаться ничего приукрасить для убедительности.

– Как по-вашему, власти сумеют что-то заподозрить?

– Ни за что на свете! Нам придется действовать в одиночку. И помните, что с этой минуты мы преступаем закон.

С этими словами Джимми подошел к телефону и позвонил Мори Грину и шерифу округа Гомеру Маккаслину.

В четверть первого Бен вернулся в пансион Евы Миллер и сварил себе на кухне кофе. Потягивая горячий напиток, он перебирал в памяти мельчайшие подробности недавних событий, как это часто делают люди, чудом избежавшие смерти.

Шерифом округа оказался высокий лысеющий мужчина, постоянно жевавший табак. Он выглядел довольно медлительным, но живой взгляд внимательных глаз выдавал острый ум и наблюдательность. Из заднего кармана брюк шериф извлек внушительный и изрядно потрепанный блокнот, а из внутреннего кармана зеленой шерстяной куртки – толстую перьевую авторучку. Пока двое его помощников снимали отпечатки пальцев и делали фотографии, он приступил к допросу Бена и Джимми. Мори Грин тихо стоял в стороне, время от времени бросая на Джимми озадаченные взгляды.

Зачем они приехали в морг Грина?

На этот вопрос вызвался ответить Джимми и рассказал об энцефалите.

А старый доктор Риардон в курсе?

Вообще-то нет. Джимми решил, что сначала лучше осмотреть тело самому и уж потом об этом рассказывать. Доктор Риардон – как бы это лучше выразиться? – не всегда умеет хранить секреты.

И что с этой болезнью? Диагноз подтвердился?

Нет. Скорее всего нет. Джимми успел закончить осмотр как раз перед нападением незнакомца в форменной куртке. Он (Джимми) не возьмет на себя смелость однозначно назвать причину смерти, но энцефалит исключается.

А они могут описать нападавшего?

Они ответили в точности так, как сговорились. Бен добавил рабочие ботинки, чтобы не повторять слово в слово показания Джимми.

Маккаслин задал еще пару вопросов, и Бен уже начинал думать, что им удастся выйти сухими из воды, как вдруг шериф повернулся к нему и спросил:

– А что вы здесь делали, мистер Миерс? Вы же не доктор!

Взгляд его пронизательных глаз излучал доброжелательность, и Бен уже собирался ответить, но шериф жестом остановил его.

Если Маккаслин хотел этим вопросом заставить Бена смутиться, то своей цели он не достиг. Тот был слишком потрясен случившимся, и на фоне последних событий лжесвидетельство казалось ему сущим пустяком.

– Я писатель, а не врач. Пишу романы. Сейчас работаю над книгой, где один важный персонаж является сыном гробовщика. Я просто хотел проникнуться атмосферой похоронного бюро и заглянуть за кулисы. Я попросил Джимми взять меня с собой. Он предупредил, что не станет посвящать меня в причины своего визита, и я не настаивал. – Бен потер подбородок, на котором вздулась солидная шишка. – Я получил больше, чем рассчитывал.

Определить, удовлетворил ли Маккаслина этот ответ, было трудно.

– С этим не поспоришь. Вы тот самый, кто написал «Дочь Конвея»?

– Да.

– Моя жена читала отрывок в каком-то женском журнале. Кажется, «Космополитен». Смеялась до колик. Я заглянул посмотреть и не нашел ничего смешного в том, что маленькая девчонка подсела на наркоту.

– Я тоже не нахожу в этом ничего смешного, – заявил Бен, глядя шерифу в глаза.

– А новая книга, над которой, вы говорите, трудитесь, она про Салемс-Лот?

– Да.

– Может, стоит дать ее прочесть Мо Грину, – предложил Маккаслин. – Пусть посмотрит, все ли там правильно про гробовщиков.

– Эта глава еще не написана, – пояснил Бен. – Я всегда сначала изучаю материал, а потом уже кладу на бумагу. Так гораздо проще.

Маккаслин удивленно покачал головой.

– Знаете, ваш рассказ здорово смахивает на романы о докторе Фу Манчу^[19]. Сюда вламывается некий тип, избивает двух здоровых мужчин и исчезает с телом женщины, умершей неизвестно от чего.

– Послушайте, Гомер... – начал Джимми.

– Не называйте меня Гомером, мне это не нравится. Мне вообще не

нравится все, что я услышал. Этот энцефалит заразный?

– Да, заразный, – осторожно подтвердил Джимми.

– И вы все равно прихватили с собой писателя? Зная, что он может подцепить заразу?

Джимми пожал плечами и напустил на себя рассерженный вид.

– Я не ставлю под сомнение ваши профессиональные качества, шериф. И советую не ставить под сомнение мои. Энцефалит представляет собой слабовыраженную инфекцию, медленно развивающуюся в кровотоке. Я знал, что никакой опасности мы не подвергаемся. А вам не лучше ли заняться выяснением, кто выкрал тело миссис Глик – Фу Манчу или еще кто, – а не тратить время на пустые разговоры?

Маккаслин глубоко вздохнул, захлопнул блокнот и убрал в задний карман брюк.

– Ладно, Джимми, мы, само собой, поспрашиваем, но сомневаюсь, что из этого что-нибудь выйдет. Если, конечно, этот псих снова не проявит себя. При условии, что он существует, в чем я сильно сомневаюсь.

Джимми удивленно приподнял брови.

– Вы оба врете, – терпеливо разъяснил Маккаслин. – Это знаю я, знают мои помощники и, не исключено, знает даже старина Мо. Но мне неизвестно, сильно или нет вы врете, и доказать ложь я не могу, пока вы говорите одно и то же. Я мог бы вас обоих задержать, но по закону вы имеете право на один телефонный звонок, а даже самый неопытный адвокат вас тут же вытащит, поскольку, кроме подозрения на мошенничество, предъявить вам нечего. К тому же вряд ли ваш адвокат окажется неопытным новичком, верно?

– Верно, – подтвердил Джимми.

– Но я бы все равно вас задержал, если бы не чувствовал, что вы врете вовсе не потому, что совершили нечто незаконное.

Маккаслин нажал на педаль мусорного бачка, крышка откинулась, и шериф выплюнул табачную жвачку.

– Вы уверены, что не хотите ничего рассказать? – вкрадчиво спросил он, и в его голосе уже не было прежней вальяжности. – Дело серьезное. В Салемс-Лоте умерли четыре человека, и все четыре трупа исчезли. Я хочу знать, что происходит.

– Мы рассказали вам все, что знали, – твердо и уверенно произнес Джимми. – Мы сказали бы больше, если бы могли.

Маккаслин пристально посмотрел на него.

– Вы оба напуганы до смерти. И вы, и писатель. И похожи на ребят в Корею, которых привозили с передовой.

Помощники шерифа не сводили с них глаз. Бен и Джимми молчали. Маккаслин снова вздохнул.

– Ладно, убирайтесь отсюда. Завтра придете ко мне в офис, чтобы дать официальные показания. Если не явитесь к десяти, я пошлю патрульную машину привезти вас силой.

– Этого не потребуется, – заверил Бен.

Маккаслин смерил его мрачным взглядом.

– Вам следует писать книжки понятнее. Вроде того парня, что пишет о Трэвисе Макги^[20]. От них не оторваться.

12

Бен поднялся, сполоснул в раковине чашку и задержался у окна, устремив взгляд в ночной мрак. Кто в нем скрывался сегодня? Марджори Глик, наконец-то нашедшая сына? Майк Райерсон? Флойд Тиббитс? Карл Форман?

Он отвернулся и направился к себе наверх.

Остаток ночи он проспал с включенной настольной лампой, а крест из шпателей, одолевший миссис Глик, пристроил на столе, чтобы удобно было дотянуться. Перед тем как погрузиться в сон, он подумал о Сьюзен. Все ли с ней в порядке?

Глава двенадцатая

Марк

1

Услышав в отдалении хруст веток, он укрылся за толстым стволом ели и ждал, кто появится. *Они* не могли разгуливать днем, но это не значит, что они не могли использовать своих приспешников среди людей, например за деньги, хотя есть и другие способы. Взять того же Стрейкера: Марк видел, как он грелся на солнышке будто жаба, а глаза холодные и бездушные. Казалось, он мог запросто сломать ребенку руку и при этом приятно улыбаться.

Марк нащупал в кармане куртки отцовский спортивный пистолет. Пули им не страшны, разве что серебряные, а вот если угодить в лоб, скажем, Стрейкеру, то мало ему не покажется.

Он перевел взгляд на прислоненную к дереву палку, обернутую в старую ветошь. За их домом была сложена поленница из тонких осиновых бревнышек, напиленных отцом в июле и августе точно по размеру камина в гостиной. Генри Питри отличался педантичностью, и Марк не сомневался, что сложенные там трехфутловые поленца отличались друг от друга не больше чем на дюйм. Отец знал оптимальный размер, а также то, что осина при горении наполнит гостиную ровным и мягким теплом.

Сын знал об осине и кое-что другое: она была для существ... вроде *того*. Утром, когда родители отправились на воскресную прогулку, он вытащил одно поленце и заострил своим бойскаутским топориком. Получилось грубовато, но вполне сносно.

Среди деревьев мелькнуло что-то яркое, и Марк, прижавшись к стволу, осторожно выглянул. Через мгновение показалась фигура, взбиравшаяся на холм. Девушка! Мальчик с облегчением выдохнул, испытывая, однако, некоторое разочарование. Никакой это не подручный дьявола, а всего лишь дочка мистера Нортон.

Он присмотрелся внимательнее. У нее в руках тоже был кол! А когда она подошла ближе, Марк разобрал смех – да это перекладина от снегозащиты, которую можно переломить пополам ударом обыкновенного молотка!

Девушка обходила дерево справа, и по мере ее приближения Марк

смещался влево, стараясь не наступать на ветки, которые своим хрустом могли его выдать. Наконец она миновала ель и направилась выше по склону – уже спиной к Марку. Тот одобрително отметил, что она продвигалась вперед, соблюдая крайнюю осторожность. Это правильно. Судя по всему, девушка знала, с чем имеет дело, хотя при виде дурацкого колышка в этом можно усомниться. Но если она не передумает и продолжит путь, то наверняка попадет в беду. Стрейкер был дома. Марк следил за Марстен-Хаусом с половины третьего и видел, как Стрейкер вышел из дома, осмотрел дорогу, а потом вернулся обратно. Мальчик и сам до конца не определился, как лучше действовать, но появление девушки спутало ему все карты.

А может, все и обойдется. Она остановилась в кустах перед опушкой и, присев на корточки, стала разглядывать дом. Сьюзен была в курсе – теперь Марк уже не сомневался в этом. Откуда она узнала – уже не важно, но она бы ни за что не прихватила этот дурацкий кол, если бы находилась в неведении.

Он решил подойти к ней и предупредить, что Стрейкер сейчас дома и он настороже. Пистолет у нее вряд ли имелся, даже такой маленький, как у него.

Марк размышлял, как дать ей знать о своем присутствии, не поднимая шума, когда вдруг взревел двигатель машины Стрейкера. От неожиданности девушка вздрогнула, и Марк испугался, что она бросится наутек, не разбирая дороги, и поднимет страшный шум. Но Сьюзен снова прильнула к земле, и мальчик с одобрением отметил, что если не ума, то смелости ей точно не занимать.

Машина Стрейкера выехала на дорогу – с места, где находилась девушка, обзор был гораздо лучше, самому Марку было видно только черную крышу «паккарда», – притормозила, будто Стрейкер засомневался, а потом помчалась к городу.

Марк решил, что им надо действовать сообща. Все лучше, чем пытаться в одиночку проникнуть в дом. Нездоровая аура особняка ощущалась еще за полмили и постоянно сгущалась по мере приближения к нему.

Марк неслышно подобрался к Сьюзен сзади и положил руку ей на плечо. Почувствовав, что девушка напряглась всем телом и вот-вот закричит, Марк произнес:

– Тише! Все в порядке! Это я.

Она не закричала – только с шумом выдохнула, а потом резко повернулась.

– К-кто «я»? – От страха у нее в лице не было ни кровинки.
– Меня зовут Марк Питри. Я вас знаю. Вы Сью Нортон. Наши отцы знакомы.

– Питри?.. Генри Питри?
– Да, он мой отец.
– Что ты здесь делаешь? – Она не сводила с него глаз, будто никак не могла поверить в происходящее.

– То же, что и вы. Только ваш кол не годится. Он... – Марк запнулся, подбирая нужное слово. – Он слишком хлипкий.

Сьюзен взглянула на свою палку и покраснела.
– А-а, это. Вообще-то я подобрала ее в лесу... подумала, что об нее можно споткнуться и...

Он нетерпеливо прервал ее:
– Вы пришли убить вампира, так ведь?
– С чего ты взял? Какие еще вампиры?
– Вчера ночью меня пытался убить вампир, – мрачно поведал Марк. – И едва не преуспел.

– Что за глупости! Такой большой мальчик, а выдумываешь...
– Это был Дэнни Глик.
Сьюзен отшатнулась будто от удара, а затем взяла его за руку. Их взгляды встретились.

– Ты серьезно, Марк?
– Серьезно, – подтвердил он и вкратце рассказал, что случилось.
– И ты пришел сюда один? – удивилась Сьюзен, когда он закончил. – Ты поверил и пришел один?

– «Поверил»? – удивленно переспросил Марк. – Конечно, поверил! Ведь я это видел!

Она промолчала, внезапно устыдившись своих сомнений относительно правдивости Мэтта и готовности Бена ему поверить.

– А вы-то почему здесь?
Поколебавшись мгновение, Сьюзен ответила:
– Кое-кто в городе считает, что в этом доме скрывается человек, которого никто не видел. И он может оказаться... оказаться... – Она запнулась, не в силах произнести нужное слово, но Марк понимающе кивнул. Несмотря на столь короткое общение, у Сьюзен не было сомнений, что перед ней необычный ребенок.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, девушка закончила:

– Вот я и пришла во всем разобраться.

Марк кивнул на палку в ее руке:

– И прихватили это, чтобы вогнать ему в грудь?

– Не уверена, что смогла бы.

– А я точно смогу, – спокойно заверил он. – После того, что видел вчера. Дэнни был за окном, бился в него, как муха. А его зубы... – Он покачал головой, отмахиваясь от этих воспоминаний, как банкир от обанкротившегося клиента.

– А твои родители знают, что ты здесь? – спросила Сьюзен, хотя и не сомневалась, что – нет.

– Нет, – подтвердил Марк будничным голосом. – По воскресеньям они ходят на прогулку понаблюдать за птицами и все такое. Иногда я хожу с ними, но бывает, что остаюсь. Сегодня они поехали на машине на побережье.

– Ты необыкновенный мальчик! – заявила Сьюзен.

– Да нет, самый обычный, – равнодушно отозвался Марк. – Но я хочу покончить с ним! – Он перевел взгляд на дом.

– А ты уверен, что...

– Конечно, уверен! И вы тоже. Неужели вы не чувствуете, как здесь не по себе? Разве дом не внушает страх одним своим видом?

– Внушает, – ответила Сьюзен, отдавая должное его доводам. В отличие от доводов Мэтта или Бена они опирались на ее собственные ощущения.

– И как мы это сделаем? – спросила она, добровольно уступая Марку лидерство в их совместном предприятии.

– Просто подойдем к дому и проникнем в него, – ответил он. – Найдем его, пронзим ему сердце колом – моим колом! – и уйдем. Он, наверное, в подвале. Они любят темные места. Вы прихватили фонарь?

– Нет.

– Черт, я тоже! – Марк задумчиво поворошил ногой листья. – Вы, наверное, и крестик не захватили?

– Захватила! – похвасталась Сьюзен и, вытащив, показала цепочку. Марк кивнул и тоже продемонстрировал свою.

– Надеюсь, что успею вернуть ее на место до возвращения родителей, – мрачно поделился он. – Я позаимствовал ее из маминой шкатулки. Если узнают, мне здорово попадет.

Он огляделся. Пока они разговаривали, тени стали еще длиннее, и они оба чувствовали, как некая сила заставляет их тянуть время и не торопиться с визитом.

– Когда мы его найдем, не смотрите ему в глаза, – предупредил Марк. – Он не может выбраться из гроба, пока не стемнеет, но способен

загипнотизировать. Вы знаете наизусть какую-нибудь молитву?

Они миновали кусты и пробирались по некошеной лужайке к Марстен-Хаусу.

– Ну, «Отче наш»...

– Отлично. Я тоже ее знаю. Будем читать хором, когда я стану загонять кол.

Увидев, как скривилось лицо Сьюзен, Марк взял ее за руку. Его самообладание было невероятным.

– Послушайте, мы должны это сделать! Я уверен, что после прошлой ночи в его власти оказалось полгорода. И он захватит его целиком, если мы будем медлить.

– «После прошлой ночи»?

– Я видел во сне, – пояснил Марк спокойным голосом, но глаза у него горели, – как они стучались в двери и звонили по телефону, умоляя их впустить. Некоторые догадывались, что происходит, но все равно впускали. Потому что это легче, чем поверить, что такое вообще возможно.

– Но это был всего лишь сон, – неуверенно возразила Сьюзен.

– Не сомневаюсь, что сегодня многие остались в постелях и задержали шторы, думая, что простудились или подхватили грипп. Они чувствуют слабость и головокружение, совсем не хотят есть. Сама мысль о еде вызывает тошноту.

– Откуда ты так много знаешь?

– Я читаю журналы о монстрах и кино смотрю, когда есть такая возможность. А матери говорю, что пошел на диснеевский фильм. Но в кино тоже всему верить нельзя. Там часто присочиняют, чтобы напугать жути.

Они были уже возле дома. Сьюзен вдруг подумала, какая разношерстная у них подобралась команда единомышленников. Старый учитель, помешанный на чтении; писатель, которого не перестают мучить детские кошмары; мальчик, ставший настоящим экспертом по вампирам благодаря фильмам и дешевым журналам. А что же она сама? Она-то верит в их существование? А может, эта паранойя просто заразна?

Она верила!

Как справедливо заметил мальчик, чем ближе они подходили к дому, тем сильнее что-то внутри отчаянно кричало о смертельной опасности! И выражалось это не словами, а чувством! Сердце тревожно билось, дыхание стало прерывистым, по коже то и дело пробегали мурашки, заполняя все клетки адреналином. Почки вдруг стали тяжелыми и тянули вниз, а зрение невероятно обострилось, подмечая на стене все трещинки и

пятнышки на облупившейся краске. И все это не было вызвано ничем объективным: никаких людей с оружием, никаких злобных псов, никакого запаха гари. После долгой спячки очнулся куда более древний страж, чем постоянно бодрствовавшие пять чувств. И с этим нельзя было не считаться.

Сьюзен заглянула в щель в одном из ставней.

– Да тут нет никакого ремонта! – в негодовании изумилась она. – Что за бардак!

– Помогите мне посмотреть, – попросил Марк.

Сцепив пальцы в замок, она посадила мальчика, и он заглянул через щель в гостиную Марстен-Хауса. Перед его глазами предстала заброшенная квадратная комната с отвалившимися обоями и толстым слоем пыли на полу, испещренном многочисленными следами. Из мебели там имелись только пара старых полуразвалившихся кресел да покрытый трещинами стол. Углы под потолком были затянуты толстым слоем паутины.

Не успела Сьюзен опомниться, как Марк сбил тупым концом своего кола петли, на которых держался замок, и тот упал на землю и развалился на части. Створки со скрипом приоткрылись.

– Эй! – возмутилась она. – Нельзя же...

– А как иначе? Позвонить в дверь? – Он распахнул ставни и разбил пыльное, в грязных разводах, стекло, осколки которого со звоном полетели на пол. Сьюзен захлестнула волна животного страха, а во рту появился металлический привкус.

– Еще не поздно вернуться, – произнесла она вслух, обращаясь скорее к себе.

Марк взглянул на нее, и в его глазах было не презрение, а решимость и такой же страх.

– Можете уйти, если так вам лучше.

– Нет, не лучше! – Сьюзен попыталась взять себя в руки, но у нее ничего не вышло. – Быстрее! Мне тяжело держать.

Марк выбил из рамы оставшиеся осколки, переложил кол в левую руку, а правую просунул внутрь, отодвинул шпингалет и затем толкнул створку. Та открылась с протяжным скрипом.

Сьюзен опустила Марка на землю, и какое-то время они молча смотрели на окно. Наконец Сьюзен шагнула вперед, распахнула правый ставень и ухватила за покрытый трещинами подоконник, готовясь подтянуться. Она чувствовала, как живот наливается ужасом, будто в ее чреве гнездились чудовище. Только сейчас она поняла, что чувствовал Мэтт Берк, поднимаясь по лестнице в гостевую комнату навстречу

неведомому.

Сьюзен всегда считала, что страхи объясняются незнанием. И справиться с ними можно простыми логическими рассуждениями. Если страх вызывает скрипучая доска (или что-то еще), а скрипучая доска всего лишь обычная безобидная вещь, то бояться нечего. В современном мире все страхи можно снять логическими построениями. Разумеется, некоторые страхи вполне обоснованны (не садись за руль, когда слипаются глаза; не гладь рычащую собаку; не оставайся с незнакомцами наедине), но до сегодняшнего дня она не верила, что бывают страхи необъяснимые, глубинные и парализующие. Тут не помогала никакая логика. А сама способность рассуждать уже была сродни героизму.

Сьюзен подтянулась, перекинула ногу через подоконник, прыгнула внутрь и, оказавшись в гостиной, огляделась. В нос ударило зловоние. Им были пропитаны все стены, оно буквально сочилось из них. Сьюзен пыталась убедить себя, что это запах гнилой штукатурки, скопившегося помета птиц, крыс и других животных, нашедших себе пристанище в заброшенном доме – например, енотов, – однако в этом запахе было нечто большее. В нем угадывались слезы, рвота и мгла.

– Эй! – негромко окликнул Марк и помахал руками. – Мне нужна помощь.

Сьюзен высунулась и, подхватив мальчика под мышки, помогла взобраться на подоконник. Он ловко прыгнул вниз, и в доме вновь воцарилась тишина.

Они прислушивались к ней будто зачарованные. Вокруг не было ни малейшего звука – отсутствовал даже легкий гул в ушах, который обычно сопровождает полную тишину и нервные окончания работают вхолостую. Тишина была мертвой.

И тем не менее они оба чувствовали и знали, что в доме кто-то есть.

2

– Пойдемте, – позвал Марк. – Надо осмотреться.

Он крепко сжал кол и бросил на окно прощальный взгляд.

Сьюзен медленно направилась к двери, мальчик – за ней. На маленьком столике возле входа лежала книга. Марк взял ее:

– Вы знаете латынь?

– Немного. Учила в старших классах.

– Что это значит? – Он показал обложку.

Сьюзен прочитала название вслух и, задумавшись, нахмурилась. Потом покачала головой:

– Не знаю.

Марк открыл книгу наугад и вздрогнул. На картинке обнаженный мужчина держал на руках тело ребенка со вспоротым животом и протягивал его к чему-то невидимому. Марк вернул книгу на место, радуясь, что выпустил ее из рук – на ощупь потертый переплет казался странно знакомым, – и они вместе направились по коридору к кухне. Тут оказалось темнее, поскольку солнце садилось с другой стороны дома.

– Чувствуете запах? – спросил Марк.

– Да.

– Он здесь сильнее, правда?

– Да.

Марк вспомнил, как в прежнем доме у них была кладовка для продуктов, и однажды там испортилось три корзины помидоров. Запах на кухне был такой же, как от тех сгнивших помидоров.

– Господи, мне страшно! – прошептала Сьюзен.

Марк нащупал ее руку и крепко сжал. Дальше они пошли, держась за руки.

Линолеум на кухне, до черноты затертый у раковины, был старым, рваным и заляпанным пятнами. Посередине стоял стол, на котором лежали желтая тарелка, нож с вилкой и кусок сырого гамбургера.

Дверь в подвал была приоткрыта.

– Нам туда, – сказал мальчик.

– Господи! – еле выдохнула Сьюзен.

Свет не проникал в узкую щель, и за дверью царил мгла. Казалось, что оттуда высовывается жадный язык тьмы, дожидаясь ночи, чтобы поглотить кухню целиком. Эта узкая черная полоска внушала невыразимый ужас. Сьюзен беспомощно замерла возле Марка.

Он шагнул вперед, распахнул дверь и заглянул внутрь. Сьюзен заметила, как лицо у него исказилось.

– Я думаю... – начал Марк, но в этот момент сзади послышался какой-то звук.

Сьюзен обернулась, уже сознавая, что слишком поздно.

Это был Стрейкер. На его лице застыла усмешка. Марк тоже обернулся и попытался нырнуть в сторону, но, получив удар кулаком в челюсть, отключился.

Очнувшись, Марк понял, что его несут по лестнице, но не в подвал, а наверх. Тут не было такого давящего ощущения каменного мешка, а воздух казался чище. Мальчик едва заметно приоткрыл веки, но голову поднимать не стал, и она по-прежнему безвольно болталась. Лестница вела... на второй этаж. Теперь сомнений не было. Солнце пока не село. Значит, еще не все потеряно.

Наверху руки вдруг разжались, и мальчик тяжело рухнул на пол, больно ударившись головой.

– Ты думаешь, я не знаю, когда притворяются, молодой человек? – поинтересовался Стрейкер. При взгляде с пола он казался настоящим великаном. В сгущавшихся сумерках его лысый череп элегантно поблескивал. Марк с ужасом заметил, что на плече у мужчины висит моток веревки.

Мальчик потянулся в карман, где лежал пистолет.

Стрейкер откинул голову и рассмеялся.

– Я позволил себе изъять ваш пистолет, молодой человек. Мальчикам не следует носить оружие, обращаться с которым они не умеют... как и сопровождать молодых леди в дом, где их присутствие нежелательно.

– Что вы сделали со Сьюзен Нортон?

Стрейкер улыбнулся.

– Я отвел ее туда, куда она хотела попасть, мой юный друг. В подвал. Позже, когда сядет солнце, она встретится с человеком, с которым и явилась познакомиться. Ты тоже с ним познакомишься: возможно, уже этой ночью, но не исключено, что и следующей. Он может даже отдать тебя девушке... но я склоняюсь к тому, что он захочет разобраться с тобой сам. У девушки есть друзья, причем некоторые из них, подобно тебе, отличаются нездоровым любопытством.

Марк с силой выбросил ноги, целясь Стрейкеру в пах, но тот легко и изящно, будто танцор, увернулся и сам нанес лежащему мальчику удар ногой точно по почкам.

Марк закусил губу и скорчился на полу.

– Ну же, юноша! Вставай!

– Я... я не могу.

– Тогда ползи, – презрительно скомандовал Стрейкер и ударил снова, на этот раз в бедро. Боль была жуткой, но Марк, стиснув зубы, сумел подняться: сначала на колени, а потом в полный рост.

Они прошли по коридору до последней двери. Боль в почках чуть стихла, став ноющей и тупой.

– Что вы хотите со мной сделать?

– Связать тебя, как весеннего индюка, молодой человек. Потом, после встречи с Господином, ты будешь свободен.

– Как остальные?

В ответ Стрейкер только улыбнулся.

Когда Марк распахнул дверь и вошел в комнату, где Хьюберт Марстен совершил самоубийство, в голове у него будто что-то щелкнуло. Нет, страх никуда не исчез, но перестал блокировать способность думать здраво. Мысли завертелись в голове с бешеной скоростью, причем облечены были не в слова, а в некие образы, совсем как стенографические знаки. Как будто вспыхнула электрическая лампочка, вдруг получившая энергию от неведомого источника.

В самой комнате ничего интересного не оказалось. Со стен ключьями свисали обои, обнажая белую штукатурку; пол был покрыт толстым слоем пыли, на которой отпечатались цепочка следов, как будто кто-то сюда зашел, огляделся и вышел. В комнате имелось две пачки журналов, железная кровать без пружин и матраса и небольшой защитный экран для камина. Хотя окно закрывали ставни, сквозь щели пробивалось достаточно света, чтобы Марк понял – до заката осталось около часа. В самой атмосфере комнаты ощущалось нечто отталкивающее.

Чтобы войти в комнату, оглядеться и остановиться посередине, как велел Стрейкер, Марку понадобилось несколько секунд. За это время он успел оценить ситуацию и обдумать три возможных варианта развития событий.

Первый заключался в следующем. Он неожиданно бросается в окно, вышибает стекло и ставни, как поступают герои вестернов, и прыгает вниз – в надежде на удачное приземление и счастливое избавление. Однако перед его глазами тут же возникли две другие картины. В первой он падает на ржавую кучу сломанной техники, налетает на тупые зубья бороны и последние мгновения своей жизни проводит, словно нанизанный на иголку жук. А во второй – ему удастся разбить стекло, но ставни выдерживают. И тогда Стрейкер оттаскивает его обратно; вместо одежды – одни лохмотья, а сам он весь изрезан и истекает кровью.

При втором варианте развития событий Стрейкер его связывает и уходит. И Марк увидел себя корчащимся на полу в сгущавшихся сумерках. Попытки освободиться становятся все яростнее, но так ни к чему и не приводят, и вот уже на лестнице слышится мерная поступь существа, в

миллион раз страшнее Стрейкера.

Третий вариант был связан с одной хитростью, о которой Марк прочитал в прошлом году в книге о Гудини. Гарри Гудини был знаменитым иллюзионистом, который сбегал из тюремных камер, выбирался из обмотанных цепями сундуков и банковских сейфов, из чемоданов, сброшенных в реку. Он мог освободиться от веревок, полицейских наручников и хитроумных китайских ловушек для пальцев. В книге рассказывалось, что, когда кто-то из публики его связывал, Гудини задерживал дыхание на вдохе, сжимал кулаки и напрягал все мышцы, а потом расслаблял их – и появлялся зазор, которым можно было воспользоваться. Главное – полностью расслабиться и действовать медленно и уверенно, не поддаваясь панике. Постепенно на коже выступит пот, который будет служить смазкой. По книге выходило, что ничего особо сложного в этом не было.

– Повернись, – приказал Стрейкер. – И пока я буду тебя связывать, не шевелись! Иначе, – он поднес к глазам Марка поднятый большой палец, будто голосовал на дороге, – я выколю тебе этим правый глаз. Ты меня понял?

Марк кивнул и, сделав глубокий вдох, задержал дыхание и напряг все мышцы.

– Ложись на живот! – велел Стрейкер мальчику.

Тот подчинился.

Стрейкер связал Марку руки за спиной, а потом, соорудив петлю, накинул ее на шею мальчика, а другой конец веревки привязал к балке.

– Ты должен гордиться тем, что болтаешься на той же самой балке, на которой повесился друг и покровитель моего Господина в этой стране! Ты польщен?

Услышав в ответ невразумительное хрипение, Стрейкер засмеялся и пропустил Марку веревку через промежность, резко дернув, чтобы затянуть потуже.

Все с тем же мерзким благодушием Стрейкер продолжил:

– Прищемил твои драгоценности? Скоро они тебе не понадобятся вовсе, поскольку тебя ожидает ох какая долгая жизнь аскета!

Он перехватил веревкой бедра, а потом колени и голени мальчика. Тому уже давно не хватало воздуха, но он все равно держался и из последних сил продолжал напрягать мышцы.

– Ты весь дрожишь, молодой человек, – насмешливо не унимался Стрейкер. – И тело так напряжено! А какая белая кожа... но скоро она станет еще белее! Не нужно бояться. Мой Господин умеет быть добрым.

Его очень любят, и у вас в городе тоже. Сначала просто легкий укол вроде тех, что делают врачи, а потом станет так приятно! И тебя отпустят. И ты отправишься к своим родителям, верно? Ты наведишь их, когда они уснут.

Стрейкер поднялся и с умилением посмотрел на Марка.

– А сейчас я вынужден ненадолго отлучиться. Мне нужно уделить внимание твоей спутнице. А когда мы снова увидимся, ты станешь относиться ко мне лучше.

Он вышел, хлопнув дверью. В замке повернулся ключ. Услышав на лестнице удаляющиеся шаги, Марк с облегчением выдохнул и расслабил мышцы.

Путы ослабли – чуть-чуть.

Какое-то время он лежал, не шевелясь и собираясь с силами. Голова по-прежнему работала с необычайной ясностью. С места, где он лежал, был виден неровный, вздувшийся пол и железная койка. И еще стена, с которой ободрали обои, валявшиеся возле койки словно сброшенная змеиная кожа. Марк сосредоточился на маленьком участке стены и внимательно его разглядывал, стараясь не думать ни о чем другом. В книге о Гудини говорилось, что самое главное – это концентрация. Голова должна быть свободна от всех посторонних мыслей, от малейших проявлений страха или паники, а тело – полностью расслабленным. Сначала нужно освободить сознание и совершить все действия, шаг за шагом, в воображении, и только потом приступить к их воплощению на практике.

Он смотрел на стену, и минуты шли.

Стена была белой и неровной, как старый экран в кинотеатре под открытым небом. Когда тело Марка окончательно расслабилось, он увидел на этом импровизированном экране себя – маленького мальчика в голубой футболке и джинсах. Мальчик лежал на боку, руки связаны сзади и упираются в спину. Вокруг шеи обвязана петля, которая начнет натягиваться от любого резкого движения, пока не задушит.

Мальчик не сводил взгляда со стены.

Фигурка на ней начала медленно шевелиться, хотя сам он лежал неподвижно. Марк восхищенно следил за всеми движениями своего метафизического двойника. Он достиг той степени концентрации, которая позволяет индийским йогам и факирам созерцать на протяжении долгих дней пальцы у себя на ноге или кончик носа. В этом состоянии транса некоторые медиумы могут перемещать по воздуху предметы или исторгать из носа, рта или пальцев длинные шлейфы телеплазмы. Марк больше не думал о Стрейкере или сгущавшихся сумерках. Он больше не видел грязного пола, железной кровати и даже стены. Он видел только фигурку

мальчика, едва заметно и очень расчетливо напрягавшего мускулы.

Марк не сводил глаз со стены.

Наконец он осторожно и очень медленно начал вращать кистями вовнутрь. После каждого движения большие пальцы касались друг друга. Работали мышцы только нижней части предплечий. Марк не спешил и все время смотрел на стену.

На руках выступил пот, и теперь вращать кистями стало легче. Они уже описывали не полукруг, а три четверти круга. В конце движения тыльные стороны ладоней прижимались друг к другу, а путы, связывающие запястья, делались чуть свободнее.

Он остановился и, немного подождя, сцепил пальцы в замок и принялся методично упираться большими пальцами в ладони, чтобы ослабить веревки на запястьях. На лице Марка не было написано никаких эмоций, и своей отрешенностью оно походило на манекен в универмаге.

Прошло пять минут. Руки стали мокрыми от пота. Высшая степень концентрации позволила Марку, подобно факирам и йогам, получить частичный контроль даже над своей симпатической нервной системой и произвольными реакциями организма. Через поры на коже выделялось неизмеримо больше пота, чем могли вызвать его осторожные движения. Пот капал со лба, образуя темные кружки на светлом от пыли полу.

Теперь Марк двигал руками вверх-вниз, используя только бицепсы и мышцы спины. Петли, стягивавшие запястья, ослабли еще немного, и он почувствовал, как одна из них уже наезжала на ладонь правой руки и сползти ниже ей мешала только подушечка под большим пальцем. Почувствовав прилив радости, Марк немедленно прекратил двигаться и терпеливо выждал, пока волнение полностью не уляжется и к нему вновь не вернется спокойствие. Затем он возобновил движение. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Каждое усилие растягивало петлю, и вдруг веревка соскользнула, и правая рука оказалась на свободе!

Марк оставил ее за спиной и принялся сжимать и разжимать пальцы в кулак, чтобы вернуть им чувствительность, после чего освободил левую руку.

Переместив руки вперед, он закрыл глаза. Теперь главное – не думать, что уже удалось сделать, и продолжать начатое так же размеренно и неторопливо.

Марк оперся на левую руку, а правой ощупал узлы, которыми была закреплена петля на шее. Он сразу понял, что попытка освободиться чревата не только опасностью удавить себя насмерть, но и еще больше затянуть веревки, которые и так нестерпимо больно давили на мошонку.

Сделав глубокий вдох, он принялся за работу. Веревка натягивалась, сжимая горло и промежность: казалось, будто в кожу то и дело тычут крошечными иголками, как при нанесении татуировки. Узел был завязан на совесть. Перед глазами уже расплывались черные круги, но мальчик не сдавался и продолжал настойчиво и неторопливо разминать узел. Наконец он почувствовал, как тот чуть поддался. Решившись, Марк с трудом сглотнул, собрался с силами, вытянул шею и резко дернулся. Пах взорвался пронзительной болью, которая тут же отступила: оцарапав уши и щеки, он все-таки исхитрился сбросить петлю с головы.

Мальчик сел, порывисто дыша, и схватился за промежность: теперь она просто ныла тупой болью, вызывавшей тошноту.

Немного отдышавшись, он перевел взгляд на закрытое ставнями окно. Свет, пробивавшийся сквозь щели, окрасился в багровые тона – солнце почти село. И дверь была заперта.

Марк стянул веревку с балки и принялся развязывать узлы на ногах. Они оказались затянутыми на удивление крепко, а реакция после пережитого напряжения мешала сосредоточиться.

Однако после невероятных усилий ему все же удалось освободить сначала бедра и колени, а потом лодыжки. Пошатываясь, он поднялся и принялся растирать затекшие ноги.

И тут снизу послышался шум. Шаги!

Марк в панике бросился к окну и попытался поднять раму, однако та оказалась прибитой. В растрескавшемся от времени дереве торчали ржавые шляпки гвоздей.

Шаги раздавались уже на лестнице.

Марк вытер пот рукавом и обвел комнату диким взглядом. Две пачки журналов. Жестяной экран для камина. Железная кровать. Он подошел к ней и наугад потянул за одну из ножек. И неведомые боги, видя, как много он сумел преодолеть в одиночку, сжалились над мальчиком и решили ему немного помочь.

Шаги уже приближались по коридору к двери, когда Марку удалось открутить ножку кровати.

Когда дверь начала открываться, Марк замер за ней с металлической ножкой в руке, похожий на игрушечного индейца, занесшего для удара томагавк.

– Молодой человек, я пришел, чтобы... – Увидев, что в комнате никого нет, а веревки валяются на полу, Стрейкер от изумления замер в проходе.

Для Марка время вдруг сдержало свой бег и, как в замедленной съемке, растянуло секунды в минуты, давая ему возможность хорошенько подготовиться для удара по медленно выплывавшей из-за двери лысине.

Едва голова Стрейкера начала поворачиваться, чтобы заглянуть за дверь, Марк обрушил на нее железную ножку от кровати. Ударил он не в полную силу, пожертвовав ее толикой ради точности прицела, зато попал куда метил: чуть повыше виска. Из раны фонтаном брызнула кровь, и Стрейкер, зажмурившись от боли, пошатнулся и шагнул вперед. Его лицо исказила жуткая гримаса, он потянулся к Марку, но тот нанес второй удар – на этот раз чуть выше лба. Новый поток крови залил лицо Стрейкера. Он закатил глаза и, обмякнув, рухнул на пол. Марк, сжимая в руке окровавленную железку, отскочил в сторону. Кровь на ней была темной, гораздо темнее той, что бывает в цветных фильмах. При виде ее Марка затошнило, но Стрейкера ему жалко не было.

Господи, подумал он, я его убил! И хорошо!

Неожиданно пальцы Стрейкера сомкнулись на его лодыжке. Марк охнул и попытался вырваться, но не тут-то было. На залитом кровью лице Стрейкера холодным огнем горели глаза, а губы беззвучно шевелились. Марк еще раз рванулся, но безрезультатно. Испустив крик, мальчик принялся колотить железной трубкой по пальцам. Раз, другой, и снова, и снова! Пальцы ломались с глухим треском, словно карандаши. Тиски, сжимавшие лодыжку, ослабли. Марк выдернул ногу и выскочил в коридор.

Голова Стрейкера снова упала на пол, но изувеченная рука продолжала злое ще подергиваться – словно собака, которая во сне гонится за кошкой.

Железная ножка выскользнула из онемевших пальцев мальчика, и он, дрожа, попятился. Его охватила паника, и он бросился вниз, перескакивая через несколько ступенек сразу и едва касаясь перил.

Внизу уже стало темно, и сгустившиеся тени только усиливали и без того жуткое состояние, в котором пребывал Марк.

Он добрался до кухни и вгляделся обезумевшими от страха глазами в черный проем входа в подвал. Солнце опускалось за горизонт, расцвечивая небо пурпурными красками. А в шестнадцати милях от Марстен-Хауса, в похоронном бюро, Бен Миерс смотрел на часы, стрелки которых подбирались к 19:02.

Марк об этом не знал, но чувствовал, что время вампиров вот-вот настанет. Остаться тут дольше означало неизбежно столкнуться с куда более опасным противником, а если спуститься в подвал и попытаться

спасти Сьюзен, то его самого наверняка превратят в вампира.

И все-таки он подошел к двери в подвал и даже сумел заставить себя спуститься на пару ступенек, но потом ощутил такой ужас, что не мог пошевелиться. По щекам катились слезы, а тело содрогалось от дрожи, как в приступе малярии.

– Сьюзен! – взвизгнул он. – Беги!

– М... Марк? – Ее голос был слабым и вялым. – Я ничего не вижу. Здесь темно...

А затем раздался громкий, словно выстрел, звук, сменившийся довольным и жестоким смехом.

Истощенный крик Сьюзен перешел в стон... и стих.

И все же Марк медлил, с трудом удерживаясь от того, чтобы броситься прочь со всех ног.

Снизу послышался ласковый голос, удивительно похожий на отцовский:

– Спускайся, мой мальчик. Ты мне очень нравишься.

В голосе звучала необыкновенная сила, которая не только рассеивала страх, но и безудержно влекла вниз. Марк даже сделал пару шагов, однако сумел собрать в кулак остатки воли и остановился.

– Спускайся же! – произнес голос уже совсем рядом. Помимо отеческой заботы в нем звучала непререкаемая воля.

– Я знаю тебя! Ты Барлоу! – крикнул Марк в темноту и бросился наверх.

В гостиной на него снова навалился страх, и если бы входная дверь оказалась запертой, он прошиб бы ее насквозь, как смешно показывают в мультиках.

Мальчик выскочил на улицу и помчался во весь дух (совсем как много лет назад другой мальчик по имени Бенджамин Миерс) по Брукс-роуд в сторону города, где тоже нельзя было чувствовать себя в безопасности. Разве не может главарь вампиров пуститься за ним в погоню?

Он свернул в лес и бросился напролом через чащу, поскользнулся и упал, перебираясь через ручей, но, в конце концов, оказался на заднем дворе своего дома.

Марк вошел через кухню и заглянул в гостиную, где мать с посеревшим от тревоги лицом говорила с кем-то по телефону. На коленях у нее лежал телефонный справочник.

Подняв глаза, она увидела сына и облегченно выдохнула:

– Пришел!

Не дожидаясь ответа, она повесила трубку и направилась к мальчику.

На ее лице были следы слез, отчего Марку стало совсем не по себе.

– Марк... где ты был?!

– Явился?! – послышался голос отца, дрожавший от злости.

– Где ты был?! – повторила мать и, схватив Марка за плечи, встряхнула его.

– Гулял, – неубедительно промямлил он. – Я упал, когда бежал домой.

Больше сказать было нечего. Определяющей чертой детства является не удивительная и естественная способность объединять вымысел с реальностью, а отчуждение. Слов, адекватно передающих детские страхи и волнения, просто не существует. Мудрый ребенок это понимает и принимает как должное. Те же, кто этим руководствуется, перестают быть детьми.

– Я потерял счет времени. Оно... – добавил Марк, но не договорил, потому что в комнату влетел разъяренный отец.

5

В понедельник перед рассветом.

В окно кто-то скребся.

Марк очнулся ото сна сразу, без малейшего намека на сонливость или осознание реальности. Грань между безумиями во сне и наяву стала совсем тонкой.

За окном в темноте белело лицо Сьюзен.

– Марк...пусти меня.

– Уходи, – произнес он без всякого выражения. На ней были те же блузка и брюки, в которых она ходила в Марстен-Хаус. Интересно, беспокоятся ли ее родители? Обращались ли в полицию?

– Ты не пожалеешь, Марк, – сказала Сьюзен. Ее глаза были пустыми и темными. Она улыбнулась, блеснув зубами, чью белизну только подчеркивали бледные десны. – Вот увидишь! Пусти меня, и сам убедишься. Я поцелую тебя, Марк. Поцелую везде, как никогда не целовала даже мама.

– Уходи, – повторил он.

– Рано или поздно мы же все равно до тебя доберемся, – не унималась она. – Нас уже очень много. Пусти меня, Марк. Я... так голодна! – Она снова попыталась улыбнуться, но вместо улыбки ее лицо исказила гримаса, от которой в жилах у Марка застыла кровь.

Он поднял крест и прижал его к стеклу.

Сьюзен зашипела будто ошпаренная и отпрянула от окна. Какое-то мгновение она еще висела в воздухе, а потом ее контуры стали расплываться и она исчезла. Но Марк успел заметить на ее лице выражение горестного отчаяния.

Снова стало тихо.

«Нас уже очень много».

Марк подумал о родителях, безмятежно спавших внизу, и почувствовал, как его охватывает ужас.

Она говорила, что в городе есть люди, которые знают или подозревают.

Кто именно?

Наверняка писатель! Парень, с которым она встречалась. Его фамилия Миерс. Он жил в пансионе Евы. Писатели много знают. Это точно он! И ему надо предупредить Миерса до того, как к нему явится она...

Если еще не поздно!

Глава тринадцатая

Отец Каллахэн

1

В тот же воскресный вечер часы Мэтта Берка показывали без четверти семь, когда к нему в палату нерешительно заглянул отец Каллахэн. Прикроватная тумбочка и одеяло были завалены книгами. Мэтт позвонил Лоретте Старчер домой и настоял, чтобы она не только открыла библиотеку в воскресенье, но и лично доставила нужные книги ему в больницу. Та явилась во главе процессии из трех служителей, нагруженных книгами. Удалилась она, пыхтя от возмущения: Мэтт отказался объяснить причину столь странного подбора книг.

Отец Каллахэн с любопытством разглядывал учителя. Тот выглядел осунувшимся, но не таким удрученным, как большинство прихожан, которых священнику доводилось навещать при подобных обстоятельствах. Каллахэн заметил, что обычно пациенты воспринимают известие о раке, ударе, сердечном приступе или отказе какого-нибудь жизненно важного органа как весть о вероломстве. Человек отказывается верить, что столь близкий (и до последнего времени надежный) друг, как его собственное тело, может так предательски с ним обойтись. И первой реакцией является нежелание иметь ничего общего с тем, кто способен на такую низость. И не важно, что по этому поводу думает провинившийся. Однако отказаться от общения с предательским телом, подать на него жалобу или просто выкинуть из своей жизни не представляется возможным. И вся цепочка подобных больничных размышлений заканчивается жутким выводом, что собственное тело, оказывается, не только не друг, а самый что ни на есть настоящий враг, одержимый разрушением той высшей силы, которой всем обязан и которую стремится уничтожить через болезнь.

Однажды, будучи навеселе, Каллахэн даже сел за монографию по данному вопросу, которую намеревался опубликовать в «Католик джорнал». Мало того – он не поленился нарисовать и иллюстрацию, на которой изобразил мозг на крыше небоскреба. Само здание олицетворяло тело (о чем свидетельствовала соответствующая подпись), а языки пламени, вырывавшиеся из окон, – рак (хотя на его месте могли быть десятки других причин). Подпись под рисунком гласила: «Слишком

высоко, чтобы прыгать». На следующий день, протрезвев, он порвал наброски будущей монографии на мелкие кусочки, а рисунок сжег: в католической доктрине не было места ни для одного, ни для другого, если, конечно, не подрисовать вертолет с надписью «Христос» и свисающей из него веревочной лестницей.

И все же он чувствовал, что его мысли не были беспочвенными, поскольку в результате подобных логических рассуждений пациенты впадали в жуткую депрессию. Это проявлялось в потухшем взгляде, горестных вздохах и зачастую в слезах, которые наворачивались на глаза при виде священника – этого черного ворона, напоминавшего о бренности всего сущего.

Однако у Мэтта Берка никаких признаков подобной депрессии не наблюдалось. Он протянул руку, и его рукопожатие оказалось удивительно крепким.

– Отец Каллахэн! Спасибо, что заглянули!

– Всегда рад. Хорошие учителя, как и умные жены, – большая редкость, которой следует дорожить.

– Даже такие старые неверующие медведи, как я?

– Особенно такие! – с готовностью подтвердил Каллахэн. – Полагаю, что застал вас в минуту слабости. Мне рассказывали, что на поле боя атеистов не встречается, да и в интенсивной терапии неверующих практически не бывает.

– Увы, меня скоро выписывают.

– И что с того? Мы еще услышим, как вы читаете «Аве Мария».

– Не исключено, причем гораздо раньше, чем вам представляется, – отозвался Мэтт.

Отец Каллахэн подвинул стул и сел, при этом нечаянно задел коленкой тумбочку, и с нее посыпались неаккуратно лежавшие книги. Он стал по одной поднимать их и читать вслух названия:

– «Дракула»... «Гость Дракулы»... «В поисках Дракулы»... «Золотая ветвь»... «Естественная история вампиров» – неужто и правда «естественная»? «Венгерские народные сказки»... «Чудовища мглы»... «Чудовища в реальной жизни»... «Дюссельдорфский монстр Питер Кюртен»^[21]... И... – отец Каллахэн вытер толстый слой пыли с обложки последней книги, – «Варни-вампир, или Праздник крови». Господи, неужели этим чтением лечат сердечников?

Мэтт улыбнулся:

– Старина Варни! Я читал его давно – для студенческого доклада в университете по курсу романтизма в литературе. Профессор, чьи

представления об этом жанре начинались с «Беовульфа» и заканчивались «Письмами Баламута»^[22], был просто в шоке и поставил мне тройку с плюсом, настоятельно рекомендовав повысить свой культурный уровень.

– Между тем феномен Питера Кюртена довольно любопытен, – заметил Каллахэн, – хотя и вызывает отвращение.

– Вы в курсе его истории?

– В общих чертах. Меня интересовали подобные вещи во время учебы в семинарии. Своим скептически настроенным наставникам я объяснял, что хороший священник должен знать не только высоты, которых может достичь человеческая натура, но и возможные глубины ее падения. Чепуха, конечно! Мне просто нравилось испытывать трепет, как и многим другим. Если я правильно помню, Кюртен в детстве утопил двух приятелей-сверстников, столкнув их с плота посередине реки и не дав им взобраться обратно.

– Верно, – подтвердил Мэтт. – И подростком он дважды пытался убить родителей девушки, которая не хотела с ним гулять, а потом сжег их дом. Но в его жизни меня, э-э, интересует не совсем это.

– Я так и понял, судя по подборке книг.

Он взял с одеяла журнал, на обложке которого фигуристая молодая женщина в обтягивающей одежде сосала кровь у юноши. Его лицо выражало одновременно и неопишуемый ужас, и непреодолимое вожделение. Журнал назывался – и, судя по всему, так же звали и женщину – «Вампирелла». Заинтригованный Каллахэн отложил его в сторону.

– Кюртен убил больше десятка женщин, – продолжил священник. – Орудовал чаще всего молотком, а если у них были месячные, то пил выделения.

Мэтт Берк снова согласно кивнул:

– Не так широко известен тот факт, что он убивал и животных. Во время очередного затмения он оторвал головы двум лебедям в центральном парке Дюссельдорфа и жадно глотал кровь, которая хлестала из шей.

– И это как-то связано с тем, почему вы хотели со мной встретиться? – поинтересовался Каллахэн. – Миссис Кэрлесс передала мне, что дело очень важное.

– Так оно и есть.

– И что это? Если вы хотели меня заинтриговать, то вам это удалось!

Мэтт невозмутимо на него посмотрел.

– Мой хороший друг Бен Миерс должен был сегодня с вами связаться. Ваша экономка сказала, что он так и не появился.

– Это правда. После двух часов дня я никого не видел.

– Я не могу его найти. Он уехал из больницы вместе с доктором Коуди, который тоже исчез. Я не могу разыскать и Сьюзен Нортон, подругу Бена Миерса, которая ушла из дома после обеда и обещала вернуться к пяти. Ее родители очень волнуются.

При этих словах Каллахэн забеспокоился. Он знал Билла Нортон, который однажды заходил к нему посоветоваться насчет рабочих-католиков.

– Вы что-то подозреваете?

– Позвольте задать вам один вопрос, – продолжил учитель. – Отнеситесь к нему со всей серьезностью и подумайте, прежде чем ответить. Вы не замечали в последнее время чего-нибудь необычного в городе?

Первоначальное предположение Каллахэна переросло в уверенность: ему намеревались сообщить нечто настолько невероятное, что хотели сначала осторожно подготовить, чтобы он не испугался. Ответ, судя по книгам, напрашивался сам собой.

– Вампиры в Салемс-Лоте? – изумился Каллахэн.

Священник подумал, что депрессии после тяжелой болезни нередко помогает избежать одержимость некой идеей, которая играет в жизни пациента важную роль: например, увлечение артистом или музыкантом или, скажем, мысли о недостроенном доме, не дающие покоя плотнику. Подобный интерес вполне может развить безобидный (или не вполне безобидный) психоз, предпосылки к которому уже имелись у пациента до болезни.

Он много разговаривал с одним пожилым прихожанином по имени Хоррис, который лежал в Центральной больнице штата Мэн. У него обнаружили тяжелую форму рака кишечника. Несмотря на мучительную боль, которую старик наверняка испытывал, он с жаром самым подробным образом рассказывал Каллахэну о пришельцах с Урана, которые проникали во все сферы жизни Америки.

«Вот на автозаправке «Амоко» работает парень из Фармута по имени Джо Блоу, – оживленно делился с ним своими соображениями измученный болью старик, – а потом на его месте оказывается пришелец, который выглядит точно, как Джо Блоу. И не просто выглядит, а еще и обладает его памятью и манерой речи. А все потому, что уранцы поглощают альфаволны... чмак-чмак-чмак!»

Хоррис утверждал, что никакого рака у него не было, а страдал он от лазерного облучения. Уранцы испугались, что он в курсе их махинаций, и

теперь пытались его известить. Хоррис это принимал как должное, но решил, что будет биться до последнего. Каллахэн не стал разубеждать старика. Пусть этим занимаются желающие Хоррису добра, но недалёковидные родственники. По мнению Каллахэна, подобный психоз, как глоток хорошего виски, может сыграть исключительно благотворную роль.

Вот почему сейчас священник сложил руки и приготовился выслушать Мэтта.

– Вообще-то мне и так довольно непросто, – сказал учитель, – но будет еще труднее, если вы считаете, что болезнь сказала на моем рассудке.

Поразившись, как точно Мэтт сумел выразить мысли, которые только что промелькнули у него в голове, Каллахэн постарался ничем не выдать свои чувства, хотя испытывал отнюдь не беспокойство, а искреннее восхищение.

– Мне представляется, что вы излагаете свои мысли на редкость внятно, – заверил он.

– Внятность изложения и здравый ум не одно и то же, – вздохнул Мэтт. – И вам это известно не хуже меня. – Он собрал книги, разбросанные по одеялу, и аккуратно сложил. – Если Бог есть, он, похоже, наказывает меня за чрезмерный научный консерватизм и неверие в то, что многократно не подтверждено наукой. Уже второй раз за день мне приходится высказывать дикие вещи без малейшего намека на доказательства. Единственное, что я могу привести в защиту своего здравого рассудка, так это достаточная легкость, с которой можно проверить мои утверждения и опровергнуть их, если они не подтверждаются. Мне остается только надеяться, что вы отнесетесь к моим словам со всей серьезностью и займетесь проверкой до того, как станет слишком поздно. – Он хмыкнул. – *До того, как станет слишком поздно.* Звучит как цитата из дешевых журналов тридцатых годов, верно?

– Жизнь – это театр, – философски заметил Каллахэн, а сам подумал, что в последнее время что-то мало в ней разыгрывается новых пьес.

– Позвольте спросить еще раз: вы не замечали в последнюю неделю чего-нибудь необычного в городе? Не важно, чего именно!

– Связанного с вампирами или...

– Не важно с чем.

Каллахэн подумал.

– Свалка закрыта, – наконец произнес он, – но ворота были сломаны, так что я проехал на ее территорию. – Он улыбнулся. – Я предпочитаю сам выбрасывать свой мусор. Во-первых, это практично, а во-вторых, позволяет мне в полной мере реализовать свои фантазии, будто я являюсь частью

бедного, но счастливого рабочего сословия. Дада Роджерса на свалке не было.

– Что-то еще?

– Ну-у... На утренней мессе отсутствовали Крокетты, а миссис Крокетт никогда не пропускает утреннюю службу.

– Еще?

– Бедная миссис Глик, конечно...

Марк приподнялся на локте.

– Миссис Глик? Что с ней?

– Она умерла.

– От чего?

– Паулина Диккенс считает, что от сердечного приступа, – неуверенно произнес Каллахэн.

– А кто-нибудь еще в городе скончался сегодня? – При обычных обстоятельствах вопрос прозвучал бы на редкость глупо. В городках, подобных Салемс-Лоту, несмотря на обилие стариков, смерти разнесены друг от друга по времени.

– Нет, – медленно произнес священник, – но в последнее время смертей действительно было больше обычного. Майк Райерсон... Флойд Тиббитс... младенец Макдугаллов...

Мэтт устало кивнул:

– И умерли они довольно неожиданно. Верно. Но все идет к тому, что через пару-другую ночей... боюсь... боюсь, что...

– Может, хватит ходить вокруг да около? – не выдержал Каллахэн.

– Хорошо! Тянуть действительно больше нечего!

И Мэтт рассказал все с самого начала, вставляя по ходу повествования детали, которые он узнал от Бена, Сьюзен и Джимми, и ничего не утаивая. Когда он закончил, ужас, пережитый Беном и Джимми, уже остался позади, а для Сьюзен Нортон все только начиналось.

Закончив рассказ, Мэтт выдержал паузу и спросил:

– Ну что? Я действительно сошел с ума?

– Вы сами считаете, что люди так подумают, – ответил Каллахэн. – Даже несмотря на то что вам, похоже, удалось убедить в своей правоте мистера Миерса и врача. Нет, я не считаю вас сумасшедшим. В конце концов, сверхъестественное – это моя епархия. Мои своего рода Святые

Дары, если можно так выразиться.

– Но...

– Позвольте мне рассказать вам одну историю. Не стану утверждать, что она произошла на самом деле, но скажу лишь, что лично я в этом не сомневаюсь. Она произошла с одним моим хорошим другом – отцом Раймондом Биссонеттом, который уже давно служит священником в Корнуолле, что на Жестяном побережье. Знаете, где это?

– По прессе.

– Лет пять назад он написал, что его позвали в отдаленный уголок прихода на похороны одной девушки, которая просто «угасла». Его поразило, что гроб был доверху заполнен цветами шиповника, а изо рта у девушки торчат чеснок и чабрец.

– Но это же...

– Да, традиционная защита от восставших из мертвых. Народное средство. На вопрос Рея отец девушки совершенно буднично пояснил, что ее убил инкуб. Вы знаете значение этого слова?

– Сексуальный вампир.

– Девушка была обручена с парнем по имени Бэннок, у которого на шее имелось большое родимое пятно клубничного цвета. За две недели до свадьбы его насмерть сбила машина, когда он возвращался домой после работы. Через два года она собралась замуж за другого, но неожиданно разорвала помолвку перед вторым оглашением в церкви предстоящего бракосочетания. Родителям и друзьям она объяснила, что ночью к ней явился Джон Бэннок и она с ним согрешила. По словам Рея, второго жениха больше беспокоила мысль о ее возможном душевном расстройстве, нежели о визите дьявола. Как бы то ни было, она умерла и была похоронена по старым церковным канонам.

Однако Рей решил написать мне совсем по другой причине, а именно из-за того, что произошло через два месяца после похорон. Совершая утреннюю прогулку, Рей заметил у могилы девушки молодого человека с большим родимым пятном клубничного цвета на шее. Но и это еще не все. У Рея была камера, подаренная родителями на Рождество, и он увлекался фотографированием живописных уголков местной природы. У меня хранится несколько снимков в альбоме – они действительно очень хороши. Фотоаппарат у Рея в тот момент был с собой, и он сделал несколько снимков этого молодого человека. Когда он показал их жителям деревни, реакция была поразительной. Одна старая дама упала в обморок, а мать умершей девушки начала громко молиться прямо на улице.

Мало того, на следующее утро на фотографиях не осталось и следа от

молодого человека – на них сохранился один лишь церковный двор.

– И вы в это верите? – поинтересовался Мэтт.

– О да! И уверен, что не я один. Обычные люди вовсе не так настороженно относятся ко всему сверхъестественному, как любят преподносить беллетристы. И многие писатели, избравшие для творчества именно этот жанр, воспринимают все связанное с духами, демонами и вообще потусторонним гораздо критичнее простых обывателей. Говард Лавкрафт был атеистом, Эдгара Аллана По можно отнести к трансценденталистам, а Натаниел Готорн своей религиозностью ничем не отличался от остальных.

– Вы удивительно сведущи в этом вопросе, – одобрительно заметил Мэтт.

Священник пожал плечами.

– Мальчишкой я интересовался мистикой и всем потусторонним, – объяснил он, – а когда вырос и стал священником, этот интерес не только не угас, но даже усилился. – Он глубоко вздохнул. – Однако в последнее время я все чаще стал задаваться неприятными вопросами о природе зла в мире. – Он криво усмехнулся и добавил: – И лучше мне от этого не стало.

– Тогда... может, вы согласитесь выяснить для меня пару вещей? И не откажетесь иметь при себе святую воду и гостию?

– Своей просьбой вы продемонстрировали распространенное теологическое заблуждение, – с серьезным видом заявил Каллахэн.

– Почему? – удивился Мэтт.

– Я не откажусь с собой что-то брать – во всяком случае, на данном этапе, – начал объяснять Каллахэн. – Будь на моем месте молодой священник, он бы наверняка, ничтоже сумняшеся, почти сразу согласился. – Он горько улыбнулся. – Они воспринимают атрибутику Церкви как некие символы, а вовсе не практические инструменты. Вроде шапки шамана или исцеляющего жезла. Молодой священник может посчитать вас душевнобольным, но если от окропления святой водой вам станет спокойнее – и замечательно, и слава Богу! Я так не могу! Если я отправлюсь по вашему поручению в модном твидовом пиджаке с экземпляром «Чувственного экзорциста» оккультистки Сибил Лик под мышкой, то это будет нашим частным с вами делом. Но если я отправляюсь с гостией... то я уже действую как посланец католической церкви, готовый исполнить самый важный в своей жизни духовный обряд. Я уже выступаю в качестве представителя Христа на земле. – Каллахэн не сводил с учителя серьезного и торжественного взгляда. – Наверное, я не самый достойный священник – я это признаю. Меня потрепала жизнь, в чем-то я стал даже

циничен и совсем недавно пережил кризис... чего? веры? личности?.. но я продолжаю свято верить в благоговейную, мистическую и всепокрушающую силу Церкви, которая стоит за мной. Вот почему я не могу отнестись к вашей просьбе с легкостью. Церковь не просто средоточие идей, как считают молодые священники. И не отряд духовных бойскаутов. Церковь – это Сила с большой буквы... и прибегать к ней надо с величайшей осторожностью. – Он нахмурился и устремил на Мэтта суровый взгляд. – Вы понимаете это? Очень важно, чтобы вы это понимали.

– Я понимаю.

– Дело в том, что в нынешнем веке трактовка католической церковью концепции зла претерпела радикальное переосмысление. И знаете почему?

– Полагаю, из-за Фрейда.

– Очень хорошо! Католическая церковь вступила в двадцатый век с новой концепцией зла – зла с маленькой буквы. Дьявол уже не представляется рогатым чудищем с хвостом и копытами или змеем, ползущим по саду, хотя это удивительно точный психологический образ. Дьяволом, по евангелию от Фрейда, является бездонная пучина нашего подсознания.

– Да, это совершенно иное представление о зле, несопоставимое по масштабам с хвостатыми чертями или демонами с настолько тонкой внутренней организацией, что один вид священника обращает их в бегство, – заметил Мэтт.

– Верно, масштабы иные. И зло обезличивается, становится не только безжалостным, но и неприкасаемым. Изгнание фрейдистского зла так же невозможно, как не в силах Шейлок вырезать фунт мяса из тела задолжавшего ему Антония, не пролив ни капли крови. Католическая церковь переосмысливает сам подход к понятию зла: это и бомбардировки в Камбодже, и войны в Ирландии и на Ближнем Востоке, и убийства полицейских, и мятежи в гетто, и миллионы других более мелких зол, беспрестанно терзающих Землю. Церковь сбрасывает старую кожу духовного целителя и становится социально активным формированием. Центр тяжести смещается с исповедальни к повседневности. Церковные общины поддерживают движение за гражданские права и обновление городской жизни. Церковь все увереннее приобщается к реалиям окружающего ее мира.

– Где нет никаких ведьм, инкубов и вампиров, – подхватил Мэтт, – но зато есть избиение детей, инцест и насилие над природой.

– Именно так.

– И вам все это не нравится, верно? – медленно спросил Мэтт.

– Верно, – тихо подтвердил Каллахэн. – И мне стыдно. Тем самым Католическая церковь как бы признает, что Бог не умер, но слегка не в себе. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос. Так что вы хотите, чтобы я сделал?

Мэтт объяснил.

Поразмыслив над услышанным, Каллахэн поинтересовался:

– Вы понимаете, что это идет вразрез со всем, о чем я только что говорил?

– Как раз наоборот! Это настоящий момент истины, и вам предоставляется уникальная возможность испытать *свою* церковь на деле!

Каллахэн глубоко вздохнул.

– Очень хорошо! Я согласен. Но с одним условием.

– Каким?

– Что все, кто собирается участвовать в нашей маленькой экспедиции, сначала наведаются в магазин Стрейкера. И пусть мистер Миерс от нашего имени откровенно изложит ему все наши соображения. А мы посмотрим на его реакцию. Предоставим ему возможность поднять нас на смех.

Мэтт нахмурился.

– Но этим мы себя выдадим и предупредим об опасности.

Каллахэн покачал головой:

– Это не важно, если мы трое – мистер Миерс, доктор Коуди и я – решим довести дело до конца, что бы ни случилось.

– Ладно, – сдался Мэтт. – Я согласен, если Бен и Джимми Коуди тоже не будут против.

– Вот и хорошо, – вздохнул Каллахэн. – Вы не обидитесь, если я не стану скрывать своей надежды, что все это плод вашего воображения? И что Стрейкер поднимет нас на смех, причем заслуженно?

– Ни в коей мере.

– Дай-то Бог! Вы даже не представляете, на что я только что согласился. И это меня пугает.

– Мне тоже страшно, – тихо признался Мэтт.

Возвращаясь обратно в церковь, Каллахэн не только не ощущал никакого страха, но был в приподнятом настроении и чувствовал себя обновленным. Впервые за многие годы он был трезв и не испытывал ни малейшего желания выпить.

Оказавшись дома, он подошел к телефону и набрал номер пансиона Евы Миллер.

– Алло? Миссис Миллер? Могу я поговорить с мистером Миерсом?.. Его нет? Понятно... Нет, ничего передавать не нужно. Я перезвоню завтра.

Он повесил трубку и подошел к окну.

Наверное, Миерс коротает время в каком-нибудь придорожном баре с кружкой пива... А вдруг то, о чем говорил старый учитель, все-таки правда? Если да... если да...

Не в силах оставаться дома, священник вышел на заднее крыльцо, набрал полные легкие колючего октябрьского воздуха и вгляделся в темноту. Может, дело не только во Фрейде. Не исключено, что свою роль – и немалую! – сыграло изобретение электрического света, разогнавшего тени в человеческих умах, причем гораздо эффективнее (и опрятнее), чем вампира убивает кол, всаженный в сердце.

Зло продолжало жить, но теперь уже при холодном свете бесчисленных лампочек в домах и офисах, неоновых фонарей на парковках и рекламах. В кабинетах, залитых бездушным светом, генералы по-прежнему планировали нанесение стратегических воздушных ударов, и не было силы, способной остановить этот лишенный тормозов каток, который стремительно неся под гору. *Я выполнял приказ!* Да, с этим не поспоришь. Мы все просто солдаты, слепо следующие в пункт назначения, указанный в сопроводительных бумагах. Но откуда исходят приказы? *Отведите меня к командиру!* Где его ставка? *Я выполнял приказ! Меня избрали люди!* Но кто уполномочил этих людей избирать?

Над головой что-то промелькнуло, и Каллахэн, очнувшись от размышлений, поднял голову. Что это? Птица? Летучая мышь? Улетела. Ну и ладно.

Он прислушался. Город молчал, только чуть слышно гудели провода.

Ночами, когда ползучие побеги кудзу захватывают поля, ты спишь мертвым сном.

Чьи это слова? Джеймса Дики?^[23]

Кругом темно и ни звука. Только у входа в церковь, где никогда не выступал Фред Астер, горит лампа дневного света да на перекрестке Брок-стрит и Джойнтер-авеню мигает желтый сигнал светофора. Нигде не плакал ребенок.

Ночами, когда ползучие побеги кудзу захватывают поля, ты спишь...

От приподнятого настроения не осталось и следа, а сердце вдруг сдавило тисками ужаса. Каллахэну стало страшно не за свою жизнь или честь или что экономка узнает о его пристрастии к бутылке. Такого страха

он не испытывал ни разу в жизни, даже в неблагополучном детстве.
Он испугался за свою бессмертную душу.

Часть третья

Покинутый город

*Я услышал голос, он звал меня к себе,
Приходи же, детка, в моем вечном сне.*

Старый рок-н-ролл

*И путники видят в том крае туманном
Сквозь окна, залитые красною мглой,
Огромные формы в движении странном,
Диктуемом дико звучащей струной.
Меж тем как противные быстрой рекою,
Сквозь бледную дверь, за которой Беда,
Выносятся тени и шумной толпою,
Забывши улыбку, хохочут всегда.*

Эдгар Аллан По. Заколдованный замок^{[\[24\]](#)}

Старики поведают, что город сейчас пуст.

Боб Дилан

Глава четырнадцатая

Город (IV)

1

Из «Календаря старого фермера»:

«В воскресенье 5 октября 1975 года заход солнца: 19:02.

В понедельник 6 октября 1975 года восход солнца: 06:49.

Темное время суток в Джерусалемс-Лоте в данный период, отстоящий от осеннего равноденствия на тринадцать дней, составляет одиннадцать часов сорок семь минут. Новолуние.

Крылатое выражение старого фермера в этот день: “Время упустить – урожай потерять”».

Из сообщения Портлендской метеостанции:

«Самая высокая температура воздуха в темное время суток зафиксирована в 19:05 и составила 16,5° С, а самая низкая отмечена в 04:06 и составила 8° С. Облачность переменная, без осадков. Ветер северо-западный, слабый».

Из журнала происшествий окружного полицейского управления Камберленда:

«Происшествий не зафиксировано».

2

Никто не констатировал смерть Джерусалемс-Лота утром 6 октября; никто и не знал, что город умер. Подобно телам погибших в предыдущие дни, город полностью сохранил все признаки жизни.

Рути Крокетт приболела и все выходные провела без сил в постели, а утром в понедельник исчезла. Никаких сообщений об этом не поступало. Ее мать, накрытая куском брезента, лежала в подвале за полками с вареньем и соленьями, а Ларри Крокетт проснулся поздно и решил, что дочь уже отправилась в школу. Он отказался от мысли пойти на работу и остался дома, поскольку чувствовал слабость и недомогание. «Грипп, наверное», – подумал он. Свет сильно резал глаза, и Ларри, поднявшись, задернул шторы, громко вскрикнув, когда луч света случайно скользнул по

руке. Надо будет обязательно поменять стекла! Такой дефект не шутка! Так можно однажды вернуться домой и застать его в языках пламени, а эти придурки из страховой компании откажутся покрыть убытки, сославшись на самовозгорание. Так что, как выздоровеет, обязательно этим займется. Он подумал, не выпить ли кофе, но сама мысль об этом вызвала тошноту. Удивившись, куда могла запропасться жена, он тут же о ней забыл и, ощутив странный порез от бритвы под подбородком, закрылся простыней с головой и снова уснул.

Тем временем его дочь спала рядом с Дадом Роджерсом в эмалевой темноте выброшенного холодильника: в ночном мире ее нового существования она воспринимала его ухаживания посреди куч мусора весьма благосклонно.

Библиотекарша Лоретта Старчер тоже исчезла, хотя в жизни старой девы не нашлось человека, который бы это заметил. Теперь она нашла пристанище на темном и пыльном третьем этаже городской библиотеки. Дверь туда всегда была заперта (единственный ключ Лоретта постоянно носила на шее) и открывалась в исключительно редких случаях, когда просителю удавалось убедить библиотекаршу в своей значимости, интеллигентности и порядочности, необходимых для получения заветного допуска.

Сейчас она расположилась здесь сама – будто новое издание, только что вышедшее из печати и еще не побывавшее в руках человека.

Исчезновение Вирджила Ратбана тоже прошло незамеченным. Франклин Боддин проснулся в хибаре, где они жили, в девять утра, немного удивился, что Вирджила нет на месте, и начал вставать, решив поискать пива. Однако подняться ему не удалось: голова закружилась, ноги подкосились, и он упал. *Господи*, успел подумать он, снова проваливаясь в сон. *Что мы вчера пили? Денатурат?*

А за хужиной, зарывшись в прохладные залежи накопившейся за двадцать лет листвы и горы банок из-под пива, ждал наступления ночи Вирджил. И темные недра его тягучего мозга заполняли видения жидкости, куда более пьянящей, чем самое выдержанное виски, и утоляющей жажду лучше любого изысканного вина.

Ева Миллер заметила отсутствие Проныры Крейга за завтраком, но не придавала этому значения. Она была слишком занята хлопотами по кухне, готовя завтрак для постояльцев, спешивших начать новую трудовую неделю. Потом Ева занялась уборкой посуды за бестолковым Гровером Верриллом и таким же никчемным Микки Сильвестром, постоянно игнорировавшими призыв «Не забудьте помыть за собой посуду»,

висевший над раковиной.

Но когда утренние заботы остались позади, в доме вновь воцарилась тишина и Ева занялась обычными делами, отсутствие Крейга ее встревожило. По понедельникам с Рейлроуд-стрит забирали мусор, и Проныра всегда относил к мостовой большие зеленые мешки, чтобы Ройал Сноу бросил их в кузов своего старенького грузовика. Сегодня зеленые мешки по-прежнему стояли на заднем крыльце.

Она поднялась к двери его комнаты и тихонько постучала:

– Эд?

Ответа не последовало. В другой день Ева бы просто решила, что он опять напился, и, поджав губы, вынесла бы мешки сама, но сегодня на душе у нее отчего-то было беспокойно и она повернула ручку двери и заглянула внутрь.

– Эд? – снова негромко окликнула она.

В комнате никого не было. Окно у изголовья кровати было распахнуто, и порывы утреннего ветерка трепали занавески. Ева машинально принялась убирать смятую постель, и под ногой что-то хрустнуло. На полу валялось разбитое настольное зеркальце. Ева подняла его и, нахмурившись, задумчиво повертела в руках. Это зеркальце досталось Проныре от матери, и он как-то даже отказался продать его антиквару за целых десять долларов, хотя уже тогда сильно пил.

Сходяв за веником и совком, она принялась неторопливо собирать осколки, но ее мысли занимало другое. Вчера вечером, отправляясь спать, Проныра был трезв, а после девяти купить пиво он мог только у Делла или в Камберленде, да и то если кто-то его туда подбросит.

Ева высыпала осколки в мусорную корзину, и перед глазами мелькнуло ее разбитое на кусочки отражение. Никаких пустых бутылок в корзине не было. И неудивительно: пить тайком за Эдом Крейгом никогда не водилось.

Ладно! Куда ему деться – объявится!

Однако беспокойство не отпускало. Ева знала, хотя и не признавалась в этом даже самой себе, что испытывала к Проныре нечто большее, чем простое дружеское участие.

– Мэм?

Очнувшись от размышлений, она увидела на кухне опрятно одетого мальчика в вельветовых брюках и чистой голубой футболке. Он явно нервничал. Подросток казался знакомым, но вспомнить, кто он, Еве никак не удавалось: скорее всего он из той семьи, что недавно поселилась на Джойнтер-авеню.

– Скажите, мистер Бен Миерс здесь живет?

Ева собиралась спросить, почему он не в школе, но не стала, увидев на лице мальчика серьезное и даже суровое выражение. Под глазами у него были темные круги.

– Он сейчас спит.

– Мне можно подождать?

...Сразу после похоронного бюро Грина Гомер Маккаслин направился к Нортонам на Брок-стрит и добрался туда к одиннадцати. Миссис Нортон плакала, а Билл Нортон хотя внешне и выглядел спокойным, но осунулся и постоянно курил.

Маккаслин обещал объявить девушку в розыск. Да, он позвонит, как только появятся новости. Да, он проверит, не поступала ли она в больницы, – это наряду с запросом в морг было частью стандартной процедуры поиска. Про себя он подумал, что девушка, должно быть, сбежала из чувства протеста. Ее мать призналась, что они поссорились и что Сьюзен собиралась покинуть родительский дом и жить отдельно.

Тем не менее Маккаслин объездил кое-какие проселочные дороги, прислушиваясь к потрескиванию статики, которое доносилось из динамика полицейской рации под приборной доской. В первом часу ночи он свернул на Брукс-роуд, и фары выхватили слева среди деревьев контуры припаркованной машины.

Маккаслин сдал назад и, подъехав ближе, остановился. Машина стояла на обочине заброшенной лесовозной дороги. «Шевроле-вега», светло-бежевая, не старше двух лет. Он вытащил из заднего кармана блокнот на цепочке, пролистал страницы с записью беседы с Беном и Джимми и нашел номер машины, который дала миссис Нортон. Номер совпадал. Значит, это точно машина девушки. Дело принимало серьезный оборот. Он потрогал капот. Холодный. Машина здесь уже давно.

– Шериф?

Легкий и беззаботный, как звон колокольчика, голос. Почему же его рука невольно потянулась к кобуре с пистолетом?

Он обернулся и увидел Сьюзен Нортон, выглядевшую необыкновенно привлекательно. Она шла, держась за руки с молодым человеком, черные волосы которого были немодно зачесаны назад. Маккаслин посветил парню в лицо фонарем, и ему показалось, что свет пронизывает его насквозь и совсем не освещает. И хотя они шли, на траве почему-то не оставалось никаких следов. Маккаслин ощутил страх, и по коже пробежали мурашки. Пальцы вцепились в рукоятку пистолета... но тут же разжались. Он выключил фонарь и покорно ждал.

– Шериф, – снова повторила Сьюзен ласкающим голосом.

– Как хорошо, что вы пришли, – произнес незнакомец.

С этими словами они набросились на шерифа.

Теперь его машина стояла в конце разбитой лесной дороги в густых зарослях можжевельника и папоротника, почти полностью скрывавших блеск хромированных деталей. Сам Маккаслин лежал в багажнике. На вызовы по радио, поступавшие через регулярные промежутки времени, никто не отвечал.

Тем же утром Сьюзен наведлась домой к матери, однако особого вреда не причинила: подобно пиявке, досыта насосавшейся крови неторопливого пловца, она не испытывала голода, – но в дом ее позвали, так что теперь она могла приходить туда когда вздумается. А следующей ночью голод снова даст о себе знать... а потом опять и опять, из ночи в ночь!

В понедельник Чарлз Гриффен с перекошенным от злости лицом разбудил жену в шестом часу утра. Снаружи громко мычали недоевшие коровы. Он выразил суть происходящего тремя словами:

– Проклятые мальчишки сбежали!

Но он ошибался. Дэнни Глик добрался до Джека Гриффена, а тот, в свою очередь, наведлся в комнату брата Хэла и навсегда положил конец его переживаниям насчет школы, книг и отцовского упрямства. Теперь оба юноши лежали, зарывшись в огромную копну сена на дальнем пастбище. В волосах запутались травинки, а в ноздрях, лишенных движения воздуха, парили пылинки. Время от времени по их лицам пробегали мыши.

Земля озарилась светом, и все порождения зла погрузились в сон. Начинался чудесный осенний день, когда свежий и прозрачный воздух пронизывают лучи яркого солнца. Город просыпался для нового трудового дня, еще не зная о своей гибели и о том, что творится в нем ночью. По «Календарю старого фермера», в понедельник солнце сядет ровно в семь вечера.

Дни становились короче, приближался Хеллоуин, а следом за ним – зима.

Без четверти девять Бен спустился вниз, и Ева Миллер, стоя у раковины, повернулась к нему:

– На крыльце к вам посетитель.

Кивнув, Бен вышел через заднюю дверь прямо в шлепанцах, поскольку не сомневался, что это либо Сьюзен, либо шериф Маккаслин. Но посетителем оказался невысокий щуплый мальчик, сидевший на верхней ступеньке и смотревший, как просыпается город.

– Ты меня ждешь? – спросил Бен, и мальчик быстро обернулся.

Они обменялись короткими взглядами, но Бену показалось, что время вдруг остановилось, и его охватило странное чувство нереальности происходящего. Мальчик очень походил на него самого в детстве, но дело было не только в этом. Бен почувствовал, как на него навалилась какая-то тяжесть, и он вдруг понял, что их встреча не случайна, а судьбы удивительным образом переплетутся. Похожее чувство он испытал при встрече со Сьюзен в парке, когда самый обычный разговор при знакомстве показался ему значительным и чреватым серьезными последствиями.

Мальчик, видимо, почувствовал то же самое: его глаза чуть расширились, а рука невольно ухватилась за перила.

– Вы мистер Миерс, – скорее констатировал, нежели спросил он.

– Да, а вот как зовут тебя, я не знаю.

– Марк Питри. У меня для вас плохие новости.

Не сомневаюсь, мрачно подумал Бен и внутренне собрался, чтобы выслушать очередное неприятное известие, однако то, что сообщил мальчик, повергло его в шок.

– Сьюзен Нортон теперь одна из *них*, – произнес он. – Барлоу добрался до нее в доме. Но я убил Стрейкера. По крайней мере я так думаю.

Бен хотел что-то сказать, но не смог: потерял дар речи. Мальчик понимающе кивнул:

– Нам лучше поговорить в машине. Не хочу, чтобы меня видели. Я прогуливаю занятия, а у меня с предками и без того отношения натянутые.

Бен что-то сказал, но сам не понял что. После той аварии на мотоцикле, убившей Миранду, он поднялся с мостовой потрясенный, но невредимый, если не считать маленькой царапины на тыльной стороне левой руки (но разве медалью «Пурпурное сердце» не награждали и за меньшее?). К нему шел водитель грузовика, отбрасывая две тени благодаря фонарному столбу и фарам. Это был крупный лысеющий мужчина. В нагрудном кармане белой рубашки торчала ручка с надписью золотыми буквами «Заправочная ста». Остальное скрывал карман, но Бен догадался, что остальными буквами наверняка были «нция». Элементарно, Ватсон! Водитель что-то сказал Бену – Бен не помнил, что именно, – а потом осторожно взял за руку, чтобы увести в сторону. Бен заметил возле колеса грузовика туфлю Миранды и, вырвав руку, направился к ней, а водитель

шагнул за ним и сказал: *Не стоит этого делать, приятель*. Бен, абсолютно невредимый, если не считать царапины на руке, непонимающе на него посмотрел и хотел сказать, что пять минут назад ничего этого не случилось, что в некоем параллельном мире они с Мирандой в квартале отсюда повернули налево и теперь ехали совсем к другому будущему.

Из винного магазина на одном углу и молочного бара на другом выскочили посетители, и начала собираться толпа. И Бена охватило то же самое чувство, что и сейчас: духовное и физическое онемение, предшествующее внутреннему осознанию и принятию случившегося. Наверное, единственным, что может вызывать подобную реакцию, является изнасилование. Живот сводит судорогой. Губы деревенеют. На нёбе пузырится пена. В ушах стоит звон, и мошонка съеживается. Разум лихорадочно мечется, пытаюсь укрыться, как от слепящего света.

Бен снова вырвался из рук не отстававшего водителя грузовика, подошел к туфле и поднял ее: стелька еще хранила тепло Миранды. С туфель в руке он сделал пару шагов и увидел торчавшие из-под колеса ноги в желтых брюках, которые она, дурачась, со смехом натягивала на себя перед выходом из дома. Невозможно было представить, что девчонки в этих брюках больше нет на свете. И все же осознание трагедии постепенно наполняло живот, рот, все клеточки. Он громко застонал, и как раз этот момент запечатлел фотограф «желтой» газетенки, хранившейся в архивах Мейбл Уэртс. Одна туфля на ноге Миранды, другая – у него в руках. Люди пялились на эту босую ногу, будто никогда не видели никого босиком. Бен отступил на пару шагов, наклонился и...

– Меня сейчас вырвет!

– Не страшно.

Он зашел за свою машину, ухватился за ручку дверцы и, согнувшись пополам, закрыл глаза. На него навалилась темнота, из которой выплыло лицо Сьюзен – улыбающейся и с таким чудесным взглядом бездонных глаз.

А вдруг мальчишка врет, или что-то напутал, или вообще сумасшедший? Бен открыл глаза и понял, что на это рассчитывать не приходится. Марк обернулся, и его лицо выражало только искреннее сочувствие.

– Садись! – сказал Бен.

Мальчик влез в машину, и они тронулись. Ева Миллер удивленно наблюдала за ними из окна кухни. Происходило что-то нехорошее. Она это чувствовала, совсем как в тот день, когда умер ее муж.

Ева подошла к телефону и набрала номер Лоретты Старчер. Так и не дождавшись, что на звонок ответят, она повесила трубку. Куда та могла

уйти? Уж конечно, не в библиотеку! По понедельникам библиотека не работала.

Ева села, задумчиво глядя на телефон. Она ощущала нависшее над городом несчастье, может, не менее страшное, чем пожар 1951 года.

Наконец она снова взяла трубку и набрала номер Мейбл Уэртс, которая всегда была в курсе последних сплетен и жадно впитывала новые. Подобных выходных город не знал долгие годы.

4

Бен бездумно вел машину и слушал рассказ Марка. Тот излагал все четко и ясно, начав с ночи, когда Дэнни Глик пытался забраться к нему через окно, и закончив сегодняшним ночным визитом девушки.

– Ты уверен, что это была Сьюзен? – спросил Бен, и Марк кивнул в ответ.

Бен резко развернулся и погнал машину обратно на Джойнтер-авеню.

– Куда вы едете? Неуже...

– Не туда. Пока не туда.

5

– Подождите! Стойте!

Бен остановился. Они вылезли из машины и стали медленно прочесывать Брукс-роуд у подножия Марстен-Хилла, пока не оказались на лесной дороге, где Гомер Маккаслин обнаружил «шевроле» Сьюзен. Заметив, как в деревьях что-то блеснуло на солнце, они молча направились туда. Между глубокими колеями заброшенной дороги росла высокая трава. Где-то щебетала птица.

Вскоре они обнаружили машину.

Бен, поколебавшись, остановился. К горлу снова подступил комок тошноты, а по коже побежали мурашки.

– Посмотри, что там, – сказал он Марку.

Марк подошел к машине и заглянул в окно водителя.

– Ключ в замке! – крикнул он.

Бен сделал несколько шагов и наткнулся на что-то. Он опустил глаза – в пыли валялся револьвер тридцать восьмого калибра. Повертев его в руках, Бен пришел к выводу, что такие носят полицейские.

– Чей это? – поинтересовался Марк, подошедший с ключами Сьюзен в руках.

– Не знаю, – ответил Бен и, проверив предохранитель, сунул револьвер в карман.

Марк отдал ему ключи, и Бен направился к «шевроле», с трудом передвигая ноги. Руки у него тряслись, и ему не сразу удалось вставить ключи в замок багажника. Открыв его, он отступил назад, стараясь ни о чем не думать.

Они заглянули вместе. В багажнике лежали только запасное колесо и домкрат. Бен с шумом перевел дыхание.

– Что дальше? – спросил Марк.

Бен ответил не сразу – выждал паузу, чтобы взять себя в руки и овладеть голосом.

– Мы поедем в больницу к одному моему другу по имени Мэтт Берк. Он выяснял все, что можно, про вампиров.

Мальчик по-прежнему не сводил с него глаз.

– Вы мне верите?

– Да, – произнес Бен, и оттого, что ответ прозвучал вслух, он показался окончательным и бесповоротным. – Да, я тебе верю!

– Мистер Берк преподает в старшей школе, верно? Он знает об этом?

– Да. И доктор тоже в курсе.

– Доктор Коуди?

– Да.

Разговаривая, они оба не сводили глаз с машины, будто та была реликтом какой-то темной расы из далекого прошлого, случайно обнаруженным в залитом солнечным светом лесу к западу от города. Открытый багажник был похож на разинутую пасть, и когда Бен захлопнул его, щелчок замка отозвался болью в сердце.

– После беседы мы отправимся в Марстен-Хаус и разберемся с сукиным сыном, который сотворил все это!

Марк смотрел на него не шевелясь.

– Это не так просто, как вам кажется. Она тоже там будет. Теперь она его!

– Он пожалеет, что оказался в Салемс-Лоте! – тихо ответил Бен. – Поехали!

Они добрались до больницы в половине десятого и застали в палате Мэтта Джимми Коуди. Доктор без улыбки посмотрел на Бена и с любопытством – на Марка Питри.

– У меня плохие новости, Бен. Сью Нортон исчезла.

– Она стала вампиром, – безучастно сообщил Бен, и Мэтт невольно вскрикнул.

– Вы уверены? – резко спросил Джимми.

Бен показал большим пальцем на Марка Питри и представил его.

– В субботу ночью к Марку наведалься Дэнни Глик. Остальное он расскажет сам.

Марк все рассказал – от начала до конца, а когда закончил, Мэтт первым нарушил молчание:

– Бен, нет слов, как мне жаль.

– Если хотите, у меня есть успокоительное, – предложил Джимми.

– Я знаю, какое лекарство мне поможет, Джимми. Я хочу разобраться с Барлоу сегодня. Прямо сейчас. Пока не стемнело.

– Хорошо, – согласился доктор. – Я отменил все вызовы. И еще я звонил в офис окружного шерифа. Маккаслин тоже исчез.

– Возможно, его исчезновение объясняет вот это, – сказал Бен и, достав револьвер, положил его на тумбочку возле кровати Мэтта. В больничной палате оружие выглядело странно и неуместно.

– Откуда он у вас? – поинтересовался Джимми, беря револьвер в руки.

– Я нашел его около машины Сьюзен.

– Тогда, похоже, Маккаслин после нас отправился к Нортонам, где узнал марку и номер машины. А потом решил объехать окрестности. Так, на всякий случай. И...

Он не договорил, но все и так всё поняли.

– Форман по-прежнему не объявлялся, – продолжил Джимми, – и старики, собирающиеся у Кроссена, жаловались насчет свалки. Дада Роджерса никто не видел уже целую неделю.

Все растерянно посмотрели друг на друга.

– Вчера я разговаривал с отцом Каллахэном, – сообщил Мэтт. – Он согласился к нам присоединиться при условии, что вы двое – плюс, конечно, Марк – сначала заедете в новый магазин и поговорите со Стрейкером.

– Не думаю, чтобы он с кем-то смог сегодня поговорить, – тихо произнес Марк.

– Что вам удалось о них выяснить? – спросил Джимми у Мэтта. – Есть что-нибудь полезное?

– Мне кажется, кое-что прояснилось. Стрейкер, судя по всему, является сторожевым псом этого существа и охраняет его... нечто вроде доверенного лица среди людей. Он наверняка прибыл в город задолго до Барлоу. Чтобы умиловать Темного отца, нужно совершить определенные обряды. Даже у Барлоу есть свой Хозяин. – Мэтт обвел всех хмурым взглядом. – Полагаю, что никто и никогда не найдет Ральфи Глика. Он послужил «входным билетом» для Барлоу. Стрейкер захватил мальчика и принес его в жертву.

– Ублюдок! – не удержался Джимми.

– А Дэнни Глик? – спросил Бен.

– Стрейкер пустил ему кровь первому, – ответил Мэтт. – Подарок Господина. Первая кровь – верному слуге. Потом Барлоу уже принялся за дело сам. Но Стрейкер оказал Барлоу еще одну услугу до того, как тот приехал. И знаете какую?

На мгновение воцарилась тишина, потом Марк отчетливо выговорил:

– Собака, которую нашли на ограде кладбища.

– Что? – удивился Джимми. – Зачем? Зачем ему это понадобилось?

– Из-за белых глаз, – пояснил Марк и взглянул на Мэтта, который удивленно кивнул в подтверждение.

– Я всю ночь просидел над книгами, даже не подозревая, что среди нас имеется настоящий эксперт! – Мальчик смущенно покраснел. – Но Марк абсолютно прав! Согласно имеющимся источникам о разных поверьях и потусторонних силах, вампиров, среди прочего, можно отпугнуть черной собакой, если нарисовать вокруг ее настоящих глаз белые «ангельские глаза». Собака Ирвина была черной, только над самыми глазами у нее было два белых пятна, которые тот называл фарами. Ночью Ирвин отпускал своего пса побегать на воле. Стрейкер, должно быть, ее выследил, убил и повесил на ограде кладбища.

– А что насчет Барлоу? – не удержался Джимми. – Как он попал в город?

Мэтт пожал плечами.

– Понятия не имею. Если верить легендам, он должен быть старым... очень старым. Наверняка менял свое имя десятки, если не сотни, раз. Думаю, что за это время он пожил почти во всех странах, но сам либо румын, либо мадьяр. Как он попал в город, не так уж важно... хотя не удивлюсь, если выяснится, что к этому приложил руку Ларри Крокетт. В любом случае Барлоу здесь, и это главное.

Теперь вот что вы должны сделать. Возьмите с собой кол. И оружие, на случай если Стрейкер еще жив. Револьвер шерифа Маккаслена вполне

подойдет. Кол должен пронзить сердце вампира, иначе он снова оживет. Джимми должен в этом удостовериться. Потом нужно отрезать вампиру голову, забить ему рот чесноком и положить в гроб лицом вниз. Почти во всех голливудских и прочих произведениях вампиры почти мгновенно превращаются в пыль, если им вогнать в сердце кол. Но в реальности так бывает не всегда. В этом случае нужно привязать к гробу груз и утопить в проточной воде. Думаю, что для этой цели вполне подойдет река Ройал. Вопросы есть?

Вопросов не было.

– Отлично! Каждый из вас должен иметь при себе святую воду и гостию, а также исповедаться у отца Каллахэна, прежде чем отправиться в путь.

– Но среди нас нет католиков, – засомневался Бен.

– Я католик, – возразил Джимми. – Правда, в церковь не хожу.

– Не важно, надо обязательно исповедаться и покаяться в грехах. А потом уже идти очищенными и омытыми кровью Христовой... чистой и неоскверненной.

– Хорошо, – согласился Бен.

– Бен, вы спали со Сьюзен? Извините, но...

– Да, – признался Бен.

– Тогда вы должны пронзить колом сначала Барлоу, а потом ее. Бен, вы – единственный член экспедиции, которого эти события затронули лично. Будете действовать в качестве ее мужа. И вы не должны испытывать сомнений. Своим актом вы ее освободите.

– Хорошо! – снова произнес Бен.

– И самое главное. – Мэтт обвел всех взглядом. – *Ни в коем случае не смотрите ему в глаза!* Иначе он подавит вашу волю и обратит против своих, даже ценой жизни. Вспомните Флойда Тиббитса. Вот почему так опасно иметь при себе оружие, даже если это необходимо. Джимми, пусть револьвер будет у вас, и держитесь от всех поодаль. А если придется осмотреть Барлоу или Сьюзен, передайте его Марку.

– Договорились, – заверил доктор.

– Не забудьте купить чеснок. И розы, если получится. Джимми, тот цветочный магазинчик в Камберленде еще работает?

– «Северная красавица»? Полагаю, что да.

– Каждому – по белой розе. Прикрепите ее к волосам или повесьте на шею. И повторяю еще раз – не смотрите в глаза! Я мог бы много чего еще рассказать, но вам лучше не терять времени. Сейчас уже десять часов, и у отца Каллахэна могут появиться сомнения. Мои мысли и молитвы будут о

вас. Агностику со стажем, вроде меня, молиться совсем не просто, однако я уже не такой закоренелый атеист, каким был раньше. Кажется, Томас Карлейль сказал, что если человек низвергает Бога в своем сердце, то на его престоле обязательно воцарится сатана?

Все промолчали, и Мэтт со вздохом повернулся к доктору.

– Джимми, я хочу еще раз взглянуть на твою шею.

Джимми подошел ближе и задрал подбородок. Были хорошо видны два прокола, но оба заживали.

– Болит? Чешется? – спросил Мэтт.

– Нет.

– Тебе очень повезло. – На лице учителя не было и тени улыбки.

– Даже больше, чем я могу себе представить.

Мэтт откинулся назад на подушки. Его лицо осунулось, а под глазами темнели круги.

– Я бы принял лекарство, от которого отказался Бен, если ты не возражаешь.

– Я скажу медсестре.

– Пока вы этим занимаетесь, я буду спать. Потом будет еще одно дело... но об этом позже. – Мэтт повернулся к Марку. – Вчера тебе удалось осуществить нечто потрясающее, молодой человек! Это было глупо и безрассудно, но все равно потрясающе!

– За это пришлось заплатить ей, – тихо отозвался тот и сцепил дрожащие пальцы в замок.

– Да, и не исключено, что придется заплатить снова. Любому из вас или всем вместе. Не стоит его недооценивать! А сейчас я хотел бы отдохнуть. Я читал всю ночь и очень устал. Позвоните мне сразу же, как закончите.

Они ушли. В вестибюле Бен посмотрел на Джимми и спросил:

– Он вам никого не напоминает?

– Да, – подтвердил Джимми. – Ван Хельсинга^[25].

В четверть одиннадцатого Ева Миллер спустилась в подвал взять пару банок из домашних заготовок для миссис Нортон, которая, по словам Мейбл Уэртс, занемогла и не вставала с постели. Почти весь сентябрь Ева провела на заполненной паром кухне, занимаясь столь любимым ею консервированием и запечатывая парафином банки с домашними

заготовками. На стеллажах в идеально чистом подвале с земляным полом было аккуратно расставлено двести с лишним стеклянных банок. В конце года, когда наступала зима и приближались рождественские праздники, она разнообразила меню сладкими пирожками с самодельным вареньем.

Едва Ева открыла дверь в подвал, как в нос ударила вонь.

– Боже милостивый! – скривилась она и, зажав нос, с отвращением, будто шагая по нечистотам, начала спускаться.

Подвал самолично выкопал и обнес каменной кладкой для сохранения прохлады ныне покойный муж. Время от времени в щели забирались и дохли, не в силах выбраться, сурки и ондатры. Наверное, и сейчас произошло то же самое, хотя такого сильного зловония никогда раньше не было.

Спустившись вниз, Ева пошла вдоль стен, щурясь в тусклом свете двух слабых лампочек под потолком. Надо бы заменить их на лампы помощнее! Достав нужные банки с аккуратными этикетками, надписанными синими чернилами, она продолжила осмотр и даже заглянула за огромную старую печь, стоявшую почти вплотную к стене. Ничего!

Сделав круг, Ева вернулась к ступенькам, ведущим на кухню, и озадаченно обвела подвал взглядом. Пару лет назад она через Ларри Крокетта наняла двух ребят построить позади дома сарай для инвентаря, и с тех пор в подвале царил идеальный порядок. Тут находилась печь, похожая на импрессионистскую скульптуру богини Кали^[26] с расходящимися в разные стороны руками-трубами, лежали зимние рамы, которые скоро заменят обычные, ибо отопление стоило дорого, и стоял накрытый парусиной бильярдный стол, принадлежавший Ральфу. Каждый май Ева тщательно пылесосила сукно столешницы, хотя с тех пор, как в 1959 году муж умер, никто на бильярде так и не играл. Больше в подвале ничего не хранилось. Коробка с дешевыми изданиями, которые она собиралась отдать в камберлендскую больницу, совковая лопата для уборки снега, ящик со старыми инструментами Ральфа и сундук со шторами, которые наверняка уже побила моль.

Откуда же запах?

Ее взгляд остановился на маленькой дверце, ведущей в отсек для хранения корнеплодов, но туда она заглядывать не будет. Во всяком случае, сегодня. Кроме того, стены там были забетонированы, так что никакое животное залезть туда не могло. И все же...

– Эд? – неожиданно для себя самой окликнула Ева. И испугалась звука собственного голоса.

Зачем ей вздумалось его звать? И с чего вдруг здесь оказаться Эду

Крейгу, даже если тут можно спрятаться? Залезть, чтобы напиться? Но менее подходящего для этого места не сыскать во всем городе! Скорее всего он подался в лес со своим никчемным приятелем Вирджилом Ратбаном и они вместе пропивают там случайный заработок.

Она снова окинула взглядом подвал. Запах гниения был просто ужасным! Неужели придется все дезинфицировать? Бросив прощальный взгляд на маленькую дверцу, Ева поднялась вверх.

8

Отец Каллахэн выслушал всех троих. Когда его полностью ввели в курс дела, уже было половина двенадцатого.

Они сидели в прохладной просторной гостиной в доме священника, и лучи солнца, льющиеся сквозь широкие окна, были такими плотными, что, казалось, их можно пощупать. Глядя на пушинки, парящие в солнечном свете, Каллахэн вспомнил старую карикатуру, которую где-то видел. Уборщица с веником с изумлением взидала на пол: подметая, она смахнула часть собственной тени. Вот и он чувствовал примерно то же самое. Второй раз за сутки он сталкивался с тем, чего просто не может быть, только сейчас об этом невозможном свидетельствовали писатель, толковый на вид мальчишка и доктор, пользовавшийся в городе уважением. Но невозможное есть невозможное! Нельзя смахнуть веником собственную тень. И между тем именно это, похоже, и случилось.

– Если бы сумели вызвать грозу или аварию в энергосистеме, и то это звучало бы правдоподобней, – наконец сказал он.

– Тем не менее это правда. Уверяю вас, – заверил Джимми и потрогал шею.

Отец Каллахэн поднялся и, порывшись в сумке доктора, достал оттуда два обреза бейсбольных бит с заостренными концами. Повертев одну в руках, он произнес:

– Немного терпения, миссис Смит. Больно совсем не будет.

Никто не засмеялся.

Каллахэн убрал колья обратно в сумку, подошел к окну и бросил взгляд на Джойнтер-авеню.

– Вы все говорите очень убедительно, – признал он. – И я должен добавить одну маленькую деталь, о которой вы еще не знаете.

Священник повернулся к ним лицом.

– На окне магазина Стрейкера и Барлоу появилось объявление:

«Закррито до особого объявления». Я отправился туда ровно в девять часов, чтобы обсудить с загадочным мистером Стрейкером подозрения мистера Берка. Магазин заперт и спереди, и сзади.

– Вы должны признать, что это согласуется с рассказом Марка, – заметил Бен.

– Возможно. Но не исключено, что это простое совпадение. Позвольте еще раз задать вам вопрос: вы уверены, что хотите вовлечь Католическую церковь?

– Да, – ответил Бен. – Но мы не отступимся и отправимся без вас, если вы откажетесь. Если придется, я пойду один!

– В этом нет необходимости, – сказал отец Каллахэн, вставая. – Пройдите за мной в церковь, джентльмены, я исповедую вас.

9

В полутьме исповедальни Бен неуклюже опустился на колени. В голове беспорядочно крутились обрывки мыслей, а перед глазами, будто в сюрреалистическом фильме, мелькали кадры, навсегда отпечатавшиеся в памяти. Сьюзен в парке. Миссис Глик пятится от самодельного креста. Одетый как пугало Флойд Тиббитс вылезает из машины и набрасывается с кулаками. Марк Питри заглядывает в окно машины Сьюзен. Бен вдруг впервые подумал, что просто видит сон, и уставший мозг с жадностью ухватился за эту идею.

Заметив на полу в углу исповедальни какой-то предмет, Бен поднял его. Это оказалась пустая коробочка из-под драже, выпавшая из кармана какого-нибудь мальчишки. Такое могло быть только наяву. Картонка оказалась самой что ни на есть настоящей. Значит, и кошмар тоже.

Открылась маленькая раздвижная дверца. Он посмотрел в окошко, но ничего не увидел: оно было забрано тяжелой тканью.

– Что я должен сделать? – спросил Бен в окошко.

– Сказать: «Благословите меня, отец мой, ибо я грешен».

– Благословите меня, отец мой, ибо я грешен, – повторил Бен, и в закрытом пространстве его слова прозвучали необычно глухо.

– А теперь расскажите о своих грехах.

– Обо всех? – растерялся Бен.

– Постарайтесь суммировать их, – сухо посоветовал Каллахэн. – Я знаю, что до темноты нам надо успеть кое-что сделать.

Бен заговорил, стараясь держать в памяти десять заповедей в качестве

ориентира, с помощью которого можно отсеять ненужное. Но легче ему не стало. Никакого чувства очищения он не испытал, зато ощутил неловкость от необходимости посвящать незнакомого человека в сокровенные тайны своей жизни. Однако теперь он понимал, что этот обряд может обладать такой же притягательной силой, как спиртное для пьяницы или запотевшее стекло для подростка. Сам акт напоминал мерзкую отрывку Средневековья, как в картине Ингмара Бергмана «Седьмая печать», когда толпа кающихся грешников в лохмотьях проходит через город, пораженный черной чумой. Грешники до крови секли себя березовыми прутьями. Такой процесс оголения души был Бену отвратителен (как ни странно, он не мог позволить себе солгать, хотя никакой сложности это не представляло), однако исповедь укрепила его решимость довести задуманное до конца. Казалось, что слово «вампир» отпечаталось у него в голове, но не в виде афиш с пугающими кадрами из фильма, а мелкими и ровными буквами, какими пишут в свитках или вырезают на дереве. Бен чувствовал свою беспомощность перед лицом этого неуместного в наши дни ритуала, уносившего в те далекие времена, когда оборотни, инкубы и ведьмы считались неотъемлемыми спутниками тьмы, а церковь служила единственным источником света. Он впервые ощутил невообразимую громаду столетий, услышал их поступь и увидел свою жизнь в виде едва заметного мерцания в здании, величие и размеры которого потрясают и не укладываются в голове. Мэтт не рассказывал им о восприятии отцом Каллахэном Церкви как Силы, но сейчас Бен бы понял священника. В этом душном закутке он ощущал Силу, перед которой был жалок и беспомощен. Он почувствовал ее так, как не чувствует ни один католик, с детства приобщенный к обряду исповедания.

Бен вышел из исповедальни, с облегчением набрал полные легкие свежего воздуха и провел ладонью по шее. Та была мокрой от пота.

Отец Каллахэн тоже вышел и произнес:

– Мы еще не закончили.

Бен молча вернулся, но опускаться на колени не стал.

Во искупление грехов отец Каллахэн велел прочитать молитвы «Отче наш» и «Аве Мария» по десять раз каждую.

– Но «Аве Мария» я не знаю!

– Я дам карточку с напечатанным текстом молитвы, – пообещал голос из окошка. – Вы прочтете их про себя, пока мы едем в Камберленд.

Помолчав, Бен признался:

– Знаете, а Мэтт был прав, когда предупреждал, что это труднее, чем нам кажется. И довести дело до конца потребует немалых сил.

– Думаете? – отозвался отец Каллахэн, и было непонятно, произнес он это из вежливости или сомневаясь.

Опустив глаза, Бен увидел, что по-прежнему держит коробочку из-под драже, и резким движением смял ее в комок.

Около часа дня все забрались в просторный «бьюик» Джимми Коуди и тронулись в путь. По дороге молчали. Отец Дональд Каллахэн облачился в сутану, поверх которой надел стихарь и накинул белую епитрахиль с пурпурной каймой. Каждого он снабдил маленьким флаконом со святой водой и осенил крестным знаменем. В небольшой серебряной дарохранительнице, лежавшей у него на коленях, он вез несколько гостей.

Первую остановку они сделали у офиса Джимми в Камберленде. Не выключая двигатель, доктор зашел внутрь и скоро вернулся с молотком в руках и одетый в свободную спортивную куртку, полностью скрывавшую револьвер Маккаслена.

При виде молотка Бен замер, заметив краем глаза, что Марк и Каллахэн тоже смотрят на инструмент как зачарованные. Боек отливала стальной синевой, а рукоятка была покрыта пористой резиной.

– Жутковато выглядит, правда? – заметил Джимми.

Бен подумал, что должен вбить с его помощью кол в грудь Сьюзен, и почувствовал, как к горлу подкатила тошнота, как бывает, когда самолет падает в воздушную яму.

– Да, – согласился он, с трудом сглатывая слюну. – Выглядит действительно жутко.

Потом они заехали в супермаркет, где Бен и Джимми купили весь выставленный на прилавке чеснок – двенадцать коробок, заполненных серовато-белыми головками. Девушка на кассе удивленно приподняла бровь и заметила:

– Я рада, что не еду с вами кататься, ребята.

На выходе из магазина Бен поинтересовался:

– Интересно, почему на них действует чеснок? Это связано с Библией, древним проклятием или...

– Полагаю, что это аллергия, – отозвался Джимми.

– Аллергия?!

Каллахэн услышал последнее слово и по пути к цветочному магазину попросил рассказать, что они обсуждали.

– О да, я разделяю мнение доктора Коуди, – сообщил он. – Скорее всего дело в аллергии... если чеснок вообще оказывает на них действие. Не забывайте, что никаких доказательств этому нет.

– Удивительно это слышать от священника, – не удержался Марк.

– Почему? Если я вынужден признать существование вампиров (а, похоже, ничего другого мне не остается, по крайней мере в настоящий момент), разве я обязан считать их существами, на которых не распространяются никакие законы природы? То есть некоторые действительно не распространяются. Если верить преданиям, вампиры не отражаются в зеркале, могут превращаться в летучих мышей, волков или птиц – так называемых психокомпов или проводников душ в загробный мир – и умеют просачиваться в самые узкие щели. Но нам известно, что у них есть зрение, слух, речь... и почти наверняка вкус. Не исключено, что им ведомы недомогание, боль...

– И любовь? – спросил Бен, устремив невидящий взгляд в пустоту.

– Нет! – ответил Джимми. – Уверен, что любовь им недоступна.

Он завернул на небольшую стоянку возле цветочного магазина с пристроенной оранжереей.

Колокольчик над дверью звякнул, возвещая об их прибытии, и в нос ударил густой тяжелый аромат, который обычно стоит в похоронных бюро. Бена невольно затошнило.

– Здравствуйте! – К ним вышел высокий мужчина в фартуке и с цветочным горшком в руке. Бен начал объяснять, что им нужно, но мужчина прервал его, отрицательно покачав головой: – Боюсь, вы опоздали. В прошлую пятницу заходил мужчина и купил все до одной розы: и красные, и белые, и желтые. Так что до среды ничем не могу вам помочь. Если вы оставите заказ...

– А как выглядел этот мужчина?

– Колоритная внешность, – ответил хозяин, ставя горшок на землю. – Высокий и совершенно лысый. Пронзительные глаза. Судя по запаху, курил иностранные сигареты. Он купил целых три охапки цветов и уложил их в багажник очень старой машины. Думаю, это был «додж»...

– «Паккард», – поправил Бен. – Черный «паккард».

– Так вы его знаете!

– Можно и так выразиться.

– Он заплатил наличными, что очень необычно для такой крупной партии. Но если вы к нему обратитесь, он наверняка продаст вам...

– Возможно, – не дал ему договорить Бен.

В машине они обсудили, как быть дальше.

– Есть магазин в Фалмуте, – неуверенно начал отец Каллахэн.

– Нет! – возразил Бен решительно. – Нет! – Услышав в его голосе нотку истерики, все невольно оглянулись. – А что, если он побывал и в Фалмуте тоже? Что тогда? Ехать в Портленд? Или Киттери? Или даже в Бостон? Неужели вы не понимаете, что происходит? Он предвидел все наши действия! *И подстраховался!*

– Не нужно терять головы, Бен, – вмешался Джимми. – Разве не стоит хотя бы...

– Вы помните, что сказал Мэтт? «Не думайте, что днем он не сможет причинить вреда, потому что спит». Посмотрите на часы, Джимми!

Тот так и сделал.

– Четверть третьего, – медленно констатировал он и посмотрел на небо, будто не доверяя циферблату. Но часы не вращались – солнце уже начало клониться к закату.

– Он все предвидел и постоянно опережает нас на несколько шагов! – заметил Бен. – Как мы могли рассчитывать, что он будет пребывать в счастливом неведении? Что он не боялся быть раскрытым и встретить сопротивление? Мы должны не терять ни минуты и не тратить время на пустые споры о том, сколько ангелов может уместиться на острие иглы.

– Он прав, – тихо согласился Каллахэн. – Думаю, что пора от слов переходить к делу.

– Тогда *поехали!* – нетерпеливо воскликнул Марк.

Джимми рванул машину со стоянки так резко, что взвизгнули колеса. Хозяин цветочного магазина с удивлением проводил взглядом автомобиль с медицинским номером, в котором сидели трое мужчин – один из них священник – и мальчик. Все ожесточенно что-то обсуждали и размахивали руками.

Коуди направился к Марстен-Хаусу через Брукс-роуд, и Дональд Каллахэн, разглядывая дом с непривычной стороны, удивился, как это он раньше не замечал, что здание буквально нависает над Салемс-Лотом. Он стоял на высоком холме у пересечения Джойнтер-авеню и Брок-стрит, и отсюда открывался панорамный вид на лежавший внизу город. Огромное заброшенное строение с закрытыми ставнями производило неприятное и зловещее впечатление. Оно походило на саркофаг, олицетворявший фатум.

И к тому же тут произошли убийство и самоубийство, то есть оно

стояло на оскверненном месте.

Каллахэн уже открыл рот, чтобы поделиться с другими этими мыслями, но передумал.

Коуди свернул, и дом скрылся за деревьями, которые вскоре расступились, и они оказались на подъездной дорожке. Возле гаража был припаркован «паккард», и Джимми, выключив двигатель, достал револьвер Маккаслина.

Каллахэн сразу же ощутил нездоровую атмосферу этого места. Он достал крестик, принадлежавший матери, и надел на шею, где уже висел его собственный. На голых от осени деревьях не пели птицы. Высокая неровная трава была мертвой и сухой и совсем не походила на ту, что характерна для этого времени года. Сама земля казалась серой и бесплодной.

Ступеньки крыльца покоробились, а на одной из колонн виднелось яркое пятно краски – там раньше была табличка, воспрещавшая вход посторонним. На ржавых петлях входной двери висел, поблескивая, новенький замок.

– Может, через окно, как Марк... – неуверенно предложил Коуди.

– Нет! – воспротивился Бен. – Прямо через парадную дверь! Если придется, выломаем ее!

– Не думаю, чтобы это понадобилось, – произнес отец Каллахэн и сам не узнал свой голос. Когда они вылезли из машины, он пошел впереди, даже не отдавая себе в этом отчета. При подходе к двери он ощутил такой невероятный душевный подъем, испытать который уже и не чаял. Дом зловеще нависал над ними, и из всех его трещин и щелей сочилось зло. Но священник не колебался. Все сомнения исчезли. И это не он вел других, а им самим управляла какая-то неведомая сила.

– Во имя Бога Отца! – воскликнул он таким властным тоном, что все невольно придвинулись ближе. – Повелеваю злу покинуть сей дом! Прочь отсюда, бесы! – И даже сам не сознавая, что делает, ударил по двери зажатым в руке распятием.

Все увидели яркую вспышку, в воздухе запахло озоном, и послышался резкий скрип, будто доски исторгли испуганный вопль. Окно над дверью с треском вылетело наружу, а из эркера посыпались осколки разлетевшегося вдребезги стекла. Джимми вскрикнул. Новенький замок упал им под ноги, превратившись в кусок искореженного металла. Марк нагнулся, потрогал и, отдернув руку, воскликнул:

– Горячий!

Каллахэн отступил от двери, не в силах унять дрожь, и посмотрел на

распятие в руке.

– Это самое удивительное из всего, что случилось в моей жизни! – произнес он и посмотрел на небо, будто надеясь узреть на нем лик Господа, но ничего не увидел.

Бен толкнул дверь и, когда та распахнулась, пропустил Каллахэна вперед. Оказавшись в доме, священник вопросительно взглянул на Марка.

– Вход в подвал на кухне, – пояснил тот. – Стрейкер – наверху. Однако... – Он помолчал, нахмурившись. – Тут что-то изменилось. Не могу объяснить, но что-то не так, как было раньше.

Сначала они поднялись наверх, и хотя Бен шел не первым, при виде двери в конце коридора он снова почувствовал, как по телу побежали мурашки ужаса. Прошел почти месяц, как он приехал в Салемс-Лот, и теперь ему снова предстоит заглянуть в ту самую комнату. Каллахэн распахнул дверь, и Бен, бросив взгляд внутрь, не сумел сдержать жуткого вопля, вырвавшегося из горла, – так истошно и истерично обычно кричат только женщины.

Но на этот раз на балке под потолком висел не Хьюберт Марстен и не его привидение. Там висел Стрейкер с перерезанным от уха до уха горлом, висел вниз головой, как свинья на бойне. Взгляд остекленевших глаз был направлен одновременно на них и куда-то вдаль. Лицо обескровленного трупа было мертвенно-бледным.

12

– Боже милостивый! – воскликнул отец Каллахэн.

Они медленно вошли в комнату: Каллахэн и Коуди первыми, Бен с Марком жались сзади.

Ноги Стрейкера сначала связали вместе, а уже потом его подвесили за них на балку. У Бена мелькнула мысль, что поднять мертвое тело Стрейкера на такую высоту, что его руки едва касаются пола, мог только человек недюжинной силы.

Джимми приложил ко лбу мертвеца тыльную сторону запястья, а потом взял его за руку.

– Он мертв не меньше восемнадцати часов, – заключил он, содрогнувшись. – Господи, что за ужасная... В голове не укладывается. Кому... зачем...

– Это Барлоу! – заявил Марк, глядя на Стрейкера немигающим взглядом.

– Потому что Стрейкер дал маху, – согласился Джимми. – Вечной жизни ему точно не будет. Но почему так? Зачем вверх ногами?

– Это старинный обычай, – пояснил отец Каллахэн. – Тело врага или предателя подвешивают головой вниз, чтобы взгляд был устремлен не в небо, а на землю. Именно так распяли святого Павла, подвесив на иксообразном кресте за переломанные ноги.

– Опять он нас отвлекает, – глухо и хрипло произнес Бен. – У него уловов не счесть! Пошли!

Все вышли за ним в коридор и, вернувшись к лестнице, спустились на кухню. У подвала Бен снова посторонился, уступая дорогу отцу Каллахэну. Они молча посмотрели друг на друга, и Бен перевел взгляд на дверь в подвал. Точно так же четверть века назад он смотрел на дверь в спальне наверху, за которой его ожидала встреча с неведомым.

13

Когда священник открыл дверь, Марк почувствовал знакомый затхлый запах гниения, но и он был другим: не таким сильным и внушающим ужас, как раньше. И все же ему потребовалось все мужество, чтобы последовать за отцом Каллахэном в эту обитель мертвых.

Джимми вытащил из сумки фонарь и включил его. Луч света скользнул по полу, потом по стене, выхватил из темноты длинный ящик и замер на столе.

– Вот! – воскликнул доктор. – Смотрите!

Там лежал чистый желтый конверт, выглядевший особенно неуместным на фоне запустения и грязи, царивших в темном подвале.

– Это новая уловка! – предположил отец Каллахэн. – Лучше его не трогать!

– Нет, – возразил Марк, чувствуя облегчение и вместе с тем разочарование. – Его здесь нет. Он ушел. Это послание нам. Наверное, со всякими гадостями.

Бен подошел к столу, взял конверт и, повертев в руках, вскрыл. В луче фонаря было видно, как дрожат у него руки.

Внутри оказался один листок, из такой же плотной бумаги, как и сам конверт. Все подошли ближе, и Джимми направил свет на послание, написанное изящным почерком. Все принялись читать, причем Марк не так быстро, как остальные.

4 октября

Мои дорогие друзья!

Как мило с вашей стороны заглянуть ко мне!

Я никогда не чурался общества – в моей долгой и зачастую одинокой жизни оно всегда доставляло мне неизъяснимое удовольствие. Если бы вы пришли вечером, я бы с радостью приветствовал вас лично, но поскольку вы скорее всего появитесь засветло, я счел благоразумным удалиться.

Я оставил вам скромный знак своего расположения: особа, весьма дорогая и близкая одному из вас, сейчас находится в месте, которое занимал я сам, пока не решил сменить его на более подходящее. Она очень мила и аппетитна на вкус, мистер Миерс, если мне позволено проявить остроумие. Она мне больше не нужна, и я решил оставить ее вам, как принято выражаться, для возбуждения аппетита. Посмотрим, как вам понравится закуска в преддверии главного блюда, которое вы решили испробовать.

Юный Питри, ты лишил меня самого преданного и изобретательного слуги, какой когда-либо у меня имелся. Ты косвенно принудил меня участвовать в его уничтожении, заставив разыгравшийся аппетит взять верх. Тебе, без сомнения, удалось заставить его врасплох. Я с удовольствием займусь тобой лично. Начать, полагаю, лучше с родителей. Сегодня ночью... или завтра... или послезавтра. А затем настанет твоя очередь. Но к моей церкви ты примкнешь певчим-castratum.

А вас, отец Каллахэн, все-таки уговорили прийти? Я так и думал. Я приглядывался к вам с тех самых пор, как появился в Джерусалемс-Лоте. Точно так же опытный шахматист изучает партии соперника. Однако Католическая церковь далеко не самый мой древний враг. Я уже был стар в те времена, когда первые христиане прятались в катакомбах и рисовали на груди знак рыбы, чтобы отличать своих от чужих. Я уже был могуществен, когда этот лицемерный сонм вкусителей хлеба и вина, поклонявшийся слабому Спасителю, еще не набрал силы. Еще задолго до рождения обрядов вашей Церкви мои ритуалы уже отличались древностью. И все же я не склонен недооценивать противника. Я сведущ в путях добра отнюдь не меньше, чем в путях зла. И я не пресытился.

Я одолею вас. Вы спросите как? Разве отец Каллахэн не носитель символа Добра? Разве Каллахэн не ходит и днем и ночью? Разве нет заклинаний и зелий – как христианских, так и языческих, – о которых поведал мой добрый друг Мэтью Берк? Да, да и еще раз да! Но я жил дольше вас. И я лукав и коварен. Я не сам змий, но его прародитель!

Вы скажете, что этого мало. И будете правы. Потому что в конце, «отец» Каллахэн, вы уничтожите себя сами. Ваша вера в Добро слаба. Ваши разговоры о любви – лишь умозрительное допущение. Со знанием дела вы говорите только о выпивке.

Мои любезные добрые друзья – мистер Миерс, мистер Коуди, юный Питри и отец Каллахэн! Чувствуйте себя как дома. В подвале имеется чудесное красное вино, доставленное специально для меня покойным владельцем этого жилища, с кем, к сожалению, мне так и не довелось пообщаться лично. Наслаждайтесь вином, если у вас не пропадет к нему вкус после того, что вам предстоит сделать.

Мы еще обязательно встретимся лично, и у меня будет возможность передать свои наилучшие пожелания каждому из вас персонально.

На этом позвольте откланяться.

Барлоу

Чувствуя дрожь, Бен выпустил письмо из рук, и оно упало на стол. Он обвел взглядом присутствующих. Марк стоял, сжав кулаки и скривившись, будто во рту оказалось что-то горькое. Мальчишеское лицо Джимми осунулось, и на нем не было ни кровинки. Глаза отца Дональда Каллахэна горели, а губы подергивались в скорбной гримасе. Один за другим все посмотрели на Бена.

– Пошли! – сказал он, и все послушно двинулись за ним.

Когда к кирпичному зданию муниципалитета подкатила полицейская машина и из нее, поправляя ремень, вылез Нолли Гарденер, стоявший на крыльце Паркинс Гиллеспы что-то разглядывал в мощный цейссовский бинокль.

– Что случилось, Парк? – поинтересовался Нолли, поднимаясь по ступенькам.

Тот молча передал ему бинокль и ткнул узловатым пальцем в сторону Марстен-Хауса.

Нолли взглянул туда и увидел, что возле старого «паккарда» припаркован новенький бежевый «бьюик». Окуляры не позволяли разглядеть номер, и он опустил бинокль.

– Это же машина доктора Коуди, верно?

– Похоже на то! – Паркинс сунул в рот сигарету и чиркнул спичкой о стену.

– Никогда не видел там других машин, кроме «паккарда».

– Я тоже, – задумчиво отозвался Паркинс.

– Может, стоит туда наведаться и проверить? – В голосе Нолли не было обычной уверенности. Он служил блюстителем закона уже пять лет, но до сих пор был преисполнен важности за порученное ему дело.

– Нет, – ответил Паркинс, – не стоит.

Он вытащил из кармана жилетки часы и, откинув крышку, проверил время, будто станционный смотритель, который решил удостовериться в точности прибытия экспресса. 15:41. Сверившись с часами на здании муниципалитета, он убрал хронометр обратно.

– И как все это связано с Флойдом Тиббитсом и младенцем Макдугаллов? – поинтересовался Нолли.

– Не знаю.

– Понятно, – смутился Гарденер. Паркинс никогда не отличался многословием, но сейчас он превзошел самого себя. Нолли снова посмотрел в бинокль – никаких изменений.

– Сегодня в городе тихо.

– Да, – согласился Паркинс и перевел взгляд выцветших голубых глаз на Джойнтер-авеню и парк. Там тоже было пустынно, причем целый день. Никаких мам с колясками и малышами или праздных прохожих у Мемориала павшим героям.

– Странно все это, – не унимался Нолли, надеясь разговорить начальника.

– Да, – задумчиво подтвердил тот.

Гарденер предпринял последнюю попытку, подняв тему погоды, которая никогда не оставляла Паркинса равнодушным:

– Собираются тучи. Наверное, к дождю.

Паркинс посмотрел вверх. Прямо над головой плыли похожие на чешуйки облака, а на юго-западе небо заволокли тучи.

– Да, – снова сказал он и выбросил окурок.
– Парк, с тобой все в порядке?
– Нет, – не сразу ответил тот.
– Да что, черт возьми, с тобой происходит?
– Мне страшно до чертиков, – произнес Гиллеспи.
– Что? – изумился Нолли. – Чего ты боишься?
– Не знаю, – признался Паркинс и, забрав бинокль, снова направил его на Марстен-Хаус.
Нолли стоял рядом, потеряв дар речи.

15

За столом, на котором лежало письмо, подвал сворачивал в сторону, и они оказались в бывшем винном погребе. Оглядываясь вокруг, Бен подумал, что Хьюберт Марстен наверняка был бутлегером. Повсюду виднелись бочонки, покрытые пылью и паутиной. Одну стену полностью закрывал винный стеллаж, в ячейках которого кое-где лежали большие бутылки. Какие-то из них взорвались, и там, где некогда дожидалось своего ценителя игристое бургундское, теперь устроили себе жилище пауки. В целых бутылках вино уже наверняка превратилось в уксус, и в воздухе висел его острый запах, смешанный со смрадом гниения.

– Нет! – тихо и решительно произнес Бен. – Я не могу.
– Так надо! – возразил отец Каллахэн. – Я не говорю, что это будет легко или что так будет лучше. Но сделать это должны именно вы!
– Я не могу! – закричал Бен, и его слова прокатились громким эхом по сводам подвала.

В центре на небольшом помосте, освещенном лучом фонаря, неподвижно лежала Сьюзен Нортон. Ее тело до плеч покрывал кусок белого полотна. Подойдя ближе, все замерли в изумлении.

При жизни она была жизнерадостной и хорошенькой девушкой, чуть-чуть не дотягивавшей до того, чтобы выглядеть по-настоящему красивой. Причем не оттого, что подкачали какие-то черты лица, просто жизнь ее была слишком обыденной и ничем не примечательной. Но сейчас она была само совершенство!

Смерть не наложила на нее своей печати. Румянец на лице, чудесный высокий лоб, алые – безо всякой помады! – губы. Глаза были закрыты, и ресницы выделялись на молочно-белой коже темными ободками. Одна рука шла вдоль тела, а другая лежала на поясе. Однако красота была не светлой,

а какой-то холодной и бездушной. Ее лицо чем-то неуловимо напомнило Джимми лица сайгонских девчонок, совсем еще юных, которые, опустившись на колени за барной стойкой, обслуживали американских солдат. И делали это не в первый и даже не в сотый раз. И все же на их лицах было выражение не разврата, а лишь горького знания жизни, с реалиями которой им пришлось столкнуться так рано. Лицо Сьюзен было иным, но в чем именно, Джимми понять не мог.

Каллахэн подошел ближе и приложил пальцы к ее левой груди.

– Вот сюда, – сказал он. – Здесь сердце.

– Нет! – повторил Бен. – Я не могу!

– Будьте ее любимым, – мягко, но настойчиво произнес отец Каллахэн. – А еще лучше – супругом. Вы не причините ей боли, Бен, а всего лишь освободите. Больно будет только вам самому.

Бен молча смотрел на священника. Марк достал из черной сумки доктора кол и молча протянул Бену. Тот взял его: казалось, что рука вдруг вытянулась на целую милю.

Если не думать об этом, то тогда, возможно...

Но как об этом не думать?! И вдруг он вспомнил строчку из «Дракулы» – теперь это произведение уже не казалось ему таким забавным. Когда Артуру Холмвуду предстояло проделать такую же жуткую процедуру, Ван Хельсинг ему сказал: *Чтобы снова обрести покой, надо сначала испить эту горькую чашу.*

Но удастся ли кому-то из них хоть когда-нибудь обрести покой?

– Заберите его! – взмолился Бен. – Не заставляйте меня делать это...

Никто не шевельнулся.

Он почувствовал, как по телу пробежали мурашки и на коже выступили капли холодного пота. Кол, который всего несколько часов назад был самой обыкновенной битой, вдруг налился невероятной тяжестью.

Бен поднял кол и приставил к левой груди Сьюзен – чуть повыше последней застегнутой пуговицы на ее блузке. Острие выдавило ямочку на коже, и у Бена задрожали губы.

– Она не мертва! – хрипло выдавил он. Других аргументов не осталось.

– Напротив! – неумолимо возразил Джимми. – Она восстанет из мертвых.

Взяв безвольно лежавшую руку Сьюзен, он надел на нее манжету тонометра и измерил давление: 00/00, – затем приложил стетоскоп к груди и дал каждому послушать царившую там тишину.

В руку Бена вложили какой-то предмет – даже годы спустя он так и не

смог вспомнить, кто именно дал ему молоток. Самый обычный молоток с резиновой рукояткой. В луче света тускло блеснула сталь бойка.

– Сделайте это быстро и выходите на свет, – сказал Каллахэн. – Остальное мы закончим сами.

Чтобы снова обрести покой, надо сначала испытать эту горькую чашу.

– Господи, помилуй! – прошептал Бен и, размахнувшись, нанес удар молотком.

Боек опустился точно на торец кола, и по ручке прокатилась волна отдачи, которая будет преследовать его до конца жизни. Будто от силы удара голубые глаза девушки широко распахнулись и из проделанного колом отверстия хлынул фонтан крови, забрызгивая ему руки, лицо и рубашку. В воздухе повис едкий запах раскаленного металла.

Сьюзен скорчилась и бешено замахала руками. Ее пятки застучали по столу, отбивая какую-то невообразимую чечетку. Рот широко раскрылся, обнажая хищные клыки и исторгая жуткий пронзительный визг. Из углов рта потекли струйки крови.

Молоток опять взметнулся вверх и опустился. А потом еще и еще...

В голове у Бена раздалось громкое воронье карканье, а перед глазами закрутилась карусель из каких-то невиданных мерзких чудовищ. Руки, кол, молоток, безжалостно наносивший удары, – все было залито алой кровью. В дрожащих руках Джимми прыгал фонарь, то и дело выхватывая лучом искаженное безумием лицо Сьюзен. Зубами она впились себе в губы, разрывая их на полоски. Кровь забрызгала белое полотно, которым Джимми после осмотра аккуратно прикрыл тело, вырисовывая на нем причудливые фигуры, похожие на китайские иероглифы.

Сьюзен вдруг выгнулась, будто сильно натянутый лук, и раскрыла рот так широко, что, казалось, челюсть не выдержит и вот-вот сломается. Из раны, проделанной колом, на этот раз прямо из сердца, вырвался новый фонтан крови, которая в неверном свете фонаря показалась почти черной. Сьюзен испустила дикий вопль, исторгнутый будто из самых мрачных глубин генетической памяти и темных закоулков человеческой души. Из рта и носа хлынули потоки крови... и было в них что-то еще. В неровном свете прыгающего луча фонаря в этих потоках мелькала какая-то неясная тень, которая, в конце концов, растворилась во мгле и исчезла.

Наконец Сьюзен откинулась назад и затихла. Рот закрылся, а изорванные губы чуть раздвинулись, будто для последнего вздоха. Ресницы дрогнули, и Бен на мгновение увидел – или так ему показалось – ту прежнюю Сьюзен, которую встретил в парке с книгой в руках.

Кончено!

Он бросил молоток и попятился назад, вытянув вперед руки, словно дирижер перед обезумевшим оркестром.

Каллахэн положил ему на плечо руку:

– Бен...

Тот бросился прочь.

На ступеньках он споткнулся, упал и, с трудом поднявшись на колени, дополз до света наверху. Детские страхи из подсознания смешались с только что пережитым ужасом. Стоит обернуться, как за спиной на расстоянии вытянутой руки окажется Хьюби Марстен (а может, и Стрейкер) с глубоко впившейся в шею веревкой и кривой усмешкой, обнажающей клыки, на зеленоватом распухшем лице. Не выдержав, он испустил горестный стон.

Откуда-то издалека донеслись слова Каллахэна: «Нет, пусть идет...»

Бен выскочил из дома через заднюю дверь на кухне. Подгнившие ступеньки на крыльце не выдержали тяжести его тела и сломались, и он, потеряв равновесие, растянулся на земле. Потом отполз на четвереньках от дома, поднялся и обернулся.

Ничего!

Дом, лишившись обитавшего в нем зла, превратился в обычное заброшенное строение.

Бен Миерс стоял в тишине поросшего сорняками заднего двора и, запрокинув голову, жадно вдыхал свежий воздух.

Осенью ночи в Салемс-Лоте наступают следующим образом.

Сначала солнце перестает наполнять воздух теплом, и тот остывает, становится холодным, напоминая тем самым о приближении долгой зимы. На небе образуется тонкая облачность, а тени удлиняются. Эти тени узки и безжизненны, в отличие от летних, – ведь уже нет ни листьев на деревьях, ни кучевых облаков на небе, чтобы придать им движение и форму. Своей костлявостью и резкостью эти тени похожи на зубья, вгрызающиеся в землю.

По мере того как солнце клонится к горизонту, его живительный желтый свет начинает густеть и меняется на неистовый оранжевый. Усеянное облаками небо озаряется переливами красного, оранжевого, багряного и пурпурного цветов. Иногда облака расступаются, и в образовавшиеся полыньи падают лучи невинного желтого солнечного

света, напоминающие об ушедшем лете.

Сейчас шесть часов – время ужина (в Салемс-Лоте обедают в полдень).

Мейбл Уэртс со складками нездорового жира на полном и дряхлом теле сидит подле телефона над вареной цыплячьей грудкой и чашкой чая.

На кухне в пансионе Евы постояльцы поглощают кому что Бог послал: замороженные полуфабрикаты, консервированную отварную солонину, бобы из банки, так не похожие на те, что готовила по субботам мать в далеком детстве, макароны или разогретые гамбургеры, прикупленные по дороге домой в фалмутском «Макдоналдсе». Ева в гостиной играет в карты с Гровером Верриллом, недовольно покрикивая на постояльцев, чтобы те убирали за собой и не слонялись без дела. Они уже давно не видели ее такой раздраженной, но понимают, в чем дело, хотя она сама себе в этом и не признается.

Мистер и миссис Питри едят сэндвичи на кухне, пытаясь сообразить, что означает недавний звонок от местного католического священника отца Каллахэна: «Ваш сын со мной. С ним все в порядке. Я скоро привезу его домой. До свидания». Обсудив, не стоит ли поставить в известность местного блюстителя порядка Паркинса Гиллеспы, они решают немного подождать. Они оба заметили в сыне, которого мать и без того считала чересчур замкнутым, некую перемену, но никак не связывали ее с тем, что произошло с Ральфи и Дэнни Гликами.

Милт Кроссен подкрепляется молоком с хлебом в кладовке своего магазина. Со смерти жены в 1968 году аппетит у него чертовски плохой.

Делберт Марки – хозяин заведения «У Делла» – разделяется с пятью гамбургерами, самолично поджаренными на гриле. Он ест их с горчицей и горами сырого лука, а потом будет весь вечер жаловаться постояльцам на жуткую изжогу.

Экономка отца Каллахэна Рода Кэрлесс не ест ничего. Она беспокоится о святом отце, который куда-то уехал.

Гэрриетт Дэрхэм со своим семейством угощается свиными отбивными.

Карл Смит довольствуется одной картофелиной и бутылкой лимонада «Мокси».

Семейство Дерека Боддина ужинает ветчиной с брюссельской капустой.

– Фу! – говорит низвергнутый гроза школы Ричи Боддин. – Брюссельская капуста!

– Ешь без разговоров, а не то выдеру так, что мало не покажется! –

отвечает Дерек, который сам ее терпеть не может.

У Реджи и Бонни Сойер на ужин ростбиф из филейного края с кукурузой и жаренным во фритюре картофелем, а на десерт – шоколадный пудинг под густым соусом. Все это – любимые блюда Реджи. Бонни прислуживает молча, опустив глаза, – синяки на ее теле начинают заживать. Реджи сосредоточенно жует, запивая съеденное пивом, которого уходит целых три банки. Бонни ест стоя, потому что сидеть ей еще больно. У нее нет аппетита, но она все равно ест, чтобы не раздражать Реджи и не вызывать у него вопросов. Тем вечером он ее избил и, спустив в унитаз все противозачаточные таблетки, изнасиловал. И с тех пор насилует каждую ночь.

В восьмом часу ужинать почти везде закончили, выкурили по сигарете, сигаре или трубке и убрали со стола. Сейчас все моют и вытирают посуду, переодевают маленьких детей в пижамы и отправляют в другую комнату посмотреть перед сном телевизор.

У Роя Макдугалла сгорела целая сковорода бифштексов из телятины, и он, с руганью отправив все, включая сковороду, в мусорный бак, надевает джинсовую куртку и отправляется в заведение Делла, оставив свою никчемную жену продолжать дрыхнуть в спальне. Ребенок умер, жена бездельничает, ужин сгорел. Самое время напиться! А может, и вовсе собрать манатки и рвануть из этого чертова городишки.

Джо Крейну, жившему в крошечной квартирке на Тэггарт-стрит, что одним концом упирается в Джойнтер-авеню, а другим – в тупик за зданием муниципалитета, судьба преподносит сомнительный подарок. Поужинав хлопьями с молоком, он устраивается у телевизора и вдруг чувствует в груди слева нестерпимую резкую боль, которая отдает в руку. Он спрашивает себя: «Что это? Неужели сердце?» – и оказывается прав. Джо встает и делает несколько шагов к телефону, но боль становится такой острой, что он теряет сознание и падает. А маленький цветной телевизор продолжает жить своей жизнью и показывать обычные передачи. Джо найдут только через сутки, и его кончина в 18:51 6 октября будет единственной естественной смертью, наступившей в Джерусалемс-Лоте в этот день.

К семи часам палитра ярких красок на небе сужается до оранжевой полоски на западе, которая кажется последним отсветом языков пламени, пляшущих за горизонтом. На востоке уже показались звезды, но в это время года их мерцание не радует глаз влюбленных и походит на холодный блеск алмазов, безразличных ко всему окружающему.

Наступает пора укладывать маленьких детей спать. Родители с

улыбкой слушают, как те капризничают и просят не выключать свет и позволить им не спать чуть подольше. Взрослые снисходительно открывают двери шкафов, показывая, что там никто не прячется.

А в это время вокруг них расправляют крылья темные силы мглы.
Наступает время вампиров.

Когда в палату вошли Джимми и Бен, дремавший Мэтт моментально очнулся и крепко сжал крестик в правой руке.

Его взгляд, скользнув по Джимми, остановился на Бене.

– Что случилось?

Джимми коротко обо всем рассказал. Бен хранил молчание.

– А ее тело?

– Мы с Каллахэном положили его в ящик, который был в подвале. Не исключено, что в нем доставили сюда Барлоу. А примерно час назад утопили ящик в реке Ройал, предварительно загрузив камнями. Мы брали машину Стрейкера. Если кто-то случайно и видел ее у моста, то подумал, что это он.

– Все правильно! А где Каллахэн? И мальчик?

– Отправились домой к Марку. Его родителям нужно все рассказать. Барлоу грозился начать с них.

– А они поверят?

– Если не поверят, Марк заставит отца позвонить вам.

Мэтт кивнул. Он выглядел очень усталым.

– Бен, – позвал он, – подойдите сюда и присядьте на кровать.

Бен послушно подошел, сел на край кровати и застыл, сложив руки на коленях. Взгляд его потухших глаз был пустым и отсутствующим.

– Вы чувствуете боль, – произнес Мэтт и взял Бена за руку. Тот не сопротивлялся. – Но это пройдет. Время залечит раны. Сейчас она покоится с миром.

– Он держит нас за болванов, – глухо произнес Бен. – И насмеялся над каждым в отдельности. Джимми, дайте ему письмо.

Джимми передал Мэтту конверт. Тот вытащил лист плотной бумаги, поднес почти к самым глазам и медленно, шевеля губами, прочитал, после чего отложил в сторону и произнес:

– Да, это он! И его это гораздо сильнее, чем я предполагал. От этого невольно бросает в дрожь.

– Он оставил ее в насмешку, – так же глухо продолжил Бен, – а сам давно ушел. Бороться с ним – все равно что пытаться поймать ветер. Мы для него букашки, крошечные букашки, которые своей суетой его только развлекают.

Джимми хотел что-то сказать, но Мэтт знаком остановил его и заговорил сам:

– Это далеко не так. Если бы он мог забрать Сьюзен с собой, то обязательно бы так и поступил. Он не стал бы разбрасываться своими вампирами, когда их еще так мало! Подумайте сами, Бен, чего вам всем удалось добиться. Верный подручный Стрейкер убит. По собственному признанию Барлоу, вы даже принудили его участвовать в уничтожении слуги, так как он не смог обуздать свой ненасытный аппетит. Только представьте, в какой, должно быть, он пришел ужас, когда проснулся и узнал, что такого страшного противника сумел одолеть маленький безоружный мальчик.

С трудом приподнявшись, Мэтт сел в постели. Бен повернулся к нему, и в его потухших глазах впервые мелькнул интерес.

– Может, это и не такая уж великая победа, – продолжал, размышляя вслух, учитель. – Но вы выжили его из дома, который он выбрал для своего пристанища. Джимми сказал, что отец Каллахэн очистил подвал, окропив святой водой, и запечатал двери гостией. Если Барлоу снова туда сунется, то погибнет... *И он это знает!*

– Но ему удалось ускользнуть, – возразил Бен. – Так что какая разница?

– Да, удалось, – согласился Мэтт. – А где ему пришлось спать сегодня? В багажнике автомобиля? В погребке одной из своих жертв? А может, в подвале старой методистской церкви, сгоревшей во время пожара в пятьдесят первом году? Но каким бы ни было это место, думаете, оно ему понравилось? И чувствовал ли он там себя в безопасности?

Бен промолчал.

– Завтра вы начнете охоту, – продолжал Мэтт, сжимая руку Бена. – И не только за Барлоу, но и за мелкой рыбешкой, которой после сегодняшней ночи будет немало. Их голод невозможно насытить. Да, ночь принадлежит ему, но зато днем вы можете выслеживать и загонять его в угол, пока он не испугается и не убежит или не окажется у вас в руках с колом в груди и под лучами яркого солнца!

Слушая Мэтта, Бен оживал на глазах. На его лице появилась решимость, а на губах заиграла улыбка.

– Да, именно так! – прошептал он. – Только начать надо прямо сегодня

же вечером и не ждать до завтра. Прямо сейчас...

Мэтт протянул руку и сжал плечо Бена с неожиданной силой.

– Нет, не сегодня. Сегодня мы проведем день вместе – вы, я, Джимми, отец Каллахэн и Марк с родителями. Теперь он знает... и боится. Только глупец или святой может решиться приблизиться к Барлоу, когда он бодрствует под покровом ночи. А мы не относимся ни к тем, ни к другим. – Мэтт прикрыл глаза и тихо продолжил: – Мне кажется, я начинаю его узнавать. Я лежу здесь, в больничной палате, и разыгрываю из себя Майкрофта Холмса, стараясь перехитрить его, поставив себя на его место. Барлоу жил долгие столетия и крайне умен. Но вместе с тем, судя по его письму, он очень самонадеян, что вполне объяснимо. Его это росло, как растет жемчужина, слой за слоем, пока не стало всеобъемлющим. Его распирают гордыня и тщеславие, а жажда мести должна быть безмерной. Ее надо бояться, но в то же время ее можно и нужно использовать.

Мэтт открыл глаза и, торжественно обведя всех взглядом, поднял крест.

– Это остановит его, но может не остановить тех, кого он в силах использовать, как использовал Флойда Тиббитса. Мне кажется, сегодня ночью он постарается уничтожить нас – всех или кого удастся.

Он перевел взгляд на Джимми.

– Думаю, что отправить Марка и отца Каллахэна к родителям мальчика было ошибкой. Им следовало позвонить и позвать сюда, ничего не объясняя. А теперь мы разделены... и я особенно волнуюсь за мальчика. Джимми, надо им позвонить. Прямо сейчас!

Тот поднялся:

– Хорошо.

Мэтт посмотрел на Бена.

– А вы останетесь с нами? Будете бороться?

– Да, – заверил Бен хриплым голосом и повторил: – Да!

Джимми вышел из палаты, спустился на пост медицинской сестры, нашел в справочнике номер Питри и набрал его. Однако в трубке раздались не привычные сигналы вызова: доктор с ужасом услышал характерный писк, возвещавший о повреждении линии.

– Опоздали! – громко воскликнул он.

Старшая медсестра удивленно подняла глаза и, увидев выражение его лица, испугалась.

Генри Питри был образованным человеком. Он получил степень бакалавра в Северо-Восточном университете, магистра – в Массачусетском технологическом институте и защитил диссертацию по экономике. Оставив престижную преподавательскую работу в колледже, он занял руководящий пост в крупной страховой компании – отчасти из интереса и отчасти из-за выгодных финансовых условий. Ему хотелось проверить, работают ли на практике высказанные им теоретические идеи. Оказалось, что работают. К следующему лету он намеревался сдать экзамен на дипломированного бухгалтера, а еще через два года – на адвоката. Сейчас его непосредственной целью было добиться к восьмидесятым годам высокой должности в структуре федерального правительства в сфере экономики. Своей непохожестью на других Марк был обязан не отцу: того всегда отличала удивительная рациональность и железная логика, и мир его был отлажен, как безупречный часовой механизм. Будучи сторонником Демократической партии, на выборах 1972 года он тем не менее поддержал республиканца Никсона, но вовсе не потому, что верил в его честность: Генри не раз говорил жене, что Ричард Никсон – примитивный мелкий жулик с навыками магазинного воришки. Просто его соперником от демократов был Джордж Макговерн, которого Генри считал слабоумным летчиком, способным пустить экономику страны под откос. К массовым выступлениям и контркультуре конца шестидесятых Генри Питри относился с мягкой терпимостью, поскольку был уверен, что у них нет будущего из-за отсутствия финансовой базы. Его любовь к жене и сыну была лишена восторженности, но зато отличалась прочностью и верностью. Он был рационалистом до мозга костей, верившим в себя и законы физики, математики, экономики и (в меньшей степени) социологии.

Историю, рассказанную сыном и городским священником, Генри выслушал, потягивая кофе и прерывая их уточняющими вопросами, когда изложение становилось путаным или скомканным. Казалось, что чем невероятнее становились факты и чем сильнее его жена Джун приходила в возбуждение, тем спокойнее становился он сам. Когда в восьмом часу Марк и отец Каллахэн закончили свой рассказ, Генри Питри вынес свой вердикт, уместившийся в четыре слога:

– Невозможно!

Марк со вздохом посмотрел на отца Каллахэна и произнес:

– Я же говорил!

Он действительно предупреждал об этом, когда священник вез его в своей старой машине домой.

– Генри, ты не считаешь, что мы...

– Подожди!

Эта команда вкупе с поднятой вверх рукой заставила жену замолчать на полуслове. Она села рядом с сыном и, обняв за плечо, притянула к себе. Мальчик не сопротивлялся. Генри Питри благожелательно взглянул на отца Каллахэна и мягко произнес:

– Давайте попробуем вместе развеять ваше заблуждение как разумные люди.

– Боюсь, что это невозможно, – не менее доброжелательно отозвался тот, – но попытка не пытка. Мы здесь, мистер Питри, потому что Барлоу угрожал конкретно вам и вашей жене.

– Вы действительно пронзили тело девушки колом сегодня днем?

– Не я. Это сделал мистер Миерс.

– А тело еще там?

– Его бросили в воду.

– Если это правда, – заключил Питри, – то вы втянули моего сына в преступление. Вы это понимаете?

– Понимаю. Но это было необходимо. Мистер Питри, вам нужно просто позвонить Мэтту. Мистер Берк сейчас в больничной палате...

– У меня нет сомнений, что ваш свидетель подтвердит рассказанное вами, – заверил Питри с той же легкой полуулыбкой. – В этом-то вся сложность данного психоза. А могу я взглянуть на письмо, оставленное этим мистером Барлоу?

Каллахэн мысленно выругался.

– Оно у доктора Коуди, – пояснил он и добавил, будто спохватившись: – Нам действительно лучше отправиться в камберлендскую больницу. Если вы поговорите с...

Питри снова покачал головой.

– Давайте сначала еще немного побеседуем. Как я уже говорил, вашим свидетелям наверняка можно верить. Доктор Коуди – наш семейный врач, и мы им очень довольны. И, насколько мне известно, Мэтью Берк пользуется заслуженным уважением... во всяком случае как учитель.

– Но несмотря на все это?.. – не сдавался Каллахэн.

– Отец Каллахэн, позвольте мне быть откровенным. Если дюжина надежных свидетелей скажут вам, что по городскому парку посреди бела дня разгуливает гигантский жук, размахивая флагом Конфедерации и распевая популярную песенку, вы поверите?

– Если я буду уверен, что свидетели заслуживают доверия и не шутят, я восприму их слова всерьез.

– В этом мы с вами расходимся, – объявил Питри с той же ироничной

улыбкой.

– Вы проявляете косность мышления.

– Отнюдь; просто здравый смысл.

– В данном случае это одно и то же. Скажите, а в фирме, где вы работаете, поощряется ли принятие руководителями решений по наитию и внутреннему убеждению, а вовсе не исходя из реальных фактов? Это никакая не логика, Питри, а двойные стандарты!

Генри поднялся, и на его лице уже не было улыбки.

– Признаюсь, ваша история действительно внушает тревогу. Вы вовлекли моего сына в нечто сомнительное и, не исключено, даже опасное. Вам всем повезет, если вы не предстанете за это перед судом. Я позвоню вашим людям и переговорю с ними. А потом действительно будет лучше отправиться в больничную палату мистера Берка и все обсудить на месте.

– Рад, что вы готовы пойти на такую жертву вопреки своим принципам, – сухо отозвался Каллахэн.

Питри вышел в гостиную и взял трубку. Гудка не было – телефон молчал. Нахмурившись, Генри пару раз постучал по рычажку. Никакой реакции. Положив трубку на место, он вернулся на кухню.

– Похоже, телефон не работает, – сообщил он и, увидев, как Марк и Каллахэн обменялись испуганными взглядами, раздраженно добавил: – Могу вас заверить, что вывести из строя телефонную линию в Джерусалемс-Лоте могут не только вампиры.

И тут погас свет.

19

Джимми бегом вернулся в палату Мэтта.

– В доме Питри не работает телефон! Похоже, он там! Черт, как же мы не сообразили!

Бен вскочил с кровати. Мэтт помертвел лицом.

– Видите, как он действует? – пробормотал учитель. – Как расчетливо? Будь у нас в запасе хотя бы час дневного времени, мы могли бы... но его у нас нет! Теперь уже поздно!

– Нам надо отправиться туда! – сказал Джимми.

– Нет! Ни в коем случае! Во имя сохранения наших жизней этого делать нельзя!

– Но они...

– Им уже не поможешь. Пока вы туда доберетесь, все уже будет

кончено.

Бен с доктором нерешительно мялись у двери.

Мэтт собрался с силами и заговорил – тихо, но властно.

– Его это огромно, и гордыня тоже. Это слабости, которыми мы можем воспользоваться. Но у него исключительный ум, который нельзя не уважать и не принимать во внимание. Вы показали мне его письмо – я не сомневаюсь, что он превосходный шахматист. Неужели вы не понимаете, что он мог в этом доме делать все, что угодно, не выводя телефон из строя? Он хочет показать, что одной из белых фигур поставлен шах. Он понимает толк в силе. Знает, что противников можно ослабить, если внести смуту в их ряды и разделить на части. Вы забыли об этом. Разбились на две группы и тем самым дали ему преимущество. Если вы броситесь к дому Питри, то вместо двух групп станет три. Я здесь один и прикован к постели – легкая мишень, несмотря на все распятия, книги и заклинания. Ему всего-то и требуется послать сюда одного из своих потенциальных адептов, чтобы прикончить меня ножом или пулей. И тогда вас останется всего двое – очертя голову спешащих в ночи навстречу собственной гибели. И Салемс-Лот весь окажется в его власти. Неужели вы этого не понимаете?

Бен заговорил первым.

– Все так, – согласился он.

Мэтт откинулся на подушки.

– Я говорю не из страха за свою жизнь, Бен. Поверь. И даже не из страха за ваши жизни. Я боюсь за город. Что бы ни произошло, кто-то должен остаться, чтобы остановить его завтра.

– Да! И до меня ему не добраться, пока я не отомщу за Сьюзен!

В комнате воцарилась тишина.

Первым ее нарушил Джимми Коуди.

– Они еще могут спастись, – задумчиво произнес он. – Мне кажется, он недооценивает Каллахэна, а что уже недооценил парнишку – это точно! Марку палец в рот не клади!

– Будем надеяться, – сказал Мэтт и закрыл глаза.

Началось ожидание.

Отец Каллахэн стоял у стены просторной кухни дома Питри, высоко подняв над собою материнское распятие, которое излучало призрачное сияние. У мойки напротив возвышался Барлоу: одной рукой он держал

заведенные за спину руки Марка, а другой стискивал ему горло. Посреди кухни в гряде осколков стекла лежали бездыханные тела Генри и Джун Питри.

Все произошло так быстро, что Каллахэн никак не мог прийти в себя. Только что в ярко освещенной кухне он разговаривал с отцом мальчика, стараясь при этом держать себя в руках, что давалось совсем не просто. В следующее мгновение он оказался в ситуации, возможность которой Генри Питри отрицал с несокрушимым спокойствием и уверенностью.

Мозг лихорадочно пытался понять, что же произошло.

Питри вернулся и сообщил, что телефон не работает. И почти тут же погас свет. Джун Питри закричала. Упал стул. Какое-то время они пытались сориентироваться в темноте, натыкаясь на мебель и окликая друг друга. А потом окно над мойкой разлетелось на мелкие кусочки, которые со звоном усыпали пол. И все это заняло несколько секунд.

Заметив, как промелькнула чья-то тень, Каллахэн очнулся от оцепенения и схватился за крест, висевший на груди. Едва он его коснулся, как тот начал светиться, заливая кухню мерцающим светом.

Священник увидел Марка, который пытался вытащить мать в гостиную. Рядом с ними стоял Генри, и на его столь невозмутимом обычно лице было написано крайнее изумление: он не мог поверить своим глазам! А за ними возвышалась фигура, будто сошедшая с полотен Фрэнка Фразетты: губы на бледном лице растянулись в ухмылку, обнажая длинные острые клыки, а налитые кровью глаза горели, словно распахивая ворота в ад. Барлоу вытянул руки (Каллахэн успел разглядеть, какие тонкие и длинные у него были пальцы – совсем как у пианиста-виртуоза) и стукнул Джун и Генри головами друг о друга. Раздался громкий и тошнотворный хруст, и родители упали как подкошенные. Свою первую угрозу Барлоу исполнил.

Марк испустил пронзительный крик, полный отчаяния, и бросился на Барлоу.

– Вот ты где! – удовлетворенно воскликнул тот своим властным и звучным голосом.

Марк вне себя накинулся на него и был тут же схвачен.

Каллахэн подался вперед, высоко подняв крест.

Довольная ухмылка Барлоу сменилась гримасой агонии, и он отступил назад, прикрываясь мальчиком. Под ногами захрустели осколки.

– Во имя Господа нашего... – начал Каллахэн.

При упоминании Господа Барлоу испустил крик, будто получил удар хлыстом, его рот с блестящими клыками скривился от нестерпимой боли, а

на шее рельефно вздулись жилы.

– Не подходи! – крикнул он. – Не подходи, шаман! Или я пущу мальчишке кровь прямо сейчас! – И в подтверждение своих слов, будто гадюка в смертоносном броске, лязгнул клыками у самой шеи Марка.

Каллахэн замер на месте.

– Назад! – скомандовал Барлоу, уже снова ухмыляясь. – Пусть каждый стоит на своем месте!

Каллахэн медленно попятился, держа крест на уровне глаз. Крест, казалось, звенел от заключенной в нем силы, она переливалась в державшие его руки, заставляя мышцы на них вздуться и сокращаться.

Противники не сводили друг с друга глаз.

– Наконец-то мы встретились! – насмешливо произнес Барлоу. Он был силен, умен и красив, но красота эта казалась какой-то необычной и даже отчасти женственной. Где он мог видеть это лицо раньше? И в момент самого большого кошмара, случившегося в его жизни, священник вспомнил. Это было лицо мистера Флипа – того самого буки, которого он боялся в детстве и который днем прятался в шкафу, а ночью, когда мать закрывала дверь в спальню, вылезал наружу.

Ему не оставляли включенный ночник: родители решили, что лучший способ помочь ему справиться с детскими страхами – это не потворствовать им, – и каждую ночь, едва шаги матери затихали в гостиной, дверца шкафа приоткрывалась, и он чувствовал (или действительно видел?) узкое белое лицо и пристальный взгляд горящих глаз мистера Флипа. И вот он снова вылез из шкафа и смотрит поверх головы Марка: такое же белое, будто намазанное белилами, лицо, такой же пылающий взгляд и такие же чувственные пунцовые губы.

– Что дальше? – спросил Каллахэн, и сам не узнал свой голос. Он не мог отвести глаз от длинных тонких пальцев, сжимавших горло Марка. На них виднелись тоненькие голубые прожилки.

– Там видно будет. Что ты дашь за этого жалкого хлюпика? – Барлоу вдруг резко дернул вверх зажатые за спиной руки мальчика, явно рассчитывая подкрепить свои слова криком боли, но стиснувший зубы Марк не издал ни звука, только из груди со свистом вырвался воздух.

– Ты еще будешь кричать! – прошипел Барлоу, скривив губы в смертельной ненависти. – Ты будешь кричать так, что разорвешь себе горло!

– Прекрати! – потребовал Каллахэн.

– Почему? – Гримаса ненависти на его лице сменилась доброжелательной улыбкой. – Разве что оставить на потом и приберечь для

следующей ночи?

– Да!

Мягко, почти завлекаяще, Барлоу промурлыкал:

– Тогда тебе придется бросить крест и остаться со мной на равных. Как в шахматах – белые против черных. Твоя вера против моей.

– Хорошо, – согласился Каллахэн, но уже не так уверенно.

– Так сделай это! – Барлоу выжидающе вытянул полные губы. Высокий лоб блестел в неровном мерцающем свете.

– И поверить, что ты отпустишь его? Да легче сунуть себе под рубашку гремучую змею и надеяться, что она не укусит!

– Но я же верю тебе! Смотри...

Он отпустил Марка и, сделав шаг назад, развел руки в стороны.

Не веря своему счастью, Марк замер на мгновение, а потом бросился к родителям, даже не обернувшись на Барлоу.

– Беги, Марк! – закричал Каллахэн. – Беги!

Марк поднял на него затуманенный взгляд темных глаз.

– Мне кажется, они мертвы...

– **БЕГИ!**

Мальчик медленно поднялся на ноги, обернулся и посмотрел на Барлоу.

– Скоро, маленький брат, – почти милостиво заверил тот. – Совсем скоро мы с тобой...

Марк плюнул ему в лицо.

У Барлоу перехватило дыхание. Его лицо налилось такой яростью, что прежняя злоба показалась не более чем игрой. На мгновение в его глазах сверкнуло истинное безумие.

– *Ты плюнул в меня!* – прошипел Барлоу, дрожа от бешенства, и, пошатываясь будто слепой, шагнул вперед.

– *Назад!* – закричал Каллахэн и взмахнул крестом.

Барлоу со стоном закрыл лицо руками. Распятие засияло ослепительным светом, и Каллахэн мог положить всему конец прямо сейчас, если бы только на это решился.

– Я убью тебя! – произнес Марк и выскочил из дома.

Барлоу, казалось, стал выше ростом. Его волосы, зачесанные назад на европейский манер, растрепались. Одетый в темный костюм и с безупречно завязанным пунцовым галстуком, он показался Каллахэну олицетворением окружающей его тьмы. Глаза в темных глазницах напоминали мерцающие угли.

– Теперь твоя очередь выполнить обещанное, шаман!

– Я священник! – вскинулся Каллахэн.

– Священник! – презрительно повторил Барлоу и насмешливо поклонился.

Каллахэн стоял в нерешительности. Зачем бросать крест? Чтобы Барлоу покинул поле боя, согласившись на ничью, а вот завтра...

Но в глубине души его что-то смущало. Не принять вызова вампира было чревато последствиями, о которых он даже не задумывался. И если он не уберет крест, это будет равносильно признанию... признанию чего? Если бы только у него была возможность все обдумать и навести порядок в мыслях...

Свечение распятия затухало.

Он с ужасом смотрел на него, чувствуя, как по телу прокатывается волна страха. Он поднял глаза и увидел, как к нему приближается Барлоу: на лице вампира играла широкая и даже чувственная улыбка.

– Назад! – хрипло произнес Каллахэн, отступая. – Приказываю тебе от имени Господа!

Барлоу расхохотался ему в лицо.

Свечение стало совсем тусклым и едва заметным. На лице вампира вновь сгустились тени, резко обрисовывая его черты.

Каллахэн сделал еще шаг назад и уперся в стол, стоявший у стены.

– Больше отступать некуда, – с грустью констатировал Барлоу, но в его глазах запрыгали огоньки inferнального торжества. – Печально наблюдать, как рушится вера человека. Ну что ж...

Распятие в руке священника задрожало, и свечение угасло. Теперь это был простой кусок глины, купленный матерью в сувенирной лавке в Дублине, причем, наверное, по бросовой цене. Сила, которая в нем бурлила, наполняла руку и была способна сокрушить стены и камни, исчезла. Мышцы еще помнили это ощущение, но воспроизвести сами – увы! – не могли.

Из темноты вытянулась рука Барлоу и вырвала из пальцев священника потерявший силу крест. Каллахэн жалобно вскрикнул, но крик застрял в горле и отозвался эхом в душе маленького мальчика, которого каждую ночь оставляли один на один с выглядывающим из шкафа мистером Флипом. И в тишине послышались два сухих щелчка – это Барлоу разломал крест. У Каллахэна кровь застыла в жилах.

– Будь ты проклят! – выкрикнул он.

– Сейчас уже поздно раскаиваться, – раздался из темноты сочувствующий голос вампира. – И это ничего не изменит. Ты забыл главный постулат своей церкви, не так ли? Крест... хлеб... вино...

исповедь... это же только символы. Без веры крест – всего лишь кусок дерева, а Святые Дары – испеченная из муки лепешка и перебродивший сок винограда. Если бы ты выбросил крест, то подарил бы мне еще одну ночь. Если честно, я надеялся, что так и будет. Уже очень давно мне не попадались достойные соперники. И мальчик стоит десяти таких, как ты, ложный пастырь!

Он неожиданно схватил Каллахэна за плечи и стиснул с ужасающей силой.

– Теперь, полагаю, ты будешь счастлив получить забвение смерти. Мои адепты не имеют памяти – ими движут только голод и служение своему Господину. Я мог бы тебя использовать – например, отправив к твоим друзьям, – но есть ли в этом необходимость? Без твоей направляющей силы они не представляют опасности. И к тому же им все расскажет мальчишка. Полагаю, он к ним сейчас и бежит. А для тебя есть более подходящее наказание, ложный пастырь!

Каллахэн вспомнил слова Мэтта: *Есть вещи похуже смерти.*

Он рванулся, пытаясь освободиться, но руки сжимали ему плечи как тиски. Затем одна рука его отпустила, и послышалось шуршанье ткани по коже и царапанье.

Каллахэн все понял и оцепенел.

– Нет! Не надо... нет...

Но руки в безжалостной хватке уже притягивали голову все ближе и ближе.

– Ну же, священник! – прошептал Барлоу.

Губы Каллахэна коснулись холодного горла вампира, где пульсировала вскрытая вена. Священник задержал дыхание на целую, как ему показалось, вечность и беспомощно задержал головой, чувствуя, как размазывает кровь, будто боевую раскраску, по лбу, щекам и подбородку.

Наконец он не выдержал и сглотнул.

Энн Нортон вылезла из машины и, даже не вытащив ключ из замка зажигания, отправилась через стоянку к ярко освещенному входу в больницу. Тучи на небе скрыли звезды, и скоро наверняка пойдет дождь. Но Энн не смотрела на небо, а шла вперед, сосредоточенно глядя перед собой.

Она разительно отличалась от той женщины, с которой Бен Миерс познакомился, когда Сьюзен пригласила его на семейный ужин. Та Энн

была одета в зеленое шерстяное платье, которое свидетельствовало пусть не о роскоши, но о вполне приличном достатке и материальном благополучии. Энн не была красавицей, но выглядела ухоженной, а волосы были аккуратно уложены.

Сейчас она была в домашних шлепанцах на босу ногу, на голых ногах виднелись варикозные вены (хотя и не такие набухшие благодаря слабому давлению). Поверх ночной рубашки был накинут старый желтый халат, растрепанные волосы развевались на ветру. На бледном лице резко выделялись темные круги под глазами.

Она говорила Сьюзен, предупреждала ее, что от этого Бена Миерса и его друзей хорошего ждать не приходится. Мэтт Берк тоже приложил к этому руку. Они все в сговоре. О да! Она знала. *Он* ей все рассказал.

Весь день она себя плохо чувствовала, ее одолевала сонливость и слабость. А когда после обеда муж ушел подавать заявление об исчезновении Сьюзен, Энн впала в тяжелую полудрему, и во сне к ней явился он. Красивый, властный, надменный и неотразимый. Волосы зачесаны назад, орлиный нос, чувственный рот с удивительно белыми зубами, волнующе поблескивавшими при улыбке. А глаза... они были красными, но завораживающими. От их взгляда нельзя было оторваться, да и не хотелось.

Он рассказал ей все: и что она должна сделать, и как потом окажется с дочерью и многими другими... и с *ним* тоже. Но главное даже не Сьюзен, а *он*. Это *ему* она хотела угодить, чтобы взамен получить то, чего желала больше всего на свете: *его* ласки и обладания.

В кармане у нее лежал револьвер тридцать восьмого калибра, принадлежавший мужу.

Она вошла в вестибюль и огляделась. Если кто-нибудь попытается встать на ее пути и остановить, она сметет любого! Нет, не стрельбой. Она выстрелит, только когда окажется в палате Мэтта. *Он* так велел. Если ее остановят и не позволят осуществить задуманное, *он* не придет к ней ночью и не осыплет пламенными поцелуями.

За столом регистратуры молоденькая девушка в белой шапочке и халате решала кроссворд под мягким светом настольной лампы. По коридору шел, удаляясь, санитар.

Услышав шаги Энн, дежурная медсестра подняла глаза, но при виде растрепанной женщины с безумным взглядом и в ночном белье заученная улыбка моментально сползла с ее лица. Пустые глаза посетительницы странно блестели, а сама она походила на заводную игрушку, которую привели в действие. Наверное, сбежавшая пациентка.

– Мэм, если...

Энн Нортон, как заправский ковбой с Дикого Запада,хватила из кармана револьвер и, направив на голову медсестры, скомандовала:

– Повернись!

Девушка беззвучно зашевелила губами и судорожно вздохнула.

– Ни звука! Иначе пристрелю!

Так же судорожно медсестра выдохнула. На ее лице не было ни кровинки.

– Теперь повернись!

Медсестра встала и медленно повернулась. Энн Нортон уже занесла руку, чтобы оглушить ее рукояткой, но в это время кто-то сзади сбил ее с ног.

22

Револьвер выскочил из рук.

Женщина в потертом желтом халате не закричала, но издала высокий гортанный звук и рванулась к нему на четвереньках. Стоявший сзади ошеломленный мужчина тоже бросился за револьвером, но, увидев, что она доберется первой, успел отшвырнуть его ногой в сторону.

– На помощь! – крикнул он. – Помогите!

Энн Нортон с искаженным от ненависти лицом обернулась через плечо и, зашипев, снова устремилась к оружию. Прибежавший на крик санитар мгновение изумленно взирал на открывшуюся его взору картину, потом нагнулся поднял револьвер, оказавшийся у него под ногами.

– Господи Боже! – воскликнул он. – Да эта штука заряжена...

Энн прыгнула на не ожидавшего нападения санитар и пальцами, сложенными в клешню, глубоко оцарапала ему щеку и лоб. Тот, отставив руку, не давал продолжавшей выть женщине дотянуться до оружия.

Мужчина, сбивший ее с ног, все еще не придя в себя, сумел обхватить Энн сзади и оттащить. Позднее он вспоминал, что ощущение было таким, будто в руках у него оказался мешок со змеями. Тело в желтом халате отвратительно извивалось, напрягая каждый мускул.

Видя, что Энн отчаянно пытается вырваться, санитар нанес ей удар в челюсть. Ее глаза закатились, и тело обмякло. Мужчины ошеломленно переглянулись, а у медсестры началась истерика. Она зажала рукой рот, отчего крик стал напоминать звук горна.

– Что, черт возьми, тут творится? – с трудом выдавил мужчина.

– Будь я проклят, если понимаю, – ответил санитар. – Что случилось?
– Я пришел навестить сестру. Она недавно родила. А потом появился мальчик и сказал, что там женщина с оружием. И...
– Какой мальчик?
Мужчина обвел взглядом холл, но среди спешивших со всех сторон людей детей не было.
– Его тут нет. Но он точно был! Револьвер заряжен?
– Еще как! – ответил санитар.
– Что, черт возьми, тут творится? – снова озадаченно повторил мужчина.

Они увидели, как две медсестры побежали по коридору к лифтам и услышали снизу приглушенный крик. Бен бросил взгляд на Джимми, и тот едва заметно пожал плечами. Мэтт дремал, открыв рот и посапывая.

Бен закрыл дверь и выключил свет. Джимми пристроился на кровати в ногах у Мэтта, и когда за дверью раздались нерешительные шаги, Бен встал за ней и изготовился.

Дверь приоткрылась, и в нее просунулась голова. Бен одной рукой ухватил незваного гостя за шею, а другой приставил к его лицу крест.

– Пустите! – Пришелец отчаянно заколотил рукой по груди Бена. Через мгновение зажегся свет. Мэтт сидел на кровати, близоруко щурясь на Марка Питри, который рвался из рук Бена. Подскочил Джимми и уже хотел обнять мальчика, но замер:

– Подними подбородок.

Марк послушно задрал голову, демонстрируя нетронутую шею.

Джимми облегченно выдохнул.

– Парень, ты даже представить себе не можешь, как я рад! А где священник?

– Не знаю, – потерянно ответил тот. – Меня схватил Барлоу... Он убил родителей. Их больше нет. Они погибли. Он разбил им головы. Убил их! А потом поймал меня и сказал отцу Каллахэну, что отпустит, если тот выбросит крест. Он пообещал. А я убежал. Но сначала успел в него плюнуть. Плюнул и сказал, что убью его!

Марк пошатнулся. На лице виднелись налипшие листочки ежевики. Он бежал через лес по той же самой тропинке, по которой к нему – как же давно это было! – направлялись Дэнни и Ральфи. Брюки до колен были

мокрыми – это он перебирался через Тэггарт-Стрим вброд. Потом его кто-то подвез. Он только помнил, что в машине играло радио.

Потрясенный Бен молчал, не находя слов.

– Бедный мальчик, – мягко произнес Мэтт. – Бедный маленький смельчак!

Лицо Марка скривилось, глаза закрылись.

– Ма-ма-мамочка...

Он зашатался, и Бен, подхватив его, обнял и прижал к себе, чувствуя, как горячие слезы жгут ему кожу через рубашку.

24

Отец Дональд Каллахэн понятия не имел, сколько времени он уже блуждает в темноте. Он направлялся к центру города по Джойнтер-авеню, даже не вспомнив, что его машина стоит возле дома Питри. Иногда он брел по середине дороги, иногда – по тротуару. Один раз его чуть не задавила машина, неожиданно выхватив фарами из темноты, но успела в самый последний момент отвернуть, отчаянно сигналив и визжа тормозами. Оступившись, он один раз даже свалился в яму. Когда священник добрался до мигающего светофора, начал моросить дождь.

На улице было безлюдно, и его никто не видел: Салемс-Лот погрузился в ночной сон раньше обычного. Закусочная Спенсера пустовала, только мисс Куган сидела у кассы и читала женский журнал в холодном свете флуоресцентных ламп. На остановке светилась неоновая реклама с вытянувшимся в прыжке голубым псом и надписью «АВТОБУС».

«Все боятся», – подумал Каллахэн.

И для страха имелись основания. Жители подсознательно ощущали опасность и сегодня заперли двери, которые не запирали годами... а то и вообще никогда!

На пустынных улицах бояться было нечего только ему одному. Так странно! Он засмеялся, но смех вышел похожим на всхлипывание безумца. Ему не страшен ни один вампир! Другим – возможно, но только не ему! Господин отметил его своей печатью, и теперь он свободен делать все, что ему заблагорассудится, пока тот не призовет его к служению.

Из темноты вынырнули очертания церкви Святого Андрея.

Поколебавшись, отец Каллахэн направился к ней. Он станет молиться. Если потребуется, будет молиться всю ночь. Но не новому Богу, Богу гетто,

социальной ответственности и бесплатной еды, а Богу прежнему, который возвестил через Моисея верность вере, наделив ею Сына своего, сумевшего поправить саму смерть. *Позволь, Господи! Позволь мне искупить свой грех покаянием. Только дай мне такой шанс...*

На широких ступеньках он – в заляпанной грязными пятнами сутане и с размазанной по лицу кровью Барлоу – споткнулся.

Поколебавшись, священник взялся за ручку двери.

Едва он ее коснулся, как все вокруг озарила яркая вспышка и его отбросило назад. Спину, голову, грудь, живот и голени пронзила острая боль, и он скатился с гранитных ступенек на тротуар.

Каллахэн лежал, дрожа под дождем и чувствуя, как пылают ладони.

Он поднес руки к глазам – кожа на ладонях обгорела.

– Осквернен, – пробормотал Каллахэн. – Боже милостивый, я нечист! Осквернен!

Он с трудом поднялся и, продолжая дрожать, сунул руки под мышки. Пошатываясь, священник зашагал прочь от церкви, закрывшей перед ним двери.

25

Марк сидел на кровати Мэтта на том самом месте, где прежде располагался Бен. Вытерев слезы рукавом рубашки, он старался держать себя в руках, хотя глаза были по-прежнему красными и воспаленными.

– Ты ведь знаешь, в каком отчаянном положении сейчас находится Салемс-Лот? – спросил его Мэтт.

Марк кивнул.

– И сейчас его вампиры снуют по городу в поисках новых жертв, – мрачно продолжил учитель. – Но всех им не достать и завтра вам предстоит тяжелейшее испытание.

– Мэтт, вам нужно поспать, – вмешался Джимми. – Мы будем рядом, так что не волнуйтесь. Вид у вас и без того неважный. Для вас это ужасное потрясение...

– Мой город убивают у меня на глазах, а ты хочешь, чтобы я спал?! – На осунувшемся лице яростно сверкнули глаза.

– Если хотите дожить до финала, – упрямо заявил Джимми, – то надо поберечь силы. Говорю это как лечащий врач!

– Ладно, еще минутку! – Мэтт обвел всех взглядом. – Завтра вы, все трое, должны вернуться в дом Марка. Заготовьте колья. И побольше!

Все понимающе переглянулись.

– Сколько? – тихо поинтересовался Бен.

– Сотни две-три. А еще лучше – пять!

– Но это невозможно! – не поверил Джимми. – Их не может быть так много!

– Вампиры ненасытны, – объяснил Мэтт, – так что лучше быть готовым ко всему. И не разлучайтесь ни в коем случае! Даже днем! Вы должны действовать как при облаве – начать с одного конца города и продвигаться к другому.

– Нам не удастся их всех разыскать, – засомневался Бен. – Даже если мы начнем с первыми лучами солнца и закончим с наступлением темноты.

– Нужно сделать все возможное, Бен. Люди должны вам поверить. Если они увидят, что вы правы, появятся помощники. А когда снова наступит ночь, ряды армии Барлоу сильно поредеют. – Он вздохнул. – Мы должны исходить из того, что отец Каллахэн для нас потерян. Печально. Но вас это не должно останавливать. Нужно не терять бдительности и проявлять крайнюю осторожность. Всем вам. Будьте готовы солгать. Если вы окажетесь за решеткой, то ему это будет только на руку. И подумайте еще вот о чем, если это не приходило вам в голову раньше: если нам удастся выжить и победить, то не исключено, что придется отвечать на суде за убийство.

Он обвел всех взглядом и, судя по всему, остался доволен увиденным. Затем снова повернулся к Марку.

– Ты ведь знаешь, что теперь самое главное, верно?

– Да, – ответил тот. – Убить Барлоу.

Мэтт грустно улыбнулся.

– Боюсь, что это все равно что бежать впереди паровоза. Сначала надо его найти. – Он устремил на мальчика испытующий взгляд. – Ты не заметил ничего, что могло бы помочь его разыскать? Хоть что-нибудь? Подумай, прежде чем ответить. Ты знаешь лучше нас всех, как это важно!

Марк задумался. Бен никогда не видел, чтобы на просьбы откликались так буквально. Мальчик опустил подбородок и закрыл глаза. Было видно, что он старается восстановить в памяти мельчайшие подробности злополучной ночи.

Наконец он открыл глаза, обвел всех взглядом и покачал головой:

– Ничего.

У Мэтта вытянулось лицо, но он не сдавался.

– Может, к пиджаку прилип листок или в отверстии на брюках застряла травинка? Грязь на ботинках? Болтавшаяся нитка? – Он беспомощно развел

руками. – Господи Боже, неужели он был чист как стекло?

Глаза Марка внезапно загорелись.

– Что? – Не в силах совладать с возбуждением, Мэтт схватил его за руку. – О чем ты подумал?

– Голубой мел, – ответил тот. – Когда он держал меня за шею – вот так! – я видел его руку. У него длинные пальцы, и на двух были следы голубого мела. На мизинцах.

– Голубой мел, – задумчиво повторил Мэтт.

– Школа, – предположил Бен. – Наверняка!

– Во всяком случае, не старшая, – заверил учитель. – Мел нам поставляют из Бостона, «Деннисон энд компани», причем только белый и желтый. У меня им постоянно перепачканы пальцы и пиджаки.

– А на уроках рисования?

– В старшей школе есть только графика, и на занятиях там используют чернила, а не мел. Марк, а ты уверен, что это был...

– Точно мел, – подтвердил Марк, кивая.

– Мне кажется, некоторые учителя-естественники используют цветные мелки, но где в нашей школе спрятаться? Вы же ее видели: здание одноэтажное, очень много стекла и, соответственно, света. В кладовки постоянно заглядывают, да и в котельную тоже.

– А за кулисами в зале?

Мэтт пожал плечами.

– Там действительно довольно темно. Но если меня подменяет миссис Родин – ученики называют ее «миссис Родан» по аналогии с персонажем знаменитого японского фильма о монстрах, – то там постоянно будут крутиться ребята. Он не станет так рисковать.

– А как насчет начальной школы? – поинтересовался Джимми. – В младших классах есть уроки рисования. Наверняка там пользуются цветными мелками.

– Здание начальной школы на Стэнли-стрит построено по тому же проекту, что и старшей. Оно такое же модернистское, одноэтажное и с огромными окнами, чтобы пропускать побольше солнечного света. Нашему объекту совсем не подходит. Такие, как он, предпочитают старые дома, уже много повидавшие, темные и мрачные, как...

– Как школа на Брок-стрит, – подсказал Марк.

– Да, – подтвердил Мэтт и посмотрел на Бена. – Школа на Брок-стрит располагается в каркасном деревянном здании в три этажа с подвалом. Построено в те же годы, что и Марстен-Хаус. Уже тогда при обсуждении займа на строительство высказывались опасения относительно

пожароопасности здания. За пару лет до этого в Нью-Гэмпшире сгорела школа...

– Я помню, – пробормотал Джимми. – Кажется, в Коббс-Ферри, верно?

– Да. Тогда в пожаре погибли трое детей.

– А здание на Брок-стрит все еще используется? – поинтересовался Бен.

– Только нижний этаж. Там учатся первые четыре класса. Предполагается, что через два года и их переведут на Стэнли-стрит, где для этого пристраивается новое крыло.

– А там есть где спрятаться Барлоу?

– Думаю, да, – ответил Мэтт, явно сомневаясь. – На втором и третьем этажах полно пустых классов. Окна заколочены, чтобы дети не разбивали стекла камнями.

– Тогда это там, – заключил Бен. – Больше нигде.

– Похоже, что так, – согласился Мэтт. Он выглядел очень усталым.

– Голубой мел, – пробормотал Джимми, думая о чем-то своем.

– Я не уверен. Просто не знаю, – произнес Мэтт еле слышно.

Джимми открыл свою сумку и вытащил пузырек с таблетками.

– Примите две таблетки и запейте водой. Прямо сейчас!

– Нет. Еще предстоит так много обсудить. Так много...

– Мы не можем рисковать тем, что потеряем и вас тоже! – твердо заявил Бен. – Теперь, когда мы не можем рассчитывать на отца Каллахэна, вы стали самой важной фигурой из всех нас. Сделайте как говорит доктор!

Марк принес из ванной стакан воды, и Мэтт нехотя сдался.

Время было четверть одиннадцатого.

В палате воцарилась тишина. Глядя на учителя, Бен подумал, как сильно тот сдал, постарев буквально на глазах. Седые волосы казались хрупкими и ломкими, а дни, проведенные в больнице, наложили на черты лица отпечаток тревоги и слабости. Наверное, в том, что приступ случился при таких обстоятельствах, были и свои плюсы. Вся жизнь учителя подготовила его к противостоянию злым силам, которые пробуждались к жизни при включении настольной лампы и исчезали на рассвете.

– Я беспокоюсь за него, – тихо произнес Джимми.

– Я думал, что приступ был легким, – отозвался Бен. – И скорее всего даже не сердечным.

– Он пережил относительно легкую закупорку коронарных сосудов. Но следующий приступ обернется обширным инфарктом. Вся эта история его точно убьет, если не закончится в самое ближайшее время. – Джимми бережно взял руку Мэтта и нащупал пульс. – Вот тогда это будет ужасно.

Они сидели у кровати и спали по очереди. Сам Мэтт ни разу не проснулся. Барлоу так и не появился. У него были другие дела.

Когда открылась дверь и вошел первый за вечер посетитель, мисс Куган читала статью «Я пыталась задушить нашего ребенка» в журнале «Правдивые истории из жизни».

Еще ни разу в аптекарском магазине не было так пусто, как сегодня. Не заглянула даже Рути Крокетт со своими подружками, чтобы выпить содовой – правда, эта компания была ей не очень-то по нраву, – но не появилась и Лоретта Старчер, чтобы забрать экземпляр «Нью-Йорк таймс», который теперь лежал под стойкой аккуратно свернутым. Лоретта была единственной в Джерусалемс-Лоте, кто регулярно покупал эту газету, чтобы на следующий день выложить ее в читальном зале.

Не зашел после ужина и мистер Лабри, хотя в этом и не было ничего необычного. Мистер Лабри был вдовцом, жившим в большом доме на Школьном холме неподалеку от Гриффенов, и мисс Куган отлично знала, что ужинает он не дома. На ужин, состоявший из гамбургеров и пива, он отправлялся в заведение Делла, и, если не приходил к одиннадцати (а сейчас уже был двенадцатый час), она доставала из ящика ключ и запирала сама. Такое уже случалось. Но если кому-то срочно понадобится лекарство, то проблема возникнет точно.

Иногда мисс Куган скучала по наплыву посетителей, который когда-то приходился как раз на это время – после того как в ныне закрытом кинотеатре «Нордика» заканчивался вечерний сеанс. Все заказывали мороженые коктейли, охлажденный шербет, лимонады. Влюбленные парочки, держась за руки, обсуждали занятия в школе. Эта молодежь не была похожа на Рути Крокетт с подружками, которые вечно хихикали и выпячивали груди, а джинсы носили такие узкие, что сквозь ткань проступала резинка от трусиков, если, конечно, они их вообще надевали. От нахлынувших воспоминаний об этих канувших в Лету постояльцах (она уже не помнила, что они раздражали ее ничуть не меньше) мисс Куган охватила ностальгия, и она с надеждой подняла глаза, будто рассчитывала увидеть старшеклассника десятилетней давности с подружкой, желавшей полакомиться шоколадным мороженым с орехами.

Но посетителем оказался мужчина, уже в годах, который показался знакомым, но она его не узнала. И только когда он поставил на стойку

чемоданчик и повернулся, мисс Куган удивленно воскликнула:

– Отец Каллахэн!

Мисс Куган никогда не видела его раньше одетым не в сутану. Сейчас на нем были темные брюки и голубая хлопчатобумажная рубашка, отчего он походил на обычного фабричного рабочего.

Ей вдруг стало страшно. Одежда была опрятной, волосы аккуратно причесаны, но в его лице было нечто...

Ей вспомнился день двадцать лет назад, когда она вернулась из больницы, где скоропостижно умерла ее мать – как тогда говорили, «от удара». Она сообщила эту новость брату, и тогда у него на лице появилось такое же выражение, как сейчас у отца Каллахэна: обреченности и отчаяния, – а в пустых глазах застыл шок. От этого потухшего взгляда мисс Куган стало не по себе. На покрасневшей вокруг рта коже выступило раздражение, будто он долго скоблил ее бритвой или тер жесткой мочалкой, стараясь стереть несмываемое пятно.

– Мне нужен билет на автобус, – произнес он.

Так вот в чем дело! Наверное, кто-то умер и отца Каллахэна вызвали на похороны.

– Конечно! – ответила мисс Куган. – А куда...

– Во сколько ближайший?

– Куда именно?

– Все равно! – отрезал он, разбив ее догадки.

– Ну... не знаю... сейчас посмотрю... – Она достала расписание и стала лихорадочно его листать. – Есть автобус в одиннадцать десять, который идет в Портленд, Бостон, Хартфорд и Нью...

– Годится! – сказал он. – Сколько?

– А куда... в смысле, до какого города? – Она не знала, что и думать.

– До конца! – отрешенно ответил он и улыбнулся. Никогда еще ей не приходилось видеть такой жуткой улыбки, и она невольно вздрогнула. *Если он до меня дотронется, подумала она, я закричу!*

– Т-тогда до Нью-Йорка. Двадцать девять долларов семьдесят пять центов.

Священник неловко вытащил из заднего кармана бумажник, и она увидела, что правая рука у него забинтована. Он выложил на стойку одну банкноту в двадцать долларов и две – по одному, и мисс Куган от волнения уронила на пол всю пачку чистых билетов. Пока она их доставала, он добавил еще семь долларов и кучу мелочи.

Мисс Куган хотела оформить билет как можно скорее, но под его потухшим взглядом быстро никак не получалось. Простамповав билет, она

подтолкнула его священнику, лишь бы не коснуться его руки.

– В-вам лучше подождать снаружи, отец К-Каллахэн. Через пять минут я закрываюсь. – Она сгребла в ящик деньги не пересчитывая.

– Хорошо, – согласился он, засовывая билет в нагрудный карман, и добавил, не глядя на нее: – «И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Эдема». Это из Священного Писания, мисс Куган. Самые тяжкие строки.

– Вот как? – пролепетала она. – Боюсь, что вам лучше выйти, отец Каллахэн. Я... мистер Лабри сейчас вернется, а ему не нравится, когда я... когда я...

– Разумеется, – ответил он и повернулся, чтобы выйти, но в последний момент остановился и спросил: – Вы живете в Фалмуте, мисс Куган?

– Да...

– Домой ездите на своей машине?

– Да, конечно. Я очень прошу вас подождать снаружи...

– Езжайте сегодня как можно быстрее, мисс Куган. Заприте все двери и не останавливайтесь никого подвезти! *Никого!* Даже если это хороший знакомый.

– Я никогда и никого не подбираю на дороге! – поджав губы, заверила она.

– А когда окажетесь дома, держитесь подальше от Джерусалемс-Лота и не возвращайтесь сюда! – продолжал Каллахэн, не сводя с нее глаз. – Здесь сейчас очень опасно!

– Не понимаю, о чем вы, но вам лучше обождать на улице... – растерянно проговорила она.

– Хорошо. Ладно.

С этими словами он вышел.

До нее вдруг впервые дошло, что за весь вечер, кроме отца Каллахэна, сюда не заглянул ни один человек! Как это может быть? *Здесь сейчас очень опасно!*

Заторопившись, она стала собираться и выключать свет.

Город погрузился во тьму.

Без четверти двенадцать Чарли Роудса разбудил продолжительный гудок. Кто-то давил на клаксон его автобуса. Моментально очнувшись от

сна, он резко сел на кровати.

Мой автобус!

И тут же вслед за этим в голове завертелась новая мысль: *Маленькие мерзавцы!* Дети уже проделывали подобные штуки раньше. Он знал, на что способны эти негодяи. Однажды они спустили ему все шины, вставив в вентили спички. Он не видел, кто это сделал, да это было и не нужно. Он тогда сразу отправился к слюнтяю-директору и указал на Майка Филбрука и Оди Джеймса. Он не сомневался, что это они, – больше некому!

Вы в этом уверены, Роудс?

Еще бы!

И тогда этому хлюпику ничего не оставалось, кроме как устранить их от занятий. А через неделю он вызвал Чарли к себе в кабинет.

Роудс, сегодня мы отстранили от занятий Энди Гарви.

Вот как? Ничего удивительного. Что он натворил?

Боб Томас поймал его, когда тот спускал шины на его автобусе. После чего устремил на Чарли Роудса долгий испытующий взгляд. Ну и что с того, если это оказался Гарви, а не Филбрук с Джеймсом? Они все одна компания, все – те еще подонки, которым надо хорошенько прочистить мозги! А снаружи снова донесся продолжительный гудок. Если так и дальше пойдет, они посадят аккумулятор!

ТУ-У, ТУ-У, ТУ-УУУУУУУУУ...

– Сукины дети, – прошептал он, вылез из кровати и в темноте натянул брюки. Если включить свет, то можно их спугнуть, а это не входило в его планы.

Как-то ему на сиденье подложили коровью лепешку, и он догадывался, чья это работа. Это же видно по глазам! Он научился читать по ним, когда во время войны стоял на часах на пересыльном пункте пополнения. С тем инцидентом с коровьей лепешкой он разобрался по-своему. Просто высаживал маленького подонка из автобуса три дня подряд за четыре мили от дома. А потом тот явился весь в слезах.

Я ничего не делал, мистер Роудс. Зачем вы меня выгоняете?

А подкладывать коровьи лепешки – это, по-твоему, «ничего не делать»?

Но это не я! Богом клянусь!

Надо отдать им должное – врать они умеют на славу! Такие и матери соврут не задумываясь, глядя ей в глаза с невинной улыбкой! Он высадил парня еще пару раз, и тогда тот раскололся! Чарли ссадил его на дороге еще разок – так, можно сказать, на будущее, – а потом Дэйв Фелсен из гаража посоветовал ему сбавить обороты.

ТУ-УУУУУУУУУУУУ!

Натянув рубашку, Чарли прихватил старую теннисную ракетку, стоявшую в углу. Видит Бог, сегодня кому-то точно достанется!

Он вышел через заднюю дверь и, обойдя дом, направился к месту, где стоял большой желтый автобус. Чарли переполняла решимость и уверенность. Ему предстояло дать отпор диверсантам. Как на войне!

Добравшись до кустов олеандра, он остановился и вгляделся в темноту. Точно: их там орудовала целая стая! Сквозь окна было видно, как внутри снуют тени. Чарли почувствовал, как его охватывает слепая ярость, смешанная с клокочущей ненавистью, и пальцы с такой силой сжали ракетку, что та завибрировала в руке словно камертон. Они разбили шесть, семь, нет – восемь, окон его автобуса!

Чарли осторожно пробрался вдоль желтого борта к пассажирской двери. Она была открыта. Набрав воздуха, он вскочил на подножку.

– Не двигаться! Всем оставаться на местах! И убери руки с клаксона!

Мальчишка, сидевший за рулем и нажимавший на клаксон, обернулся: на его губах играла безумная улыбка. Чарли вдруг почувствовал, как внутри у него все опустилось. Это был Ричи Боддин. На бледном как полотно лице выделялись только темные глазницы с горящими глазами и яркие алые губы.

А его зубы...

Чарли Роудс бросил взгляд в салон.

Это кто там? Майк Филбрук? Оди Джеймс? Господи Боже, тут были и мальчишки Гриффенов! Хэл и Джек сидели в самом конце, и в волосах у них застряли соломинки. *Но они не ездят на моем автобусе!* Мэри Кейт Григсон и Брент Тенни сидели рядом. Она была в ночной рубашке, а он – в джинсах и фланелевой рубашке, одетой задом наперед и вывернутой наизнанку, будто он разучился одеваться.

И Дэнни Глик! Господи, но ведь он же умер! *И уже несколько недель как похоронен!*

– Ребята, – сказал он, облизывая пересохшие губы. – Вот что, ребята...

Теннисная ракетка выскользнула из руки. Зашипела гидравлика – это Ричи все с той же безумной улыбкой повернул хромированный рычаг и закрыл дверь. Теперь все – все до одного! – начали подниматься со своих мест.

– Нет, – проговорил Чарли, пытаясь выдавить улыбку. – Ребята... вы не понимаете! Это же я, Чарли Роудс! Вы... вы... – Он вытянул руки, демонстрируя, что это их старый добрый и безобидный знакомый, и попятился назад, пока не уперся спиной в широкое ветровое стекло.

– Не надо, – прошептал он.
Они, ухмыляясь, приближались.
– Пожалуйста, не надо!
Они набросились на него.

28

Энн Нортон умерла в лифте, когда ее поднимали с первого этажа на второй. По телу пробежала дрожь, и из уголка рта вытекла струйка крови.

– Вот и все, – сказал один из санитаров. – Теперь сирену можно выключить.

29

Еве Миллер снился сон.

Сон был странным и на кошмар не очень походил. Пожар 51-го года бушевал всюду, окрашивая голубое у горизонта небо в безжалостно белое над головой. В перевернутой чаше небосвода ослепительно сверкало солнце, похожее на новенькую медную монетку. В воздухе стоял едкий запах: никто не работал, и все жители высыпали на улицу, тревожно вглядываясь в сторону болот на юго-западе и лесов – на северо-востоке. Дым висел в воздухе с самого утра, но теперь, в час дня, за пастбищами Гриффенов уже виднелись языки пламени. Дул ровный ветер, который перекинул пламя через противопожарный разрыв и осыпал город хлопьями пепла, похожими на снежинки.

Тогда еще живой Ральф пытался спасти лесопилку. Во сне все смешалось, потому что рядом находился Эд Крейг, а они познакомились только осенью 1954 года.

Сама Ева была совершенно голой и смотрела на пожар через окно спальни наверху. Она чувствовала, что ее белые бедра обнимают сзади смуглые жесткие руки, и знала, что это был Эд, хотя и не видела его в отражении стекла.

Она пыталась сказать Эду, чтобы он перестал, что сейчас не время. Что прошло уже целых девять лет. Но руки настойчиво водили по коже, гладили живот и ласкали пупок, а потом скользнули вверх и бесстыдно обхватили груди.

Она хотела сказать, что они стоят у окна, что их запросто могут

увидеть прохожие, но слова застряли в горле, а потом Ева почувствовала, как его губы коснулись руки, плеча и с жадной настойчивостью потянулись к шее. В кожу впились зубы, и он, покусывая, стал жадно сосать, и она снова хотела его остановить, боясь, что останутся засосы, а Ральф их обязательно заметит...

Но опять не смогла произнести ни слова, да уже и не хотела. Теперь ей было все равно, кто их мог увидеть голыми и бесстыжими.

Она перевела мечтательный взгляд на огонь, чувствуя, с какой ненасытной жадностью действуют его губы и зубы, а черный дым заволок раскаленное небо и превратил день в ночь. Но и в ней продолжал бушевать огонь, расцветивая алыми пульсирующими соцветиями ночные джунгли.

А потом действительно наступила ночь и город погрузился во мрак, но огонь продолжал буйствовать, пока не закрутился в калейдоскопе странных образов, которые непонятно как сложились в залитое кровью лицо. У незнакомца был орлиный нос, глубоко посаженные пронзительные глаза, полный и чувственный рот, частично прикрытый густыми усами, и зачесанные назад, как у музыкантов, волосы.

– Валлийский комод, – откуда-то издали послышался голос, и Ева поняла, что это говорил он. – Тот, что стоит в мезонине. Думаю, что он отлично подойдет. А потом мы займемся ступеньками... Нужно быть готовыми ко всему. – Голос стих, и языки пламени тоже.

Осталась только мгла, и она в этой мгле, спящая или погружавшаяся в сон. Ева подумала, что сон будет долгим и сладким, но в то же время горьким и темным, как воды реки забвения Леты.

Снова послышался голос – на этот раз Эда.

– Пойдем, милая. Вставай. Нужно сделать что он велел.

– Эд? Эд?

Перед ее глазами возникло его лицо, но не в языках пламени, а ужасно бледное и какое-то неживое. И все же она его снова любила... даже сильнее, чем раньше. Ей так захотелось, чтобы он поцеловал...

– Пошли, Ева.

– Это сон, Эд?

– Нет... не сон.

Сначала она испугалась, но страх тут же прошел, сменившись знанием. И вместе со знанием пришел голод.

Она посмотрелась в зеркало, но в нем отразилась только пустая спальня. Дверь в мезонин была заперта, ключ лежал в ящике, но это было не важно. Теперь никакие ключи не нужны.

Они просочились сквозь щель между дверью и косяком.

В три часа ночи кровь в жилах становится густой и течет медленно. В это время душа либо пребывает в блаженном неведении, либо впадает в полное отчаяние. Третьего не дано. В три часа ночи мир скидывает с себя яркую праздничную мишуру и становится похожим на самого себя – старую шлюху с ввалившимся носом и стеклянным глазом. Веселость становится наигранной и хрупкой, как в описанном Эдгаром По замке, осажденном Красной смертью. Ужас вытесняется скукой пресыщения. Любовь есть сон.

Паркинс Гиллесли с трудом, будто после тяжелой и продолжительной болезни, проковылял от письменного стола к кофейнику в углу кабинета. Ориентиром во времени ему служил разложенный пасьянс. Несколько раз с улицы доносились крики, слышались непонятные продолжительные гудки клаксона, а однажды мимо окон кто-то пробежал. Он не выходил на улицу узнать, в чем дело. Морщины на его озабоченном и осунувшемся лице, казалось, стали еще глубже от мыслей, не дававших ему покоя. Он надел на шею крестик, медальон со святым Христофором и V-образный знак, символизировавший призыв к миру. Он и сам не знал, зачем это сделал, но с ними чувствовал себя спокойнее. Паркинс решил, что если удастся пережить сегодняшнюю ночь, то завтра с утра оставит на полке свой жетон возле связки ключей и уедет куда подальше.

Мейбл Уэртс сидела на кухне с чашкой остывшего кофе, впервые в жизни закрыв ставни и отложив бинокль в сторону. Впервые за шестьдесят лет ей не хотелось ничего видеть и слышать. Ночь бурлила слухами, о которых ей ничего не хотелось знать.

Билл Нортон направлялся в камберлендскую больницу после полученного телефонного звонка (сделанного, когда его жена была еще жива), и на его лице застыла маска непонимания и тревоги. Тишину нарушал мерный стук щеток стеклоочистителя, пытавшегося справиться с усилившимся дождем. Билл старался ни о чем не думать.

В городе были и другие жители, которые сумели пережить ночь либо во сне, либо бодрствуя, так и не подвергнувшись нападению вампиров. Многие из них были одинокими людьми, у которых в городе не имелось родственников или близких друзей. Они даже не подозревали о том, что происходит.

Но те, кто не спал, включали свет во всем доме, и проезжавшие через город водители (а несколько машин действительно проехало, направляясь в

Портленд или на юг) удивлялись, как в таком заурядном на вид поселении столько домов залито огнями в самый разгар ночи. Полагая, что где-то, наверное, случился пожар или авария, проезжие невольно притормаживали, но, так и не увидев ничего похожего, прибавляли скорость и больше об этом не думали.

И вот что удивительно: никто из тех, кто не спал в ту ночь в Джерусалемс-Лоте, не знал, что происходит. Кое у кого возникли смутные подозрения, но, подобно трехмесячному утробному плоду, они еще не успели приобрести узнаваемый облик. Однако все без исключения стали решительно рыться в ящиках письменных столов, старых коробках или шкатулках с украшениями, чтобы найти любые религиозные обереги, которые могли оказаться в доме. Они делали это так же неосознанно, как человек, преодолевающий большое расстояние на машине в одиночку, начинает напевать, не задумываясь о том, что именно он поет. Они бесцельно бродили из комнаты в комнату, включая везде свет и держась подальше от окон.

Самым главным было ни в коем случае не смотреть в окно! Какие бы звуки ни доносились, какой бы пугающей ни казалась неизвестность, выглянуть в окно было еще страшнее – все равно что заглянуть в лицо горгоне!

Звук проникал в его сон подобно гвоздю, острие которого с нарочитой медлительностью раздвигает твердую и неподатливую древесину дуба. Сначала Реджи Сойер решил, что ему снятся столярные работы, и мозг, еще не проснувшись и будто в замедленной съемке, нехотя извлек из памяти картину, как они с отцом оборудовали себе стоянку на рыбалке в Брайант-Понд в 1960 году.

Потом пришло осознание, что стук молотка раздается не во сне, а на самом деле. Окончательно проснувшись, Реджи не сразу понял, что стучат в переднюю дверь, причем с удивительной настойчивостью и размеренностью метронома.

Его взгляд скользнул сначала по лежавшей на боку Бонни, отчего округлость ее бедер только подчеркивалась, и остановился на будильнике: 4:15 утра. Он поднялся и вышел из спальни, прикрыв за собой дверь. В коридоре он включил свет и уже направился открыть входную дверь, но вдруг остановился и с недоверием поглядел на нее. В 4:15 стучать в дверь

просто некому. Даже если кто-то из родных сыграл в ящик, ему бы позвонили, а не явились стучать в дверь посреди ночи.

В 1968 году он воевал во Вьетнаме, и тот год для американских парней выдался очень тяжелым! Реджи довелось провести семь месяцев на передовой, и тогда он умел просыпаться моментально и окончательно, как будто внутри замыкался нужный контакт. Только что он спал как убитый, а уже через мгновение вглядывался в темноту широко открытыми глазами. Эта привычка исчезла сразу, как только он снова оказался в Америке, чем тайно гордился, хотя никогда об этом не говорил. Слава Богу, он не автомат: нажмешь одну кнопку, и он уже не спит, нажмешь другую – и он крушит косоглазых.

Но сейчас совершенно неожиданно вся сонливость моментально слетела и он стоял перед дверью внутренне собранный и сосредоточенный.

Снаружи кто-то был. Скорее всего это заявился мальчишка Брайант, залив глаза и прихватив пистолет. Пришел вызволить из заточения свою сказочную принцессу или сложить голову.

Реджи прошел в гостиную и направился к полке над камином, где хранил оружие. Свет он включать не стал, поскольку отлично ориентировался и без него. Достав с полки дробовик, Реджи проверил, заряжен ли он. В темноте тускло сверкнули медные гильзы. В дверях прихожей Реджи снова прислушался. Стук продолжался – монотонный и бессистемный.

– Входи! – пригласил Реджи.

Стук прекратился.

После долгой паузы ручка двери очень медленно повернулась, и на пороге показался Кори Брайант.

Сердце у Реджи вдруг екнуло. На Брайанте была та же одежда, что и во время их последней встречи, грязная и порванная. К рубашке и брюкам прилипли листья. Темная полоса грязи на лбу подчеркивала мертвенную бледность.

– Стой где стоишь! – приказал Реджи, снимая дробовик с предохранителя и направляя на Кори. – На этот раз он заряжен.

Однако Кори Брайант медленно шагнул вперед, и во взгляде его пустых глаз читалось нечто пострашнее ненависти. Он высунул язык и облизнул губы. На ботинках налип толстый слой грязи, куски которой отваливались при каждом шаге. В его движениях ощущалась какая-то неумолимая жестокость и холодная беспощадность. Подошвы с чавканьем переступали по полу, и остановить их мерную поступь, казалось, не было никакой возможности ни угрозами, ни мольбой.

– Еще один шаг, и я снесу тебе чертову голову! – предупредил Реджи хриплым и севшим голосом. Парень был не просто пьян. У него вообще башку снесло! Реджи вдруг понял, что стрелять в него наверняка придется.

– Стой! – снова произнес он, на этот раз обычным голосом.

Но Кори Брайант не остановился. Его глаза уставились на Реджи с той мертвой жадностью, что и у чучел лосей, глядящих в пустоту. По полу продолжали раздаваться хлюпающие грязью шаги.

Сзади закричала Бонни.

– Ступай в спальню! – приказал, не оборачиваясь, Реджи и прошел вперед, чтобы оказаться между ними. От Кори его отделяла всего пара шагов. Тот протянул белую и вялую руку, чтобы ухватить дробовик за стволы.

Реджи нажал на оба курка.

Из стволов вырвалось пламя, и по дому прокатился звук выстрела, похожий на раскат грома. В воздухе повис запах пороха. Бонни снова отчаянно закричала.

Рубашка на Кори потемнела и распахнулась, однако белая, как рыбье брюхо, плоть на груди и животе под ней почему-то оказалась целой. Реджи вдруг подумал, что это была вовсе не плоть, а нечто неосязаемое, вроде дымовой завесы.

Затем Кори с необычайной легкостью, будто у ребенка, вырвал у него из рук дробовик и с силой швырнул Реджи об стену. Оглушенный ударом, он сполз на пол и никак не мог найти сил подняться. Брайант шагнул мимо него к Бонни. Стоя в дверном проеме, она не сводила глаз с пришельца, и в ее взгляде читалась похоть.

Кори обернулся на Реджи и ухмыльнулся, растянув губы так широко, как улыбаются только черепа обглоданных до костей газелей, встречающиеся туристам в пустыне. Бонни протянула к Кори дрожащие руки. На ее лице попеременно сменялись страх и вожделение.

– Милый! – произнесла она.

Реджи, не выдержав, испустил истошный крик.

– Остановка! – сказал водитель автобуса. – Хартфорд.

Каллахэн бросил взгляд в широкое окно на незнакомую местность в робком свете первых лучей нового дня. В Салемс-Лоте вампиры наверняка спешат расползтись по темным норам.

– Понятно, – отозвался он.

– Мы простоим здесь двадцать минут. Может, зайдете перекусить или еще что?

Каллахэн вытащил забинтованной рукой бумажник и чуть не уронил его. Странно, но обожженная ладонь больше не болела, только потеряла чувствительность. Лучше бы болела. Во всяком случае, боль была настоящей и вполне реальной. Во рту у священника стоял привкус смерти – приторный и рыхлый, как у перегнившего яблока. И это все? Да! Куда уж хуже!

Каллахэн вытащил двадцатку.

– Можете купить мне бутылку?

– Мистер, правила...

– Сдачу, конечно, оставьте себе.

– Мне не нужны неприятности, мистер. Через два часа мы будем в Нью-Йорке, и там есть все, что только душе угодно!

А вот в этом ты ошибаешься, друг, подумал Каллахэн и посмотрел, сколько денег у него осталось. Десятка, две пятерки и однодолларовая бумажка. Он добавил к двадцати долларам десятку и протянул водителю.

– Одной фляжки будет вполне достаточно, – сказал он. – А сдачу оставьте себе.

Водитель перевел взгляд с купюр на потухшие глаза в темных глазницах, и ему вдруг показалось, что он разговаривает с живым мертвецом, который разучился улыбаться.

– Тридцать долларов за фляжку? Мистер, вы, должно быть, не в себе! – Однако деньги он взял и направился вдоль салона пустого автобуса, но потом вернулся. – Но только чтобы без глупостей! Мне тут не нужны неприятности!

Каллахэн согласно кивнул, будто нашкодивший мальчуган, терпеливо сносивший заслуженное наказание.

Окинув его еще одним взглядом, водитель вышел.

Нужно что-нибудь дешевое, подумал Каллахэн. Такое, чтобы обожгло и язык, и горло... и смысл этот невыносимый приторный вкус во рту! Или хотя бы притупило его до момента, когда он найдет подходящее место и начнет пить по-настоящему. Пить не переставая...

От безысходности и отчаяния хотелось разрыдаться, но слез не было. Только пустота внутри... и приторный вкус!

Быстрее, водитель!

Он снова перевел взгляд за окно. На другой стороне дороги сидел мальчик, обхватив голову руками. Каллахэн смотрел на него, пока автобус

не тронулся, но мальчик так и не переменял позы.

Почувствовав на себе чью-то руку, Бен моментально очнулся, и Марк, наклонившись к самому уху, прошептал:

– Светает.

Бен открыл глаза и, дважды моргнув, чтобы привыкнуть к свету, посмотрел в окно. На улице моросил мелкий осенний дождь, сквозь который пробивался тусклый рассвет. Потерявшие листву деревья раскинули на сером небе голые сучья, похожие на огромные буквы неведомого алфавита. На мокром асфальте шоссе 30, уходившего на восток, отражались красные отблески задних габаритных огней удалявшегося автомобиля.

Бен встал и осмотрелся. Мэтт продолжал спать: его дыхание было частым и поверхностным, но хотя бы ровным. Джимми тоже спал, пристроившись в единственном в палате кресле. На его щеках темнела щетина, столь непривычная в неизменно подтянутом облике доктора. Бен провел ладонью по своей щеке – она тоже была колючей.

– Пора идти, верно? – спросил Марк.

Бен кивнул и, вспомнив, чем им предстоит сегодня заняться, содрогнулся, но усилием воли прогнал эти мысли. Единственным способом исполнить задуманное было не размышлять о том, что выходило за рамки десяти предстоящих минут. Заглянув в лицо мальчику, он увидел на нем такую непреклонную решимость, что невольно ощутил тошноту. Бен подошел к Джимми и потряс его за плечо.

– А? Что? – Джимми подскочил на месте, будто пловец, вынырывающий после прыжка. От испуга его лицо исказилось, а глаза широко распахнулись. Какое-то время он смотрел на них не узнавая, но потом расслабился и с облегчением выдохнул. – Плохой сон! – объяснил он, и Марк понимающе кивнул. – Уже светло, – продолжил доктор таким тоном, каким скряга говорит о деньгах, после чего подошел к Мэтту и, взяв руку, пощупал пульс.

– Как он? – спросил Марк.

– Думаю, лучше, чем вчера ночью, – ответил Джимми. – Бен, мне кажется, нам троим надо спуститься на служебном лифте – на случай если кто-нибудь вчера видел Марка. Так надежнее.

– А мистера Берка мы оставим одного? – поинтересовался Марк.

– Думаю, да, – ответил Бен. – Придется рискнуть и положиться на его изобретательность. Мы не можем позволить себе дать Барлоу еще один день.

Они на цыпочках прошли по коридору и спустились вниз на служебном лифте. Время было четверть седьмого, и на кухне уже копошились работники. Один из поваров поднял голову и узнал Джимми.

– Привет, док! – крикнул он и помахал рукой.

Больше с ними никто не заговаривал.

– Куда сначала? – спросил Джимми. – В школу на Брок-стрит?

– Нет, – ответил Бен. – До обеда там много народу. Во сколько малыши заканчивают занятия, Марк?

– В два часа.

– То есть в самый разгар дня, так что времени у нас будет достаточно, – пояснил Бен. – Сначала надо заехать к Марку домой. За кольями.

Подъезжая к городу, они почти физически ощущали облако страха, повисшее в салоне «бьюика» Джимми, и разговор не клеился. Когда доктор свернул на шоссе 12, Бен вспомнил, как они со Сьюзен возвращались по этой дороге с их первого свидания, когда она хотела посмотреть в кино что-нибудь с автомобильными гонками.

– Дело плохо, – произнес Джимми. Его мальчишеское лицо было бледным, испуганным и злым. – Господи, кажется, что у этого есть даже запах!

Бен про себя согласился, хотя этот запах ощущался скорее подсознанием, как бывает на кладбище.

На шоссе машин почти не встречалось. По дороге им попался молоковоз Вина Пьюринтона. Двигатель машины работал на холостых оборотах. Бен проверил все внутри и, заглушив двигатель, вернулся в «бьюик». В ответ на вопросительный взгляд доктора он отрицательно покачал головой и пояснил:

– Его там нет. Бензина уже почти не осталось – двигатель работал несколько часов.

Джимми с досадой стукнул себя кулаком по коленке.

При въезде в город доктор произнес с видимой радостью:

– Смотрите! Магазин Кроссена открыт!

Он действительно был открыт, а при входе Милт прилаживал пластиковый навес над газетной стойкой. Рядом переминался с ноги на ногу Лестер Сильвиус в желтом дождевике.

– А вот остальных что-то не видно! – заметил Бен.

Милт приветственно помахал им рукой, и Бену показалось, что на лицах обоих мужчин читалась тревога. На двери похоронного бюро Формана по-прежнему висела табличка «Закрыто». Магазин скобяных товаров тоже не работал, как и универсальный магазин Спенсера, который был заперт, а в окнах не горел свет. Закусочная была открыта, и, проехав чуть дальше, Джимми остановился у нового мебельного магазина. Над витриной висела вывеска, на которой золотыми буквами было выведено: «Барлоу и Стрейкер. Стильная мебель». Джимми постучал в дверь и увидел, как и рассказывал Каллахэн, в витрине лист, на котором тем же изящным ровным почерком, что и оставленное им письмо, было написано: «Закрыто до особого объявления».

– Зачем мы тут остановились? – спросил Марк.

– На случай если он решил залечь тут, – пояснил Джимми. – Это было бы настолько глупо, что он может посчитать, что сюда мы и заглядывать не станем. И мне кажется, что на таможне иногда сотрудники пишут на ящиках мелом.

Они обошли здание. Марк и Бен подсадили Джимми, тот разбил локтем стекло в задней двери, и они сумели проникнуть внутрь.

Воздух там оказался затхлым и спертый, будто помещение не проветривалось уже очень и очень давно. Бен заглянул в демонстрационный зал, но там спрятаться было негде. Судя по крайне скудному ассортименту, Стрейкер и не собирался его пополнять.

– Сюда! – хрипло крикнул Джимми, и у Бена екнуло сердце.

Джимми и Марк стояли возле длинного ящика, крышку которого доктор приподнял гвоздодером. В образовавшуюся щель было видно бледную руку и темный рукав.

Бен, не размышляя, стал отдирать крышку, Джимми орудовал молотком у заднего конца.

– Бен, осторожно, ты поранишься...

Но тот его не слышал и отрывал доски, не обращая внимания на занозы и царапины. Они нашли его, эту скользкую ночную тварь, и он пронзит его колом, как поступил со Сьюзен, он... Бен оторвал еще одну доску и увидел мертвенно-бледное лицо Майка Райерсона.

Сначала все замерли, а потом одновременно выдохнули. По комнате будто пронесся порыв легкого ветра.

– Что будем делать? – осведомился Джимми.

– Сначала навестим дом Марка, – ответил Бен, не в силах скрыть разочарования. – Мы знаем, где он, а у нас даже нет приличного кола!

Они кое-как водрузили раскуроченную крышку на место.

– Дай мне взглянуть на твои руки, – сказал Джимми. – Они все в крови.

– Позже! – отрезал Бен. – Пошли!

Они вышли на улицу, невольно радуясь тому, что вновь оказались на свежем воздухе, и Джимми направил машину по Джойнтер-авеню к жилым домам, располагавшимся за небольшим участком из офисных зданий. У дома Марка они оказались даже раньше, чем им всем хотелось.

Старенький седан отца Каллахэна был припаркован сразу за практичным хетчбэком «форд-пинто» Генри Питри. При виде машины Марк судорожно вздохнул и отвернулся.

– Я не могу, – прошептал он, – не могу туда идти. Извините. Я подожду в машине.

– Тут не за что извиняться, Марк, – успокаивающе произнес Джимми.

Он остановил машину, заглушил двигатель и вылез. Бен, помедлив, положил Марку на плечо руку.

– С тобой все нормально?

– Конечно, – заверил тот, но это была неправда. Подбородок дрожал, а глаза наполняла ужасная боль, которую не могли облегчить хлынувшие ручьем слезы. – Прикройте их тела, ладно? Если они мертвы, прикройте их.

– Само собой, – ответил Бен.

– Если они мертвы, то так даже лучше, – сказал Марк. – Отец... из него бы вышел очень хороший вампир. И со временем он бы не уступил даже Барлоу. Ему... удавалось все, за что бы он ни брался. Может, даже слишком удавалось.

– Постарайся не думать об этом, – посоветовал Бен. Еще не закончив фразу, он уже возненавидел себя за банальность.

Марк поднял на него глаза и понуро улыбнулся.

– Поленница находится сзади. У отца в подвале есть станок. С ним будет быстрее.

– Хорошо, – сказал Бен. – Держись, Марк, держись!

Но мальчик уже отвернулся, вытирая слезы рукой.

Бен и Джимми обогнули дом сзади и вошли.

– Каллахэна здесь нет, – ровным голосом сообщил Джимми. Они осмотрели весь дом.

– Наверное, его забрал Барлоу, – выдавил Бен.

Он разглядывал обломки креста, которые подобрал с пола. Вчера этот крест висел на груди священника. Больше никаких следов его пребывания в доме они не нашли. Обломки валялись возле тел родителей Марка, которые действительно были мертвы. Их так столкнули головами, что буквально размозжили черепа. Бен вспомнил невероятную силу миссис Глик и содрогнулся.

– Пошли, – сказал он, повернувшись к Джимми. – Нужно прикрыть их тела. Я обещал.

Сняв с дивана в гостиной покрывало, они прикрыли им тела супругов Питри. Бен старался не смотреть на них и думать о чем-то другом, но у него ничего не получалось. Из-под пестрого покрывала высывалась рука – судя по ухоженным ногтям с маникюром, она принадлежала матери Марка, – и Бен, с трудом сдерживая тошноту, задвинул ее носком ботинка под край материи. Очертания тел под накидкой было невозможно ни с чем перепутать, и Бену вспомнились фотографии из Вьетнама, на которых павших в бою уносили в черных резиновых мешках, так нелепо похожих на кожаные сумки, в которых носят клюшки для гольфа.

Затем, прихватив по охапке тонких осиновых поленцев, они спустились в подвал.

Тут была вотчина Генри Питри, прекрасно иллюстрировавшая его индивидуальность. Над рабочей зоной висели три яркие лампы с широкими металлическими отражателями, освещавшие строгальный, пильный, токарный и шлифовальный станки и электрический лобзик. Бен увидел незаконченный скворечник, который Генри, судя по всему, намеревался повесить на заднем дворе будущей весной. На столе был аккуратно разложен чертеж, углы которого держали металлические грузики. Делал он все очень основательно, даже такое, казалось бы, незамысловатое изделие, которое теперь уже никогда не будет закончено. Пол был аккуратно подметен, но в воздухе висел приятный ностальгический запах опилок.

– У нас ничего не выйдет, – произнес Джимми.

– Возможно, – согласился Бен.

– Дрова! – презрительно хмыкнул Джимми и выпустил из рук поленца, которые со стуком разлетелись по полу. У доктора вырвался истерический смешок.

– Джимми...

Но новый приступ смеха доктора не дал ему договорить.

– Мы покончим с этой заразой при помощи палок, собранных на заднем дворе Генри Питри. Может, еще прихватить ножки от стульев или бейсбольные биты?

– Джимми, а что нам еще остается?

Джимми смерил его взглядом и с трудом взял себя в руки.

– Прямо охота за сокровищами! Пройти сорок шагов на север по пастбищу Чарлза Гриффена и посмотреть под большим камнем! Ха-ха! Господи! Мы можем убраться из города! Вот что!

– Ты хочешь убраться? Ты этого хочешь?

– Нет, но за один день нам точно не управиться, Бен! Чтобы выловить всех, уйдут недели, если это вообще возможно! Ты можешь себе представить, что будешь загонять кол... как со Сьюзен... сотни раз? Вытаскивать их из ящиков и вонючих нор, орущих и сопротивляющихся, а потом всаживать им в грудь кол и пронзать сердце? Ты сможешь этим заниматься столько времени и сохранить рассудок?

Бен понял, что объяснить ничего не сможет, и ответил:

– Я не знаю.

– А как насчет мальчика? Ты думаешь, он выдержит? Он просто загремит в психушку! А Мэтт умрет – можешь мне поверить на слово! А что, по-твоему, будет, когда полиция штата начнет выяснять, что, в конце концов, происходит в Салемс-Лоте? Что мы им скажем? «Извините, я сейчас – только загоню в вампира кол»? Как быть с этим, Бен?

– Откуда мне, черт возьми, знать? Разве у нас было время думать об этом?

До них вдруг дошло, что они стоят друг напротив друга и орут.

– Эй! – примирительно произнес Джимми. – Послушай...

– Извини...

– Это моя вина. Мы сейчас все на взводе... – Джимми провел рукой по волосам и растерянно огляделся по сторонам. Его взгляд упал на чертеж и неожиданно загорелся. Он подошел к столу и взял черный карандаш. – Может, это нам поможет.

– Как?

– Ты останешься здесь, Бен. И начнешь делать колья. Если уж мы взялись за это, будем действовать по науке. Ты – производственный отдел, а

мы с Марком – исследовательский. Мы обшарим весь город в поисках вампиров. И найдем их, так же как нашли Майка. Эти дома мы пометим. А завтра уже отправимся с кольями.

– А если они обнаружат метки и сменят дислокацию?

– Вряд ли. Миссис Глик не очень-то хорошо соображала. Мне кажется, их действиями руководит скорее инстинкт, а не разум. Конечно, со временем они, возможно, поумнеют и научатся прятаться лучше, но сейчас они просто расползаются по норам.

– А почему мне не пойти с вами?

– Потому что я знаю город и город знает меня – я тут родился и вырос. Сейчас оставшиеся сидят по домам, заперев все двери. Тебе они не откроют, а вот меня впустят многие. Я знаю, где можно спрятаться. Я знаю, где на болотах собираются пьяницы и куда ведут дороги, а ты нет. Ты умеешь обращаться со станком?

– Да, – ответил Бен. Джимми, конечно, был прав. Однако Бен тут же устыдился облегчения, которое испытал при мысли, что может остаться здесь, а встреча с вампирами предстоит другим.

– Хорошо! Тогда за дело! День в самом разгаре.

Бен повернулся к станку и помедлил.

– Если вы подождете минут тридцать, то сможете захватить с полдюжины кольев.

Помолчав, Джимми опустил глаза и ответил:

– Хм, я думаю, завтра... лучше завтра...

– Ладно! Тогда иди. Послушай, может, вы вернетесь часам к трем? Из школы уже все уйдут, и мы сможем там все проверить.

– Хорошо.

Джимми направился к выходу, но у лестницы что-то заставило его обернуться. Бен стоял за станком, ярко освещенный висевшими в ряд лампами.

В голове мелькнула какая-то мысль, но тут же ускользнула.

Доктор вернулся, и Бен, выключив станок, удивленно на него посмотрел.

– Что-то еще?

– Да, только не знаю, как сказать. Когда я обернулся у лестницы и посмотрел на тебя, в голове промелькнула какая-то мысль. А что именно – никак не могу вспомнить.

– Важная?

– Не знаю. – Джимми опустил глаза в пол, надеясь, что это поможет вспомнить. Это было связано с фигурой Бена, стоявшего в ярком свете,

склонившись над станком. Бесполезно! Чем больше он думал, тем труднее было вспомнить.

Джимми поднялся по ступенькам и снова обернулся. В голове крутилась какая-то мысль, но никак не удавалось ее ухватить. Он прошел через кухню и направился к машине. На улице по-прежнему моросил дождь.

Автомобиль Роя Макдугалла стоял возле дома на колесах на Бент-роуд, и сам факт его нахождения здесь в будний день являлся для Джимми очень тревожным симптомом.

Они с Марком вылезли из машины, поднялись по ступенькам, и Джимми позвонил в дверь. Звонок не работал, и тогда он принялся стучать. На стук никто не отозвался ни в трейлере Макдугаллов, ни в соседнем, стоявшем в двадцати ярдах дальше по дороге. Возле соседского дома тоже была припаркована машина.

Джимми подергал заднюю дверь, но она оказалась заперта.

– У меня на заднем сиденье лежит молоток, – сказал он Марку, и тот его принес. Разбив стекло в дверном окошке возле ручки, Джимми просунул руку и отодвинул щеколду. Они вошли.

В ноздри сразу ударил знакомый влажный запах разложения и смерти. Не столь сильный, как в подвале Марстен-Хауса, но такой же тошнотворный. Джимми припомнил, как мальчишкой во время весенних каникул они с приятелями отправились на велосипедах собирать пустые бутылки и банки, чтобы сдать их и разжиться деньгами. И в одной бутылке из-под апельсинового сока обнаружилась маленькая и уже разложившаяся полевая мышка, которую, видимо, привлек сладкий запах напитка, а выбраться она не смогла. Уловив донесшийся запах, он тут же отвернулся, и его вырвало. Вот и сейчас в трейлере пахло точно так же. Джимми почувствовал, как от отвращения к горлу подкатил комок тошноты.

– Они где-то здесь, – заметил Марк.

Они методично обошли кухню, столовую, гостиную и две спальни, везде заглядывая в шкафы. В большом гардеробе в гостиной внимание Джимми привлекла куча набросанной грязной одежды, но под ней никого не оказалось.

– Подвала тут нет?

– Нет, а вот погреб может быть.

Обойдя дом, они нашли маленькую дверцу в погреб, оборудованный в фундаменте из дешевого бетона. Дверца открывалась вовнутрь и была заперта на старый висячий замок. Сбив его несколькими ударами молотка, доктор приоткрыл дверцу, и оттуда дохнуло зловонием.

– Они здесь! – сказал Марк.

Заглянув внутрь, Джимми увидел три пары ног: так обычно укладывают после боя трупы погибших солдат. На одной паре были грубые рабочие ботинки, на другой – вязаные домашние шлепанцы, а на третьей – совсем крошечной – никакой обуви не было вообще.

Сцена из семейной жизни! Как по заказу для «Ридерз дайджест»! – почему-то подумал Джимми при виде этой картины. *А младенец?! Как мы сможем вогнать ему в сердце кол?!*

Сделав отметку на дверце, он сказал:

– Пошли проверим соседний дом.

– Погодите! Давайте одного вытащим.

– Зачем?!

– Может, солнечный свет их убивает, – пояснил Марк, – и нам не придется забивать колья.

Джимми приободрился:

– Хорошо. Кого именно?

– Только не младенца! – тут же отозвался Марк. – Мужчину. Беритесь за одну ногу.

– Ладно, – согласился доктор. Во рту у него моментально пересохло, и он с трудом сглотнул слюну.

Марк просунулся в проем, и под тяжестью его тела сухие листья на земле зашуршали. Он ухватился за одну ногу, а втиснувшийся рядом доктор – за другую. Общими усилиями они извлекли труп наружу, и он оказался на свету под продолжавшим моросить дождем.

Но того, что произошло потом, они никак не ожидали. Рой Макдугалл начал ворочаться, как потревоженный во сне человек. Кожа на лице приобрела желтоватый оттенок и, покрывшись обильной испариной, обвисла. Зрачки под закрытыми веками забегали, а ноги медленно заскребли пятками по мокрой листве. Верхняя губа задралась, обнажив клыки, похожие на те, что бывают у крупных собак вроде овчарок или колли. Руки задергались, сжимая и разжимая кулаки. Одна из них скользнула по рубашке Марка, и тот с громким криком отскочил.

Рой перевернулся и на четвереньках медленно пополз обратно к погребу, оставляя коленями и локтями борозды на влажной земле. Хриплое прерывистое дыхание, появившееся у него на свету, стихло, едва он снова

оказался в тени. Испарина тоже исчезла.

Добравшись до прежнего места, Рой перевернулся на спину и затих.

– Заприте их, – сдавленным голосом попросил Марк. – Пожалуйста, заприте.

Джимми прикрыл дверцы и навесил, как сумел, сломанный замок. Перед глазами все еще стояла фигура Макдугалла, медленно, как змея, заползавшая обратно в нору по мокрой опавшей листве. Он был уверен, что не забудет этой картины до конца жизни, сколько бы ему ни было отмерено. Пусть даже сто лет!

Они стояли под дождем, глядя друг на друга.

– Теперь соседний дом? – спросил Марк.

– Да. Макдугаллы скорее всего наведались к ним в первую очередь.

Они направились туда и уже во дворе почувствовали знакомый запах тлена. На табличке под звонком значилось «Эвансы». Джимми кивнул – тут жила семья Дэвида Эванса, работавшего механиком в автопарке концерна «Сирз» в Гейтс-Фоллс. Пару лет назад Дэвид обращался к Джимми по поводу кисты или чего-то в этом роде.

На этот раз звонок работал, но дверь тоже никто не открыл. Миссис Эванс лежала в кровати, а двое детей в одинаковых пижамах с мультяшными персонажами – на двухъярусной кровати в детской. Дэвида Эванса удалось обнаружить не сразу. Он прятался в недостроенной кладовке под небольшим гаражом.

Джимми нарисовал карандашом круг на дверях дома и гаража.

– Пока удачно! – сказал он. – Стопроцентный результат.

– А можете подождать пару минут? – робко поинтересовался Марк. – Мне бы умыться.

– Конечно! – согласился Джимми. – Я бы и сам не отказался. Эвансы наверняка возражать не будут.

Они снова вошли в дом, и Джимми, устроившись в кресле в гостиной, прикрыл веки. Вскоре послышался звук льющейся воды.

Перед глазами доктора неожиданно всплыла картина, пережитая в похоронном бюро: вот прикрытое простыней на столе тело Марджори Глик начинает дрожать, потом вылезает рука и принимается описывать в воздухе странные фигуры, и... Он открыл глаза.

В доме Эвансов было гораздо уютнее и чище, чем у Макдугаллов. Он

никогда не видел миссис Эванс, но она наверняка гордилась своим жилищем. В маленькой кладовке, которая, судя по всему, именовалась в рекламных брошюрах прачечной, были аккуратно сложены детские игрушки. Бедные дети! Как, наверное, они радовались в те солнечные деньки, что им довелось прожить! Там находился трехколесный велосипед, стояли несколько больших пластмассовых грузовиков для игры в бензоколонку, имелся даже трактор (наверняка из-за него разгорались ссоры) и детский бильярд.

Джимми уже готов был отвести взгляд, но вдруг замер на месте, осененный догадкой.

Голубой мел.

Три светильника с отражателями, висящие в линию.

Мужчины ходят вокруг стола с зеленым сукном и поднимают руки, вытирая голубой мел с кончиков пальцев...

– Марк! – закричал он, чуть не подпрыгнув в кресле. – Марк!

Тот влетел в комнату без рубашки, не зная, что и думать.

Около половины третьего навестить Мэтта зашел его бывший ученик (выпуск 64-го года, по литературе «отлично», за сочинение «удовлетворительно») и, удивившись необычной подборке литературы, поинтересовался, не собирается ли учитель получать научную степень по оккультизму. Мэтт никак не мог вспомнить, как его зовут: то ли Герберт, то ли Гарольд.

Когда в дверях палаты появился Герберт-Гарольд, Мэтт, читавший книгу «Удивительные исчезновения», невольно обрадовался посетителю. Он уже с нетерпением ждал звонка, хотя отлично понимал, что раньше трех в школу на Брок-стрит никто не отправится. Ему не терпелось узнать хоть что-нибудь о судьбе отца Каллахэна. До вечера оставалось всего несколько часов... а еще говорят, что в больнице время тянется медленно! Он чувствовал себя слабым и беспомощным стариком.

Мэтт начал рассказывать Герберту-Гарольду о городе Момсен, штат Вермонт, об истории которого только что читал. Она показалась ему особенно интересной, поскольку Салемс-Лот могла ожидать такая же участь.

– Исчезли все жители, – говорил он заскучившему Герберту-Гарольду, пытавшемуся изобразить на лице вежливый интерес. – Маленький городок

на севере Вермонта, куда можно добраться по второй федеральной автотрассе или девятнадцатому шоссе. Население, согласно переписи 1920 года, составляло триста двенадцать человек. В августе двадцать третьего одна жительница Нью-Йорка забеспокоилась, потому что не получала от сестры писем уже два месяца. Они с мужем отправились туда на машине и первыми подняли тревогу в прессе, хотя лично я сомневаюсь, чтобы жители соседних городов ничего подозрительного все это время не замечали. Исчезли не только сестра с мужем, но и вообще все жители Момсена. Дома стояли, будто ничего не произошло, а в одном из них на столе был даже накрыт ужин. В свое время это произвело настоящую сенсацию. Не думаю, что решился бы там остаться на ночь. Если верить автору книги, в соседних городках рассказывали странные истории... о привидениях, домовых и прочей нечисти. На дверях нескольких домов и амбаров были начертаны шестиугольные звезды и кресты, сохранившиеся и по сей день. Посмотри, вот фотографии магазинов и заправки в тогдашнем центре города. Как думаешь, что там произошло?

Герберт-Гарольд вежливо взглянул на фотографии. Маленький городишко всего в несколько домов и магазинов. У некоторых уже обрушились крыши, не выдержав, наверное, тяжести снега зимой. Таких городков пруд пруди! И после восьми на улицах никого народу, так что, проезжая на машине, и не определишь, есть ли там кто живой. Да, похоже, у старика явные возрастные изменения. У Герберта-Гарольда была старая тетка, которая последние два года жизни не сомневалась, что ее любимого попугая умертвила дочь и постоянно подмешивала мясо бедняжки ей в котлеты. У стариков свои причуды.

– Очень интересно, – сказал он, поднимая глаза. – Но я не думаю... Мистер Берк? Мистер Берк, что с вами? Вам... сестра! *Сестра!*

Взгляд Мэтта остановился. Одна рука сжала простыню, а другая схватилась за грудь. Лицо побелело, а на лбу забились жилки.

Слишком рано, подумал он. *Слишком рано...*

Грудь разрывала острая боль, и он чувствовал, что погружается в темноту. Джимми предупреждал, что новый приступ будет последним...

Он упал на подушки.

Герберт-Гарольд бросился из комнаты, опрокинув стул и рассыпав по полу книги. Навстречу почти бегом уже спешила медсестра.

– Там мистер Берк! – выдохнул Герберт-Гарольд.

В руках учитель все еще держал книгу, упираясь пальцем в фотографию Момсена, штат Вермонт. Медсестра коротко кивнула и вошла. Мэтт лежал на кровати, свесив голову набок.

– Он?.. – неуверенно спросил Герберт-Гарольд.
– Думаю, да, – подтвердила сестра и нажала кнопку, вызывая бригаду реанимации. – Вам лучше уйти. – Она снова обрела спокойствие и уже жалела, что не успела доесть свой обед.

– Но в Салемс-Лоте нет бильярдной, – засомневался Марк. – Ближайшая находится в Гейтс-Фоллс. Неужели он отправится так далеко?

– Нет, – возразил Джимми. – Уверен, что нет. Но кое у кого бильярдные столы есть дома!

– Да, я знаю.

– И что-то еще! – воскликнул Джимми. – Все время вертится в голове!

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Это «что-то» было как-то связано с пластиком. Но почему? Из пластика делали игрушки, разовую посуду для пикников, чехлы для лодок на зимний период...

И вдруг перед глазами возник бильярдный стол, закрытый пленкой от пыли, и послышался голос, произносивший: «Надо бы продать его, пока сукно не испортилось... Эд Крейг говорит, что его может поразить плесневый грибок... но стол принадлежал Ральфу...»

Он открыл глаза.

– Я знаю, где он прячется! – заявил он. – Я знаю, где Барлоу! Он в подвале пансиона Евы Миллер! – Теперь последние сомнения исчезли.

У Марка загорелись глаза.

– Так поехали туда скорее!

– Подожди.

Он подошел к телефону, нашел в справочнике номер Евы и набрал его. На гудки никто не отвечал. Десять гудков, одиннадцать, двенадцать. Джимми положил трубку, чувствуя, как его охватывает страх. У Евы не меньше дюжины постояльцев, многие из них – уже пожилые люди на пенсии. Всегда кто-то оказывался рядом с телефоном. До этого момента.

Джимми посмотрел на часы. Пятнадцать минут четвертого, и время неумолимо мчится вперед.

– Поехали! – сказала он.

– А как же Бен?

– Мы не можем ему позвонить, – мрачно отрезал Джимми. – У тебя дома телефон не работает. Если мы отправимся в пансион прямо сейчас, то

в случае ошибки останется еще много времени. А если Барлоу там, мы съездим за Беном и вместе прикончим эту нечисть.

– Тогда я только рубашку надену, – согласился Марк и побежал в ванную.

«Ситроен» Бена стоял возле пансиона Евы, облепленный мокрыми листьями с вязов, окружавших автостоянку. Ветер усилился, но дождь уже перестал. В сером воздухе со скрипом раскачивалась вывеска «Меблированные комнаты Евы». Вокруг дома царила какая-то неестественная и зловещая тишина, и Джимми, сопоставив факты, почувствовал, как по спине поползли мурашки. Точь-в-точь как возле Марстен-Хауса. Интересно, тут кто-нибудь совершал самоубийство? Ева наверняка знала, но вряд ли уже сможет рассказать...

– Лучше и не придумать! – громко произнес он. – Обосноваться в местном пансионе и окружить себя последователями.

– Вы уверены, что не надо позвать Бена?

– Потом. Пошли!

Они вылезли из машины и направились ко входу.

Ветер трепал их одежду и волосы. Тени вокруг стали резче и, казалось, брали их в кольцо.

– Чувствуешь запах? – спросил Джимми.

– Да. И очень сильный.

– Ты готов?

– Да, – твердо заверил Марк. – А вы?

– Надеюсь, что тоже – да! – ответил Джимми.

Они поднялись по ступенькам крыльца, и Марк повернул ручку двери. Та оказалась незапертой. В просторной и чистой кухне запах ощущался особенно сильно, будто исходил из ямы с перегнившими отбросами, но был каким-то сухим и въевшимся, как тот, что остается после пожара.

Джимми вспомнил свой разговор с Евой почти четыре года назад, когда он только начал практиковать. Она была давнишней пациенткой отца Джимми, и когда тот передал свою практику сыну, Ева явилась к нему на медицинский осмотр без всякого смущения. Они поговорили о Ральфе, которого на тот момент не было в живых уже двенадцать лет. Ева сказала, что до сих ощущает присутствие мужа, натываясь на его вещи на чердаке или в ящиках комода. Взять хотя бы бильярдный стол в подвале... Он

занимал много места, и ей давно хотелось от него избавиться, но в силу памяти о муже она никак не могла решиться дать объявление о продаже в газете или по местной радиостанции.

Они прошли через кухню к двери в подвал, и Джимми открыл ее. В нос ударил сильнейший запах. Доктор щелкнул выключателем, но свет в подвале не зажегся. Наверняка тут не обошлось без Барлоу.

– Посмотри вокруг, – попросил он Марка. – Где-то должны быть свечи или фонарь.

Марк принялся искать по ящикам и заметил, что полка для ножей над раковиной была пуста, но не придавал этому значения. Сердце билось мучительно медленно и глухо, словно обернутый в вату барабан. Марк чувствовал, что напряжение достигло апогея и долго ему не выдержать. Мозг, казалось, утратил всякую способность соображать и просто реагировал на внешние раздражители. Краем глаза он то и дело замечал какое-то движение, но стоило повернуть голову, как все исчезало. Опытные солдаты распознали бы в этом признаки начинающегося психоза, порожденного нервным истощением от боевых действий.

Он вышел в холл и принялся искать в стоявшем там комод. Наконец в третьем ящике обнаружился мощный фонарь на батарейках. Он принес его на кухню и крикнул:

– Нашел! Дж...

Послышался треск, а за ним – шум падения. Дверь в подвал была распахнута настежь.

Из темноты не переставая неслись крики.

Марк снова вошел на кухню только около пяти. Взгляд ввалившихся глаз был потерянным и пустым, рубашка перепачкана кровью.

Неожиданно он начал кричать. Крик шел из самой глубины живота и вырывался наружу через широко раскрытый рот. Он кричал, пока не охрип. От напряжения горло болело так, будто по нему прошли наждачной бумагой. Он пытался через крик выплеснуть наружу хоть немного страха, ужаса, ярости и разочарования, которые переполняли все его существо. Когда сил кричать не осталось, а в голове немного прояснилось, Марк ощутил, как в воздухе ощущается напряжение: где-то тут скрывался Барлоу, а скоро начнет темнеть!

Он вышел на крыльцо, подставил лицо ветру и сделал несколько

глубоких вдохов. Бен! Надо срочно разыскать Бена! Однако ноги будто налились свинцом и отказывались двигаться. Да и зачем? Барлоу все равно одержит верх. Пытаться его остановить было настоящим безумием. И за это безумие уже заплатили и Джимми, и Сьюзен, и священник.

Но Марк нашел в себе силы не поддаться слабости.

Нет, нет и нет!

На ватных ногах он спустился со ступенек, подошел к «бьюику» Джимми и сел за руль. Ключ торчал в замке зажигания.

Надо отыскать Бена! И попробовать еще раз!

Ноги не доставали до педалей. Марк придвинул кресло и повернул ключ зажигания. Двигатель завелся. Включив передачу, Марк нажал на педаль газа. Машина прыгнула вперед, и Марк, испугавшись, судорожно надавил на тормоз. Автомобиль резко встал, а мальчика с силой бросило на руль. Отчаянно взревел гудок.

Я же не умею водить!

Но тут в ушах зазвучал спокойный и педантичный голос отца: «Когда учишься водить машину, надо проявлять крайнюю осторожность, Марк. Езда на машине – единственный вид передвижения, который не регулируется федеральным законодательством. В результате все водители, по сути, являются любителями, причем многие из них со склонностями к суициду. Вот почему ты должен быть не просто, а необычайно осторожным. Педаль газа нужно нажимать так, будто у тебя под ногой куриное яйцо. А когда едешь на машине с автоматической коробкой передач, как у нас, то левой ногой не пользуешься вовсе. Работает одной правой и нажимаешь либо на газ, либо на тормоз только ей».

Марк убрал левую ногу с педали, и машина медленно поползла по дорожке. При повороте он наехал на бордюр и рывком остановил машину. Ветровое стекло запотело – Марк попытался протереть его рукой, но только все размазал и сделал еще хуже.

– Проклятие! – не удержался он.

Снова тронувшись с места рывком, Марк, будто пьяный водитель, развернулся по широкой дуге и, опять зацепив бордюр, поехал наконец в сторону дома. Чтобы видеть из-за руля дорогу, ему приходилось изо всех сил вытягивать шею. Правой рукой он включил радио и сделал звук погромче. По щекам лились слезы.

Бен шел по Джойнтер-авеню в сторону центра города, когда на дороге показался бежевый «бьюик» Джимми, ехавший рывками и постоянно виляя. Он махнул рукой, и автомобиль, зацепив передним левым колесом за бордюр, остановился.

Увлечшись изготовлением кольев, Бен потерял счет времени, а когда посмотрел на часы, поразился: уже десять минут пятого! Он выключил станок, сунул пару кольев за пояс и поднялся наверх позвонить. Лишь сняв трубку, он вспомнил, что телефон не работает.

Уже не на шутку встревожившись, он бросился к машинам, но ни в машине Питри, ни Каллахэна ключей в замке зажигания не было. Можно, конечно, вернуться и поискать ключи в кармане Генри Питри, но сама мысль об этом заставила его содрогнуться. И Бен отправился пешком, надеясь встретить на дороге «бьюик» Джимми. Он направлялся к школе на Брок-стрит, когда на дороге действительно показался автомобиль доктора.

Подбежав к «бьюику», он увидел, что за рулем сидит Марк Питри. Больше в машине никого не было! Мальчик смотрел на него круглыми от ужаса глазами и беззвучно шевелил губами.

– Что случилось? Где Джимми?

– Джимми погиб, – едва слышно произнес мальчик. – Барлоу снова опередил нас. Он в подвале пансиона миссис Миллер. Джимми тоже там. Я спустился помочь ему, но вылезти не мог. Потом нашел доску, по которой можно подняться, но сперва подумал, что не сумею выбраться... до темноты...

– Что случилось? О чем ты говоришь?

– Джимми догадался, откуда у Барлоу следы мела. Когда мы осматривали дома. Голубой мел. Бильярдные столы. В подвале у миссис Миллер есть бильярдный стол, который остался от мужа. Джимми позвонил туда, но трубку никто не брал и мы поехали все узнать.

Он посмотрел на Бена.

– Он попросил меня поискать фонарь, потому что выключатель в подвале был сломан. Как в Марстен-Хаусе. Я начал искать. Я... я видел, что на полке над раковиной нет ножей, но не придавал этому значения. Так что в смерти Джимми виноват я. Я и только я! Это моя вина, моя и больше ничья...

Бен встряхнул его за плечи.

– Прекрати, Марк, хватит! Довольно!

Марк зажал рукой рот, будто боялся закричать, и глядел на Бена широко открытыми глазами. Наконец он продолжил:

– Я нашел фонарь в ящике комода в холле. И тут Джимми упал и начал

кричать. Он... я бы тоже свалился, но он успел меня предупредить и крикнул: «Берегись, Марк!»

– Так что там было? – не понял Бен.

– Барлоу с помощниками разобрал ступеньки, – пояснил Марк тихим и безучастным голосом. Спилили все, начиная с третьей. А перила оставили, чтобы казалось... чтобы казалось... – Он покачал головой. – В темноте Джимми решил, что ступеньки на месте. Понимаете?

– Да, – ответил Бен, чувствуя тошноту. – А при чем здесь ножи?

– Они были внизу, – прошептал Марк. – Воткнуты в фанерные дощечки острием вверх, а ручки отломаны, чтобы дощечки лежали ровно. И лезвия... лезвия...

– Боже милостивый! – воскликнул Бен, не в силах сдержаться. Он наклонился и взял мальчика за плечи. – Ты уверен, что он мертв, Марк?

– Да. Он... он был весь истыкан лезвиями. Кровь...

Бен посмотрел на часы. Без десяти пять. И снова он почувствовал, что их загнали в угол и время уходит.

– И что будем делать? – глухо поинтересовался Марк.

– Отправимся в город. Поговорим с Мэттом по телефону, а потом свяжемся с Паркинсом Гиллесли. Нужно покончить с Барлоу до наступления темноты. Другого выхода нет.

Марк вымученно улыбнулся.

– Джимми тоже так говорил. Сказал, что мы должны прикончить эту нечисть. Но он все время нас опережает. Наверняка остановить его уже не раз пытались ребята и покруче нас.

Бен посмотрел на него сверху вниз и, собравшись с силами, решился на нечестный прием.

– Тебе страшно? – спросил он.

– Да, страшно, – признался мальчик. – А вам разве нет?

– Мне тоже страшно, и еще во мне кипит ярость. Я потерял девушку, которая мне ужасно нравилась. Наверное, я ее любил. Мы оба потеряли Джимми. Ты потерял родителей. Они лежат в гостиной, прикрытые покрывалом с дивана. – Набрав побольше воздуха, он заставил себя проявить жестокость: – Хочешь вернуться и посмотреть сам?

Марк отвернулся с перекошенным от боли лицом.

– Ты мне нужен, – уже мягче продолжил Бен, ненавидя себя за то, что вынужден произносить. Он был похож на тренера, настраивающего игрока на важный матч. – Мне наплевать, кто пытался остановить его раньше, хоть сам Аттила-завоеватель! Теперь им займусь я! И хочу, чтобы ты был рядом. Ты нужен мне!

– Ладно, – согласился Марк и, опустив глаза, сцепил на коленях пальцы.

– И чтоб без дрожи в коленях!

– Постараюсь, – пообещал Марк без особой уверенности.

Заправка Сонни в конце Джойнтер-авеню работала, и хозяин – маленький, похожий на гнома человечек с короткой стрижкой редющих волос, сквозь которые просвечивала розовая кожа, – вышел к колонке, чтобы обслужить их лично. Будучи полным тезкой знаменитого исполнителя кантри Сонни Джеймса, он в целях рекламы поместил огромную цветную афишу певца позади уложенных в пирамиду банок с машинным маслом.

– Привет, мистер Миерс. А где же ваш «ситроен»?

– Отдыхает, Сонни. А что с Питом?

Пит Кук помогал Сонни на заправке и жил в городе. Сам Сонни жил в другом месте.

– Не вышел сегодня на работу. Не важно. Народу и так почти что нет. Город как будто вымер.

Бен почувствовал, как его вдруг разобрал похожий на истерику смех, и он с трудом сдержался.

– Заправите? А я бы пока позвонил.

– Без проблем! Привет, парень. Прогуливаешь уроки?

– Меня отпустили с мистером Миерсом, – ответил Марк. – Из носа пошла кровь.

– Понятно. Мой брат тоже этим мучился. Это признак гипертонии, вот что! Надо за собой следить! – Он обошел машину и начал откручивать крышку бака.

Бен прошел внутрь к телефону-автомату, возле которого лежала кипа карт Новой Англии.

– Камберлендская больница. Какое вам нужно отделение?

– Я хотел бы поговорить с мистером Берком. Палата четыреста вторая.

На другом конце замялись, что было необычно, и Бен уже собирался спросить, не перевели ли Мэтта в другую палату, но потом голос поинтересовался:

– Извините, а с кем я разговариваю?

– Меня зовут Бенджамен Миерс. – Он вдруг испугался, что Мэтт умер.

Но этого не может быть! Это было бы уж слишком! – С ним все в порядке?

– Вы родственник?

– Нет, близкий друг. А он...

– Мистер Берк сегодня скоростно скончался в три часа семь минут пополудни. Если вы подождете у трубки, я узнаю, не пришел ли доктор Коуди. Он вам...

Голос продолжал говорить, но Бен уже ничего не слышал, хотя по-прежнему прижимал трубку к уху. Все надежды, что Мэтт поможет им советом, как довести начатое до конца, рухнули. Мэтта больше нет. Застойная сердечная недостаточность. Смерть по естественной причине. Неужели Господь решил от них отвернуться?

Остались только мы с Марком.

Сьюзен, Джимми, отец Каллахэн, Мэтт. Их больше нет.

Усилием воли подавив приступ паники, Бен положил трубку на рычаг и направился к машине. Десять минут шестого. Небо на западе просветлело.

– Ровно три доллара! – жизнерадостно сообщил Сонни. – Это машина доктора Коуди, верно? Тут на номере есть опознавательный знак врача. Я как вижу его, всегда вспоминаю фильм про банду мошенников – один из них всегда воровал машины с такими номерами, чтобы...

Бен дал ему три однодолларовые банкноты.

– Извините, Сонни, я спешу. У меня неприятности.

Лицо Сонни сочувственно вытянулось.

– Жаль это слышать, мистер Миерс. От редактора?

– Можно и так выразиться! – Бен сел за руль, захлопнул дверцу и отъехал, чувствуя на себе прощальный взгляд Сонни.

– Мэтт умер? – спросил Марк, глядя на него.

– Да. Сердечный приступ. Как ты узнал?

– По вашему лицу. Я видел, как оно изменилось.

Было 17:15.

Паркинс Гиллеспи с неизменной сигаретой в руках стоял под маленьким навесом на крыльце муниципалитета и поглядывал на небо. При виде Бена Миерса и Марка Питри он с неохотой покосился на них. Его лицо казалось старым и печальным, оно напоминало стакан воды, который подают в дешевых забегаловках.

– Как поживаете, констебль? – спросил Бен.

– Сносно, – нехотя отозвался тот, разглядывая заусенец на пальце. – Видел, как вы тут разъезжали. А в последний раз за рулем, похоже, сидел парнишка. Так и было?

– Да, – подтвердил Марк.

– Чуть не устроил аварию. Парень за рулем встречной машины чудом успел отвернуть.

– Констебль, – сказал Бен, – мы хотим рассказать, что тут происходит.

Не отрывая рук от перил, опоясывавших крыльцо, Паркинс Гиллеспы выплюнул окурок и спокойно произнес:

– Слышать ничего не желаю.

Бен и Марк изумленно уставились на него.

– Нолли сегодня не явился на службу, – продолжал Гиллеспы тем же невозмутимым тоном. – Думаю, он больше и не появится. Он звонил вчера поздно вечером и сказал, что нашел машину Гомера Маккаслена в конце старой лесовозной дороги. По-моему, он назвал ту дорогу. Больше он не перезванивал. – Гиллеспы медленно, будто в невесомости, потянулся к нагрудному карману, выудил из него сигарету и стал задумчиво вертеть ее в руках. – Чувствую, что меня все это доконает.

Бен решил предпринять новую попытку.

– Человек, купивший Марстен-Хаус, Гиллеспы. Его зовут Барлоу. Сейчас он в подвале Евы Миллер.

– В самом деле? – переспросил Паркинс, ничуть не удивившись. – Он ведь вампир, верно? Совсем как в комиксах двадцатилетней давности.

Бен промолчал. Он чувствовал себя словно человек, затерявшийся в каком-то бесконечном кошмаре, где часы неумолимо отстукивали мгновения до неизбежной и трагической развязки.

– Я уезжаю из города, – сообщил Паркинс. – Уже собрал вещи и уложил в багажник. Пистолет с жетоном оставил на полке в конторе. Так что больше я не блюститель закона. Поеду к сестре в Киттери. Надеюсь, это достаточно далеко отсюда, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Будто издалека до Бена донесся его собственный голос:

– Трусливый и бессердечный подонок! Город еще жив, а ты уже сдался и бежишь сломя голову.

– Он не жив, – возразил Паркинс, чиркнув спичкой и закуривая. – Поэтому он сюда и явился. Город умер лет двадцать назад, если не больше, и сейчас такой же мертвый, как и он. Вся страна катится в тартарары! Пару недель назад мы с Нолли ездили в кинотеатр под открытым небом в Фалмуте посмотреть вестерн. Так там за пару часов я видел больше

убийств и крови, чем за два года в Корее! А молодежь ела поп-корн и веселилась! – Гиллеспи махнул рукой в сторону города, озаренного неожиданно пробившимися с запада лучами предзакатного солнца, отчего он казался каким-то ненастоящим и похожим на декорацию. – Может, им и в самом деле нравится быть вампирами. А вот мне – нет! Как стемнеет, за мной явится Нолли. Так что я уезжаю.

Бен удрученно смотрел на него.

– А вам, ребята, лучше сесть в машину и убраться отсюда как можно быстрее, – продолжал Паркинс. – Город проживет и без нас... какое-то время. А потом уже будет не важно.

Все так, подумал Бен. Может, нам и в самом деле лучше уехать?

– Но так нельзя, мистер! Он само зло! Вот и все! – не выдержав, вмешался Марк.

– Правда? – насмешливо переспросил Паркинс и, выпустив струю дыма, посмотрел в сторону школы и кивнул. – Сегодня там плохая посещаемость. Автобусы опаздывали, дети плохо себя чувствовали, на звонки домой многие не отвечали. Мне звонил городской инспектор по образованию. Такой смешной лысый человечек, у которого всегда все разложено по полочкам. Я, как мог, его успокоил. Но учителя на месте. Они в основном приезжают из других городов. Так что вполне могут давать уроки друг другу.

Подумав о Мэтте, Бен возразил:

– Не все учителя живут не в городе.

– Это не важно, – махнул рукой Паркинс и только сейчас обратил внимание на колья у Бена за поясом. – Собираетесь с их помощью разобраться с главным?

– Да.

– Можете прихватить мой пистолет. Нолли мечтал о таком. Он обожал ходить при оружии. А в городе даже банка нет, так что на грабителей рассчитывать не приходилось. А вампир из него получится отменный, ему надо только войти во вкус.

Марк смотрел на него с возрастающим ужасом, и Бен понял, что надо его уводить как можно скорее. Хуже этого вряд ли чего можно ждать.

– Пошли, – сказал он Марку. – С ним все ясно.

– Да уж, – согласился Паркинс и снова, прищурившись, окинул город взглядом. – Как все тихо! Я видел в окне Мейбл Уэртс с ее неизменным биноклем, только ей вряд ли есть на что сейчас смотреть. А вот как стемнеет – другое дело!

Они направились к машине. Время было почти половина шестого.

Без четверти шесть они остановились у церкви Святого Андрея. Длинная тень здания падала на дом священника, будто накладывая на него заклятие. Бен забрал с заднего сиденья сумку Джимми и проверил содержимое. Ампулы с лекарствами он выкинул, а бутылочки опорожнил и сунул обратно.

– Что вы делаете?

– Наберем в них святой воды, – пояснил Бен. – Пойдем!

Они прошли по дорожке, и Марк, уже собиравшийся повернуть ручку на входной двери, остановился и принялся ее разглядывать.

– Посмотрите!

Ручка почернела и слегка деформировалась, будто в нее угодила молния.

– Тебя что-то смущает? – спросил Бен.

– Нет, но... – Марк покачал головой, прогоняя какую-то мысль, и открыл дверь.

Внутри было прохладно и царила атмосфера бесконечной торжественности ожидания, характерной для всех безлюдных храмов.

Ряды церковных скамей разделял широкий проход, и по бокам зала две гипсовые фигуры ангелов держали в руках чаши со святой водой. Их спокойные и задумчивые лица были смиренно обращены вниз, будто разглядывали свое отражение в неподвижной зеркальной глади.

Бен переложил пустые склянки в карман.

– Сполосни лицо и руки, – велел он Марку.

– Но это же свя... свя... – испугался тот.

– Святотатство? Нет, только не в данном случае! Давай!

Омыв руки в чаше, они побрызгали святой водой себе на лицо, как обычно брызгают холодной водой после сна, чтобы окончательно проснуться.

Бен достал первый пузырек и начал набирать воду, когда раздался пронзительный крик:

– Эй?! Что вы делаете?! Как можно?!

Бен обернулся. Это была Рода Кэрлесс, экономка отца Каллахэна, которая сидела в первом ряду и рассеянно перебирала четки, погрузившись в грустные размышления. Из-под черного платья торчал край нижней юбки. Волосы были растрепаны.

– Где отец Каллахэн?! Что вы себе позволяете?! – Ее голос был готов

сорваться на истерику.

– Кто вы? – спросил Бен.

– Миссис Кэрлесс. Экономка отца Каллахэна. А где он сам? Что вы делаете? – Она нервно сцепила пальцы, но те никак не хотели успокаиваться.

– Его нет, – как можно мягче ответил Бен.

– Понятно. – Она закрыла глаза. – Он боролся с тем, что обрушилось на город?

– Да, – подтвердил Бен.

– Я знала это. И спрашивать было незачем. Он был хорошим и сильным человеком. Настоящим священнослужителем. Когда он приехал сюда, пошли разговоры, что ему нипочем не заменить отца Бержерона, а он не только ни в чем ему не уступил, а даже превзошел!

Миссис Кэрлесс широко открыла глаза и обвела их взглядом. По щеке прокатилась слеза.

– Он уже не вернется?

– Я не знаю, – ответил Бен.

– Ходили разговоры, что он выпивает, – продолжала она, будто не слыша, – а разве есть на свете ирландский священник, который не притрагивается к бутылке? Он был не из тех слащавых праведников, что умеют только молиться, сюсюкать да играть в бинго. Только не он! – Ее громкий голос взлетел к сводчатому потолку и звучал почти вызывающе. – Он был настоящим священником!

Бен и Марк слушали ее молча, уже ничему не удивляясь. За день произошло столько событий, что для удивления просто не осталось места. Они уже не мнили себя ни мстителями, ни спасителями. Они просто проживали день так, как могли.

– Он проявил стойкость, когда вы видели его в последний раз? – спросила миссис Кэрлесс, заглядывая им в глаза. Слезы только подчеркивали непреклонность ее желания знать правду.

– Да, – ответил Марк, вспомнив, как Каллахэн поднял над головой крест.

– И сейчас вы продолжаете его дело?

– Да, – снова подтвердил Марк.

– Тогда торопитесь! – вдруг резко сказала миссис Кэрлесс. – Чего вы ждете?!

С этими словами она удалилась – одинокая фигура в черном платье, скорбевшая на похоронах, которых на самом деле здесь никто не устраивал.

И вот наконец они добрались до пансиона Евы – своей последней цели. Десять минут седьмого. Клонившееся к закату солнце уже касалось вершушек сосен на западе и заливало землю кровавыми лучами, пробивавшимися сквозь тучи.

Заехав на автостоянку, Бен с любопытством посмотрел на свое окно. Штора не была задернута, и он увидел пишущую машинку, охранявшую, как часовой, стопку листов с рукописью, придавленных стеклянным пресс-папье в виде глобуса. Словно ничего не произошло и мир был по-прежнему таким же, что и раньше: нормальным, упорядоченным и предсказуемым.

Взгляд Бена скользнул по заднему крыльцу. Вот те самые кресла-качалки, в которых они со Сьюзен поцеловались в первый раз. Дверь на кухню, через которую выскочил Марк, так никто и не закрыл.

– Не могу! – прошептал Марк с круглыми от ужаса глазами. – Я не могу! – Он подтянул к груди колени и, обхватив их руками, вжался в кресло.

– Мы должны пойти вместе! – напомнил Бен. В руках он держал две склянки со святой водой, при виде которых Марка всего передернуло. – Идем же!

– Нет!

– Марк?

– Нет!

– Марк, ты нужен мне. Остались только мы двое!

– Я уже сделал все, что мог! – закричал Марк. – Оставьте меня! Неужели непонятно, что это выше моих сил?

– Марк, мы должны пойти вдвоем. И ты это знаешь не хуже меня.

Марк, обмякнув, забрал склянки и прижал к груди.

– Боже милостивый! – прошептал он и, посмотрев на Бена, кивнул. Движение вышло каким-то резким и судорожным.

– Вот и отлично! А где молоток?

– Он был у Джимми.

– Понятно.

Они направились к дому, чувствуя, как поднявшийся ветер яростно бьет им в лицо резкими порывами. Лучи заходящего солнца, пробивавшиеся сквозь поредевшие облака, окрашивали небо в багряные цвета.

На кухне стоял резкий и влажный запах. Дверь в подвал была открыта.
– Мне очень страшно! – прошептал мальчик, пытаясь унять охватившую его дрожь.

– Ничего удивительного! А где фонарь?

– В подвале. Я оставил его, когда...

– Понятно.

Они стояли возле открытой двери в подвал. Как и говорил Марк, первые ступеньки, ведущие вниз, выглядели совершенно обычно и не внушали никаких опасений.

– Иди за мной, – сказал Бен.

48

Бен понимал, что идет навстречу собственной смерти, однако не боялся. Эта мысль была простой констатацией факта и не вызывала ни страха, ни сожаления. Все личные переживания заглушались ощущением безраздельно царившего здесь вселенского зла. Осторожно спускаясь по доске, приставленной Марком, чтобы выбраться из подвала, Бен сам удивлялся своему ледяному спокойствию. Даже то, что его руки в темноте светятся, будто покрытые фосфором перчатки, не вызвало у него никаких эмоций.

*Пусть сущее изгонит вечный страх сомнений,
Есть только один император – мороженого!*

Кто это сказал? Мэтт? Мэтт умер. И Сьюзен умерла. И Миранда. И Уоллес Стивенс тоже. «На вашем месте я бы не стал смотреть». Но он посмотрел. Вот как выглядит человек, когда заканчивается жизнь. Будто треснувший сосуд, из которого вытекли все хранившиеся в нем раньше разноцветные жидкости. Но по сравнению с тем, что ждало его впереди, такая смерть вовсе не казалась ужасной. У Джимми в кармане куртки был пистолет Маккаслина. Надо будет его сразу забрать, и если солнце сядет до того, как они разберутся с Барлоу... сначала мальчика, а потом себя! Не очень красивый конец, но по сравнению с тем, что им уготовит он...

Почувствовав под ногами пол, Бен выпрямился и помог спуститься Марку. Тот бросил взгляд на темную фигуру, которая лежала, скорчившись, на земле, и тут же отвернулся.

– Не могу это видеть, – хрипло произнес он.

– И не надо смотреть, – посоветовал Бен. – Все в порядке.

Марк отвернулся, и Бен, присев на корточки, осторожно перевернул тело доктора.

«На вашем месте я бы не стал смотреть».

Бен почувствовал, как к горлу подкатил комок, а дыхание перехватило. Приподняв тело Джимми за плечи левой рукой, он принялся правой вытаскивать похожие на зубы дракона лезвия, которых оказалось шесть штук. Доктор истек кровью.

На полке в углу лежала стопка аккуратно сложенных занавесок. Забрав пистолет, фонарь и молоток, Бен вытащил одну занавеску и прикрыл ею тело Джимми.

Стекло на отражателе фонаря треснуло, но сам фонарь работал. Посветив вокруг, Бен ничего не увидел. Он заглянул под бильярдный стол. Тоже пусто. Ничего не было и за печью. Полки с маринадами и вареньями, на стене панель с инструментами. Отпиленная часть ведущей в никуда лестницы стояла в углу, чтобы сверху ее не было видно.

– Да где же он? – пробормотал Бен и посмотрел на часы. 18:23. Когда садится солнце? Он не помнил. Но не позже 18:55. Значит, в их распоряжении не больше получаса. – Да где он, черт возьми? – Бен сорвался на крик. – Я чувствую, что он здесь!

– Вон там, – отозвался Марк, показывая светящейся рукой. – Что это?

Бен направил туда луч фонаря. Валлийский комод.

– Слишком мал по размерам, – сказал он Марку, – и к тому же придвинут к стене.

– А если отодвинуть и посмотреть, что за ним?

Бен пожал плечами. Они подошли к комоду и ухватились за него с обеих сторон. Бен почувствовал, как в висках застучала кровь. Казалось, что и запах, и сама гнетущая атмосфера здесь были гораздо сильнее.

Свет в дверном проеме на кухню начинал меркнуть, а тени – сгущаться.

– Слишком тяжел для меня, – пожаловался Марк.

– Попробуем его опрокинуть, – предложил Бен. – Ухватись покрепче!

Марк нагнулся и уперся плечом. Глаза на бледном лице лихорадочно горели.

– Взялись!

Совместными усилиями им это удалось – комод с грохотом опрокинулся. Послышался звон посуды – это разбился хранившийся внутри сервиз, подаренный Еве Миллер на свадьбу бог знает сколько лет

назад.

– Я так и думал! – торжествующе воскликнул Марк, указывая на маленькую дверцу с новеньким навесным замком, которую раньше закрывал комод.

Пара ударов молотком по замку сразу дала понять, что сбить его не удастся.

– Господи Боже! – пробормотал Бен, не в силах скрыть разочарования. Неужели все их усилия окажутся напрасными из-за несчастного замка ценой в пять долларов?

Нет уж! Если потребуется, он готов зубами разгрызть эту чертову дверцу! Посветив вокруг, Бен задержал луч фонаря на щите с инструментами: на двух стальных крючках там висел топор с резиновым чехлом на лезвии.

Подбежав к щиту, он схватил топор и снял чехол, а потом вытащил из кармана одну склянку со святой водой и разбил ее об пол. Разлившаяся вода засветилась. После этого Бен смочил водой из другой склянки лезвие топора, и оно тоже стало излучать необыкновенный волшебный свет. Ухватившись за деревянное топорное, Бен почувствовал, как оно плотно легло в руку, наполняя ее удивительной силой. Повинуясь необъяснимому внутреннему порыву, он дотронулся инструментом до лба и тут же ощутил поразительную уверенность и веру в *правоту* своего дела. Впервые за последние недели он избавился от нерешительности и почувствовал внутреннюю готовность дать бой столь опасному противнику из потустороннего мира.

Руки гудели от обретенной силы, будто провода под высоким напряжением.

Лезвие засияло ярче.

– Ну же! – умоляюще крикнул Марк. – Быстрее!

Бен Миерс расставил ноги, взмахнул топором и молниеносным движением обрушил его на деревянную дверь. В воздухе мелькнула яркая дуга, и лезвие почти полностью вошло в дерево. Во все стороны брызнули щепки.

Бен вытащил топор из жалобно заскрипевшей древесины и нанес новый удар. А потом еще и еще! Он чувствовал, как напрягаются мышцы, и действовал с доселе неведомыми ему самому сноровкой и уверенностью. После каждого удара щепки разлетались, будто шрапнель. Пятым ударом он прорубил дверь насквозь и принялся расширять сделанное отверстие, не останавливаясь ни на секунду.

Марк зачарованно не сводил с него глаз. Холодный голубой свет,

исходивший от рук Бена и топорща, стал походить на столб огня, в котором Бен продолжал неустанно трудиться. На шее вздулись жилы, один глаз прикрыт, а второй широко открыт и сверкает. Рубашка на спине лопнула, и было видно, как под кожей перекачиваются похожие на веревки мышцы. Бен превратился в одержимого, и Марк понимал, что эта одержимость вовсе не христианская: добро вернулось к своим изначальным истокам и лишилось всей мишуры цивилизации. Оно походило на самородки, которые вдруг извергаются из самых глубин земных недр. И в этом не было какой-то завершенности. Это было проявлением Силы. Той самой Силы, что приводит в движение весь механизм мироздания.

Дверь в погребок Евы Миллер больше не могла противостоять этому бурному натиску. Удары посыпались с такой скоростью, что над головой Бена образовалась светящаяся дуга, упиравшаяся в разлетающуюся на щепки дверь.

Нанеся последний удар, Бен отбросил топор и поднес пылающие ладони к глазам. Они светились.

Он протянул руки к Марку, и тот невольно зажмурился.

– Я люблю тебя, – произнес Бен.

Они взяли за руки.

Погребок оказался маленьким, похожим на тюремную камеру помещением, в котором валялись пустые бутылки, имелась покрытая пылью корзина с полусгнившим картофелем и лежали тела. В дальнем углу, почти вплотную к стене, стоял гроб Барлоу, напоминавший саркофаг, в который укладывают мумию. В изголовье плясали огоньки, похожие на огни святого Эльма^[27].

Перед гробом, как шпалы на рельсах, были уложены тела людей, с которыми Бен жил под одной крышей: Ева Миллер и рядом Проньера Крейг; Мейб Малликэн из комнаты в конце коридора на втором этаже; Джон Сноу, едва передвигавшийся из-за артрита и с трудом спускавшийся на завтрак; Винни Апшо; Гровер Веррилл.

Перешагнув через тела, они добрались до гроба. Бен посмотрел на часы – 18:40.

– Мы должны перетащить его поближе к Джимми, – сказал Бен.

– Да он, наверное, весит целую тонну! – засомневался Марк.

– У нас получится, – заверил Бен и осторожно попробовал приподнять

гроб за правый верхний угол. Свечение у изголовья продолжало мерцать. На ощупь дерево гроба было неприятным и гладким, как шлифованный камень. Казалось, на такой гладкой поверхности пальцам просто не за что зацепиться, однако, к удивлению Бена, гроб покачнулся. Он чуть подтолкнул его вперед, и внутри что-то шевельнулось. Бен легко приподнял свой край одной рукой, будто тяжесть гроба уравнивалась какой-то неведомой силой.

– Теперь попробуй ты, – сказал он Марку.

Тот с такой же легкостью приподнял свой край и изумленно воскликнул:

– Да я бы его одним пальцем мог поднять!

– Не исключено. Наконец-то повезло и нам. Однако надо торопиться!

Они протащили гроб сквозь пробитое топором в дверце отверстие, и в какой-то момент он там чуть не застрял. Однако Бену удалось немного повернуть гроб, и тот, со скрежетом протиснувшись, оказался наконец в основном помещении подвала.

Они отнесли его к выходу и накрыли одной из занавесок Евы Миллер.

– Он внутри, Марк, – сказал Бен. – Этот ублюдок у нас в руках! Пора с ним покончить!

Часы показывали 18:45. Свет, лившийся из дверного проема кухни, уже стал серым.

Переглянувшись, они оба посмотрели на гроб.

– Сейчас? – спросил Марк.

– Да!

Марк обошел гроб и встал рядом с Беном с той стороны, где на крышке были замки. Они дружно наклонились, и при первом же прикосновении защелки на замках сами стали отстегиваться со звонким звуком.

Они подняли крышку.

Внутри лежал Барлоу, устремив перед собой невидящий взгляд.

Теперь это был молодой человек с черными пышными волосами, разметавшимися на атласной подушке. Здоровая кожа светилась ярким румянцем, а на полной нижней губе покоились клыки – белые, с небольшим желтым отливом цвета слоновой кости.

– Он... – начал Марк, но договорить не успел.

Красные глаза Барлоу вдруг закатились, а потом неожиданно ожили и с насмешливым торжеством впились в Марка. Тот замер, не в силах отвести взгляд.

– Не смотри на него! – крикнул Бен, но было уже поздно.

Бен оттолкнул мальчика, но тот, взыв, набросился на него. Не ожидавший нападения Бен подался назад, и в следующее мгновение почувствовал, как Марк уже нащупал у него в кармане рукоятку пистолета Маккаслина.

– Марк! Не...

Но мальчик его не слышал. По отрешенному лицу было видно, что его сознание полностью подавлено, а действиями руководит Барлоу. Из рта вырывался жалобный вой, как у загнанного в угол зверька. Обеими руками он сжимал пистолет. Бен схватился за дуло, пытаясь отвести его в сторону.

– Марк! – взывал он. – Очнись! Бога ради...

Дуло качнулось, и прогремел выстрел. Пуля чиркнула по виску Бена. Схватив Марка за руки, он ударил его ногой. Тот отлетел назад и выронил пистолет, который с грохотом упал между ними. Мальчик рванулся за ним, и Бен со всей силы нанес ему удар в лицо. Увидев, как губы мальчика окрасились кровью, он закричал, будто ударили его самого. Марк опустился на колени, и Бен ногой отбросил пистолет. Видя, что парнишка хоть и ползком, но все равно пытается завладеть оружием, Бен снова его ударил.

Тот охнул и потерял сознание. Теперь Бен не чувствовал былой силы, а вместе с ней ушла и уверенность. Он снова стал просто Беном Миерсом, и ему снова было страшно. Свет в дверном проеме едва брезжил – 18:51. Бен чувствовал, как в голову заползает неведомая сила, заставляя направить взгляд на лежавшего в гробу розовощекого вурдалака.

Повернись и посмотри на меня, жалкий человечиска. Посмотри на Барлоу, который прожил больше столетий, чем ты провел часов у камина с книгой в руках. Посмотри на великое ночное создание, которое ты собираешься убить своей никчемной палкой. Посмотри на меня, ничтожный писака! Я писал людские судьбы, и моими чернилами была кровь. Посмотри на меня и ужаснись!

Джимми, я не могу этого сделать. Слишком поздно, и мне с ним не справиться...

ПОСМОТРИ НА МЕНЯ!

18:53.

На полу застонал Марк:

– Мам? Мам, где ты? У меня болит голова... и кругом темно...

Он примкнет к моей церкви невчим-castratum...

Бен вытащил из-за пояса один из кольев и выронил его. По щекам струились слезы отчаяния. Солнце уже покинуло обезлюдивший Джерусалемс-Лот, и последние его лучи трепетали на верхушке крыши

Марстен-Хауса.

Он подобрал кол. Но где же молоток? *Куда, черт возьми, делся молоток?*

Он на полу у дверцы в погреб. Бен пытался им сбить замок.

Он бросился к погребу и схватил молоток.

Марк сидел на полу с разбитым ртом. Он провел рукой по губам и тупо разглядывал перепачканную кровью ладонь.

– Мама! – жалобно воскликнул он. – Где моя мама?

18:55. Солнце уже ушло, но тьма еще не опустилась. Бен рванулся обратно, зажав в левой руке кол, а в правой – молоток.

По подвалу прокатился торжествующий смех. Барлоу уже сидел в гробу, и его красные глаза светились триумфом. Поймав взгляд Бена, он уже не отпускал его, и Бен чувствовал, что его покидают последние силы.

С отчаянным криком он бросился на вампира и с размаху всадил ему кол в грудь. Острие пронзило рубашку и впилось в плоть.

Барлоу испустил дикий вопль, похожий на визг раненого зверя, и от удара опрокинулся назад в гроб. Руки взметнулись вверх, судорожно сжимая и разжимая кулаки.

Бен нанес удар молотком по концу кола, и Барлоу, испустив новый крик, ухватился за руку Бена, сжимавшую кол.

Бен забрался в гроб и, упираясь коленями в вампира, заглянул ему в перекошенное ненавистью и болью лицо.

– ПУСТИ-И-И... – взмолился Барлоу.

Бен снова нанес удар молотком. Кровь брызнула из раны холодным фонтаном, на мгновение ослепив Бена. Голова Барлоу металась по атласной подушке.

– *Отпусти меня! Ты не смеешь, не смеешь...*

Бен продолжал заколачивать кол все глубже и глубже. Из носа Барлоу хлынула кровь. Тело билось в гробу, словно рыба, пронзенная гарпуном. Скрюченными пальцами он расцарапывал Бену лицо, оставляя длинные кровавые полосы.

– ПУСТИ-И-И-И-И...

Бен снова с силой опустил молоток, и кровь, хлеставшая из раны на груди вампира, стала черной. А потом вдруг тот затих и стал на глазах разлагаться. Сам процесс занял не больше пары секунд, но потом долгие годы Бен и сам не мог понять, как у него в памяти могли отложиться мельчайшие подробности, будто он это видел много раз, причем в замедленной съемке. Эта картина будет снова и снова преследовать его в кошмарных снах.

Кожа Барлоу пожелтела и потрескалась, словно старая изношенная парусина. Глаза потухли, покрылись белой пленкой и ввалились. Волосы, мгновенно поседев, выпали. Рот широко раскрылся, а губы растягивались и растягивались, пока на их месте не остались только ощерившиеся в оскале зубы. Ногти почернели и отвалились, а на месте пальцев остались костяшки, унизанные перстнями и звеневшие, как кастаньеты. Из рубашки поднялось облако пыли, а лысая и испещренная морщинами голова превратилась в череп. Брюки уже не облегали ног, и казалось, в черный шелк обернуты палки. Это жуткое пугало вдруг зашевелилось, и Бен со сдавленным криком выпрыгнул из гроба. Но отвести взгляд от последних метаморфоз, происходивших с Барлоу, было выше его сил: это зрелище завораживало. Голый череп метался по подушке из стороны в сторону, а челюсти раздвинулись в беззвучном крике. Руки скелета клацали костяшками и судорожно дергались.

В нос ударил и тут же исчез зловонный запах гниения, пыли и тлена. Кости рук, только что выписывавшие непонятные пируэты, рассыпались в прах. Носовая полость начала расширяться, пока не слилась с полостью рта. Пустые глазницы, взиравшие с удивлением и ужасом, тоже слились воедино и исчезли, а за ними пропал и сам череп. Одежда, под которой уже ничего не было, потеряла форму и стала похожа на обычную кучу приготовленного для стирки белья.

Но и это было еще не все. Зло по-прежнему цеплялось за жизнь, и его присутствие ощущалось даже в тех микроскопических пылинках, что вились над гробом. Бен вдруг почувствовал, как мимо него, будто резкий порыв ветра, промчалось нечто жуткое, от чего по коже поползли мурашки. И тут же все окна в пансионе Евы Миллер с грохотом вылетели наружу.

– Берегись, Бен! – раздался крик Марка. – Берегись!

Бен обернулся и увидел, как из погребов вылезают Ева, Проньра, Мейб, Гровер и все остальные. Теперь наступило их время.

Отчаянные крики Марка продолжали звенеть у Бена в ушах, и он схватил мальчика за плечи.

– *Святая вода!* – крикнул он перепуганному до смерти Марку. – *Они не смогут нас тронуть!*

Крики Марка сменились плачем.

– Быстро вверх! Ну же! – Бен повернул мальчика лицом к доске и легким шлепком подтолкнул к ней. Убедившись, что тот начал карабкаться вверх, Бен обернулся и обвел взглядом восставших из мертвых.

Они стояли группой и смотрели на него с ненавистью, в которой не было ничего человеческого.

– Ты убил Господина, – произнесла Ева, и в ее голосе ему послышалась скорбь. – Как ты мог убить Господина?

– Я вернусь, – пообещал Бен. – Вернусь за всеми вами.

Он полез по доске, которая под его тяжестью со скрипом прогнулась, но все-таки выдержала. Наверху он обернулся назад. Там все обступили гроб и молча глядели на него. Эта сцена невольно напомнила Бену тот злосчастный вечер, когда погибла Миранда. Тогда зеваки точно так же обступили ее тело и молча смотрели.

Он обернулся, ища глазами Марка, и увидел, что тот лежит у крыльца лицом вниз.

Бен успокаивал себя тем, что мальчик, наверное, просто лишился чувств от перенесенного потрясения. Его пульс был ритмичным и ровным. Он взял Марка на руки и отнес в машину. Потом сел за руль и завел двигатель. Только на Рейлроуд-стрит до него вдруг дошло, через какие испытания им суждено было пройти, и он с трудом сдержал крик. По улицам бродили ожившие мертвецы. Чувствуя, как голова раскалывается от нахлынувших воспоминаний, он повернул налево, на Джойнтер-авеню, и погнал машину подальше от Салемс-Лота.

Глава пятнадцатая

Бен и Марк

1

Когда Марк очнулся, ровный гул двигателя «ситроена» звучал успокаивающе и не навевал никаких воспоминаний. Однако, бросив взгляд в окно и увидев, что уже стемнело, он испугался. Деревья по бокам дороги превратились в темные тени, а обгонявшие их и встречные машины уже ехали с включенными габаритными огнями и фарами. Издав сдавленный стон, мальчик вцепился в крестик на шее.

– Все в порядке, – произнес Бен. – Мы уехали из города. Он остался в двадцати милях позади нас.

Марк молча потянулся через Бена к дверце с его стороны и нажал кнопку, запирая ее. От неожиданности Бен вильнул рулем, отчего машина едва не угодила в кювет. Так же молча Марк запер дверь со своей стороны и свернулся в клубок на сиденье, мечтая снова впасть в небытие и избавиться от мучительных воспоминаний.

Мерный рокот мотора усыплял... Ммммммммммм. Так спокойно... Он закрыл глаза.

– Марк?

Лучше не отвечать.

– Марк, ты в порядке?

Ммммммммммм.

– Марк!

Хорошо, что они уехали. Так безопаснее. И он снова погрузился в спасительное небытие, где не было места воспоминаниям.

2

Бен снял номер в мотеле на самой границе штата Нью-Хэмпшир, нацарапав в книге регистрации «Бен Коуди с сыном». Марк вошел в номер, выставив вперед руку с зажатым в ней крестиком и испуганно озираясь по сторонам, как загнанный в угол зверек. Дожидаясь, пока Бен запрет дверь и повесит на ручку снятый с шеи крестик, он продолжал держать на

вытянутой руке свой. В номере имелся цветной телевизор, и Бен посмотрел новости. Две африканские страны развязали войну. Президент простудился, но врачи уверяли, что ничего страшного нет. В Лос-Анджелесе какой-то умалишенный застрелил четырнадцать человек. Прогноз погоды обещал дождь со снегом в северной части Мэна.

Салемс-Лот погрузился в мрачный сон, и вампиры бродили по проселочным дорогам как призраки. Некоторые из них, вернувшись из царства мертвых, даже проявили изобретательность. Лоренс Крокетт позвонил Ройалу Сноу и пригласил сыграть партию в криббидж. Когда Ройал подъехал на машине и подошел к двери, Лоренс с женой напали на него.

Глинис Мэйберри позвонила Мейбл Уэртс, сказала, что ей страшно, и попросилась к ней скоротать вечер вместе, пока муж не вернется из Уотервилла. Та с радостью согласилась, а когда через десять минут открыла дверь, то увидела на пороге абсолютно голую Глинис с сумочкой в руке и огромными хищными клыками под растянутой в улыбке верхней губой. Мейбл успела вскрикнуть только один раз.

Когда в девятом часу Делберт Марки, так и не дождавшись посетителей, закрыл свое заведение и вышел на улицу, из темноты показались Карл Форман и ухмыляющийся Гомер Маккаслин и сказали, что желают выпить.

Милта Кроссена навестили его давнишние приятели и постоянные покупатели.

А Джордж Миддлер навестил нескольких старшеклассников, которые изредка навевались к нему в магазин за покупками и всегда поглядывали на него с нескрываемым презрением, и наконец-то воплотил в жизнь свои самые темные фантазии.

По шоссе 12 через город по-прежнему проезжали машины, и сидевшие в них люди замечали только большой рекламный щит страховой компании и знак, ограничивающий скорость до тридцати пяти миль в час. Выехав за пределы Салемс-Лота, они увеличивали скорость до шестидесяти и больше о нем не вспоминали, разве что успевали подумать, какая же тут глухомань.

Город хранил свои секреты, и Марстен-Хаус по-прежнему нависал над ним, словно продолжая зорко стеречь свои владения.

На рассвете следующего дня Бен оставил Марка в мотеле и отправился в Салемс-Лот. По дороге он остановился в Вестбруке и купил кирку и лопату.

Небо над Салемс-Лотом заволокли тяжелые облака, однако дождь еще не начался. На улицах встретилось несколько машин. Магазин Спенсера был открыт, а вот кафе «Экселлент» заперто: зеленые занавески задвинуты, в окнах не вывешено меню, а выставленный на улице маленький щит с рекламой блюда дня вытерт начисто.

При виде пустынных улиц у Бена по коже поползли мурашки, и ему вспомнилась обложка старого рок-н-рольного альбома, где на черном фоне под надписью «Они выходят только ночью» был изображен трансвестит с залитым кровью лицом.

Сначала Бен отправился в пансион, поднялся на второй этаж и вошел в свою комнату. Тут все было так, как он оставил: постель не убрана, на столе вскрытая упаковка леденцов.

Вытащив на середину комнаты мусорную корзину, Бен отправил в нее рукопись, а потом, скомкав титульную страницу, поджег ее и бросил поверх машинописных листов. Языки пламени сначала лизнули рукопись, словно пробуя на вкус, а потом жадно набросились на нее. Листы обугливались по углам, сворачивались и чернели. Из корзины потянулся беловатый дымок, и Бен, перегнувшись через стол, открыл окно.

Под руку ему попало пресс-папье – стеклянный шар, с которым он не расставался с тех пор, как в далеком детстве ночью прихватил его в виде сувенира из Марстен-Хауса. Стоило потрясти шар – и внутри, взметнувшись вихрем, начинали медленно опадать снежинки.

Бен поднес шар к глазам, и повторилась картина, которая так часто представлялась ему в детстве. Сквозь метель начал проступать маленький пряничный домик, к которому вела тропинка. Крошечные ставни на окошках были закрыты, но для мальчишки с богатым воображением (как, например, у Марка Питри сейчас) ничего не стоило «разглядеть», как в одном окошке ставни распахиваются и в нем появляется мертвенно-бледное лицо с длинными зубами. Оно начинает звать к себе – в бесконечный мир фантазии и искусственного снега, где время не имеет значения, потому что его просто не существует. Вот и сейчас на него с голодной жадностью смотрело бледное лицо, которому никогда больше не суждено увидеть ни солнечного света, ни голубого неба.

И это лицо принадлежало ему.

Бен с силой отшвырнул пресс-папье. Оно ударилось о стену и разбилось.

Бен вышел, не обернувшись посмотреть, что было внутри шара.

5

Он спустился в подвал забрать тело Джимми, и эта миссия оказалась самой трудной. Гроб стоял на том же самом месте, что и предыдущей ночью, и поначалу показался совершенно пустым. Однако, приглядевшись, Бен заметил кол и еще нечто, при виде чего его затошнило. Это были зубы – от Барлоу не осталось ничего, кроме зубов. Даже пыли. Бен нагнулся и собрал их, не в силах отделаться от ощущения, что держит в ладони целую пригоршню крошечных белых зверьков, которые так и норовят сбиться в стаю и укусить.

Он размахнулся и с отвращением зашвырнул их подальше.

– Господи! – прошептал он, вытирая руку о рубашку. – Господь всемогущий, пусть это будет конец! Пусть он больше никогда не вернется!

6

Ему все-таки удалось вытащить из подвала обернутое в занавеску тело Джимми. Он засунул его в багажник «бьюика», положил на заднее сиденье рядом с сумкой доктора лопату и кирку и отправился в дом Питри. На окруженной деревьями поляне между домом и журчавшим неподалеку ручьем он выкопал широкую могилу глубиной в четыре фута и положил туда тела Джимми и родителей Марка, избегнувших участи вампиров. На это у него ушло несколько часов.

В половине третьего, видя, что солнце уже начало клониться к горизонту, Бен принялся торопливо засыпать могилу. Он понимал, что испарина, выступившая на лице, была вызвана не только физической нагрузкой.

К четырем часам работа была закончена. Обложив могильный холм дерном, Бен сунул перепачканные землей лопату и кирку в багажник машины и отправился в сторону кафе «Экселлент», возле которого остановился и вылез, оставив ключ в замке зажигания.

Он окинул взглядом безлюдные офисные здания, уныло взиравшие на

улицу. Дождь, начавшийся после обеда, ронял мягкие и мелкие капли, словно выражая свою скорбь и печаль. Парк, где он познакомился со Сьюзен Нортон, стоял пустым и заброшенным. Окна в здании муниципалитета были задернуты шторами. На двери офиса Ларри Крокетта одиноко висела табличка «Прошу подождать. Скоро вернусь». Тишину нарушал только тихий шорох дождя.

Бен направился по Рейлроуд-стрит, слыша, как гулко отдаются шаги по пустынной улице. Добравшись до пансиона Евы, он подошел к своей машине и бросил последний взгляд на город. В нем не было никакого движения. Город умер. Он это понял сразу и окончательно, совсем как тогда – после аварии на мотоцикле. При виде валявшейся в стороне туфли он осознал, что Миранды больше нет. Не в силах сдержаться, Бен заплакал.

Слезы продолжали течь у него по щекам, когда он проезжал мимо рекламного щита с надписью: «Вы покидаете чудесный маленький городок Джерусалемс-Лот. Приезжайте еще!» Он свернул к шоссе, и на холме сбоку сквозь деревья проглянули очертания Марстен-Хауса.

Бен ехал на юг, туда, где его ждали Марк и продолжение жизни.

Эпилог

*Среди покинутых жилищ,
На продуваемом ветрами мысе,
Пред горным кряжем, что тебя скрывает,
Кому дано постичь желание забвенья?
Кто примет жертву нашу в пору увяданья?*

Георгос Сеферис

*Теперь глаза ее не видят.
А змеи, что водились в доме,
Теперь обглаживают руки ей.*

Георгос Сеферис

1

Из подборки газетных вырезок Бена Миерса (все вырезки из портлендской «Пресс геральд»).

19 ноября 1975 года (с. 27)

Джерусалемс-Лот. Портлендская семья Чарлза В. Притчетта, которая месяц назад поселилась в городке Джерусалемс-Лот Камберлендского округа, где купила ферму, неожиданно решила оттуда выехать. По словам Чарлза и Аманды Притчетт, их беспокоят очень странные звуки, которые раздаются по ночам и лишают покоя. Ферма располагается на Школьном холме и является местной достопримечательностью. Ее прежний хозяин Чарлз Гриффен – сын владельца компании «Саншайн дайари», которую в 1962 году поглотила корпорация «Слюфут дайари». При посредничестве портлендского риелтора ферма была приобретена за цену, которую Притчетт назвал «необычайно привлекательной». Наши попытки получить комментарии у Чарлза Гриффена не увенчались успехом, поскольку разыскать его не удалось. Все началось с того, что Аманда Притчетт

пожаловалась мужу на «странные звуки», которые доносились из стога сена...

Январь 1976 года (с. 1)

Джерусалемс-Лот. Прошлой ночью или под утро в маленьком городке Джерусалемс-Лот на юге штата Мэн произошла удивительная авария. Изучив следы на асфальте, полиция пришла к выводу, что седан последней модели превысил скорость и врезался в столб линии электропередачи. Машина разбилась вдребезги, но самих пассажиров обнаружить не удалось, хотя на сиденьях и ветровом стекле имелись следы крови. Машина зарегистрирована на имя некоего мистера Гордона Филипса, проживающего в Скарборо. По словам его соседа, Филипс с семьей направлялся навестить родственников в Ярмуте. Полиция полагает, что глава семьи, его жена и двое детей, будучи в состоянии шока, отправились за помощью пешком и заблудились. План поисков...

14 февраля 1976 года (с. 4)

Камберленд. Миссис Гертруда Хэрси сообщила шерифу округа об исчезновении своей тетки миссис Фионы Коггинс, которая проживала одна в собственном доме на Смит-роуд в западной части Камберленда. По словам миссис Хэрси, ее тетка была затворницей и страдала плохим здоровьем. Полиция начала расследование, но на данный момент не располагает сведениями о ее возможном местонахождении...

27 февраля 1976 года (с. 6)

Фалмут. Сегодня рано утром Фрэнк Виккери обнаружил в амбаре мертвым своего тестя Джона Фаррингтона – пожилого фермера, всю жизнь прожившего в Фалмуте. По словам Виккери, Фаррингтон лежал лицом вниз, зажав в одной руке вилы. Окружной судмедэксперт Дэвид Райс заявил, что смерть, очевидно, наступила в результате большой потери крови или внутреннего кровоизлияния...

20 мая 1976 года (с. 17)

Портленд. Служба охраны диких животных штата Мэн поставила в известность егерей Камберлендского округа о возможном появлении агрессивной стаи бродячих псов в районе Джерусалемс-Лот – Камберленд – Фалмут. В последний месяц там были найдены трупы нескольких овец со вспоротыми животами и перегрызенным горлом. В некоторых случаях овцы были буквально выпотрошены. По словам заместителя начальника

службы Аптона Прюитта, подобные случаи особенно участились в южной части Мэна...

29 мая 1976 года (с. 1)

Джерусалемс-Лот. Полиция подозревает, что исчезновение семьи Дэниела Холлоуэя, которая недавно поселилась в доме на Тэггарт-Стрим-роуд этого маленького городка Камберлендского округа, имеет криминальный характер. Об исчезновении заявил дед Дэниела Холлоуэя, на звонки которого никто в доме не отвечал уже несколько дней. Чета Холлоуэй с двумя детьми, поселившись на Тэггарт-Стрим-роуд в апреле, постоянно жаловалась на «странные звуки», которые слышались по ночам. За последнее время в Джерусалемс-Лоте зафиксировано несколько случаев загадочного исчезновения людей, и многие семьи...

4 июня 1976 года (с. 2)

Камберленд. Сегодня утром в приемный покой Камберлендской больницы доставлена с сердечным приступом миссис Илэйн Трмонт – вдова, проживающая на Бэк-Стейдж-роуд в западной части этого маленького городка. Она рассказала нашему корреспонденту, что смотрела в спальне телевизор, когда вдруг услышала, как в окно кто-то скребется. Выглянув, она увидела за стеклом лицо.

«Оно скалило зубы и было просто ужасно. Никогда в жизни я не испытывала такого страха, – сообщила миссис Трмонт. – С тех пор как всего в миле отсюда погибли мои родные, я постоянно боюсь».

Миссис Трмонт имела в виду семью Дэниела Холлоуэя, которая исчезла из своего дома в Джерусалемс-Лоте в начале прошлой недели. Полиция выясняет наличие связи между этими двумя происшествиями, однако...

Высокий мужчина и мальчик приехали в Портленд в середине сентября и прожили в мотеле три недели. После жаркого и сухого климата в Лос-Сапатосе большая влажность им обоим действовала на нервы. Они много любовались небом и плавали в бассейне мотеля. Мужчина каждый день покупал портлендскую «Пресс геральд», и теперь газеты выглядели свежими и не имели желтых отметин времени или собачьей мочи. Мужчина читал прогноз погоды и выискивал все заметки, где говорилось о

Джерусалемс-Лоте. На девятый день в Фалмуте исчез человек, а его собаку нашли во дворе мертвой. Полиция начала расследование.

6 октября мужчина встал рано и вышел на площадку перед входом. Почти все туристы, потратив отпускные и оставив после себя кучи мусора, вернулись в Нью-Йорк, Нью-Джерси, Флориду, Онтарио, Новую Шотландию, Пенсильванию и Калифорнию, предоставив местным жителям возможность спокойно наслаждаться самым чудесным в этом штате временем года.

В то утро в воздухе ощущалась какая-то перемена. С шоссе уже не так тянуло запахом бензина, на горизонте не дрожало марево, а в низине напротив не стелился туман, окутывая столбы рекламного щита. Утреннее небо было очень чистым, а воздух прохладным. «Бабье лето», похоже, закончилось.

Из мотеля вышел мальчик и встал рядом.

– Пора! – сказал мужчина.

3

Они добрались до поворота на Джерусалемс-Лот около полудня, и Бен с болью припомнил тот день, когда явился сюда изгнать мучивших его с детства демонов, ничуть не сомневаясь в успехе. Тот день был теплее нынешнего, дул слабый ветерок, и «бабье лето» только начиналось. Бену вспомнились два мальчика с удочками. Сегодня голубизна неба отливала сталью и холодом.

По радио объявили повышенную пожароопасность: в южной части штата дождей практически не было почти целый месяц. Диджей на радиостанции попросил водителей не выбрасывать окурки в окно и тушить их в пепельнице в салоне машины, после чего поставил песню о влюбленном, который собирался доказать свое чувство прыжком с водонапорной башни.

Они поехали по шоссе 12, миновали рекламный щит страховой компании и оказались на Джойнтер-авеню. Бен обратил внимание, что мигающий желтым светофор не работает. Теперь предупреждающий световой сигнал был никому не нужен.

Въехав в город, Бен повел машину очень медленно, чувствуя, как его обволакивает липкий страх, будто он надел старую тесную куртку, в которой не может пошевелиться. Марк, застыв, сидел рядом, держа в руках склянку со святой водой, полученной в качестве прощального подарка от

священника в Лос-Сапатосе.

Вместе со страхом вернулись и жуткие воспоминания.

Имя Спенсера на вывеске «Магазин всякой всячины» поменялось на Лавердъера, однако, по сути, это ничего не изменило. Закрытые окна – такие же голые и грязные; знак автобусной остановки исчез; в окне кафе «Экселлент» криво висело объявление «Продается», а табуреты возле стойки вырвали с корнем и, похоже, пристроили в какой-то закусочной, где с посетителями проблем не было. В конце улицы на здании бывшей прачечной по-прежнему красовалась вывеска «Барлоу и Стрейкер. Стильная мебель», но золотые буквы потемнели и уныло взирали на пустынную улицу. В пустой витрине пылился ковер. Бен подумал о Майке Райерсоне. При мысли, что тот может по-прежнему лежать в ящике в подсобке, его передернуло.

На перекрестке Бен притормозил. Отсюда был виден дом Нортонов: лужайка перед домом и задний дворик, где располагалась кирпичная жаровня для барбекю, заросли высокой и уже пожелтевшей травой. Некоторые окна были разбиты.

Проехав чуть дальше, Бен свернул на обочину и остановился, разглядывая парк. Мемориал павшим героям выступал из разросшихся кустов и травы словно монумент, вступивший в неравную борьбу с зарослями джунглей. Пруд задушили летние водоросли. Зеленая краска на скамейках потрескалась и облупилась. Цепи на качелях заржавели, и их противный скрип отбил бы всякую охоту на них покататься, если бы кто и нашелся. Горка для малышей лежала на боку, а ее опоры походили на торчащие ноги околевшей антилопы. В углу песочницы сидела, опираясь рукой о землю, забытая матерчатая кукла. В ее круглых пуговичных глазах, казалось, застыл невыразимый ужас от увиденного ночами за время долгого сидения в песочнице. Может, так оно и было.

Бен поднял глаза и посмотрел на Марстен-Хаус. Дом по-прежнему недобро взидал на город своими закрытыми ставнями. Сейчас он не представлял опасности, но вот когда стемнеет...

Наверняка дождь смыл гостью, которой Каллахэн запечатал вход. Теперь при желании темные силы могли вновь превратить его в свое святилище, парившее над мертвым городом. Неужели в его мрачных залах действительно бродят бледные фигуры, справляя шабаш и славя своего Господина?

Бен с содроганием отвернулся.

Марк разглядывал дома. В большинстве из них шторы были задернуты, а в остальных сквозь окна виднелись пустые комнаты. Бен

подумал, что закрытые шторы честнее: без них окна походили на равнодушный взгляд сумасшедших, безучастно взирающих на тех, кто еще осмеливается тут разгуливать.

– Они в этих домах, – сдавленно произнес Марк. – Прямо в них! За шторами, в кроватях, шкафах и подвалах. Там они прячутся!

– Не бери в голову, – сказал Бен.

Покинув жилой квартал, Бен свернул на Брукс-роуд, и сбоку показался Марстен-Хаус с покосившимися ставнями на окнах и высокими густыми зарослями пырея и золотарника вокруг.

Марк показал на что-то рукой, и Бен увидел вытоптанную от дороги к крыльцу тропинку. Миновав дом, он с облегчением перевел дыхание: они не побоялись взглянуть в лицо самому страшному, и теперь оно осталось позади.

Проехав дальше по Бернс-роуд, Бен остановил машину недалеко от кладбища Хармони-Хилл. Они вылезли из машины и направились в лес. Под ногами хрустела сухая трава, воздух был напоен можжевельным запахом джина, издалека доносился стрекот поздних цикад. Они вышли на маленькую поляну, откуда открывался вид на просеку с линией электропередачи. Холодный ветер раскачивал тускло поблескивавшие провода. Кое-где деревья уже примеривали осенние цвета.

– Старики утверждают, что пожар пятьдесят первого года начался отсюда, – сказал Марк. – Ветер тогда дул с запада. Считается, что кто-то бросил, не загасив, сигарету. Всего одна маленькая сигаретка! Огонь перекинулся через болота, и остановить его было невозможно.

Бен вытащил из кармана пачку «Пэлл-Мэлл», задумчиво посмотрел на напечатанный на ней девиз – «In hoc signo vinces»^[28] – и, сорвав целлофановую обертку, закурил. Он удивился, какой приятной на вкус показалась сигарета, хотя не курил уже несколько месяцев.

– Все они нашли себе укрытие, но могут их лишиться. Многие из них могут быть убиты... или уничтожены. Так точнее. Но не все. Ты меня понимаешь?

– Да, – ответил Марк.

– Они не отличаются сообразительностью. Если лишить их облюбованного места, то подыскать новое надежное убежище они уже не сумеют. И пары людей, чтобы проверить очевидные места, будет вполне достаточно. Возможно, в Салемс-Лоте удастся навести порядок до первого снега. Возможно, не удастся никогда. Гарантий тут никаких. Но если их не выкурить с насиженных мест, то шансов нет вообще!

– Да.

– Будет противно и опасно.
– Я знаю.
– Но говорят, что огонь очищает, – задумчиво продолжал Бен. – А очищение чего-то да стоит! Верно?
– Да, – снова подтвердил Марк.
Бен поднялся.
– Нам пора возвращаться.
Он щелчком отправил тлеющую сигарету в ворох старого валежника и сухой листвы. Оттуда потянулась тонкая струйка дыма и, достигнув высоты в пару-тройку футов, развеялась на ветру. Чуть подальше, с подветренной стороны, лежала огромная куча бурелома. Они зачарованно смотрели на струйку, и вот послышался треск и мелькнул язычок пламени. Огонь занялся.
– Сегодня им будет не до овец и ферм, – тихо сказал Бен. – Сегодня они будут спасаться бегством. А завтра...
– Завтра настанет наша очередь, – закончил Марк и сжал кулаки. Его лицо больше не было бледным, а на щеках заиграл румянец. Глаза мальчика горели.
Они вернулись к машине и уехали.
На маленькой поляне над просекой огонь уже добрался до кустов и разгорался все сильнее, раздуваемый осенним западным ветром.

Октябрь 1972 – июнь 1975

notes

СНОСКИ

Судно, покинутое экипажем по невыясненной причине и найденное 4 декабря 1872 г. в 400 милях от Гибралтара. Классический пример корабля-призрака. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Английское слово «lot» имеет несколько значений, в т. ч. «участок земли», «жеребий», «судьба» и др.

Бессменный ведущий вечернего выпуска новостей Си-би-эс с 1962 по 1981 г.

Джордж Метески – маньяк, устроивший в 1950-е гг. десятки взрывов в общественных местах Нью-Йорка. Пресса окрестила его Безумным Бомбистом.

Секта, называвшая себя «Церковь Царствия Божьего на Земле», отколовшаяся от квакеров в середине XVIII в.

Здесь имеется в виду «Поэма о старом моряке» Сэмюэла Кольриджа, которая считается отправной точкой развития английского романтизма.

Джордж Вашингтон Карвер (1865–1943) – американский ботаник, миколог, химик, педагог, учитель и проповедник.

Джонас Солк (1914–1995) – американский исследователь и вирусолог; известен как разработчик первой вакцины против полиомиелита.

Строка из стихотворения Уильяма Вордсворта «Займется сердце, чуть замечу...» в пер. А. Ларина.

Цитата из часослова англиканской церкви.

Спенсер Трейси (1900–1967) – американский актер, двукратный лауреат премии «Оскар» за лучшую мужскую роль.

Отец Эдвард Джозеф Флэнеган (1886–1948) – католический священник, основавший знаменитый детский приют в штате Небраска.

Фред Астер (1899–1987) – звезда Голливуда, один из величайших мастеров музыкального жанра в кино. С Джинджер Роджерс он снялся в десяти фильмах, перевернувших жанр музыкальной комедии.

Микки Руни (р. 1920) – американский актер, который до Второй мировой войны успешно разрабатывал типаж бойкого, находчивого подростка.

17 июля 1969 г. в городке Чаппаквиддик Эдвард Кеннеди на своем «олдсмобиле» упал с моста в реку. Сам сенатор выплыл, а его двадцативосьмилетняя спутница погибла. В полицию сенатор сообщил о случившемся только на следующее утро. За то, что он скрылся с места происшествия, Кеннеди получил минимально возможное наказание: два месяца условно.

Практикующий адвокат из детективных романов Эрла Гарднера.

Норман Роквелл (1894–1978) – известный американский художник и иллюстратор.

Персонаж одноименного медицинского телесериала, часто прибегавший к нетрадиционным методам лечения.

Литературный персонаж английского писателя Сакса Ромера. Фу Манчу является криминальным гением и воплощением зла.

Главный герой серии романов Джона Макдональда.

Питер Кюртен (1883–1931) – немецкий серийный убийца, признавшийся в совершении шестидесяти восьми убийств, девять из которых были доказаны.

Повесть Клайва Льюиса, написанная в 1942 г. в традициях эпистолярного жанра, где внешне забавное повествование скрывает в себе серьезную духовную проблематику.

Джеймс Дики (1923–1997) – американский поэт и писатель.

Перевод К. Бальмонта.

Герой романа «Дракула» Брэма Стокера и экранизаций романа; доктор, философ-метафизик, специалист по оккультизму.

Олицетворение смерти и разрушения в индуизме. Обычно изображается в ожерелье из черепов, набедренной повязке из отрубленных рук, с высунутым языком, с которого капает кровь, и с отрубленной головой в руках.

Появление во время грозы огненных язычков, кисточек на острых концах сильно наэлектризованных предметов – преимущественно на мачтах кораблей, башнях церквей.

Под этим знаком ты победишь (*лат.*).